

УДК 94
ББК 63.3(2)7-4
Л82

Лузан Н. Н.

Л82   Грузия: утраченные иллюзии. — М.: Кучково поле,
2011. — 352 с., 4 л. ил.

ISBN 978-5-9950-0173-7

В очерках и рассказах освещается многовековая экспансия Грузии на Северном Кавказе, ее неумное стремление политическими мерами и военной силой подчинить себе соседние малые народы и включить их территории в состав своего государства.

Книга написана на основании фактического материала

**УДК 94
ББК 63.3(2)7-4**

ISBN 978-5-9950-0173-7

© Лузан Н. Н., 2011
© Кучково поле, 2011

События, потрясшие Кавказ

В очерках и рассказах, предлагаемых вниманию читателей, описаны реальные события, обусловленные острыми, бескомпромиссными межэтническими отношениями, сложившимися на территории Грузии, которая на протяжении двух веков считалась надежным союзником России, якобы стойко стоявшей на страже ее интересов в Закавказье.

Такое мнение сложилось еще в XIX в. Однако если посмотреть на историю грузино-российских отношений беспристрастно, то выявится любопытный факт: это всего лишь миф, искусно формировавшийся грузинской княжеской, а затем советской партийной знатью. Корни его генезиса надо искать «в старине глубокой» — когда территория, ассоциирующаяся с современной Грузией, была поделена в середине XVI в. между соседними могущественными державами: Имеретия и Менгрелия отошли к Турции, а Картли и Кахетия — к Персии.

Элита грузинской аристократии не замедлила интегрироваться в высшее сословие Персии, которой два века активно помогала властвовать на захваченных землях. Представители княжеских родов участвовали в решении важнейших государственных дел, командовали войсками во время завоевательных походов, почти столетие управляли Исфahanом — столицей Персии.

Но нельзя сказать, что грузинские князья служили шаху «верой и правдой»: они никогда не забывали о своих собственных интересах. Естественно, приходилось лицемерить,

угодничать, участвовать в интригах ближайшего окружения шаха. Такой поведенческий подход к служению своему сюзерену лег в дальнейшем в основу беспринципного политического приспособленчества элиты, а лицемерие стало маскировкой ее истинных политических целей. Это наглядно проявилось во второй половине XVIII в., когда Персия утратила былое величие: в 1747 г., после смерти Надир-шаха, она распалась на несколько враждующих государств.

Грузинская аристократия стала лихорадочно искать выход из сложившейся ситуации: с кем дальше связать свою судьбу — с Турцией, все еще могущественно властвовавшей на Ближнем Востоке, Балканах и в Причерноморье, или с Россией, уже успешно начавшей противоборство с Оттоманской империей и все ближе подходившей к Кавказу.

С выбором будущего патрона царь Картли и Кахетии Ираклий II определился только в 1783 г.: 24 июля по инициативе Грузии был подписан так называемый Георгиевский трактат. С того дня Грузия перешла под покровительство России: Ираклий II отказывался от проведения независимой внешней политики, Грузии гарантировалась автономия и защита от внешних врагов. 3 ноября 1783 г., когда два батальона кавказских егерей вошли в Тифлис, в православных храмах служили по этому поводу литургию.

Но русские войска недолго пробыли там. Грузия осталась верна своей традиции лицемерного коварства во внешнеполитических отношениях. Всего лишь через три года, в 1786 г., Ираклий II, в нарушение положений Георгиевского трактата, заключил с Турцией договор о ненападении. Но Ираклий II просчитался: окрепшая армия персов в 1795 г. наголову разбила его войска. Государственность Грузии повисла на волоске. Спасла Россия. В 1796 г. ее 30-тысячная армия выбила персов из Восточной Грузии.

Эта военная акция затем дорого обошлась Российской империи. Она по существу спровоцировала Кавказскую войну 1817–1864 гг. и, как следствие, колонизацию кавказского региона. Горцы повсеместно встали на защиту своей свободы. В подавлении их выступлений участвовали и грузинские ополченцы.

Военные действия сопровождались другим трагическим явлением — махаджирством — массовым исходом горских народов, исповедовавших ислам, в Турцию, Египет, страны Ближнего Востока. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. махаджирство приобрело целенаправленный характер переселения, проводившегося Турцией. Более половины абхазов покинули родину.

Страна, до 1864 г. этнически однородная, во второй половине XIX в. подверглась колонизации. После этого этнодемографическая ситуация стала резко меняться. Так, если в 1886 г. абхазы составляли 86 % населения, то в 1897 г. — 55,3 %.

С установлением советской власти в Абхазии и Южной Осетии и включением их в состав Грузинской ССР этнодемографическая ситуация там не только не улучшилась, но и, наоборот, ухудшилась.

Так, в Абхазии (самоназвание — Апсны, Страна души), 16 декабря 1921 г. вошедшей в состав Грузинской ССР на основании особого союзного договора под названием ССР Абхазия, ее коренное население — абхазы — составляли в 1926 г. уже только 27,8 % от общей численности населения автономной республики. В 1931 г. Абхазия стала автономной республикой (Абхазская АССР) в составе Грузинской ССР. К 1989 г. демографическая ситуация в республике стала вообще удручающей: абхазов было всего 17,8 %.

При этом приоритет в колонизации занимали грузины. Динамика роста их доли в общей численности населения Абхазии составляла: в 1897 г. — 24,4 %, 1926 г. — 33,6 %, в 1989 г. — 45,7 %. То есть в 1989 г. грузин в Абхазии было больше самих абхазов в 2,57 раза (согласно переписи 1989 г., грузин было 239 872 человека, абхазов — 93 267).

В Южной Осетии внутривластная обстановка была и того хуже. Все 70-летнее существование Юго-Осетинской автономной области в составе Грузинской ССР характеризовалось грузинизацией ее и общественно-политической, и культурной жизни. Навязывались грузинский язык и грузинская письменность, осетин не допускали на руководящие посты и т. п. Летом 1944 г. власти Грузинской ССР запретили преподавание в

ОЧЕРКИ

школах на осетинском языке; школьное образование перевели на русский и грузинский языки. В 1951 г. все делопроизводство было переведено на грузинский язык. Лишь в 1956 г. Президиум ЦК КПСС принял специальное постановление «Об ошибках и недостатках в работе ЦК КП Грузии».

Эти «ошибки и недостатки» аукнулись в начале 90-х годов прошлого века, когда грузинские националистические группировки стали активно призывать к независимости от СССР. Когда 20 июня 1990 г. Верховный Совет ГССР принял решение о выходе из состава СССР, Абхазия и Южная Осетия незамедлительно сделали ответные ходы.

Абхазия в 1990 г. провозгласила себя суверенной Абхазской Советской Социалистической Республикой, в 1991 г., после провозглашения Грузией независимости, изъявила желание остаться в СССР. 26 ноября 1994 г. Верховный Совет Абхазии провозгласил в новой конституции независимость республики.

В Южной Осетии ситуация развивалась аналогично. 20 сентября 1990 г. Совет народных депутатов провозгласил Южно-Осетинскую Советскую Демократическую Республику (с 1 сентября 1991 г. — Республика Южная Осетия) и принял Декларацию о национальном суверенитете.

Разногласия по конституционному вопросу привели к резкому обострению межнациональных отношений, переросших в вооруженное противоборство. Иначе и не могло быть. Сущность будущей национальной политики новой, независимой Грузии озвучил в 1992 г. ее первый президент Звиад Гамсахурдиа: «Осетинский народ — мусор. Либо осетины покорятся и станут грузинами, либо, если так любят русских, уходят из Грузии в Россию».

Абхазы и осетины не захотели стать грузинами и покидать землю предков. Они защитили историческую родину с оружием в руках. И окончательно была поставлена точка в иллюзорном мифе, будто Грузия — надежный соратник России.

А. П. Аристов

ОЧЕРКИ

От картлийских царей до меньшевистских вождей
Маленький прожорливый хищник
Расцветай под солнцем, Грузия моя
«Белый лис» на тропе войны
«Белый лис» уже не тот. В бой идут «розовые» бойскауты
Капкан для президентов
«Гуляй-поле»
Прощай, «малая империя»
Без совести и чести
От кнута к прянику

От картлийских царей до меньшевистских вождей

8.08.2008 — эти цифры в человеческой памяти останутся не только годом выдающихся по своим масштабам и спортивным достижениям XXIX Олимпийских игр, многим они еще долго будут напоминать о вероломстве и подлости тбилисских правителей. М. Саакашвили и компания, вскормленные могущественными покровителями, попытались осуществить блицкриг — военную операцию «Чистое поле». Замышляя захват Южной Осетии, а затем Абхазии, циничные политиканы самонадеянно полагали, что в громе олимпийских фанфар не будут услышаны залпы орудий и зов о помощи осетинского и абхазского народов.

До открытия Олимпийских игр оставались считанные часы. В ту ночь миллиарды землян, независимо от цвета кожи, расы и языка, легли спать в предвкушении фантастического праздника красоты, силы и радости, что так щедро дарит Его Величество Спорт. С особой надеждой ждали этого события в затерянной среди суровых гор крохотной Южной Осетии, истерзанной непрерывными провокациями. В полуразрушенном Цхинвале и приграничных с Грузией осетинских селах впервые за последние месяцы уснули в надежде, что в ближайшие недели не придется вздрагивать от разрывов артиллерийских снарядов и искать спасения в подвалах.

Ночная мгла легла на горы. Густая россыпь ярких южных звезд заблестела на чернильном небосклоне. На дне глубоких ущелий клубился туман, за вершины гор косматыми языками

зацепились облака. В густом кустарнике, соревнуясь друг с другом, стрекотали цикады. Все дышало миром и покоем. И только очень чуткое ухо могло уловить в обманчивой тишине приглушенный гул моторов и лязг гусениц. Грузинская армия заняла исходные позиции и ждала часа «Ч». А когда он пробил, море огня обрушилось на многострадальный Цхинвал.

То, что на следующий день россияне увидели на экранах своих телевизоров, не поддавалось пониманию здравого рас­судка. Пекин сиял феерическим шоу и купался в море счастли­вых улыбок, а крохотный Цхинвал корчился в нечеловеческих муках и умирал под огнем систем залпового огня «Град». Последовавшая после провала агрессии истерическая реакция правящей грузинской верхушки, пытавшейся свалить все с больной головы на здоровую — обвинить руководителей Рос­сии во всех смертных грехах, вызвала в российском обществе сложные чувства.

У одних огонь этой вероломной войны сжег последние иллюзии относительно того, что многовековая культура, история и общая победа отцов в прошлой Великой Отечественной войне удержат их потомков — вероломных правителей Грузии — от новых безумств. Другие, экзальтированные поклонники песен Грузии печальной и «киндзмараули», уже не могли спокойно слышать голос некогда популярного «соловья» советской эстрады «Бубы» — Кикабидзе — и зареклись когда-либо пить напиток Вождя. Третьи отказывались верить собственным глазам и продолжали пребывать в плену обаятельных обра­зов, созданных экранными героями в замечательных фильмах «Отец солдата» и «Мимино».

Вместе с тем, если отрешиться от эмоций и посмотреть на историю грузинского государства и стиль поведения его правящей элиты за последние столетия, то вырисовывается совершенно иная и далеко не благостная для России картина. Старый миф о том, что Грузия на протяжении многих веков твердо стояла на страже российских интересов и была ее оплотом на Кавказе, окажется всего лишь мифом, который искусно формировался грузинской княжеской, а затем партийной

знатью и охотно принимался в монархическом Петербурге, а позже в большевистской Москве.

Беспристрастный взгляд на недавние события и «предания старины глубокой» создают впечатление дежавю. Правители Грузии, будь то цари, партийные вожди или нынешние ультрадемократы, во все времена действовали одинаковым образом и демонстрировали одну и ту же модель поведения — искусную мимикрию под верного союзника очередного властителя Кавказа.

Формироваться она начала в конце XVI в., когда в схватке за этот стратегически важный регион сошлись два таких титана, как Персия и Турция. Территория, которая в настоящее время представляется как собственно Грузия, была поделена между ними. Имеретия и Менгрелия отошли к Турции, а Картли и Кахетия — к Персии. Этот раздел, а также потерю свободы и веры многие картвелы (грузины) отказались принять. В 1615 г. шесть тысяч монахов монастыря Давида Гареджи пытались сохранить приверженность христианству, но были жестоко убиты во время праздника Святой Пасхи. Грузинский священник К. Тевдори за пять лет до русского И. Сусанина совершил подобный подвиг. Он не изменил ни вере, ни Отечеству и вывел турецкие войска не к дворцу царя Луарсаба II (1592–1622, царь Картли в 1606–1614), а в труднопроходимые горы, и там был зверски замучен.

Но наряду с этими великомучениками существовали и другие грузины — правители Картли, которые где льстивыми речами, а где щедрыми дарами искали покровительства могущественной Персии. Именно тогда, и во многом их стараниями, была заложена существующая и поныне модель поведения и правления грузинской правящей элиты. В своих отношениях с сильными мира сего она стала исповедовать известный принцип: «Не можешь победить — задуши в объятиях». С течением времени он принес свои плоды: картлийская знать очень быстро и органично вошла в высшее сословие персидского общества. Большинство из князей были приняты на службу к шаху и не только получали солидное жалование, но и щедро вознаграждались богатыми дарами и землями. В дальнейшем

широкое распространение получили смешанные династические браки. В частности, мать основателя Тбилиси — Вахтанга Горгасали (ок. 440–502) — являлась знатной персиянкой.

Прошли годы, и выходцы из Картли и Кахетии не только стали своими в столице Персии, но и были допущены к решению важнейших государственных вопросов. Об их весе при персидском дворе лишний раз свидетельствует тот факт, что могущественный шах Аббас I (1571–1629, шах Ирана с 1587) хорошо владел грузинским языком. В истории непросто найти другой такой пример, когда властелин говорил бы на языке вассалов.

Еще одним подтверждением особого статуса грузинской знати во властной иерархии Персии может служить то, что проведение военной реформы в армии Аббас I поручил не кому-нибудь, а грузинскому князю Ундиладзе — Алаверди-хану. Другой выходец из Восточной Грузии, герой народного эпоса Великий Моурави — Георгий Саакадзе (около 1580–1629) — возглавлял персидское войско во время походов в Индию и Турцию, где одержал ряд блестящих побед. Поразительно, но факт: управление столицей Персии — Исфаханом — в течение почти столетия осуществлялось выходцами из грузинских княжеских родов!

Как говорится в одном известном кинофильме, «Восток — дело тонкое, Петруха!».

В этом отношении Персии, вне всякого сомнения, принадлежала пальма первенства. Те интриги, что плелись при шахском дворе, вряд ли чем уступали интригам и тайнам знаменитого мадридского. Многие выходцы из знатных персидских родов пали их жертвами, но не из грузинских. Выходцы из Восточной Грузии чувствовали себя в атмосфере изощренных интриг как рыба в мутной воде и проявляли чудеса изворотливости и изобретательности. Царь кахетинский и картлийский Теймураз (1589–1663, царь Кахетии в 1606–1648 и Картли в 1625–1632) со всем блеском продемонстрировал это искусство. Активно участвуя в «подковерных играх» шахского двора, он трижды терял и трижды возвращал себе трон и при этом каждый раз умудрялся избежать тюрьмы и сумы.

Особое положение грузинской знати при дворе персидского шаха отразилось и на состоянии ее подданных в Картли и Кахетии. По приказу шаха и на средства казны содержалось на территории грузинских княжеств постоянное войско, защищавшее их от набегов горских племен — лезгин и чеченцев. На Картли и Кахетию не распространялась часть податей, взимавшихся с других царств, покоренных Персией.

Так продолжалось до середины XVIII в. К тому времени оба «льва» Малой Азии, Персия и Турция, растеряли былую мощь. После смерти Надир-шаха (1688–1747) Персия распалась на несколько враждующих государств и уже не могла гарантировать грузинской элите сохранение прежнего, особого статуса.

Чуткое ухо грузинской элиты сразу уловило тяжелую поступь Российской империи, которая все отчетливее звучала на Кавказе. Посланцы грузинских княжеских родов тут же выстроились в очередь к императорскому трону в далекой Северной столице. Они просили о «величайшем покровительстве и защите света христианства от диких и кровожадных варваров». Но в Петербурге не спешили направлять полки в Картли и Кахетию. Российская империя была еще не настолько сильна, чтобы одновременно противостоять Персии с Турцией, и поэтому посылала братьям по вере деньги и товары и укрывала беглецов от преследования.

Положение изменилось к концу XVIII столетия. Окрепшая русская армия начала теснить турок. И тогда царь объединенных Картли и Кахетии Ираклий II (царь Картли-Кахетинского царства в 1762–1798 гг.) наконец добился своего. Холодный Петербург не устоял и растаял от его тонкой лести.

24 июля 1783 г. в Георгиевской крепости светлейший князь Григорий Потемкин вместе с грузинскими князьями Иваном Багратионом и Герсеваном Чавчавадзе подписали знаменитый Георгиевский трактат, который в нынешнем Тбилиси предают анафеме. С того дня Восточная Грузия перешла под покровительство российской короны. Ей были гарантированы автономия во внутренних делах и защита от внешних врагов. Взамен царь Ираклий II отказывался от проведения самостоятельной внешней политики.

Россия протянула руку помощи братьям по вере и перешагнула через Кавказский хребет, оставив за спиной враждебно настроенных воинственных горцев. За этот шаг она была вынуждена заплатить огромную цену. Оттоманская, а вместе с ней Британская империи, которые усмотрели угрозу своим интересам в этом регионе, не смирились с потерей, и на Северный Кавказ хлынул поток денег, лазутчиков и оружия. Горячие, свободолюбивые горцы, умело подогреваемые лазутчиками, вспыхнули как порох.

Большая Кавказская война, в которую была втянута Россия, продолжалась свыше семидесяти лет. Завершилась она 21 мая 1864 года проведением совместного парада русских войск и грузинских ополченцев в абхазском урочище Губаадвы (ныне Красная Поляна). Кавказ был усмирен, и угроза с севера — набег горцев на Грузию — ушла в прошлое.

9 июня в Тифлисе при огромном стечении народа предводитель местного дворянства Дмитрий Кипиани обратился с приветствием к наместнику на Кавказе великому князю Михаилу Романову: «Ваше Императорское Высочество! Мы довершили покорение Кавказа и тем внесли в историю неразлучное с вашим именем событие огромной важности. Избранные грузинским дворянством, приносим Вашему Императорскому Высочеству поздравление от всего нашего сословия».

В те дни, когда в Петербурге и Тифлисе гремели литавры и звучали торжественные речи, победители старались не вспоминать о другой стороне этой одной из самых длительных и кровопролитных войн в истории Российской империи. Она принесла неисчислимые страдания и самому русскому народу, и коренным народностям Северного Кавказа. По разным источникам, за период с 1783 по май 1864 года потери русской армии только убитыми составили свыше 200 тысяч человек. Данные по потерям среди горцев отсутствуют. Но, как полагает ряд экспертов, они могли превысить полмиллиона.

Большая Кавказская война привела и к другому страшному бедствию — массовому исходу горцев с исконных территорий в Турцию, Египет, страны Ближнего Востока, который сопро-

вождался ужасными страданиями, гибелью детей, стариков и женщин, ставших жертвами голода, болезней и свирепых штормов, бушевавших на Черном море. Ныне о некогда могущественных и многочисленных племенах убыхов, шапсугов, дахов, абадзехов напоминают лишь названия рек и населенных пунктов: Абадзехская, Убыхская, Шапсугская. По данным абхазских историков С. Лакобы и О. Бгажбы, сегодня только в Турции проживает свыше 500 тысяч выходцев из Абхазии (в самой республике их число составляет чуть больше 94 тысяч). В целом так называемая зарубежная абхазо-абазино-черкесская диаспора насчитывает около 4 миллионов человек. Эта цифра приводится в выступлениях руководства Федерации абхазских дернеков в Турции. В Турции, Иордании и ряде других стран выходцы с Северного Кавказа составляют цвет военной элиты и занимают ведущие позиции в бизнесе.

Все это было еще впереди. А тогда, 3 ноября 1783 года, когда два батальона кавказских егерей, Горский — подполковника Мерлина и Белорусский — подполковника Квашнина-Самарина с четырьмя орудиями под общей командой полковника Бурнашева вступили в Тифлис, грузины ликовали. Во всех церквях били в колокола, а под сводами храмов возносились благодарственные молитвы во славу русского воинства. Во дворце царя Ираклия II знать клялась в вечной дружбе и любви посланцам императрицы Екатерины II.

В Исфахане, столице Персии, от подобного вероломства потеряли дар речи. И было от чего. Ираклий II, выросший и получивший воспитание в Персии, пользовался особым расположением шаха. В качестве одного из командующих участвовал в походе персидских войск в Индию. Позже в знак благодарности он получил царский престол в Кахетии. В соседней области, Картли, правил его отец Теймураз. После его смерти в 1762 году Ираклий II получил из рук шаха в свое владение и эту территорию.

С того дня утекло много воды, и потому грозный рык терзаемого междоусобными войнами «персидского льва» уже не пугал Ираклия II. Он платил ему презрением. Персидские чиновники, находившиеся на территории Картли и Кахетии,

подвергались обструкции и изгонялись. Всякое упоминание о прошлых, исторически сложившихся отношениях с Персией, вымарывалось из письменных источников и памяти народа. Теперь Ираклий II торопился засвидетельствовать преданность новому хозяину. В Тифлисе посланцы русской императрицы «таяли» от радушия грузинской знати, а в холодном Петербурге ее пылкие речи во славу России и заверения о самоотверженной борьбе Грузии за интересы империи на Кавказе согревали сердца Екатерины Великой и ее «сиятельного двора». При этом лукавые царедворцы Ираклия II стыдливо умалчивали о том, что новые приобретения осуществлялись руками русских.

Предав своего прежнего хозяина — персидского шаха, — Ираклий II первым делом принялся захватывать «лакомые куски» разваливавшейся империи.

Опираясь на мощь батальонов кавказских егерей, он совершил завоевательные походы на отколовшиеся от Персии Гянжинское, а затем и Эриваньское ханства. Аппетит, как говорится, приходит во время еды. Используя нарастающее соперничество между Россией и Турцией за господство над Кавказом, Ираклий II попытался прихватить кусок территории Менгрельского царства. Это явно не понравилось в Стамбуле. И Турция, все еще крепко стоявшая на ногах, грозно забряцала оружием. И тогда Ираклий II, чтобы не дразнить грозного соседа, вступил с ним в тайные переговоры.

Закончились они тем, что в 1786 году Ираклий II, в нарушение положений Георгиевского трактата, заключил за спиной России договор с Турцией о ненападении. Казалось бы, он перехитрил всех. В Петербурге добился высокого покровительства и защиты от преданной им Персии. В Стамбуле султан сменил гнев на милость, и более того, пообещал удерживать воинственных лезгин и чеченцев от набегов на Восточную Грузию. Но так казалось только Ираклию II.

В Петербурге, узнав о черной измене, пришли в страшное негодование. И было от чего. Мало того, что этим своим шагом неблагодарный грузинский царь перечеркнул основные положения Георгиевского трактата, так он еще нанес серьез-

ный удар по российским планам, связанным с утверждением своего господства на Кавказе. В Петербурге рассматривали Восточную Грузию как надежного союзника, а ее территорию как важнейший плацдарм на пути к этой цели, и потому потребовали от Ираклия II немедленной денонсации договора с Турцией.

Около года шли напряженные переговоры. Ираклий II, посчитав, что Санкт-Петербург — далеко, а Стамбул — рядом, ринулся в объятия Османской империи. Летом 1787 года в Стамбуле договор был ратифицирован. В Петербурге такого откровенного бесстыдства грузинскому царю простить не могли. Русские батальоны покинули неверного союзника.

Спустя четыре года, в 1791 году, турецкие войска потерпели серьезное поражение в войне с Россией, и Ираклий II остался один на один не только с потрепанной и озлобленной Турцией, но и с набравшей силу Персией. К тому времени шах Персии Ага Мухамед-хан Каджарский (1741–1797, шах Персии в 1779–1797) железной рукой сумел собрать большую часть осколков бывшей империи и вспомнил о недавнем баловне — грузинском царе. Армия персов двинулась на Тифлис, и в Крцанисской битве 8–11 сентября 1795 года наголову разбила войска Ираклия II. Сам он с сыном Георгием вынужден был спастись бегством. В наказание за его предательство около 20 тысяч мирных жителей Тифлиса заплатились своими жизнями или свободой — были обращены в рабство. По иронии судьбы, на бывшем поле боя ныне находится резиденция президента Грузии.

После столь оглушительного поражения судьба династии Ираклия II и Восточной Грузии, казалось, были предрешены. Но удача в очередной раз лицом повернулась к ним. Россия возвратилась на Кавказ, чтобы укрепиться на берегах теплых морей — Черного и Каспийского. В 1796 году 30-тысячная русская армия под командованием генерал-поручика В. А. Зубова (брата Платона Зубова, последнего фаворита императрицы Екатерины II) выбила персов из Восточной Грузии и стала заслоном на южной границе. Дряхлеющий Ираклий II понял, что время его политических игр закончилось, и сделал

свой последний хитрый ход, сохранивший династию на плаву. Он передал власть над Картли и Кахетией сыну Георгию XII (1746–1800, царь в 1798–1800).

Прилежный ученик отца, тот сделал Петербургу предложение, от которого трудно было отказаться. Георгий просил уже не о покровительстве, а о принятии в российское подданство Картли и Кахетии. В 1801 году Восточная Грузия вошла в состав Российской империи. Спустя два года ее примеру последовала Менгрелия. А Имеретия, как перезревшая хурма, сама свалилась в «русскую корзину». Ее царь Соломон, уступавший умом своему знаменитому тезке и надумавший вести двойную игру с Петербургом и Стамбулом, в итоге переиграл самого себя и вынужден был бежать в Турцию. В 1804 году Имеретинское царство было упразднено и включено в состав Кутаисской губернии. С того времени начался новый отсчет в истории собственно Грузии.

Под надежным военно-политическим зонтиком могущественной Российской империи и при самой активной поддержке ее войск осуществлялось собирание некогда утерянных правителями Картли земель: Ахалцихе, Саингило, Самцхе-Джавахетии и Аджарии. Одновременно с этим набирал силу и другой важный процесс. В сознании картвелов, кахетинцев и гурийцев началось формирование представления о себе как о единой, особенной нации, которая ныне известна как грузины.

Грузия, словно на дрожжах, разрасталась территориально и приобретала в составе Российской империи особый статус, которого ни тогда, ни позже, за исключением Великого княжества Финляндского, не имела никакая-либо другая губерния или область. На территории с населением в 300 тысяч человек местных князей и дворян оказалось не меньше, чем во всей 50-миллионной России. От фамилий грузинской знати, князей Шервашидзе, Чавчавадзе, Церетели, Орбелиани, Мачабели, Абашидзе и других, находившихся в царской свите и гвардии, рябило в глазах и звенело в ушах. С космической скоростью она взлетела на орбиту высшей русской аристократии.

Прошло чуть больше десяти лет с момента вхождения Восточной Грузии в состав Российской империи, когда потомок

грузинских царей, герой Отечественной войны 1812 года князь Петр Багратион встал в один ряд с великими полководцами М. Кутузовым и А. Суворовым. Его медальный профиль и пассионарный образ стали предметом поклонения художников, скульпторов и поэтов. Вскоре грузинская кровь разбавила кровь русскую великокняжескую. Позже она появилась и в жилах российской императорской семьи. Великий князь Георгий Михайлович Романов-Гогенцоллерн (1981 г. рождения) на четверть оказался грузином. Его бабушка, великая княжна Леонида Георгиевна, происходила из известного рода Багратион-Мухранских. И если картлийским царям понадобилось столетие, чтобы стать своими при дворе персидского шаха, то их проворные потомки при российском престоле ухитрились пройти эту дистанцию всего за несколько десятилетий.

В верноподданническом припадке грузинская знать ударилась в русофильство. На этой почве многие ее представители пошли на шаги, несовместимые с горскими понятиями: они сменили свои фамилии на русские. Известный генерал Сулхан Баратов, командовавший в Первую мировую войну Иранским корпусом Кавказской армии, происходил из древнего грузинского рода Бараташвили. Из этого же рода происходил герой Первой мировой войны Николай Баратов. Другой генерал, Мазниев, когда-то носил фамилию Мазниашвили. Позднее, в 1918 году, когда Грузия, пользуясь разрухой в российском государстве, попыталась отхватить жирный кусок от Кубани, теперь уже грузинский генерал вспомнил, что он Мазниашвили, и возглавил захватнический поход на Сочи, а затем Туапсе. Некогда популярный писатель и литературовед, которого советская публика знала как Ираклия Андроникова, происходил из рода Андроникашвили, восходившего своими корнями к царице Грузии Тамаре.

С течением времени Грузия как-то незаметно стала таким счастливым баловнем Российской империи. Грузинская речь все чаще звучала в обеих столицах, а берущие за душу грузинские песни трогали даже каменные сердца. В русском обществе к грузинам и Грузии стало складываться особое отношение, которое не наблюдалось по отношению ни к какому другому

народу и губернии. В нем смешались чувства восторженности, влюбленности и наивного представления о том, что более преданного союзника на Кавказе у России нет и быть не может.

Весьма образно и точно это отношение к грузинам выразил великий русский поэт: «И божья благодать сошла на Грузию! Она цвела». И эта благодать зачастую приобретала не поддающиеся разумному объяснению формы и проявления. Хорошо известно, с какой жестокостью в Петербурге 14 декабря 1825 года было подавлено восстание декабристов. Его организаторы П. Пестель, К. Рылеев, П. Каховский, А. Бестужев-Рюмин и С. Муравьев-Апостол — эти «господа голубых кровей» — закончили жизнь на виселице в Петропавловской крепости. Многие другие участники того выступления, представители древнейших и известнейших княжеских родов пошли по этапу в Сибирь.

Спустя семь лет, в 1832 году, очередной антигосударственный заговор был раскрыт в Тифлисе. Его участниками стали не турецкие или персидские наемиты, а обласканные русской властью князь В. Орбелиани, по линии матери внук Ираклия II, — тут, как говорится, яблоко недалеко от яблони упало, его свояк Г. Орбелиани и другие представители местной аристократии. Суд над ними был скорый и, как это зачастую случается в русской действительности, неправый. Но в данном случае осужденным было грех жаловаться на приговор. Он оказался поразительно мягким. Они не только сохранили головы на плечах, но, пожалуй, не испытали и большого испуга, так как были сосланы не в суровую Сибирь, а в Центральную Россию. Спустя несколько лет государь их помиловал и восстановил во всех правах. Седую старость они встретили в достатке и почете. В. Орбелиани вышел в отставку в звании генерал-лейтенанта, а Г. Орбелиани не только стал генералом, но и одно время исполнял обязанности наместника царя на Кавказе.

Подобное отношение центральной российской власти наблюдалось не только к представителям грузинской аристократии, но и к простолюдинам. Для русских, украинцев, поляков, татар и прочих она не жалела ни розог, ни плеток, ни свинца и одновременно проявляла трогательную заботу «о добрых

грузинах». В частности, император Николай II отклонил предложения правительства о разведении в Грузии чая под тем предлогом, что это «чрезвычайно трудоемкая плантаторская культура». Свое решение он мотивировал тем, что «...не хотел бы, чтобы грузины изнуряли себя на чайных плантациях». В 1900 году император не согласился с требованиями премьер-министра графа С. Витте о повышении податей для Грузии, которые и без того были значительно ниже, чем в остальной империи.

В ответ грузинская знать усаждала слух царских царедворцев льстивыми речами и песнями, берущими за душу широкую и щедрую славянскую натуру. Но не столько песни, чарующая природа и умение принять начальственного гостя вышибали из русских чиновников слезу умиления, сколько щедрые денежные вливания, растекавшиеся золотыми ручейками по карманам грузинских князей и вороватых петербургских чиновников.

Так продолжалось до 1917 года. Первая мировая война подорвала мощь Российской империи и еще больше обострила социально-экономические и политические противоречия. Народившаяся русская буржуазия и в целом все общество задыхались в трещавшем по всем швам кафтане восточной деспотии. Грянувшая Февральская революция легко, словно прошлогодние листья, смела с исторических подмостков сгнившую на корню царскую династию Романовых. А октябрьский переворот вбил последний гвоздь в гроб канувшей в небытие одной из самых одиозных монархий.

Большевикам во главе с В. Ульяновым (Лениным) досталось государство с разваливающейся армией, умирающим флотом и полностью дезорганизованной системой политического сыска. Военно-революционный комитет и пришедший ему на смену Совет народных комиссаров (СНК), принявший на себя управление государством, властвовал, но не правил. Работа подавляющего числа государственных учреждений в столице — Петрограде — оказалась дезорганизованной, а их начальники и сотрудники игнорировали распоряжения новой власти.

В армии положение было и того хуже. Атаманы А. Дутов и А. Каледин наотрез отказались подчиниться СНК, подняли восстания на Урале, Дону и отрезали голодающие Петроград и

Москву от поставок сибирского, донского и кубанского хлеба. Россия все глубже погружалась в кровавый омут Гражданской войны.

В Лондоне, Париже и Токио, видимо, посчитали, что дни большевиков сочтены, и потому спешили урвать свой кусок от «лакомого русского пирога». На севере британо-французский экспедиционный корпус захватил Архангельск и начал продвижение к Петрозаводску. На востоке японские войска оккупировали Дальний Восток. Германские войска стояли у ворот Смоленска. Россия стремительно сжималась до размеров средневекового Московского княжества.

Новые правители Грузии, вчерашние меньшевики, тоже развили бурную деятельность. Перед лицом извечной угрозы со стороны не раз обманутых Персии и Турции грузинские вожди Н. Жордания, А. Чхенкели и Н. Чхеидзе принялись лихорадочно искать нового хозяина. В начале 1918 года они вступили в переговоры с Германией. Страх перед Турцией вынуждал их делать самые фантастические предложения. Они готовы были расстаться даже с суверенитетом, неожиданно свалившимся на них после октябрьского переворота в Петрограде, и просили принять Грузию в состав Германии в качестве федеральной земли.

Весной 1918 года в адрес МИД Германии ими было направлено послание. В нем говорилось: «...При определенных обстоятельствах Грузия обратится к германскому правительству с просьбой об инкорпорировании ее в германский рейх в качестве либо федерального государства, управляемого германским принцем, либо на условиях, подобных управлению британских доминионов, при контроле германского вице-короля».

Вскоре в Тифлис для консультаций с неожиданно объявившимся союзником в составе представительной германской делегации прибыл граф Фридрих фон Шуленбург. Но не обаяние грузинских вождей и сладкое вино, а запах бакинской нефти, к которой рвалась соперница Британия, заставил его форсировать переговоры. 13 мая 1918 года Грузия, заручившись поддержкой Германии, объявила о своем выходе из Закавказской

республики. Спустя два дня кайзеровские войска высадились в Поти и взяли под контроль основные стратегические объекты в городе, а затем в Тифлисе, Кутаиси, Батуми и Гори. 26 мая Грузия объявила о своей независимости, а 28-го ее признали в Берлине. Остальная Западная Европа продолжала выжидать.

В благодарность за защиту от Турции и от теперь уже Советской России грузинские вожди передали в эксплуатацию германским компаниям порт Поти сроком на 60 лет, чиагурские марганцевые рудники — на 30 лет, а также железные дороги и многое другое. Такая их уступчивость пробудила у Берлина волчий аппетит. Там уже почувствовали запах вожделенной бакинской нефти и, позабыв об испытанном союзнике — Турции, рассчитывали добраться к ней теперь через Грузию.

Позже известный германский военный и политический деятель генерал пехоты Э. Людендорф так вспоминал об этом: «Для нас протекторат над Грузией был средством независимо от Турции получить доступ к кавказскому сырью и эксплуатации железных дорог, проходящих через Тифлис. Мы не могли в этом отношении довериться Турции. Мы не могли рассчитывать на бакинскую нефть, если не получим ее сами».

Запах нефти, вероятно, настолько вскружил головы немцам, что они не заметили, как Грузия оказалась в их объятиях. Прошло всего несколько месяцев, и на грузинских вождей пролился дождь наград. Наград, о которых не могли мечтать офицеры, гнившие в окопах на Восточном фронте. По ходатайству Ф. Шуленбурга, министр иностранных дел А. Чхенкели был награжден высшим военным орденом Германии — Железным крестом. Чуть позже он направил в Берлин представление о награждении другого бывшего заклятого врага Германии, главы правительства Н. Жордания. Всего год назад он, в то время входивший в так называемую «группу оборонцев» Государственной думы Российской империи, а также И. Церетели, возглавлявший в ней фракцию меньшевиков, и Н. Чхеидзе, руководивший при А. Керенском Петербургским советом, стояли за продолжение войны с Германией до победного конца. Теперь же от их ненависти к немцам не осталось и следа. Они взахлеб пели оду «немецкому порядку и просвещенной

власти», а для России других слов, кроме «варварская», у них не осталось.

Такое вероломство поразило даже повидавшего всякого на своем долгом политическом веку видного большевистского вождя Л. Троцкого. Ошарашенный столь беспардонным поведением грузинских правителей, он писал: «Мы знали этих господ (Жорданию, Чхеидзе, Чхенкели, Церетели. — *Авт.*) раньше, и притом не как владык независимой демократической Грузии, о которой они сами никогда и не помышляли, а как русских политиков Петербурга и Москвы.

В качестве идеологов буржуазной республики Церетели — Чхеидзе, как и все их единомышленники, непримиримо отстаивали единство и неделимость республики в пределах старой царской империи. Притязания Финляндии на расширение ее автономии, домогательства украинской национальной демократии в области самоуправления встречали со стороны Церетели — Чхеидзе беспощадный отпор...»

И далее: «В качестве министров всероссийского правительства (А. Керенского. — *Авт.*) грузинские меньшевики обвинили нас в союзе с германским штабом и через царских следователей предали нас обвинению в государственной измене. Брест-Литовский мир, открывавший германскому империализму «ворота революции», они объявили предательством России. Именно под этим лозунгом они призывали к низвержению большевиков. А когда почва революции слишком нагрелась у них под ногами, они откололи Закавказье от России, затем Грузию — от Закавказья, и действительно настезь открыли ворота «демократии» перед войсками кайзера — с самым низким поклоном, с самыми льстивыми речами».

О том, какова демократия по-грузински, первым узнал на себе народ Абхазии. Как и сто пятьдесят лет назад, во времена правления царя Ираклия II, вожди Грузии, получив покровительство нового хозяина, занялись захватом соседних территорий. 17 июня 1918 года грузинские войска, при поддержке германского экспедиционного корпуса, высадились в порту Сухума, свергли законно избранную власть и оккупировали Абхазию, но на этом не остановились.

Маленький прожорливый хищник

Почувствовав запах легкой наживы, Грузия — этот маленький прожорливый хищник — тут же присоединилась к алчной своре стран Антанты, терзавшей едва стоявшую на ногах Советскую Россию. Под шумок Гражданской войны, запыхавшей на бескрайних российских просторах, грузинские вожди вознамерились откусить кусок Кавказа, который был им явно не по зубам. 2 июля 1918 года войска под командованием генерала Г. Мазниева (Мазниашвили), которого в 1916 году после ранения выхаживали в царскосельском лазарете великие княжны, захватили Адлер.

Легкий успех прибавил ему нахальства. 5 июля части грузинской армии вошли в Сочи, 27-го — в Туапсе, а затем, перебравшись через Гойтхский перевал, заняли станицу Хадыженскую и остановились в сотне километров от Екатеринодара (Краснодара), столицы Кубанского казачьего войска. Ее потери составили несколько десятков человек. Связано это было отнюдь не с полководческим талантом Г. Мазниашвили, а с тем, что в далекой Москве, задыхавшейся в кольце фронтов, и в Ростове, где верховный главнокомандующий Добровольческой армией генерал А. Деникин готовился сокрушить большевиков, было не до него.

После столь «блистательного» блицкрига лидеры Грузинской Демократической Республики принялись «устанавливать демократию» у других соседей. У Армении они отвоевали ее исконные земли — Лори и Ахалкалаки, а потом позарились на Борчалинский уезд Азербайджана. Собственных сил уже не хватало. И тогда они позвали на помощь германские войска. С особой жестокостью грузинские карательные отряды бесчинствовали на территории нынешней Южной Осетии. В некоторых селах они не оставили камня на камне. Около 15 тысяч осетин, почти четверть тогдашнего населения, были расстреляны или сожжены в своих домах.

Эту захватническую политику меньшевистские вожди тут же попытались узаконить, издав карту «Великой Грузии», в которую, помимо Абхазии с Южной Осетией, включили и

исконно российские территории Сочинского округа, чтобы потом представить ее на Парижской мирной конференции.

«Малая империя» — Грузия, как когда-то ее назвал академик А. Сахаров, уже было возомнила себя владычицей Южного Кавказа, но подкачал хозяин. В ноябре 1918 года в Германии грянула революция. Она привела к краху монархии и капитуляции империи перед странами Антанты. В очередной раз Грузия, оставшись один на один с озлобленными соседями, принялась срочно подыскивать нового покровителя. В Москве В. Ленин и Л. Троцкий, на дух не выносившие Н. Жорданию и его компанию, не хотели о них даже слышать. И тогда грузинские вожди пали в ноги «британскому льву».

Лондон, как всегда, выжидал, чтобы загрести жар чужими руками. Война между красными и белыми («русские качели») шла с переменным успехом, и британцы не спешили, очертя голову, бросаться в этот котел. Им хватило одной вылазки экспедиционного корпуса генерала Ф. Пуля в Архангельске на Севере России, закончившейся поражением.

А в Тбилиси лезли из кожи вон, стараясь доказать, что короткий и бурный роман с кайзеровской Германией, заклятым врагом Великобритании, был невинной шалостью. Н. Жордания и А. Чхенкели всячески обхаживали генерала Дж. Форестье-Уоккера, командующего группой британских войск в Закавказье, и пытались втянуть его во все конфликты, которые множились вокруг Грузии.

Слова, однажды сказанные Л. Троцким, что «...путь в Баку ведет через Батум — Тифлис. Этот последний пункт является стратегическим фокусом Закавказья... Борьба идет из-за нефти и марганца. Нефтепромышленникам все равно, как дорваться до нефти: через Деникина, через мусульманскую партию Муссават или через ворота «национального самоопределения», оказались пророческими.

Запах бакинской нефти вскружил головы даже холодным британцам. В Лондоне не заметили, как начали подыгрывать грузинским вождям. Искусство интриганства, позаимствованное Н. Жорданием, И. Церетели, А. Чхенкели у своего предшественника, царя Ираклия II, дало плоды. Под заклинания

грузинских вождей о «маленькой демократической Грузии, стремящейся в цивилизованную Европу», Великобритания все активнее стала играть на их стороне.

Так, армяне, в ответном наступлении за две недели освободившие Ахалкалаки и Лори и уже находившиеся поблизости от Тифлиса, вдруг оказались проигравшей стороной. Под давлением Великобритании они вынуждены были оставить завоеванные позиции и отступить.

В еще более двусмысленном положении находилось командование Добровольческой армии. Британские посланцы торопили генералов А. Деникина и А. Лукомского с наступлением на Москву и в то же время позволяли генералу Г. Мазнишвили в их тылу захватывать исконно русские земли. На переговорах с министром иностранных дел Грузии Е. Гегечкори (родной дядя жены Лаврентия Берия — Нины Гегечкори), сменившим на этом посту А. Чхенкели, русские генералы пытались добиться от него вразумительного ответа: на каком основании земли Сочинского округа должны отойти к Грузии? На что Е. Гегечкори твердил: «Англичане с этим согласны... Англичане согласны».

Деникин негодовал и требовал от грузинской стороны освободить незаконно занятые территории. И тогда Жордания и Гегечкори решили надавить на него с другой стороны. Ими было инспирировано повстанческое движение зеленых и красно-зеленых в тылу Добровольческой армии. Штаб повстанцев разместился в Гаграх, а его руководители пользовались полной военной и финансовой поддержкой грузинских правителей. Те не скрывали этого и бесцеремонно шантажировали Деникина тем, что, если он признает за Грузией Абхазию и территории от Сочи до Туапсе, помощь этому полуразбойничьему воинству будет прекращена. Русский генерал на такую сделку пойти не мог.

К концу 1919 года ситуация на Северном Кавказе и вокруг Грузии, в частности, радикально изменилась. Большевики перешли в решительное наступление и разгромили Добровольческую армию, служившую буфером между Кавказом и Советской Россией. Ее остатки во главе с генералом Деникиным были прижаты к горам. Вопрос стоял только времени и количестве жертв, чтобы уничтожить их окончательно.

В этой связи советское правительство предложило никем не признанной Грузии (кайзеровская Германия, признавшая ее 28 мая 1918 года, спустя шесть месяцев сама приказала долго жить) военный союз для того, чтобы покончить с тем, что осталось от армии Деникина. И здесь гордыня подвела меньшевистских вождей. 14 января 1920 года в Тифлисе в Учредительном собрании Н. Жордания в ответ на это предложение большевиков хвастливо заявил: «Вы знаете, что Советская Россия нам предложила военный союз. Мы ей наотрез отказали в этом... Пути Грузии и России здесь разошлись. Наш путь ведет в Европу, путь России — в Азию... Предпочту империалистов Запада фанатикам Востока».

Но желания Жордания так и остались желаниями. Любимые им «империалисты Запада» находились за тридевять земель, а «фанатики Востока» уже подобрались под бок и не дремали.

Весной 1920 года произошло то, что не могло присниться в самом кошмарном сне ни Жордания с «компанией», ни правителям «владычицы морей» — Великобритании. Едва ставшая на ноги Каспийская флотилия и Красный флот Азербайджана под командованием Ф. Раскольникова совершили дерзкий рейд и захватили иранский порт Энзели с 23 российскими судами — последними «осколками прошлой империи».

То, что последовало за этим, привело в шок командование английской 51-й пехотной дивизии, охранявшей порт и подступы к городу. Раскольников предъявил ему ультиматум! Получив отказ, он высадил десант. В коротком бою англичане были разбиты, а их командир — коммодор Д. Фрайзер — попал в плен. По иронии судьбы в годы Второй мировой войны он уже в чине адмирала Английского королевского флота отвечал за сопровождение союзных конвоев в Мурманск.

Вслед за удачно проведенной Энзелийской операцией началось триумфальное шествие советской власти по Закавказью. Большевики пришли к власти в Баку и Ереване.

В Тифлисе почувствовали, что после Азербайджана и Армении на очереди «демократическая Грузия». Ее вожди решили упредить приход большевиков. Тем более что на Западе, куда

так рвались грузинские меньшевики, все больше считались с Советской Россией и недвусмысленно кивали Н. Жордания и его компании на Москву. И тот быстро сменил тон. «Ясно было, что с Россией, хоть и ослабленной, очень считались, не хотели ее расчленения. Я решил начать с Москвой переговоры о признании», — позже отметил он.

По его указанию в Москву был направлен спецпредставитель Г. Уратадзе. Выбор этой кандидатуры был далеко не случаен, здесь присутствовал тонкий расчет. Земляки И. Сталин и С. Орджоникидзе быстро набирали вес в партии большевиков. С одним из них, И. Сталиным, Г. Уратадзе был хорошо знаком еще со времен совместной подпольной борьбы. И чудо произошло! В большевистской России как будто забыли про все предыдущие демарши грузинской стороны. Суровая диктатура рабочих и крестьян приняла «нежный цветок грузинской демократии».

7 мая 1920 года Советская Россия признала Грузию де-юре и заключила с ней мирный договор. И здесь Н. Жордания то ли не заметил подвоха со стороны большевиков, то ли рассчитывал как-то выкрутиться в будущем: большевики признали псевдодемократическую Грузию в обмен на легализацию большевистских организаций. И только после этого Демократическую Республику Грузию признали Германия (24 сентября 1920 г.), Англия, Бельгия, Франция, Италия, Япония (27 января 1921 г.), Польша (28 января 1921 г.)

В Тифлисе тут же смекнули, что на Кавказе появился не новый, а старый хозяин. И не успели еще высохнуть чернила на договоре с Советской Россией, как правительство Грузии указало британцам на дверь. Экспедиционный корпус генерала Форестье-Уоккера отправился восвояси. Но тут Н. Жордания с Г. Уратадзе совершили роковую ошибку. Они забыли, что на этот раз имели дело не с русским царем, а с пролетарским вождем — грузином И. Сталиным.

Спустя восемь месяцев, в начале 1921 года, Россия и Великобритания подписали торговое соглашение. В нем имелся один политический пункт, по которому британцы должны были воздерживаться от вмешательства во внутренние дела

Грузии. В Москве не замедлили им воспользоваться. Тем более что правительство Н. Жордания снова дало повод для этого.

В тот период у Советской России возникли временные трудности на Польском фронте, в Крыму, с армией барона Врангеля. И меньшевистская Грузия тут же вильнула в сторону. Л. Троцкий достаточно точно определил сложившуюся тогда ситуацию и действия грузинских вождей: «...Меньшевистское правительство пережило весной 1920 года острый период страха и капитулировало. Когда же оно не без изумления убедилось, что занесенный кулак не опускается на его голову, оно решило, что переоценило опасность и стало по всей линии бить отбой».

В двадцатом году советские вожди не стали, как писал Л. Троцкий, «...им наступать на ногу, т. к. они будут кричать на всех голосах демократической цивилизации», потому как были заняты ликвидацией группировки войск Врангеля в Крыму и войной с Польшей.

К февралю 1921 года последние противники советской власти в Крыму были повержены. За это время вышедшие из подполья большевистские организации Грузии развили бурную деятельность. Благодаря их агитации, а еще больше успехам Красной армии, настроение большинства населения менялось не в пользу компании Н. Жордания, доставшего всех как в собственной стране, так и в Европе своими метаниями и моментальными предательствами. В Тифлисе, Батуми, Кутаисе и ряде других городов большевистские организации провели акции протеста, которые быстро переросли в массовые волнения.

14 февраля 1921 года командование 11-й армии получило телеграмму В. Ленина: «Активно поддержать восстание в Грузии и оккупировать Тифлис, соблюдая при этом международные нормы».

Приказ был выполнен в кратчайший срок. Части Красной армии, почти не встречая сопротивления, приближались к Тифлису. Против большевиков меньшевистские вожди с горем пополам наскребли около 20 тысяч человек, да и те прошли не дальше окраин Тифлиса.

Позже об этом выступлении так вспоминал один из участников «обороны» Тифлиса генерал И. Одишелидзе:

«...Страна выставила 18 тысяч штыков (ранее в русскую армию, по данным грузинского историка Д. Вачнадзе, направлялось около 160 тыс. человек. — *Авт.*), при 46 орудиях и шести эскадронах... Вместо обещанных 1500 человек особый батальон народной гвардии вышел из Тифлиса на театр войны в составе 240 человек, но зато на его проводах было сказано 240 речей».

25 февраля 1921 года Красная армия вошла в столицу Грузии. С. Орджоникидзе телеграфировал в Москву: «Красное знамя реет над Тифлисом!»

Правительство Н. Жордания бежало. В Грузии установилась советская власть.

И снова история сыграла злую шутку с Грузией. 14 апреля 1921 года ее независимость признала далекая Мексика. Об этом решении можно только гадать: то ли ее руководители перепутали Грузию с американским штатом Джорджия, то ли сделали специально, в отместку северному соседу за потерю части своих земель, вошедших в состав Калифорнии. Что же касается европейских тяжеловесов Великобритании, Германии и Франции, то они тут же предпочли забыть про Н. Жордания и его правительство. Советская Россия с ее колоссальными сырьевыми ресурсами на весах расчетливых буржуа весила гораздо больше, чем псевдодемократическая Грузия, постоянно затевавшая международные свары.

Расцветай под солнцем, Грузия моя

После смерти в 1924 году В. Ленина И. Сталин в ожесточенной борьбе с основным соперником Л. Троцким за власть в партии и стране вышел абсолютным победителем. По мере усиления его позиций укреплялось и положение Грузии в «братской семье народов СССР». Одним росчерком пера вождя она приросла землями Абхазии и Южной Осетии. В частности, его решением была упразднена Конституция Абхазской ССР 1925 года, которая определяла ее отношения с Грузинской ССР как договорные. Статус республики был понижен, и она была включена в качестве автономии в состав Грузии. В течение восьми дней, с 18 по 26 февраля 1931 года, на общенациональ-

ном сходе в горном селении Лыхны народ Абхазии пытался добиться отмены этого решения. Но соратники И. Сталина в Тбилиси и Москве не захотели услышать его голос. Говоря о пролетарском интернационализме, они закрывали глаза на то, что происходило на исконно грузинских и вновь присоединенных к ней территориях.

А там с конца 20-х годов под руководством «верного сталинца» Л. Берии, бывшего тогда вторым, а с ноября 1931 года ставшего первым секретарем ЦК КП(б) Грузии, был запущен так называемый процесс «возрождения грузинской нации». Начался он с того, что из Тбилиси (до 1936 года Тифлис) депортировали в Армению значительную часть армянского населения. В Южную Осетию и Абхазию в массовом порядке началось переселение грузин из Кахетии, Картли и Менгрелии. Этот процесс не приостанавливался даже в самые тяжелые дни войны 1941–1945 годов. «Абхазпереселенстрой» продолжал работать как часы. В самом сердце Абхазии — в исторической области Бзыбской — словно грибы после дождя строились на государственные средства поселки для переселенцев из Грузии. С населением нынешних Гальского и Очамчирского районов вовсе не церемонились: в течение нескольких дней оно было записано как грузинское.

Ползучее завоевание земель Абхазии и Южной Осетии шло по всем фронтам. Закрывались абхазские, осетинские, а вместе с ними русские, греческие и армянские школы. На ключевые посты назначались, как правило, этнические грузины. Партийными функционерами активно поощрялись смешанные браки.

Свое право на земли осетин и абхазов руководство Грузии пыталось подкрепить «научными» изысканиями. Стараниями таких деятелей, как литературовед П. Ингороква, историки Г. Жоржолиани, А. Тоидзе и А. Ментешашвили абхазский и осетинский народы оказались пришлыми и жили на этих землях по милости грузинских царей. П. Ингороква и компания предпочли забыть о том, что столица Абхазского царства когда-то находилась на месте сегодняшнего Кутаиси, а легендарных аргонатов на берегах реки Ингур встретили не «добрые картвелы», а «воинственные абазги», предки нынешних абхазов.

Грузинизация присоединенных к метрополии территорий шла невиданными темпами. Если в конце девятнадцатого века, в 1886 году, коренное население Абхазии составляло 85,7 % от общей численности, а картвелы 6 %, то к началу грузино-абхазской войны (1992–1993 гг. — *Авт.*) положение выглядело совершенно иным образом: абхазы составляли 17,8 %, а грузины — 45,7 %. Абхазы на своей земле оказались в подавляющем меньшинстве. Согласно данным всесоюзной переписи населения 1989 года, в республике проживало 93,2 тыс. абхазов и 273,6 тыс. грузин.

В те годы положение абхазского и осетинского народов в Грузии вряд ли привлекало внимание миллионов советских граждан. Все они жили в «братской семье народов», которая семимильными шагами стремилась к созданию единой общности — «советского народа». Как всегда впереди всех к этой цели неслась Грузия — житница, здравница и кузница интернационализма. Так об этом не уставали твердить на epochальных съездах коммунистические вожди Грузии. И хотя от приводимых в их докладах цифр собранных сотен тысяч тонн цитрусовых, чайного листа и миллионов литров игристого вина за версту несло запахом липы, в Политбюро ЦК КПСС снисходительно относились к ошибкам в арифметике хлебосольных за счет союзного бюджета и щедрых на обещания «грузинских товарищей».

Об этом отношении к баловням советской партийной номенклатуры поколениям советских людей того времени напоминали строчки из стихов известного поэта:

«... Мчатся к морю электрички — просто благодать!

Едут сдобные москвички в Гагры отдыхать.

Там лимоны, апельсины, сладкое вино.

Там усатые грузины ждут давным-давно...»

Сибиряки, уральцы, чукчи, вырвавшись из стылых, окутанных промышленным смогом суровых северных городов, были счастливы уже одним тем, что могли недельку-другую расслабиться под экзотическими пальмами на берегу теплого моря.

Они пили лившееся рекой сладкое вино, с детским восторгом обрывали с деревьев лимоны и апельсины, которые усатый хозяин сада великодушно отдавал по копеечной цене. А бархатными вечерами в ресторанах и кафе вместе с инженерами из столичных «почтовых ящиков» и офицерами из таежных гарнизонов они умиленно слушали: «Расцветай под солнцем, Грузия моя» и стыдились напоминать величественным как Будда барменам и официантам о сдаче. А когда эта южная сказка подходила к концу, они с тихой грустью возвращались домой. Перед их глазами проплывали покосившиеся деревянные заборы, почерневшие от времени и непогоды русские избы, разбитые дороги. И у них невольно возникали вопросы. Почему так щедро солнце светит только над Грузией? Почему под солнцем должна расцветать только она, а не Кировская или Костромская область? Почему роскошные особняки можно строить только в Грузии? Почему... Почему...

В Москве тоже испытывали некоторое беспокойство по поводу того, что по числу советских подпольных миллионеров и воров в законе Грузия уверенно занимала первое место в стране. Но заверения ее партийного вождя Э. Шеварднадзе в том, что «солнце для Грузии восходит на севере», снимало все вопросы. Дотации из центра щедрой рекой продолжали литься во всесоюзную здравницу и житницу.

Так продолжалось до конца 80-х годов прошлого века. Начавшаяся в стране перестройка открыла шлюзы как свободе, так и пещерному национализму. Грузинская элита задолго до августа 1991 года почувствовала надвигающуюся на СССР катастрофу и, как бывало не раз в прошлом, поспешила первой покинуть борт тонущего корабля. Нет, не республики Балтии, которые, подобно пуговицам на кафтане, пристегивали к себе то Швеция, то Германия, то Россия, а «братская» Грузия первой в апреле 1991 года заявила о своем суверенитете и выходе из состава СССР. Следующий шаг ее вождей был вполне предсказуем. Мечом и огнем они принялась устанавливать «демократию» сначала в Южной Осетии, а позже, в 1992 году, в Абхазии, народы которых ранее, на референдуме 17 марта 1991 года, высказались за сохранение своих республик в составе СССР.

И снова, как это уже было во времена правления картлийского царя Ираклия II и меньшевистского вождя Н. Жордания, в деятельности и судьбе грузинского президента З. Гамсахурдиа и его отца К. Гамсахурдиа, словно в капле воды, отразились все зигзаги и метания правящей элиты Грузии.

В начале двадцатого века юный Константин Гамсахурдиа в поисках счастья и лучшей жизни уехал в Германию, там окончил Берлинский университет и десять лет прожил на Западе, а когда грянула Первая мировая война, попытался вступить добровольцем в армию. Конечно не в русскую, а в кайзеровскую армию. Но сильный русский акцент не позволил ему добиться этого. На родину он вернулся в 1921 году, настроенный левацки, но антироссийски, и сразу же развил бурную деятельность — основал литературный прогерманской направленности кружок. Его участники агитировали за сближение с Германией и не жалели худых слов для «лапотной, варварской России».

В 1926 году эта деятельность К. Гамсахурдиа, как говорится, вышла ему боком. Он был арестован органами ОГПУ, осужден на десять лет и направлен на «перековку» в Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОИ). Спустя год на основании постановления ЦИК СССР «германский шпион и антисоветчик» вышел на свободу. Но вряд ли с чистой совестью. Такую милость большевистских вождей, не замеченных в сентиментальности, не так-то просто было заслужить. Они оценили по достоинству, видимо, услуги агента-осведомителя ОГПУ. Мастер слова и искусный лицедей, он, вероятно, вывел на чистую воду многих так и «не перековавшихся врагов советской власти».

Возвратившись в Грузию, К. Гамсахурдиа активно включился в прославление советской власти и ее вождей. Апофеозом стала его книга «Вождь». В ней И. Сталин был возведен в ранг земного бога. В Кремле это заметили и не остались в долгу. В награду за столь верноподданнические и холуйские панегирики на лацкане пиджака «грузинского Горького», как его нарекла республиканская пресса, засверкал высший советский орден — орден Ленина. Слава, а еще больше дружба с другим знаменитым земляком — «всесоюзным палачом» Л. Берией, служили ему надежной защитой от наветов недоброжелателей,

завидовавших его роскошным апартаментам в центре Тбилиси, известным в народе как «Колхская башня», и шикарному авто с персональным водителем. На старости лет, когда у «соловья советской Грузии» ум зашел за разум, маска притворства следа, и за ней проглянуло злобное националистическое мурло. К. Гамсахурдиа, уже не стесняясь, поносил все русское и твердил об особой исключительности грузинской нации, ее особой роли на Кавказе. По случаю и без него он демонстрировал это на встречах с российскими делегациями. С их представителями К. Гамсахурдиа говорил только на грузинском языке. В своей ненависти ко всему русскому он зашел так далеко, что назвал дворового пса Иваном.

В 1975 году К. Гамсахурдиа не стало. Его антисоветскую, антирусскую эстафету подхватил сын — Звиад. Став одним из организаторов нелегальной антисоветской организации, он принял активное участие в написании и распространении литературы националистического содержания, в которой говорилось об ущемлении грузинского народа тоталитарным советским режимом, а также инспирировал антиобщественные выступления сторонников этих взглядов. В 1977 году З. Гамсахурдиа был арестован органами КГБ и затем осужден по прежнему семидесятой статье — «Антисоветская агитация и пропаганда». Но, как и отец, «в местах не столь отдаленных» он не только не задержался, но и пошел еще дальше по пути приспособленчества и лицемерия.

Еще не успели высохнуть чернила на приговоре, как З. Гамсахурдиа выступил с публичным покаянием по всесоюзному, а затем и республиканскому телеканалам. В нем сын своего отца холуйски благодарил советскую власть за проявленное к нему милосердие и призвал оставшихся на свободе единомышленников последовать его примеру. За эту услугу власти он отправился в «ссылку» в солнечный Дагестан, где уральцы и сибиряки заряжались энергией и здоровьем после долгой и холодной зимы.

В то время, когда другие «антисоветчики» и «узники со- вести» А. Солженицын, В. Буковский, А. Синявский, Ю. Даниэль и остальные мотали сроки в лагерях Мордовии или

изгонялись за границу, З. Гамсахурдиа по выходным наезжал в Тбилиси. Советская власть, как и ранее самодержавие по отношению к заговорщикам — Г. Орбелиани и В. Орбелиани, проявила к нему труднообъяснимое милосердие. За время ссылки в Дагестане он успел защитить докторскую диссертацию (1979) и стать старшим научным сотрудником Академии наук Грузинской ССР.

С началом перестройки в СССР волна национализма, поднявшаяся в Грузии, вознесла З. Гамсахурдиа на гребень власти. В мае 1991 года, став президентом, он с каким-то нечеловеческим остервенением принялся изгонять из страны все советское, все русское. В том будущем государстве, которое рисовалось в его воспаленном воображении, не находилось места даже для народов Абхазии и Южной Осетии, проживавших бок о бок с грузинами последние семьдесят лет.

«Грузия — для грузин!» — эта позиция и неадекватные поступки З. Гамсахурдиа вынуждали Вашингтон и Брюссель держаться от него на расстоянии. В Москве же его действия в Южной Осетии и Абхазии вызывали скрежет зубов. Они накаляли и без того взрывоопасную обстановку на Кавказе.

Постоянные угрозы З. Гамсахурдиа в адрес «абхазских сепаратистов», бешеная антиабхазская кампания, развязанная в грузинских СМИ, вынудили лидеров этой бывшей автономной республики В. Арадзебу, Ю. Воронова, С. Лакобу, С. Шамба искать помощи и поддержки у братских горских народов.

1–2 ноября 1991 года на 3-м съезде горцев Кавказа в г. Сухум полномочные представители двенадцати народов подписали договор и приняли Декларацию «О конфедеративном союзе горских народов Кавказа», решили сформировать кавказский парламент, третейский суд, комитет обороны и определили столицу Абхазии, город Сухум, штаб-квартирой Конфедерации. Призрак бывшей независимой Горской республики, образовавшейся на руинах Российской империи 11 мая 1918 года, в состав которой наряду с Абхазией вошли Дагестан, Чечня, Кабарда, Адыгея и другие, опять замаячил на границах России. С каждым новым днем беспокойные республики Северного Кавказа вслед за Чечней, где в октябре 1991 года пришел к

власти дерзкий и воинственный генерал Д. Дудаев, все дальше дрейфовали от Москвы.

Так продолжаться долго не могло. И, более чем вероятно, с молчаливого согласия Москвы и Вашингтона был запущен тайный механизм смещения З. Гамсахурдиа. Это был тот редкий случай, когда интересы, но не конечные цели, США и России на время совпали. Импульсивный, неуправляемый З. Гамсахурдиа, поднявший Грузию на дыбы, а затем своими шовинистическими заявлениями «Грузия — для грузин!» и этническими чистками заставивший южных осетин и абхазов взяться за оружие, подписал себе политический приговор.

В результате партийно-криминального переворота, во главе которого стоял вор в законе Д. Иоселиани, в январе 1992 года З. Гамсахурдиа был свергнут, бежал в мятежную Чечню и позже погиб при загадочных обстоятельствах в родной Менгрелии.

7 марта 1992 года из Москвы на расчищенную «торпедами», «быками» и прочей «криминальной пехотой» властную площадку прибыл «спаситель нации» — Э. Шеварднадзе.

«Белый лис» на тропе войны

После бегства З. Гамсахурдиа в Тбилиси на смену Военному совету, устроившему в центре Тбилиси небольшую двухмесячную войну, пришел более благозвучный на слух Госсовет Грузии. В его состав вошли бывший член Политбюро ЦК КПСС Э. Шеварднадзе (председатель), глава военизированной организации «Мхедриони» («Всадники») и вор в законе Д. Иоселиани, малоизвестный скульптор и художник с криминальным душком, руководитель национальной гвардии Т. Китовани и бывший премьер в правительстве З. Гамсахурдиа Т. Сигуа. Эту четверку позже назвали в народе «бандой четырех». А местные острословы уточняли: «К власти пришли известный вор и неизвестный художник». Вполне закономерный итог выродившейся советской власти, окрашенный в местный колорит.

«Россию Ельцина» такой итог полнее устраивал. Бывший диссидент З. Гамсахурдиа со своими завихрениями был чужд бывшей партийной номенклатуре, мгновенно перекрасившей-

ся в псевдодемократов. В Москве, видимо, рассчитывали, что «своему в доску» Э. Шеварднадзе не придется долго искать общий язык с жожаками грузинского криминалитета, так как в обеих столицах уже давно и без акцента «ботали по фене».

На Западе, в первую очередь в Вашингтоне, не забывали, как всегда, при случае попенять Россию за нарушение демократических процедур и прав человека, и одновременно все более пристально присматривались к будущему маршруту транспортировки углеводородов из района Каспия. Поэтому предпочли закрыть глаза на свержение «всенародно избранного» президента З. Гамсахурдиа (май 1991 г.), а выход на первые роли «большого друга Эдуарда» позволял Вашингтону надеяться, что Тбилиси вспомнит о старой «дружбе».

С первых шагов Э. Шеварднадзе — «белый лис», прозванный так в Абхазии и Южной Осетии за свое коварство, как и его предшественники, пытался заручиться поддержкой могучих покровителей. Вашингтон от Тбилиси находился далеко, и там только примерялись к Кавказу. Москва была гораздо ближе. Но не эта близость, а ее военная и экономическая поддержка и расчет Э. Шеварднадзе на то, что руками русских удастся вернуть мятежные Абхазию и Южную Осетию обратно под власть Тбилиси, вынудили Грузию дать согласие на вступление в организацию стран СНГ. Эти договоренности были достигнуты между ним и Б. Ельциным 24 июня 1992 года на встрече в Дагомысе. По ее итогам было принято коммюнике. В нем сохранилось положение, которое в последующем развязало руки руководству Грузии для агрессии против Абхазии. В частности, в нем говорилось: «Правоохранительные органы Грузии и России будут решительно пресекать деятельность незаконных военных, полувоспальных и самовольно образованных отрядов и групп на территориях под их юрисдикцией».

Взамен коварный «белый лис» пообещал Б. Ельцину прекратить войну в Южной Осетии (войну прекратил, но не вооруженный конфликт) и вступить в СНГ. Давая эти обещания, он знал, что делал, так как хорошо помнил о том, что в России обещанного ждут три года. Будущее членство в СНГ открывало ему доступ к огромным закоромам одного из самых

мощных военных округов — Закавказского. В соответствии с Ташкентским соглашением от 14 мая 1992 года республики Закавказья — Армения, Азербайджан, а теперь и Грузия, соответственно получали по 220 танков, 220 БМП, огромное количество артиллерийских систем и современную авиацию.

Спустя сутки после дружеского застолья в Дагомысе, 25 июня, президент России и председатель самозванного Госсовета Грузии вылетели в Стамбул. Там Б. Ельцин вывел старого-нового приятеля по Политбюро ЦК КПСС в «большой свет». Э. Шеварднадзе встретился с премьером Турции С. Демирелем и президентом Украины Л. Кравчуком. А 31 июля 1992 года при активной поддержке России Грузия стала 179-м членом ООН. Теперь, когда руки у Э. Шеварднадзе и его подельников Т. Китовани и Д. Иоселиани были развязаны, они приступили к подготовке блицкрига против «мятежной Абхазии».

Несколькими днями ранее, 23 июля 1992 года, Верховный Совет этой бывшей автономной республики во главе с негнбаемым В. Ардзинбой в ответ на угрозы Тбилиси «покончить с сепаратистскими поползновениями» принял постановление «О прекращении действия Конституции Абхазской АССР 1978 года» и восстановил действие Конституции Абхазии 1925 года. Согласно ее положениям, отношения между Абхазией и Грузией теперь должны были базироваться на особом союзном договоре. Но Госсовет Грузии решили не размениваться на мирные переговоры с «сепаратистами». Негласная поддержка Москвы, доставшийся даром громадный военный арсенал и подавляющее численное превосходство (пять миллионов грузин против 93 тысяч абхазов и около 176 тысяч русских, армян, греков, украинцев) не вызывали у Э. Шеварднадзе и тени сомнений в успехе.

14 августа 1992 года началась военная операция грузинских войск против строптивой Абхазии, получившая кодовое название «Меч». По замыслу ее организаторов, в течение трех суток с ее свободой и независимостью должно было быть покончено. Колонна из более чем ста танков (по данным известного абхазского историка, первого вице-спикера парламента Респуб-

лики Абхазии 1993–1996 г., секретаря Совета безопасности 2000–2009 г. профессора С. Лакобы, а также других источников, часть экипажей была укомплектована военнослужащими Закавказского ВО. — *Авт.*) двинулась на Сухум. На следующие сутки, в ночь с 15 на 16 августа 1992 года, в районе пограничной с Россией реки Псоу высадился грузинский морской десант и захватил город Гагру. И опять, как это уже бывало в прошлом, эти территориальные приобретения осуществлялись в том числе и чужими, российскими, руками. Так, высадка десанта под Гагрой осуществлялась с кораблей Черноморского флота России. Как уже отмечалось выше, в бой против стихийно поднявшихся на борьбу бойцов будущего народного ополчения Абхазии часть экипажей танков, самолетов и вертолетов состояла из военнослужащих Закавказского ВО. «Грузинский меч» безжалостно уничтожал абхазов, русских, армян и всех тех, кто пытался сопротивляться.

То, что тогда происходило в Абхазии, не поддавалось здравому разумению. Сотни тысяч отдыхающих из России, нежившихся на пляжах Агудзеры, Сухума и Очамчыры, попали под кинжальный огонь «вертушек» и артиллерийских систем. На улицах Сухума и других городов Абхазии лилась кровь невинных жертв. Зловещие «черные тюльпаны» распустились в бирюзовом августовском небе от реки Ингур и до границы на Псоу. В прокаленном солнцем воздухе стоял невыносимый смрад от бушующих пожарищ и разложившихся человеческих тел и туш животных. А в каких-то ста пятидесяти километрах от этого земного ада в субтропическом раю, в резиденции президента России, отдыхал Б. Ельцин. Но он не пошевелил и пальцем, чтобы остановить варварское, злодейское убийство мирных граждан! Убийство его, президента России, сограждан! Жизни сотен ни в чем не повинных людей в представлении этих мутантов партийно-бюрократической номенклатуры ничего не стоили, когда речь заходила о «дружеской услуге».

Один из ближайших соратников В. Ардзинбы, С. Лакоба, так вспоминал о тех драматических часах и днях: «...14 августа, когда бои шли в Сухуме, недалеко от здания парламента, Владислав Ардзинба несколько раз в моем присутствии пытался

переговорить с Ельциным по телефону. Однако начальник охраны президента А. Коржаков стальным голосом повторял только одну фразу: «Борис Николаевич в море». Никто из российского руководства на связь не выходил. Абхазия была в полной изоляции. Российские военные открыто заявляли нам: «Неужели вы не понимаете, что Абхазию сдали?»

Опьяненные легким успехом банды «отмороженных» националистов и уголовников занялись привычным для себя делом — грабежами и насилием. Сухум, другие города и поселки захлестнула волна мародерства. Его размах потряс даже ставленника Тбилиси министра внутренних дел Абхазии генерала Г. Ломинадзе. По его признанию, «...гвардейцы Китовани напали на Сухуми как саранча».

Спасаясь от банд мародеров, беззащитные мирные люди бежали в горы и за реку Псоу, в Краснодарский край. Лишь горстка храбрецов, объединившихся вокруг В. Ардзинбы, продолжала оказывать захватчикам отчаянное сопротивление. Их уничтожение тем, кто замышлял покорение Абхазии, казалось делом часов.

В Тбилиси ликовали. 18 августа министр обороны Грузии Т. Китовани заявил по телевидению: «Мы распустили парламент Абхазии и освободили от должности его председателя Владислава Ардзинбу». Ему вторил Госсовет Грузии. Его цинизму не было предела. В то время, когда Абхазия корчилась под варварскими бомбежками и артиллерийскими обстрелами, эта «банда четырех» обратилась к ее народу с издевательским обращением: «Дорогие братья и сестры! ...Лучшего времени для переговоров и достижения согласия, чем нынешнее, еще не было».

На какое «согласие» рассчитывали правители из Тбилиси, позже дал разъяснение Георгий Хаиндрава — государственный министр республики, чрезвычайный представитель Госсовета и правительства Республики Грузия в Абхазском регионе. В апреле 1993 года, находясь в оккупированном Сухуме, он цинично заявил в интервью французской газете *Le Monde Diplomatique*: «...Абхазов всего 80 тысяч, что означает, что мы можем легко и полностью уничтожить генетический фонд

их нации путем убийства 15 тысяч их молодежи. И мы вполне способны на это».

К 18 августа 1992 года В. Ардзинба со своими сторонниками был заперт в Гудауте. Казалось бы, его судьба и судьба Абхазии предрешена. Но произошло чудо! Народ Абхазии не утратился этой тысячекратно превосходящей стаи грабителей и насильников и поднялся на защиту своей земли и родного очага.

Тут же забурлил Северный Кавказ. И братья по крови и духу адыги, черкесы, кабардинцы, чеченцы, а также сотни добровольцев из числа кубанских и донских казаков пришли на помощь. Вооруженные стрелковым оружием, они сумели остановить бронированную грузинскую армаду. Блицкриг бездарно провалился. Более того, позже, в начале октября 1992 года (точнее — с 1 по 6 октября), абхазские ополченцы вместе с добровольцами выбили захватчиков из Гагры и освободили Западную Абхазию. Война приобрела затяжной характер. В нее, как в воронку, стремительно втягивался весь Юг России. Э. Шеварднадзе с компанией, как и Ираклий II и Н. Жордания, их предшественники, множили вокруг себя только одни проблемы.

Угроза взрыва на Северном Кавказе, напоминавшем в те дни пороховую бочку, вынудили Б. Ельцина, П. Грачева (министр обороны РФ) и А. Козырева (министр иностранных дел РФ) предпринять ряд шагов, чтобы приструнить зарвавшуюся «банду четырех» и не допустить цепной реакции сепаратизма уже на российских территориях, прилегающих к Грузии и Абхазии.

3 сентября 1992 года в Москве состоялась встреча, в которой наряду с лидерами Абхазии и вождями Грузии приняли участие руководители северокавказских республик. В ходе нее Э. Шеварднадзе оказался той шеей, которая вертела головой Б. Ельцина.

С. Лакоба по этому поводу писал: «...В первой половине дня практически все высказались за немедленный вывод грузинских войск из Абхазии и возвращение в Сухум законных парламента и правительства. Во время перерыва Ельцин и

Шеварднадзе встретились с глазу на глаз, и вторая часть переговоров пошла совершенно по другому руслу.

Президент России, явно подвыпивший, представил вдруг новый текст документа, в связи с чем Ардзинба высказал мнение о необходимости обсудить его, но Ельцин заявил, что «документ нет времени обсуждать, а нужно немедленно подписывать».

Но даже этим соглашением, в котором не было сказано ни слова об агрессии Грузии против Абхазии, Э. Шеварднадзе оказался недоволен. Недовольство прорвалось чуть позже, 25 сентября, в его выступлении с трибуны ООН. В частности, после всего того, что его полууголовный сброд натворил в Абхазии, у него повернулся язык назвать абхазов «...пигмеями, поднявшими мятеж против человечности».

Тем временем события не только в Абхазии, где позиции народного ополчения становились все более прочными, но и в Москве, развивались для Грузии весьма неблагоприятным образом. Оппозиционный Б. Ельцину Верховный Совет Российской Федерации 25 сентября принял Постановление «О положении на Северном Кавказе в связи с событиями в Абхазии». В нем парламентарии, в отличие от президента России, потребовали безоговорочного вывода грузинских войск с территории Абхазии и восстановления законных органов власти. Масла в огонь подлил визит в Москву лидера абхазов В. Ардзинбы. Э. Шеварднадзе, не мешкая, вылетел в Москву.

28 сентября при встрече с Б. Ельциным он высказал свое возмущение по этому поводу и в порыве гнева проговорился: «Мне непонятны вот эти контакты господина Ардзинбы. Он ведь прекрасно понимает, что в Москве вопросы Абхазии и Грузии не решаются».

В Москве наконец-то поняли, что «белый лис» обещаниями о скором вступлении в СНГ пытается пожать плоды войны российскими руками, а сам уже посматривает на сторону. И тогда окружение Б. Ельцина повело свою игру. В Гудауту, где разместились парламент и правительство Республики Абхазия, зачастили российские генералы Г. Кондратьев и А. Сигуткин. И не с пустыми руками. Спустя неделю абхазские ополченцы

при поддержке добровольцев выбили войска Грузии из Гагры, Леселидзе и 6 октября вышли к российской границе, проходящей по реке Псоу.

В тот же день на митинге в Тбилиси Э. Шеварднадзе обрушился на руководство России с обвинениями. Он заявлял: «Мы должны были встретиться 13 октября, и встретились бы, но, не спросив у меня согласия, господин Ельцин заявил, что мы встретимся в Абхазии. Очень хорошо, но, быть может, у меня иное мнение? Кончилось то время, которому и я послужил, но сегодня наша страна стала независимой. Возможно, пора уж вам избавиться от прежних шовинистических, черносотенных идей и теорий».

Столь вызывающее заявление Э. Шеварднадзе мог себе позволить не только в силу того, что не получил ожидаемой поддержки со стороны российского руководства в подавлении «абхазских сепаратистов». А еще и потому, что руководство России в те дни было связано по рукам и ногам осетино-ингушским конфликтом, вспыхнувшим в конце октября, и деятельностью режима совершенно «отвязавшегося» генерала Д. Дудаева в Чечне. Драматичный ход событий в этом регионе уже угрожал целостности самой России, и потому Э. Шеварднадзе, а также подконтрольный ему Госсовет, обратили свои взоры на Запад, в сторону замаячившего на горизонте очередного претендента на роль «смотрящего» в «Кавказском доме» — США и НАТО. Теперь грузинские эмиссары дневали и ночевали в высоких вашингтонских и брюссельских кабинетах. И, казалось, добились своего. В штаб-квартире НАТО его глава М. Вернер заверил Э. Шеварднадзе «в более активном вмешательстве НАТО в урегулирование грузино-абхазского конфликта».

Но этому не суждено было сбыться. В июле 1993 года абхазская армия перешла в наступление. Оно развивалось настолько стремительно, что уже в двадцатых числах сентября передовые группы вышли к окраинам Сухума. Одновременно в Восточной Абхазии ополченцы взяли под контроль стратегически важную дорогу Сухум — Тбилиси. Судьба 20-тысячной грузинской группировки была предрешена. Но Э. Шеварднадзе, находив-

шийся в то время в столице Абхазии, с каким-то маниакальным упорством продолжал уверять свое окружение в том, что «за-граница нам поможет». Вероятно, в силу самомнения о своей исключительности и особой мессианской роли Грузии, он полагал, что весь мир ринется на спасение «света демократии в Закавказье — Грузии».

Находившийся в Сухуме во время его штурма абхазской армией глава миссии ООН генерал Д. Хвидегард (Видегор), позже, в 1994 году, в разговоре с С. Лакобой так вспоминал об этом: «Члены грузинского правительства перед самым падением Сухума собрались на берегу моря с биноклями (на территории военного санатория) и вглядывались вдаль. На вопрос генерала, что происходит, они стали его возбужденно убеждать, что вот-вот в Сухуме высадится пятитысячный десант НАТО».

Никакого натовского десанта на берегах Абхазии, конечно, не оказалось. Как это уже было в прошлом (в 1921 году), Запад не собирался ссориться из-за Грузии, свергнувшей своего президента З. Гамсахурдиа, расстрелявшей свой парламент, залившей морем крови Южную Осетию и Абхазию, с ослабленной, но все-таки Россией. В результате «десантироваться» пришлось самому «белому лису». Поднятый им «топор войны» грозил обрушиться ему на голову.

Кольцо абхазского окружения неумолимо сжималось вокруг так называемой «дачи Сталина» (ныне официальная резиденция президента Республики Абхазия), где засел Э. Шеварнадзе. По признанию тех, кто готовился к ее штурму, их заветной мечтой было «поймать «Шеву» и вздернуть на первом же суку». Спасло его от петли заступничество президента России. Вряд ли тот руководствовался человеческими чувствами. Здесь, скорее, присутствовал политический расчет.

Видимо, Б. Ельцин полагал, что загнанный в угол неблаго-дарный и неверный союзник будет более покладист и, наконец, прекратит дрейф Грузии в сторону Запада и вступит в СНГ. По его просьбе лидер абхазов В. Ардзинба распорядился на два часа прекратить бой и выпустить Э. Шеварнадзе из ловушки. Те, кто выполнял этот приказ, знали, какую ненависть питали к нему

бойцы и, чтобы уберечь его от расправы, пошли на хитрость. «Белого лиса» переодели в форму российского десантника и под видом раненного переправили на территорию военного санатория, а затем вертолетом доставили в Батуми.

Тем временем ситуация в самой Западной Грузии полностью вышла из-под контроля Госсовета. Бывший президент З. Гамахурдиа, вернувшийся из изгнания, в считанные дни собрал под свои знамена тысячи сторонников. И волна выступлений против «банды четырех», подобно лесному пожару, охватила всю Менгрелию. В начале октября звиядисты захватили стратегически важные пункты — Поты и Самтредиа. Бои шли на подступах к Кутаиси. Судьба Тбилиси и самого Э. Шеварднадзе повисла на волоске. И тогда он опять обратился за помощью к Вашингтону и Москве.

Президент США Б. Клинтон, поглощенный подготовкой армии для вторжения на Гаити, на истошные призывы Э. Шеварднадзе о помощи откликнулся лишь 5 октября 1993 года дежурным заклинанием, заверив «белого лиса» «в сохраняющейся полной поддержке территориальной целостности Грузии». Он также пообещал оказать гуманитарную помощь: предоставить «еще больше продовольствия, палаток, одеял и одежды... в следующем месяце».

Но этого месяца у Э. Шеварднадзе и Госсовета уже не было. А. Гамасакхурдиа и его фанатичные сторонники жаждали крови и скальпов тех, кто в них стрелял и пустил с сумой по миру. В этой ситуации «белому лису» ничего другого не оставалось, как приползти на коленях к вигваму Большого Бориса и раскурить трубку мира.

8 октября 1993 года в Москве состоялась многосторонняя встреча. В ней наряду с Б. Ельциным и Э. Шеварднадзе приняли участие руководители Азербайджана и Армении. Президент России умело воспользовался критической ситуацией в Грузии. На этот раз ему не пришлось выкручивать руки «другу Эдуарду»: тот не стал больше вилять и на следующий день подписал российско-грузинское соглашение о российских военных базах в Грузии. После этого российское руководство в который уже раз подставило плечо грузинским правителям.

В дело вступили российские десантники. В течение недели они вместе с военнослужащими Закавказского военного округа покончили с вооруженными отрядами звиадистов. Сам З. Гамсахурдиа укрылся в родной Менгрелии. А 31 декабря 1993 г. он, как это зачастую происходило в политической истории Грузии, погиб при загадочных обстоятельствах.

Россия вновь восстановила контроль над этой стратегически важной территорией. Э. Шеварднадзе вынужден был не только вступить в СНГ, но и согласиться на унижительные условия Москвы — опираться на ее «костыли». В октябре вместо прозападного шефа информационно-разведывательной службы И. Батишвили этот пост занял выпускник Высшей школы КГБ СССР генерал российской госбезопасности И. Георгадзе. Чуть позже другой пророссийский генерал, заместитель командующего Закавказским военным округом В. Надибаидзе, возглавил министерство обороны Грузии.

Как оказалось, это была последняя военно-дипломатическая победа «ельцинской» России в Грузии в двадцатом веке. Вскоре, к осени 1994 года, она перестала быть монополистом в Закавказье. США прямо и недвусмысленно заявили о своих «жизненно важных интересах» в этом регионе. Ранее, 12 июня 1994 года, ЕС принял решение расширить политику европейского «добрососедства» на Азербайджан, Армению и Грузию. Тысячи американских и западноевропейских советников, консультантов, военных инструкторов хлынули в эти страны, промывать мозги правящим элитам и молодежи. Из сознания вытравливалось все то, что некогда объединяло их отцов и матерей. СССР и все, чтобы с ним было связано, предавалось анафеме.

С сентября 1994 года это идеолого-политическое нашествие Запада на Грузию получило мощную экономическую подпитку. После подписания «проекта века» между Азербайджаном и западными нефтяными компаниями на разработку углеводородных месторождений Азери — Чыраг — Гюнешли в Каспии и их транспортировку по маршруту Баку — Тбилиси — Джейхан, Грузия, как прозорливо отмечал еще в начале прошлого века Л. Троцкий, — «Тифлис стал стратегическим фокусом Закавказья».

«Белый лис» уже не тот. В бой идут «розовые» бойскауты

«Белый лис» уже не тот. В бой идут «розовые» бойскауты

В Тбилиси не преминули воспользоваться выгодами сложившегося положения. Россия, погрязшая в чеченской войне и домашних сваргах политических оппонентов, на тот период не смогла отстоять проходящий по ее территории северный вариант поставки углеводородов на запад. Этим до поры до времени умело пользовался Э. Шеварднадзе. Продолжая заигрывать с Россией, он выторговывал себе экономические, территориальные преференции и одновременно шантажировал. Панкинское и Ахметское ущелья Грузии превратились в тыловые базы подготовки чеченских и арабских боевиков. Там они зализывали свои раны и готовились к новым вылазкам в Россию. В самом Тбилиси открыто действовали десятки вербовочных и пропагандистских центров незаконных вооруженных формирований. Их главари, не стесняясь, рассказывали с экранов грузинского телевидения о совершенных на российской территории злодеяниях и угрожали новыми террористическими акциями.

При этом у Э. Шеварднадзе поворачивался язык называть террориста Р. Гелаева «очень интеллигентным человеком» и отрицать всякую причастность грузинских спецслужб к подготовке бандформирований. Нечистоплотная возня руководства Грузии с чеченскими, арабскими и прочими боевиками преследовала вполне определенную цель — услужить новому хозяину, США, и сорвать планы российского руководства, связанные с транспортировкой каспийских, казахских и туркменских углеводородов по северному маршруту и обеспечить себе особое положение в энергетических планах Вашингтона.

Москва была возмущена подобным лицемерием. Бывший приятель Э. Шеварднадзе по Политбюро ЦК КПСС Б. Ельцин требовал от него принятия решительных мер в отношении боевиков и иностранных наемников. В ответ следовали шумные пропагандистские кампании, на которые так горазды грузинские политические режиссеры, а на деле ничего не менялось. Э. Шеварднадзе (а скорее, окружавшая его правящая элита)

посчитал, что пришел час бросить раздираемую противоречиями, погрязшую в чеченской войне Россию и искать нового хозяина. А он тут как тут, на пороге.

Огромные запасы каспийской и среднеазиатской нефти требовались растущей американской экономике как воздух. Она все более зависела от недружественных режимов в Иране и Ираке. И здесь снова сработала формула Троцкого — «Путь в Баку ведет через Батум — Тифлис». Грузии предстояло стать трамплином, по образному выражению британского геополитика Х. Макиндера, к сердцевине мира — региону Кавказа и Центральной Азии. Помимо овладения богатейшими энергоресурсами Каспия и транспортными коридорами углеводородов в Вашингтоне преследовали и другие цели: вывести страны этого региона из-под влияния России, изолировать Иран и подготовиться к будущему противостоянию с Китаем.

Нахождение у власти в Тбилиси Э. Шеварднадзе, с которым у президента США Д. Буша-старшего и госсекретаря Д. Бейкера сложились особые отношения в бытность того министром иностранных дел СССР, облегчало реализацию этих замыслов. Достаточно было одного намека, и он бросился в объятия американцев. Сотни миллионов долларов беспроцентного займа пришли в нищую, разоренную войнами Грузию. Большая их часть так и не дошла до влачащего жалкое существование народа. С их помощью в антирусском духе осуществлялась промывка мозгов молодежи, интеллигенции и готовилась проамериканская правящая элита.

Вслед за деньгами в Грузию потянулись не только «дикие гуси» — наемники всех мастей, но и американские, турецкие и британские военные специалисты. На бывших советских базах из полубандитского сброда «Мхедриони» («Всадники»), залитшего кровью Южную Осетию и Абхазию, они принялись готовить будущую охрану «большой трубы». Их бывшего командующего, вора в законе Д. Иоселиани, которому в свое время не гнушался пожимать руку Д. Бейкер, за ненадобностью отправили в более привычное, чем правительство, место — на нары в тюрьму.

«Белый лис» уже не тот. В бой идут «розовые» бойскауты

Пользуясь слабостью России, американцы стремительно заполняли вакуум, возникший на Южном Кавказе. Проект «большой трубы» (нефтепровода Баку — Тбилиси — Джейхан) к 1994 году приобрел зримые очертания. Последующее подписание договора о его строительстве фактически закрепило положение США как ведущего игрока на Кавказе и подняло роль Грузии как ключевого транзитера.

Э. Шеварднадзе, видимо, уже посчитал, что поймал самого господина «за бороду» и позволил себе расслабиться. А новый хозяин ожидал от него большего — активных действий по расчистке «строительной площадки» вокруг «трубы». Но пока на выходе из нее сидел «аджарский лев» А. Абашидзе, поглядывавший в сторону Москвы, а с севера нависали «сепаратистские» режимы Абхазии и Южной Осетии, угроза срыва американского проекта транспортировки углеводородов была весьма вероятна. И в Тбилиси, как всегда, чужими руками попытались устранить эту угрозу.

Но в октябре 2001 года бросок банд чеченских боевиков и арабских наемников так милого сердцу Э. Шеварднадзе «интеллигента» Р. Гелаева из грузинской Сванетии на Абхазию закончился провалом и наглядно показал Вашингтону, что «белый лис» уже не тот. Ему срочно принялись искать замену. Ускорило этот процесс и другое немаловажное обстоятельство. Летом 2003 года в результате хитроумной сделки Российское акционерное общество «Единая энергетическая система России» (РАО «ЕЭС России») стало монополистом электросетевых сетей Грузии. Россия возвращалась! В Вашингтоне занервничали и не стали медлить.

Вначале июля 2003 г. в Тбилиси прибыл «старый друг» Э. Шеварднадзе — бывший госсекретарь США Д. Бейкер. Но вряд ли их встречу можно было назвать дружеской. Засланец из США на этот раз значительно больше внимания уделил не ему, а политической «розовой» поросли М. Саакашвили, Н. Бурджанадзе и З. Жвания. Перед отъездом Д. Бейкер «по-дружески» подложил Э. Шеварднадзе большую свинью. «Свету демократии» в Закавказье и вождю самой независимой республики он предложил провести предстоящие выборы в

парламент 2 ноября 2003 г. по новой системе. Согласно ей, в «независимой» Грузии председатель ЦИК назначался бы от ОБСЕ. Все это говорило о том, что в Вашингтоне и Брюсселе пришли к окончательному выводу о том, что «белый лис» уже не тот и что пора «на тропу войны» выводить молодых волчат, вскормленных молоком с элитных ферм, открытых при ЦРУ и Госдепе.

Накануне выборов для Э. Шеварднадзе прозвучал последний звонок. 31 октября президент США Д. Буш в специальном послании напомнил ему о договоренностях с Д. Бейкером по вопросу проведения выборов 2 ноября. Он понял, что в Вашингтоне на нем поставили крест и, как уже бывало в истории правителей Грузии, бросился искать поддержки у преданного и обманутого старого хозяина — России. Э. Шеварднадзе, загнанный в угол, готов был облизать с головы до пяток весьма близкого к Москве «аджарского льва» А. Абашидзе. По его замыслу, предстояло стать тем самым кучером, который и дальше тащил бы по старой колее пошедшую в разнос парламентскую телегу. Теперь весь административный ресурс президента Э. Шеварднадзе работал на А. Абашидзе. Но, как говорится, этот политический поезд уже ушел.

Очередные 2003 года «демократические» парламентские выборы в Грузии закончились, как всегда, театрализованным балаганом. Неверные ученики «белого лиса» М. Саакашвили, Н. Бурджанадзе и З. Жвания, возвращенные «садовниками» из ЦРУ и Госдепа США, не признали их итоги и, обвинив Э. Шеварднадзе и А. Абашидзе в фальсификации, устроили «учителю» «революцию роз».

После ее «победы» в январе 2004 года и еще более «демократических выборов», в результате которых победителем стал М. Саакашвили, посол США в Грузии Р. Майлз объявил, уже открыто, о необходимости не только политического, экономического, но и военного американского присутствия на ее территории. Мотивировал он это тем, что нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан нуждается в защите. А от кого именно, стало известно буквально через несколько дней. Госсекретарь США К. Пауэлл в речи на инаугурации М. Саакашвили вы-

сказался за вывод российских баз из Батуми и Ахалкалаки. За словами тут же последовали дела. Новым вождям Грузии со стороны США была оказана беспрецедентная финансовая помощь в размере 200 млн долларов. В подкрепление к ней в порт Потти прибыло 77 единиц тяжелой бронетехники.

Подобные заявления и финансово-военные вливания окрылили далеко не святую троицу: М. Саакашвили, Н. Бурджанадзе и З. Жвания. Почувствовав под своим задом могучий заокеанский штык, они, засучив рукава, принялись обрабатывать выданный грант. Спустя несколько месяцев под каток военно-политического бульдозера М. Саакашвили угодил «аджарский лев» А. Абашидзе. После шумных акций общественного неповиновения в Батуми, умело направляемых из Тбилиси, для восстановления так называемого конституционного порядка в эту неподконтрольную М. Саакашвили территорию двинулись полицейские и армейские части. Абашидзе и его сторонники оказались в меньшинстве. Москва дальнейшего направления в Батуми самолета с министром иностранных дел России И. Ивановым не пошла. И «аджарскому льву» ничего другого не оставалось, как пригрозить М. Саакашвили самыми страшными карами и потом на российском самолете раствориться в ночном небе.

Еще один российский форпост на Южном Кавказе пал. И М. Саакашвили, сияя белозубой голливудской улыбкой, въехал на американском бульдозере в Аджарию как триумфатор. Столь легкая победа вскружила ему голову. Охваченный эйфорией, «собиратель земель грузинских», обмыв сапоги в батумской бухте, тут же поклялся водрузить победный флаг над «мятежными» Сухумом и Цхинвалом. В Тбилиси и Вашингтоне, видимо, посчитали, что успех в Аджарии деморализовал руководство, а вместе с ним и народы Абхазии и Южной Осетии, и рьяно взялись за осуществление второй части плана — подготовку к ликвидации «сепаратистских» режимов.

Второй после М. Саакашвили «ястреб», министр обороны И. Окруашвили, уже не стеснялся метать угрозы не только в адрес Абхазии и Южной Осетии, но и России. А чего было стесняться? Прилюдную пощечину в Аджарии она проглотила

молча. Теперь, когда солнце для грузинских правителей восходило на западе, они посчитали, что могут позволить себе все.

В припадке преданности новому хозяину в Тбилиси с каким-то нечеловеческим остервенением принялись уничтожать все русское. Даже великому А. Пушкину, воспевшему в стихах страну Шота Руставели, не нашлось места не только в Пантеоне славы, но и в литературе.

Народу упорно навязывались новые идолы и символы. Музей «советской оккупации» должен был напоминать ему о том, как «изнывала» Грузия под игом сидевшего в Кремле грузина И. Сталина, а обновленный проспект имени Д. Буша не оставлять сомнений в том, что все дороги из Грузии ведут не в храм, а в Вашингтон.

Гениальный русский поэт, побывавший в Грузии в 1828 году, не остался равнодушен к красотам ее природы и стыдливым горянкам. Там родились широко известные строки: «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» Когда Александр Сергеевич писал их, то вряд ли предполагал, какого рода мгла спустя полтора столетия опустится на эти холмы, а точнее — на саму Грузию: мгла мракобесия и пещерного национализма. Они оказались губительными не только для самого грузинского, но и соседних с ним народов.

В первый год своего правления М. Саакашвили, объявив самого себя «в законе», зачистил Грузию не только от воров в законе и взяточников из автодорожной инспекции, но и все информационное поле от критики. Жалкие потуги разношерстной оппозиции, обвинявшей его в узурпаторстве, потонули в громогласной антироссийской риторике грузинской власти и треске полицейских дубинок, пересчитывающих ребра несогласных.

Уверенный английский М. Саакашвили и его министров, до недавнего времени получавших зарплату из кармана «западного спонсора», и бодрые заявления встретить очередной Новый год в Сухуме или Цхинвале, вскоре надоели заокеанскому хозяину. Он явно рассчитывал на большее, и потому за грузинскую армию взялись как следует военные советники и инструкторы из стран НАТО.

«Белый лис» уже не тот. В бой идут «розовые» бойскауты

В 2006 году, накануне очередной агрессии против Южной Осетии, только одна, открытая часть бюджета Министерства обороны Грузии возросла в три раза и достигла 220 млн долларов (в 2005-м — 77,6 млн долларов), а другого силового ведомства, МВД, почти в полтора раза и составила 110 млн (в 2005-м — 85 млн долларов).

В целом, динамика роста военных расходов Грузии за восемь лет, предшествовавших агрессии, красноречиво говорит сама за себя:

- 2000 г. — 23 млн долларов;
- 2003 г. — 36 млн долларов;
- 2005 г. — 167 млн долларов;
- 2006 г. — 341 млн долларов;
- 2007 г. — 730 млн долларов;
- 2008 г. — 600 млн долларов.

Кроме того, в рамках различных программ («переподготовка и обучение кадров», «обучение и оснащение», «модернизация») для силовых структур Грузии (МО, МВД и др.) из США, Великобритании, Турции, Греции и других стран НАТО были направлены значительные финансовые средства. Только в 2002–2004 годах США выделили 64 млн долларов на программу «обучение и оснащение», в рамках которой американские инструкторы подготовили свыше 2 тыс. грузинских командос и личный состав танковой бригады.

В порядке «компенсации» за эту помощь Грузия в ноябре 2004 года увеличила свой контингент в Ираке до 300 человек, а к январю 2005 года отправила туда дополнительно еще 550 военнослужащих.

Там, в условиях боевой обстановки, грузинские рейнджеры проходили обкатку, чтобы потом использовать накопленный боевой опыт на войне против непокорных Абхазии и Южной Осетии.

Другая страна НАТО, Турция, в октябре 2004 года выделила на модернизацию грузинской армии 2 млн долларов. Всего с 1998 по 2004 год она израсходовала на эти цели около 37 млн долларов.

В результате долларовых инъекций к началу 2008 года усилиями стран НАТО была полностью проведена модернизация

силовых ведомств Грузии и завершено создание их организационно-технической базы.

30 апреля 2008 года с участием членов правительства и парламента Грузии, военных атташе стран — членов НАТО состоялась торжественная церемония открытия военной базы в Сенаки. Она предназначалась для размещения подразделений 2-й пехотной бригады сухопутных войск вооруженных сил Грузии. Общая численность личного состава бригады составила около 3000 человек. Ее строительство обошлось в 9 млн долларов. Работы проводились турецкой фирмой ИВС.

Другая военная база вблизи города Гори, расположенная в 30 километрах от южноосетинской столицы Цхинвала, также строилась по стандартам НАТО. По затратам и техническому оснащению она ничем не уступала военной базе в Сенаки и стала местом дислокации 4-й пехотной бригады сухопутных войск вооруженных сил Грузии.

В начале августа 2008 года начал функционировать учебный центр горной подготовки в Сачхере для грузинских сухопутных войск. Инфраструктура и оборудование объекта также соответствовали стандартам НАТО. Его оснащение проводилось в соответствии с планом двустороннего грузино-французского военного сотрудничества; предусматривалось участие французских специалистов в подготовке инструкторско-преподавательского состава центра из числа военнослужащих вооруженных сил Грузии. Центр был рассчитан на одновременный прием, размещение и подготовку до 130 человек.

К тому времени были окончательно сформированы организационные структуры высших органов боевого управления вооруженными силами Грузии. В них вошли: сухопутные войска, военно-воздушные силы и войска противовоздушной обороны (ВВС и ПВО), а также военно-морские силы (ВМС). Общая численность личного состава вооруженных сил превысила 26 тысяч человек. Оперативно-боевое управление ими возлагалось на Генеральный штаб (ГШ) вооруженных сил, состоящий из семи департаментов: кадров, разведки, оперативного, связи, логистики, стратегического планирования, военного обучения и военной подготовки. К концу 2007 года общие расходы на

«Белый лис» уже не тот. В бой идут «розовые» бойскауты

оборону стали запредельными и достигли 11,5 % от годового бюджета страны.

Столь своеобразное и стремительное укрепление «демократии» в Грузии было связано, видимо, с растущей политической, экономической и военной мощью России. Она все увереннее заявляла о своих национальных интересах на Южном Кавказе. В Вашингтоне и Тбилиси всячески старались не допустить этого. Военная мускулатура грузинской армии росла не по дням, а по часам. «Накачивали» ее, как говорится, всем «демократическим» миром. В дополнение к 10 вертолетам «Ирокез», безвозмездно переданным американцами, ее военный арсенал пополнился 13 вертолетами Ми-8, 7 штурмовиками Су-25, 4 истребителями МиГ-23 и 6 легкими реактивными самолетами Л-159, предоставленными Чехией, Украиной и Болгарией.

Существенно возросла и боевая мощь бронетанковых войск за счет поставок чешской стороной нескольких десятков танков, а украинской — 40 БМП-2. Специалисты из Израиля нарастили на них броню, оснастили системой опознавания «свой — чужой» и тепловизорами.

Впоследствии офицеры 76-й воздушно-десантной дивизии и 58-й армии Северо-Кавказского военного округа, участвовавшие в освобождении Цхинвала и изгнании с территории республики агрессора, отмечали: «На брошенной бежавшими в панике грузинскими вояками базе в Гори мы увидели наши танки и БТРы, оснащенные такими системами, о которых только приходится мечтать».

Видимо, эта «куча современного железа» и демонстрируемые на парадах каменные физиономии грузинских командос породили у М. Саакашвили и его покровителей уверенность в том, что теперь можно смело расчищать строительную площадку под «трубу».

Очередным горячим летом 2006 года они кавалерийским наскоком попытались овладеть Южной Осетией. Но, встретив решительный и жесткий отпор со стороны военных формирований республики и миротворческих сил России, агрессор отполз в «норы» — на базы в Сенаки и Гори зализывать полученные раны.

Бросок на Южную Осетию являлся лишь частью общего плана, разработанного грузинскими военными при активном участии советников из НАТО. Еще более масштабная по своим стратегическим последствиям для России и всего Закавказья операция затевалась ими в малоизвестном для большинства россиян Кодорском ущелье Абхазии. Но она не получила того развития, на которое рассчитывали ее организаторы, и вследствие этого осталась на втором плане.

Капкан для президентов

Вместе с тем всесторонний анализ событий, происходивших в 2006 году в верхней части Кодорского ущелья Абхазии, находившейся в то время под контролем грузинских полицейских формирований, позволяет вскрыть некоторые тайные механизмы, приводившие в движение различные политические и военные силы как в самой Грузии, так и за ее пределами, а также высветить истинные замыслы организаторов той грандиозной операции-провокации.

Холодная зима 2006 года в Грузии сменилась бурной весной, вызвавшей у ее правителей, как многие ошибочно считали, очередное психическое обострение. М. Саакашвили, И. Окруашвили обрушились с абсурдными обвинениями на командование группы российских войск в Грузии, руководство ГРУ, а также миротворческие силы, заподозрив их в подготовке государственного переворота. Все это сопровождалось непрерывными провокациями против российских военнослужащих и крикливыми пропагандистскими кампаниями антирусского содержания в местных СМИ, которые затем тиражировались на Западе.

Вскоре вслед за ними, но уже на политическом уровне, последовали действия. 18 июля парламент Грузии в одностороннем порядке принял постановление о начале процесса вывода российских миротворцев из зоны грузино-абхазского и грузино-югоосетинского конфликтов, находящихся там по мандату ООН.

На следующий день на встрече с журналистами М. Саакашвили заявил: «...Окончательно этот вопрос будет решен

на неформальном саммите глав стран СНГ в Москве 21–22 июня, в ходе личной встречи с президентом В. Путиным». Комментируя решение, принятое парламентом, он подчеркнул, что «у Грузии мирные намерения».

В Москве М. Саакашвили так и не появился. А какие именно «мирные намерения» имел в виду глава Грузии, оставалось лишь догадываться.

Реакция российской стороны на эти решения и заявления грузинских правителей была сдержанной. Более жестко на них отреагировали министр иностранных дел, секретарь Совбеза и президент Республики Абхазия.

В частности, 20 июля 2006 года в интервью газете «Республика Абхазия» министр иностранных дел С. Шамба заявил: «Совершенно очевидно, что вывод МС (миротворческих сил. — *Авт.*) и занятие их места противоборствующими сторонами неминуемо приведет к дальнейшей эскалации конфликта и, как следствие, к новой гуманитарной катастрофе».

Секретарь Совбеза С. Лакоба высказал предположение о том, что «Москва сейчас не в том состоянии, чтобы идти в очередной раз на очередные уступки».

Президент С. Багапш был еще более резок и категоричен. Он расценил решение парламента Грузии как «самое деструктивное». С. Багапш обратил внимание руководителей миссии ООН в Грузии (МООНГ) на то, что «...в последнее время Грузия шла к сворачиванию миротворческой операции и вытеснению российского воинского контингента. Для достижения этой цели руководство Грузии применяло все средства — как политического, так и провокационного характера».

В этом отношении он был совершенно прав и как будто смотрел в воду. Кому, как не ему, С. Шамбе, секретарю Совбеза С. Лакобе и другим руководителям Республики Абхазия было не знать истинную цену слова старых и новых грузинских вождей. Об этом им и народу Абхазии напоминали многочисленные скорбные обелиски на местах недавних боев, остовы сгоревших домов и еще не заросшие бурьяном уродливые рубцы окопов, оставшиеся после грузинской агрессии 1992 года и широко-масштабных провокаций 1994, 1998 и 2001 годов. Но и они

вряд ли в полной мере представляли, какого рода грандиозная провокация замышлялась М. Саакашвили и его многочисленными западными советниками.

Сегодня многое из этого тайного стало явным. Режиссеры той грандиозной операции-провокации рассчитывали не только на решение задачи «восстановления территориальной целостности Грузии», а и преследовали более глобальную цель — навсегда отбросить Россию «за черту политической и экономической оседлости». Ее осуществление замышлялось с присущим для грузинских правителей вероломством и чисто американским размахом. Они использовали, как это уже не раз бывало в прошлом, отработанный почти до совершенства механизм: спровоцировать противника, а затем завопить на весь мир о себе как о несчастной жертве.

В этих целях работа велась по нескольким направлениям.

Перво-наперво: провокация и еще раз провокация против российских, абхазских и югоосетинских военнослужащих! С каждым днем они приобретали все более циничный и разнузданный характер. С каким-то омерзительным сладострастием грузинское телевидение смаковало сцены, когда группы специально подобранных молодчиков и кликуш забрасывали гнилыми помидорами российских миротворцев и срывали с них погоны. Публичные их оскорбления и унижения стали повседневной нормой. Опьяненные своей безнаказанностью эти шакалы стаи набрасывались на отдельных военнослужащих, а затем грузинское телевидение тиражировало сцены с беспомощными российскими офицерами и солдатами, которым был отдан строжайший приказ: сохранять выдержку и не поддаваться на провокации. Тем, кто организовывал эти шоу, было глубоко наплевать на жизни 103 смоленских, рязанских и курских парней, которые в течение 12 лет не давали вспыхнуть новой войне и стали жертвами диверсионно-террористической деятельности грузинских спецслужб. По замыслу организаторов провокаций, они, видимо, должны были, с одной стороны, подогреть у местного населения антироссийские настроения, а с другой, переполнить чашу терпения командования Вооруженных сил и руководства России и спровоцировать их на неадекватные действия.

Одновременно с этим специальная служба внешней разведки (ССВР), департамент военной разведки Минобороны, департамент контрразведки (ДКР) МВД, департаменты военной полиции Минобороны и пограничной полиции МВД Грузии вели более тонкую и изощренную игру против российских спецслужб. Их главная задача состояла в том, чтобы породить у руководителей России, Абхазии и Южной Осетии иллюзию зыбкости режима М. Саакашвили, наличия в стране мощной оппозиции, и тем самым вызвать соблазн сместить его. Для этого активно использовалась агентура грузинских спецслужб в среде оппозиции, которая затем была подставлена российской разведке. Выполняя задания ДВК МВД и ССВР, она исправно снабжала своих российских кураторов тонко подготовленной «дезой» о мощи оппозиции и росте протестных настроений у населения. Позже с экранов телевизоров агенты-provokatory бахвалились тем, как они ловко водили за нос российских разведчиков, и не жалели черной краски, расписывая их зловещие замыслы по ликвидации «самого демократичного и неустрашимого президента» — М. Саакашвили.

Вольно или невольно на эту шпионско-пропагандистскую мельницу лил воду и бывший шеф спецслужбы Грузии И. Георгадзе. Его заявления, что «дни режима Саакашвили сочтены», и он вот-вот рухнет как трухлявое дерево, а также обещания «высечь этого розового мальчиша-плохиша крапивой», порождали у некоторых политиков в России и Абхазии иллюзию нежизнеспособности власти в Тбилиси и вызывали соблазн воспользоваться ситуацией.

Что касается российских генералов, то они и без того рвались в бой, чтобы поквитаться за все прошлые унижения. А вчерашние «пиджаки»-студенты М. Саакашвили и И. Окруашвили не скупались на еще более хлесткие оскорбления в их адрес и в адрес президента России.

Апофеозом этого грандиозного шоу стал внезапный «мятеж» взбунтовавшегося официального представителя президента Грузии в Западной Сванетии (верхняя часть Кодорского ущелья Республики Абхазия) Э. Квициани. Хотя, казалось, ничто не предвещало подобного хода событий. Еще совсем не-

давно он приглашал М. Саакашвили, спикера и премьер-министра посетить регион, чтобы ознакомиться с жизнью живущих в нем сванов. Но в Тбилиси все тянуло с визитом, и у Э. Квициани лопнуло терпение. Он вдруг яро возненавидел «тирана М. Саакашвили» и воспыал любовью к «братьям — абхазам и русским». Незадолго до этих событий его часто можно было видеть в нижней части Кодорского ущелья, находящегося под контролем абхазской стороны. В разговорах со своими собеседниками он не жалел худых слов для «Миши-Армагеддона» и убеждал их в зыбкости его режима.

Подходил к концу июль. Небывалая жара не могла сбить накала политических страстей, бушевавших в Тбилиси. Площадь перед парламентом стала ареной для бесконечных митингов оппозиции. Среди нее находились многочисленные агенты спецслужб Грузии. И оппозиция, сама того не подозревая, невольно стала массовой в спектакле «Миша, гоу хоум в Америку». Сам он внезапно исчез с экранов телевизоров и не подавал голоса.

И здесь настал час для Э. Квициани. «Мужественный борец за демократию» призвал народ Грузии «сбросить тирана» и объявил о том, что он и Западная Сванетия не признают власти Саакашвили. После чего Э. Квициани, как заправский голливудский актер, принялся картинно позировать перед объективами телекамер ведущих российских и некоторых западных телеканалов. При этом мало кто заметил нескладно сидевшую на нем новенькую, только поступившую со склада «камуфляжку», и нелепо болтавший за спиной автомат. Внимание телезрителей больше привлекли его дерзкие заявления о «последних часах режима Саакашвили», а также решительный тон выступлений оппозиции в Тбилиси.

Реакция режима М. Саакашвили на это действо для неискушенных в грузинской политической кухне выглядела жалкой потугой. Громко заявленная Саакашвили так называемая полицейская акция, направленная на подавление мятежа Э. Квициани, многим, вероятно, показалась актом отчаяния обанкротившегося режима. А умело организованная и поднятая в грузинских и западных СМИ трескотня по этому поводу

являлась лишь дымовой завесой, скрывавшей далеко идущие замыслы. На самом деле на подавление «мятежа Квициани» были брошены не полицейские, как было официально заявлено руководством Грузии, а отборные армейские подразделения, натасканные натовскими инструкторами. Их целью являлась не сотня актеров из дешевого местного балагана, которые, сыграв отведенную им роль на подмостках Кодорского ущелья, должны были уйти в тень, а совершенно другие силы. Более чем вероятно, в Вашингтоне и Брюсселе рассчитывали, что на помощь Э. Квициани придут его «новые друзья» из абхазской и российской армии.

Пока все шло по сценарию «главного режиссера». 25 июля, на рассвете, в 4.50 передовая группа разведки грузинского спецназа блокировала наблюдательный пункт № 302 миротворческих сил России и под угрозой применения оружия против личного состава вынудила его открыть проход. Вслед за ней в верхнюю часть Кодорского ущелья, в нарушение всех международных договоренностей, в частности московского Соглашения о прекращении огня и разъединении конфликтующих сторон от 1994 г., вторглась военная колонна, состоявшая из 30 камазов, 18 «нив», четырех уазов и двух многоцелевых тягачей легкобронированных (МТЛБ). На них находилось свыше 800 военнослужащих. Эту так называемую «полицейскую операцию» возглавлял не кто иной, как министр обороны Грузии И. Окруашвили. «Фиговым листком», прикрывавшим грубый «армейский сапог», являлся министр внутренних дел В. Мирабешвили. Сверху колонну прикрывали американские вертолеты.

В верхней части Кодорского ущелья стало тесно от грузинских военных и боевой техники, а международные наблюдатели миссии ООН в Грузии в упор их не видели. Они в один миг стали немыми и глухими. На обращения министра иностранных дел Абхазии С. Шамбы к руководителю миссии и генсеку ООН призвать агрессора к ответу в ответ звучали лишь невнятные и ничего не значащие заявления.

Тем временем воинство Э. Квициани вступило в бой. Потешная война в Кодорском ущелье унесла жизни нескольких

десятков ни в чем неповинных мирных жителей. Но что они значили, когда речь шла о миллиардах нефтедолларов и утверждении своего господства в этом стратегически важном регионе. Закулисные режиссеры операции-провокации строго по сценарию гнали «картинку». В течение нескольких дней грузинские и западные телеканалы усилено тиражировали кадры с воинственным Э. Квициани и крикливыми, вооруженными автоматами бородачами, которые назойливо лезли в объективы видеокамер. Фоном для их интервью служила отдаленная перестрелка, изредка заглушаемая разрывами мин и снарядов. Все это было подчинено одной цели: показать миру, что в Кодорском ущелье находится не горстка опереточных мятежников, а хорошо вооруженная группировка мятежников, поддерживаемая «абхазскими сепаратистами».

Руководство России и Абхазии дальше резких политических демаршей не пошло, все еще надеясь, что ООН примет меры в отношении зарвавшегося режима М. Саакашвили. А «главный режиссер» продолжал гнать картинку из Кодорского ущелья. Американские вертолеты раз за разом утюжили сванские села. Ожесточенной бомбардировке подверглось с. Чхалта, где, по заявлениям грузинских официальных лиц, находилось «гнездо мятежников». Дымящиеся развалины домов и тела убитых, мелькавшие на телеэкранах, должны были лишний раз убедить собственное население и мировое общественное мнение в том, что в Кодорском ущелье идет настоящая война с международными террористами, поддерживаемыми Россией и Абхазией. Но здесь у «главного режиссера» произошла первая накладка. Племянница Э. Квициани поведала миру о том, что жертвами войны стали не боевики, а мирные сваны: женщины, дети и старики. Власти тут же заткнули ей рот — арестовали. Режиссерам операции-провокации требовалась массовка, а не такие свидетели, как племянница Э. Квициани.

Не все так гладко обстояло и с оппозицией. Среди нее нашлись здравомыслящие люди. Несмотря на жесткую военную цензуру, из зоны Кодорского ущелья поступали отрывочные сообщения якобы о десятках убитых и сотнях раненных грузинских военнослужащих, что вновь всколыхнуло оппозицию.

Ш. Нателашвили обратился к генсеку ООН К. Аннани с требованием «предать президента Грузии М. Саакашвили международному трибуналу за преступления против человечности», а армию он призвал «сложить оружие и выйти из Кодорского ущелья».

Другой деятель оппозиции, М. Пирцхелани, объявил голодовку. К нему присоединились десятки единомышленников с требованием «прекратить братоубийственную войну»; они призывали грузинских матерей «не давать детям одних грузинских матерей убивать других».

Что касается Абхазии, то если сказать, что обстановка в ней напоминала паровой котел, готовый вот-вот взорваться, то это значит ничего не сказать. К исходу 25 июля острие «грузинского кинжала» находилось всего в сорока километрах от столицы. Многим тогда казалось: еще один бросок грузинской армии — и рукопашные бои начнутся на улицах Сухума.

В столице и других городах Абхазии начались стихийные митинги. Их участники призывали президента С. Багапша и руководство страны немедленно выступить в бой и дать отпор агрессору. Еще дальше шли некоторые деятели оппозиции. Они, два года назад проигравшие президентские выборы, вспомнили и теперь уже во всеуслышание повторяли старые страшилки о том, что «к власти в Абхазии пришли ставленники Тбилиси», которые «предают интересы нации и прошлые завоевания».

Волна праведного гнева катилась по Абхазии и набирала силу. Одни ветераны прошлой войны достали оружие из домашних арсеналов и, грозно потрясая им, начали стихийно выдвигаться в район Кодорского ущелья. Другие потребовали встречи с президентом С. Багапшем, и в беседе с ним настаивали на том, чтобы он двинул армию на освобождение Кодорского ущелья. Но нашлись и такие, кто вместе с семьями и скарбом, «нажитым непосильным трудом», бросились к российской границе искать спасения. Таковых оказалось значительное меньшинство.

В Москве, видимо, тоже были вне себя. Такой прилюдной пощечины и унижения перед своим союзником — Абхазией — не могли снести, и, кажется, готовы были помочь ей и президен-

ту С. Багапшу не только словом, а и делом. Но в какой форме, чтобы разбить вооруженного до зубов, пользующегося международной поддержкой и уверенного в своей безнаказанности противника, в Кремле, видимо, окончательно не определились.

Вероятно, у некоторых московских чиновников еще не прошел избирательный стресс от результатов недавних выборов президента Абхазии. Всего два года назад они, видевшие на месте президента республики вместо харизматичного лидера В. Ардзинба «своего человека» — премьера Р. Хаджибу, грубо просчитались. В труднейшей избирательной кампании 2004 года, носившей драматический характер, абхазский народ наперекор всему и всем сделал выбор в пользу С. Багапша и его команды. Эта его победа была словно кость в горле тех, кто несколько месяцев назад, в августе, в Дагомысе подводил к президенту России того, кто должен был принять эстафету власти у В. Ардзинба — премьера Р. Хаджибу.

И здесь они совершили типичную для постсоветских политических менеджеров ошибку. Пройдясь по абхазским чиновничьим верхам, российские чиновники забыли спросить мнение народа, тем более такого своенравного и самобытного, как абхазский. Итог был закономерен. 3 октября 2004 года С. Багапш вместе с кандидатом в вице-президенты, известным историком С. Лакобой уже в первом туре одержали убедительную победу. На следующий день о ней знала уже вся Абхазия. Но «не знал» только «ручной» абхазский центризмбирком, и не признавали итогов выборов севшие в лужу российские чиновники.

Началась травля С. Багапша и его сторонников. Некоторые российские СМИ объявили его и ближайшее окружение «криминалитетом, рвущимся к власти», записав скопом в этот криминалитет около 52 % избирателей. А губернатор Краснодарского края А. Ткачев то ли в припадке чиновничьего рвения, то ли от чрезмерной переоценки своей личности из-за частых встреч в аэропорту Сочи первых лиц российского государства заявил, что «закроет границу с Абхазией». Спустя некоторое время, когда из Кремля повеяли совершенно другие ветры, — президента С. Багапша признали, а Ткачев, как ни в чем не

бывало, заговорил уже «о большом друге России и Кубани Сергее Васильевиче Багапше».

Но не Ткачев, а сам Сергей Васильевич сумел переломить отношение Москвы к себе и своей команде к лучшему. Тогда президент находился в невероятно тяжелом положении: в госказне пусто, с властными друзьями за пределами Абхазии и вовсе не густо, в правительстве собрались совершенно разные по взглядам люди. И все же каким-то немислимым образом ему удалось за два года одновременно и мало-мальски наладить работу правительства, и несколько охладить невероятно высокий политический накал в обществе, вызванный недавней избирательной кампанией.

И вот спустя два года Багапш снова оказался в труднейшей ситуации — на этот раз между трех огней.

В Кодорском ущелье за мощнейшими укреплениями сосредоточилась хорошо организованная и оснащенная по последнему слову техники грузинская военная группировка. Это был уже далеко не тот полууголовный сброд, который вторгся в Абхазию в августе 1992 года. Костяк группировки составляли военнослужащие, за плечами которых был опыт боевых действий в Ираке, Афганистан. И что, весьма немаловажно, — их питал дух реванша, а также уверенность в своих силах.

В то же время абхазская армия, по мнению специалистов, несмотря на высокий боевой настрой ее личного состава, существенно проигрывала в таких важнейших компонентах, как качество военной техники, большую часть которой составляли трофеи, добытые в ходе войны 1992–1993 годов, и в уровне подготовки командного состава, особенно в звене рота — батальон.

Кроме того, внутри самой Абхазии, еще не успевшей остыть после недавней президентской кампании, у С. Багапша не было той подавляющей поддержки, которой располагал В. Ардзинба в 1992 году, когда грузинские орды вторглись на территорию республики. Более того, так называемая «полицейская операция» подлила масла в огонь надуманных подозрений недоброжелателей. Ряд деятелей из оппозиции и некоторые горячие головы в медлительности С. Багапша при решении проблемы Кодорского ущелья силовым путем усматривали слабость, а некоторые

из них, не стесняясь, говорили «о предательстве национальных интересов и тайном сговоре с грузинскими правителями».

Москва тоже, вероятно, четко не обозначила перед ним тех пределов, до которых она готова идти в своей поддержке при решении «кодорской проблемы». В Кремле взвешивали все последствия своего военного участия в операции. И, видимо, находили в этом больше минусов, чем плюсов, и потому части Северо-Кавказского военного округа остались в местах своей постоянной дислокации.

В сложившейся пиковой ситуации окончательное решение оставалось за президентом С. Багапшем. Чего это ему стоило, знает только он один. Абхазская армия не покинула казарм. И борьба за освобождение верхней части Кодорского ущелья переместилась в политико-дипломатическую сферу. Время подтвердило правоту Сергея Васильевича и правильность его выбора.

Сегодня не только военным специалистам, но и горячим головам, подталкивавшим президента к силовому решению «кодорской проблемы», стало очевидно, что если бы абхазская армия и ополченцы вступили в войну, то, вне всякого сомнения, она обернулось бы тысячами погибших и раненных. Для маленькой Абхазии, едва насчитывающей, согласно переписи 2003 г., 216 тысяч человек (из них 42,3 тысячи — грузины), это оказалось бы невосполнимой потерей.

Даже в случае поддержки действий абхазской армии российскими военными еще не факт, что операция по освобождению Кодорского ущелья завершилась бы успешно. Так как в этом случае их противниками стали бы не только грузинские военные, но и ООН, ЕС и НАТО, дружный хор которых обвинил бы Россию и Абхазию во всех смертных грехах. Первые дни агрессии Грузии против Южной Осетии в августе 2008 года наглядно подтвердили это.

Тогда, в июле 2006 года, президент С. Багапш не поддался ни эмоциям, ни нажиму и принял единственно верное решение: армия и ополченцы остались на исходных позициях. То ли интуиция, то ли провидение, которое, как отмечают некоторые наблюдатели, благоволил к Сергею Васильевичу, подсказали

ему, что в Кодорском ущелье заготовлен капкан не только для Абхазии, но и для России.

В августе 2008 года, когда офицеры и солдаты 7-й воздушно-десантной дивизии Вооруженных сил РФ, а также части абхазской армии и ополченцы вступили в верхнюю часть Кодорского ущелья, которую в панике бросило грузинское воинство, то они увидели фортификационные сооружения, ничем не уступавшие знаменитой линии Маннергейма времен Второй мировой войны. В июле 2006 года она могла стать последней линией в жизни тысяч граждан России и Абхазии.

Политические последствия действий российского и абхазского руководства, если бы оно поддавалось на ту грандиозную мистификацию-провокацию, не трудно предсказать. Россию и Абхазию обвинили бы в агрессии со всеми вытекающими из этого последствиями. Капкан, заготовленный для российского и абхазского президентов, не сработал. Спустя два года в него угодил сам М. Саакашвили.

«Гуляй-поле»

После провала военной авантюры в Южной Осетии и так называемой «полицейской операции» в верхней части Кодорского ущелья в 2006 году спеццы из Пентагона, ряда стран НАТО, а также примкнувшие к ним националистические силы из Украины, которым главное — насолить, неважно где, России, сделали для себя выводы. К очередной агрессии они принялись готовиться со всей основательностью.

Основное внимание было сосредоточено на подготовке мобильных специальных военных подразделений, способных самостоятельно решать тактические задачи. Одним из них стал 13-й батальон специального назначения «Шавнабада» 1-й пехотной бригады вооруженных сил Грузии с базой дислокации близ Тбилиси. В его состав входило около 500 человек. На вооружении находились около 15 танков, снайперское оружие, в том числе предназначенное для поражения удаленных целей и оснащенное приспособлениями для беспламенной и бесшумной стрельбы.

Батальон одним из первых в грузинской армии начал подготовку под руководством американских инструкторов по программе «Обучение и оснащение». В ходе нее решались задачи по обучению личного состава ведению боевых и разведывательно-диверсионных действий в горно-лесистой местности, городских условиях и на морском побережье. До событий августа 2008 года военнослужащие батальона активно задействовались в диверсионно-разведывательных акциях в Кодорском ущелье Абхазии.

Аналогичным образом велась подготовка 11-го пехотного батальона специального назначения с местом дислокации в Телави, батальона «Коммандо», находящегося в Вазияни, и 23-го горно-стрелкового батальона 5-й пехотной бригады, дислоцировавшейся в Сачхере. Личный состав этих формирований также прошел обучение в рамках второй стадии программы «Обучение и оснащение» и принимал участие в провокациях в Абхазии и Южной Осетии.

Не остались в стороне и военнослужащие отдельной бригады специального назначения, размещавшейся на базе учебного центра конфликтов малой интенсивности в Коджори, пригороде Тбилиси. Несмотря на то что официальной целью центра является подготовка грузинских военнослужащих к участию в миротворческих операциях НАТО, бойцы подразделения неоднократно забрасывались на территорию Абхазии, прежде всего в верхнюю часть Кодорского ущелья. В составе бригады также были созданы особые боевые группы численностью до семи человек из числа лиц, владеющих русским, осетинским и абхазским языками. В их задачу входило: под видом российских, абхазских и югоосетинских военнослужащих осуществлять диверсии и теракты в случае начала широкомасштабных военных действий.

С учетом опыта ближневосточных войн Израиля, афганской и иракской военных кампаний в основу тактики этих подразделений и частей были положены действия особых штурмовых групп.

Штурмовые группы включали в себя две мотострелковые роты, танковый взвод, саперное отделение. Исходя из этого

тактического построения, разработчики плана операции «Чистое поле» предусматривали: огнем артиллерийских батарей и бронетехникой смять оборону югоосетинских ополченцев, миротворческих сил России, и к исходу третьих суток взять под свой контроль стратегически важные пункты Цхинвал и Джаву и запереть Рокский тоннель со стороны России. После этого планировалось наведение «конституционного порядка» в Абхазии.

Здесь намечалось нанесение нескольких комбинированных ударов. Мощная грузинская группировка, оккупировавшая в 2006 году верхнюю часть Кодорского ущелья, должна была обрушиться на столицу — Сухум, и к исходу первых суток захватить город. Одновременно с этим в различных частях республики планировалась высадка морского и воздушного десантов с целью недопущения создания абхазской стороной единого и организованного фронта сопротивления.

Незадолго до начала агрессии решение данных задач отрабатывалось в ходе учений под кодовым названием «Огненный кулак» и «Броня».

Наряду с военной подготовкой руководители Грузии и их покровители в Вашингтоне и Брюсселе предприняли ряд дипломатических и пропагандистских шагов, отвлекающих внимание российской и абхазской сторон. По замыслу «главного режиссера» блицкрига под названием «Чистое поле», эти шаги преследовали вполне определенные цели. Одна из них состояла в том, чтобы сформировать в международном (и в первую очередь западном) общественном мнении представление о том, что руководство Грузии и «друзья Грузии» сделали все возможное, чтобы восстановить мир в этом регионе.

В мае — июле 2008 года председатели различных комиссий Европейского сообщества и министр иностранных дел Германии сновали челноками между Москвой, Тбилиси и Сухумом. В итоге на свет появился так называемый «план Штайнмайера», который с оговорками приняли к рассмотрению абхазская и российская стороны. Отвлекающий маневр сработал — был запущен переговорный процесс. На этот раз помощник госсекретаря США М. Брайза и другие должностные лица Госдепа,

которые вызывали острое раздражение как в Москве, так и в Сухуме, предпочли действовать руками европейцев.

До начала грузинской агрессии оставалось чуть больше месяца.

Дипломатическая возня нарастала. В ходе нее решалась и другая задача — дезинформационная. Те, кто уже посчитал себя будущими победителями в «Чистом поле», подобными маневрами, вероятно, рассчитывали отвлечь внимание руководителей России, Абхазии и Южной Осетии от военных приготовлений грузинской стороны и усыпить их бдительность. В этих целях Тбилиси предложил Сухуму провести предварительные неофициальные консультации по нормализации отношений между двумя республиками, обострившимися до крайности после ввода в 2006 году грузинских войск в верхнюю часть Кодорского ущелья.

И такая встреча состоялась в Стокгольме 14–17 июня 2008 года. С абхазской стороны в ней участвовали: нынешний премьер, а в то время министр иностранных дел С. Шамба, вице-премьер Б. Кубрава и министр по налогам и сборам В. Пипия. В состав грузинской делегации входили: секретарь Совета безопасности А. Ломая, постпред Грузии в ООН И. Аласания, заместитель председателя Комитета по обороне и безопасности парламента Грузии Н. Руруа, госминистр по вопросам реинтеграции Т. Якобашвили.

На встрече грузинской стороной был представлен некий поэтапный подход к урегулированию конфликта. Случайно или нет, но ряд его пунктов совпал с планом Штайнайера. В частных беседах И. Аласания намекал абхазским собеседникам на то, что в случае несговорчивости с Абхазией будут разговаривать по-другому. Каким образом, догадаться было не сложно. И. Аласания, «голубь» с повадками стервятника, был более чем уверен, что в случае возникновения «спонтанного» военного конфликта, российское руководство дальше политических и экономических демаршей не пойдет. Эти страшилки на С. Шамбу, Б. Кубраву и В. Пипия не подействовали. Министр иностранных дел Абхазии заговорил языком министра обороны, и на том встреча закончилась.

До начала грузинской агрессии оставалось 20 дней.

За несколько часов до того, как артиллерийский шквал обрушился на спящий Цхинвал, уже сам М. Саакашвили поставил «дымовую завесу» из наглой и омерзительной лжи. Он обратился к руководителям Южной Осетии с предложением: сесть за стол переговоров без всяких предварительных условий. Они, наивные, поверили, что накануне Олимпиады в нем проснулись человеческие чувства. Ее великие идеалы, которые в седой древности свято соблюдали даже самые свирепые тираны, оказались пустым звуком для М. Саакашвили и тех кукловодов, что стояли и поныне стоят за его спиной.

8 августа 2008 года жителей Южной Осетии разбудил гром грузинской артиллерии, а не олимпийских фанфар. Цхинвал пылал в огне. Под развалинами домов гибли дети и старики. Российские миротворцы и югоосетинские ополченцы держали оборону. Именно стойкость русского солдата, стоявшего насмерть, сорвала замысел тех, кто замышлял блицкриг в Южной Осетии. Ценой своих жизней смоленские, вятские, тульские ребята задержали агрессора и дали возможность частям 58-й армии Северо-Кавказского военного округа отмотобилизоваться и прийти на помощь югоосетинскому народу.

Шестьдесят семь молодых, полных сил и светлых надежд русских парней уже никогда не вернутся домой, чтобы дать новую жизнь новому поколению защитников Отечества. Самые тяжелые потери понес личный состав 2-го батальона 135-го мотострелкового полка 19-й мотострелковой дивизии и приданное ему на усиление подразделение армейского спецназа, занимавший позиции в южном (верхнем) лагере миротворцев. В первый день агрессии погибло 14, в последующие дни еще семеро бойцов. Они ни на шаг не отступили и не позволили противнику захватить Цхинвал, а затем выйти к Рокскому тоннелю и отрезать Южную Осетию от России.

Цхинвал превращался в развалины, над которыми витал запах смерти, крови и пороха, а цивилизованный, утонченный Запад хранил гробовое молчание. Для тех, кто устроил эту кровавую бойню, жизни тысяч осетин и нескольких десятков российских миротворцев, находящихся там по мандату ООН,

ничего не стоили, когда на кон циничной игры были поставлены миллионы баррелей нефти и геополитические интересы сверхдержавы. Но едва только нога солдата 58-й армии Северо-Кавказского военного округа ступила на истерзанную и опаленную огнем вероломной войны землю Южной Осетии, как западные СМИ, словно по команде, зашлись в истерику. Россию обвинили в агрессии!

И тут же ее ненавистники — бывший президент Украины В. Ющенко, бывший президент Польши Л. Качиньский и подвывалы из стран Балтии — бросились спасать своего подельника по антироссийским делам. В центре Тбилиси вместе с М. Саакашвили они устроили омерзительный шабаш на крови безвинных жертв, погибших в результате вероломной грузинской агрессии. И вскоре сама судьба, словно в отместку за это кощунство, воздала каждому по заслугам. В. Ющенко с треском проиграл президентские выборы на Украине. А спустя несколько месяцев, 10 апреля 2010 года, еще один ярый ненавистник России, Л. Качиньский, канул в небытие.

В свете этого будущее самого М. Саакашвили можно без труда увидеть в прошлом правителей Грузии — царя Ираклия II, меньшевика Н. Жордании, диссидента З. Гамсахурдиа и партократа Э. Шеварднадзе. А оно не за горами. Лишним подтверждением тому служит то, что в апреле 2010 года президент США Б. Обама отказал ему в приеме. А 8 мая 2010 года в Москве были замечены его ближайшие в прошлом соратники-подельники — бывший премьер правительства З. Ногаидели и бывший спикер парламента Н. Бурджанадзе. Та самая Н. Бурджанадзе, которая за несколько месяцев до агрессии в Южной Осетии во всеуслышание заявляла о том, что «...если бы у меня было два сына, то одного я бы отправила освобождать Цхинвал, а другого — Сухум».

Спустя два года после провала авантюры «Чистое поле» они предпочитали не вспоминать свои прошлые воинственные заявления и пока еще скромно, на втором плане, присутствовали в рядах высших российских чиновников, участвовавших в церемонии закладки памятника на Поклонной горе войнам-грузинам, погибшим в Великой Отечественной войне

1941–1945 годов. Того самого памятника, который по распоряжению М. Саакашвили 19 декабря 2009 года был варварски взорван в городе Кутаиси.

После той поездки в Москву Н. Бурджанадзе, уже претендующая на роль лидера объединенной грузинской оппозиции, 11 августа во время выступления в тбилисском пресс-клубе «Прайм-тайм» позволила себе резкую критику не только М. Саакашвили, но и тех, кто когда-то сместил с поста президента Э. Шеварднадзе и вывел ее в «люди» вместе с З. Жвания и «Мишей».

В своем выступлении перед местными и зарубежными корреспондентами Н. Бурджанадзе камня на камне не оставила от письма бывшего кандидата в президенты США от Республиканской партии сенатора Д. Маккейна, опубликованного 10 августа в *Washington post*. В письме этот «близкий и личный друг М. Саакашвили» потребовал от президента Б. Обамы более активно поддерживать Грузию, противостоящую России.

В критическом запале Н. Бурджанадзе настолько осмелела, что позволила себе поучать высокопоставленного американца. В частности, она заявляла: «Где он (имелся ввиду Д. Маккейн. — *Авт.*) увидел демократию и диктатуру закона в Грузии? Прочему он в отличие от России ничего не пишет о погромах мирных манифестаций в Грузии, примером чего может служить инцидент 6 мая, когда в Тбилиси у управления полиции разбивали головы мирным демонстрантам?» И далее: «И вообще, простил бы Маккейн Обаме потерю 20 % американских территорий, случись такое на деле?!»

Судя по всему, очередной виток предательства правящей грузинской элиты подходит к завершению. Возможно, в ближайшее время Н. Бурджанадзе, З. Ногаидели или кто другой станут бить челом у кремлевских ворот.

При этом нельзя исключать того, что жалкий М. Саакашвили, брошенный своим заокеанским хозяином, с тем же пылом, с каким он хулил все российское, станет проклинать Д. Бушмладшего, коварно заманившего его и Грузию в противные для души грузина дебри «западной демократии», и вспомнит

великого А. Пушкина, воспевшего в своих бессмертных стихах Грузию. И тогда Москва, исходя из своих геополитических интересов, более чем вероятно примет под свое крыло «заблудших грузин». Вопрос, в каком только качестве? Союзника? Партнера? Иждивенца? Здесь весьма важно, независимо от того, как сложатся эти отношения, не дать им в очередной раз сесть себе на шею.

Но это пока еще перспектива отдаленного будущего. А тогда, в августе 2008 года, казалась, что Россия захлебнется в том водопаде лжи и дезинформации, который на нее обрушили западные СМИ. Но он быстро иссяк. Война закончилась уже на пятый день.

Не помогла горе-воjakам и самая боеспособная пехотная бригада армии Грузии, спешно переброшенная американскими ВВС из Ирака. К тому времени операция «Чистое поле» превратилась в «Гуляй-поле». Коммандос, накачанные шовинизмом местными и западными СМИ до неприличия, разбежались по домам. Хваленая грузинская армия исчезла будто чудовищный, сюрреалистический мираж. На поле боя остались горы навороченной натовской и украинской боевой техники, груды технической и штабной документации, в том числе и на английском языке. Военная машина Грузии, вскормленная своим хозяином, разбилась вдребезги о политическую волю руководителей России, мужество российских солдат, офицеров и осетинских ополченцев.

Прощай, «малая империя»

В августе 2008 года тбилиским «ястребам» был дан поучительный урок. Заветная мечта М. Саакашвили затмить славу Давида Строителя и собирателя «земель грузинских» так и не сбылась. Он и стоящие за его спиной кукловоды оказались у разбитого корыта. Судя по всему, оправдываются пророчества злых тбилиских языков, прозвавших его «Миша-Армагеддон». Столь мрачное будущее вряд ли грозит Грузии и ее народу. Но то, что время «саакашвилистов» безвозвратно уходит, не вызывает сомнения. И той Грузии, которая в XX веке, благодаря

усилиям грузина И. Сталина, вызрела в благодатной утробе советской империи, уже никогда не будет.

26 августа 2008 года Абхазия и Южная Осетия стали независимыми государствами. — Спустя два века новая Россия возвратила исторический долг Абхазии — ее свободу. В тот день, без всякого преувеличения, столица республики купалась в море радости и счастья. Повсюду, в Сухуме, Гаграх, Ткуарчале, в самых отдаленных горных селах абхазы, русские, армяне, греки, независимо от национальности и языка, поднимали тосты за свободу, за тех, кто отдал за нее свою жизнь, за Россию, за президента России Дмитрия Медведева, за Владимира Путина и «нашего Владислава»!

К сожалению, первый президент Абхазии не смог разделить великую радость и великую победу рядом с народом. Тяжелейший недуг, с которым Владислав Григорьевич боролся последние десять лет, приковал его к постели. Это была та страшная цена, которую ему пришлось заплатить, чтобы привести свой народ к выстраданной победе. В самые трудные дни войны 1992–1993 годов с грузинскими агрессорами для всех тех, кто встал на защиту своей земли, своего очага, он был символом нестигаемого духа и веры в то, что огромные жертвы не будут напрасными.

И когда, наконец, 30 сентября 1993 года враг был разбит и позорно бежал, они, счастливые победители, наивно верили в то, что тяжкие испытания остались позади. Но мир циничных политиков посчитал иначе. Он надменно отвернулся от народа Абхазии и одним росчерком пера загнал его в «зону» за преступления, которые совершили другие.

В сентябре 1994 года под давлением Б. Ельцина и Э. Шеварднадзе руководители стран СНГ приняли варварское решение установить полную блокаду Абхазии. В течение пяти лет абхазы, русские, армяне, все те, кто проживал на ее территории, стали невыездными. Лишь тонкий ручеек на пограничном переходе Псоу из женщин, стариков и детей связывал Абхазию с внешним миром. На их хрупкие плечи легло тяжкое бремя обеспечения своих семей. В детских колясках, на тачках, под алчными взглядами ненасытных таможенников, по

разбитой гусеницами танков дороге они провозили через границу «блокадный набор» — муку, соль, крупы и керосин. Давно уже забытое в России слово «блокада» стало для них ужасным проклятием на целых пять лет. И все это время, как и в месяцы войны, символом их надежды и веры в высшую справедливость оставался он — «наш Владислав»! У них ни на минуту не возникало тени сомнения в том, что он устоит перед сильными мира сего и ни при каких условиях не сдаст их такую выстраданную победу.

Несмотря на то что удавка блокады все сильнее душила народ Абхазии, а западные политики искушали Владислава Григорьевича самыми заманчивыми предложениями в обмен на отказ от курса независимости, он не поддался уговорам, так как твердо верил, что будущее Абхазии неразрывно связано с Россией. В те окаянные и проклятые дни и месяцы начала девяностых годов, когда амбициозные, алчные политиканы рвали на части родину своих отцов, стравливали между собой народы ради вожделенной власти, Владислав Ардзинба оказался единственным, кто сумел объединить его и выстоять в войне, в которой, казалось, невозможно было победить. Затем в течение пяти лет в невероятно трудных условиях тотальной блокады он вместе со своими соратниками Ю. Вороновым, С. Багапшем, С. Шамбой, С. Лакобой, С. Джинджолией поднимал из руин республику и строил независимое государство. Государство, которое предпочитали не замечать как на Западе, так и в «ельцинской Москве». И, несмотря на это, Владислав Григорьевич проявил поразительную дальновидность и сохранял непоколебимую веру в то, что настанет тот счастливый час, когда новая, будущая Россия протянет руку братской помощи его многострадальному народу.

В сентябре 1999 года только что назначенный премьер России Владимир Путин, будучи связанным по рукам и ногам окружением Б. Ельцина, проявил политическую прозорливость и сделал дерзкий шаг — отменил часть санкций в отношении Абхазии. Что тогда творилось в Абхазии! Это невозможно описать и трудно представить. Тысячи и тысячи ее жителей хлынули к пограничному переходу на Псоу, чтобы хоть одним

глазком посмотреть на тот новый мир, который последние пять лет они видели только по телевизору.

Спустя девять лет, 26 августа 2008 года, произошло настоящее чудо, в которое не могли поверить самые прозорливые политики и аналитики как в Абхазии, так и в России. То, о чем так мечтал Владислав Григорьевич Ардзинба, сбылось! Его родина стала свободной и независимой! На карте она занимает крохотное место, но это нисколько не умаляет величия первого президента Абхазии. Вероятно, кому-то это покажется игрой воображения, но даже его уход из земной жизни был наполнен множеством многозначительных символов.

Незадолго до смерти Владислава Григорьевича жители Абхазии наблюдали, как в течение трех ночей вокруг луны сияло галло, словно светящийся нимб — символ святости. Умер он 4 марта 2010 года. В такой же весенний день, 4 марта 1949 года, родился Сергей Багапш, принявший у него эстафету тяжелой президентской власти.

7, 8 и 9 марта 2010 года были объявлены в Республике Абхазии траурными днями. В течение траурных дней, вплоть до дня прощания с Владиславом Григорьевичем, на море бушевал свирепый шторм, а на побережье и в горах непрерывно лил дождь, будто сама природа была в неутешном горе от кончины первого президента независимой Республики Абхазии.

9 марта незадолго до того, как граждане Абхазии пришли к зданию госфилармонии, чтобы отдать дань уважения своему великому президенту, словно по повелению свыше, шторм резко пошел на убыль. Дождь прекратился. С юга повеял нежным теплом своенравный «батумец». Он как бы пытался согреть заледеневшие от безмерного горя сердца абхазов, русских, армян, греков и всех тех, за кого так страстно, так бескомпромиссно до последней минуты своей жизни сражался Владислав Григорьевич.

Даже в дни величайших торжеств по случаю освобождения Абхазии от грузинских захватчиков и признания ее независимости Россией Сухум не видел на своих улицах столько людей. Трудно подыскать слова, чтобы выразить то искреннее горе, что владело ими в те минуты. Они прощались не просто с прези-

дентом, они прощались с тем, кто дал им свободу и надежду на счастливое будущее.

Свой земной путь первый и воистину великий президент Владислав Ардзинба закончил на берегах непокорной реки Гумисты, ставшей линией фронта, которую за все тринадцать месяцев войны войскам Госсовета Грузии так и не удалось сдвинуть ни на метр. Как и подобает командиру, он занял место в боевом строю рядом с теми, кого в суровые дни войны вел на смерть ради жизни в будущей свободной и независимой Абхазии. И, когда отгремел прощальный салют, тысячи глаз поднялись к небу. Они и бесстрастные объективы кинокамер запечатлели журавлиную стаю на очистившемся от туч небе. Она направлялась на север, туда, куда все эти неимоверно трудные, наполненные лишениями и страданиями годы, обращал свой взор Владислав Григорьевич.

Вечером в горах, в верховьях Гумисты, сгустились тучи и разразилась гроза. Гигантские молнии ослепительными вспышками рвали и терзали сумерки. Чудовищные раскаты грома, казалось, вот-вот обрушат небо на землю. Старожилы тех мест не могли припомнить столь ранней и столь неистой грозы. Она спустилась по реке, прогремела над могилой Владислава Григорьевича и ушла в бесконечную морскую даль. Титан духа, титан воли присоединился к собратьям, чтобы стать священной легендой для будущих поколений граждан свободной Абхазии.

Э. Шеварднадзе и М. Саакашвили промолчали. Когда разговаривают небесные и земные властители, плебейм духа остается лишь молчать.

В последнее время «Миша-Армагеддон» предпочитает помалкивать и лишний раз не высовываться. Но не столько прозвище, сколько прошлые и нынешние грязные делишки вынуждают высоких покровителей на Западе держать его на расстоянии. Видимо, они склонны придерживаться той же точки зрения, что и Ф. Шиллер в драме «Заговор Фиеско»: «Der Mohr hat seine Schuldigkeit getan, der Mohr kann gehen» — «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить». Не исключено, что в Вашингтоне М. Саакашвили уже подыскивают замену. И, судя по тому, как себя ведет нынешняя администрация пре-

зидента США, у нее остается все меньше желания заниматься этой проблемой. Грузия с ее вождями порядком утомила заокеанского хозяина. Она постепенно отходит на обочину внешней политики Вашингтона.

Пройдет немного лет и, возможно, примеру Абхазии и Южной Осетии последует Менгрелия. В начале девяностых годов прошлого века уголовно-националистический сброд Д. Иоселиани и Т. Китовани, а вслед за ними и головорезы Госсовета, прошли огнем и мечом по ее городам и селам. Поражение Грузии в Абхазии обернулось массовым бегством в основном менгрельского населения из Гальского, Очамчирского, Ткуарчалского и других районов. Значительная часть из более чем 240 тысяч беженцев осела в Менгрелии, которую что прошлые, что нынешние тбилисские правители держали и держат в черном теле.

Неспокойно и в других районах Грузии, где компактно проживает армянское и азербайджанское население. Их общая численность превышает несколько сотен тысяч человек, и по мере того как Тбилиси будет все туже затягивать вокруг них националистическую удавку, тем все более вероятно, что в недалеком будущем Грузия провалится в свое прошлое и сожмется до прежних царств: Кахетии и Картли. Вселенский масштаб, который изо всех сил амбициозные грузинские правители тужатся придать Грузии, так и останется плодом их болезненного воображения. Хотят правители того или нет, но она, как и прежде, станет предметом непростых домашних хлопот России, Турции и Ирана.

Но до тех пор, пока ядовитое жало — спецслужбы режима М. Саакашвили — не вырвано с корнем, в Абхазии, Южной Осетии, на территории республик Северного Кавказа их агенты будут продолжать взрывать, стрелять из-за угла и шпионить. А они сыграли далеко не последнюю роль в подготовке и агрессии Грузии против Южной Осетии и Абхазии в августе 2008 года. Их руководители своей «липовой» информацией подогревали агрессивные устремления М. Саакашвили и самого большого «хозяина». Представляя наверх оптимистичные разведывательные доклады, они, видимо, полагали, что русские не посмеют сунуться, а если что, то Запад им поможет.

Без совести и чести

К 2008 году спецслужбы Грузии представляли собой далеко не то «потешное тайное войнство», уши которого в начале 90-х торчали за каждой провокацией в Абхазии и Южной Осетии. За пятнадцать с лишним лет многочисленные советники из ЦРУ и РУМО (Разведывательное управление Министерства обороны США), МИТ (спецслужба Турции), МИ5 и МИ6 (британская контрразведка и разведка) создали целостную и жестко организованную систему национальных контрразведывательных и разведывательных органов. В ее состав входят: Специальная служба внешней разведки (ССВР), Департамент военной разведки Минобороны, Департамент контрразведки (ДКР) МВД, департаменты военной полиции Минобороны и пограничной полиции МВД.

Все они оснащены самыми современными техническими средствами ведения подрывной деятельности. Но основной разведывательный и контрразведывательный потенциал грузинских спецслужб определяют не нанотехнологии, а морально-политическое состояние кадрового состава. К настоящему времени среди сотрудников не осталось тех, кто хоть как-то был связан с советской разведкой и контрразведкой. Их вывели антироссийской «метлой» еще при правлении Э. Шеварднадзе. Теперь при зачислении на службу основными критериями в оценке кадров являются их прозападный настрой и наличие в своем активе курса подготовки в спецслужбах НАТО.

Так, ССВР возглавил Г. Джапаридзе. Первым его заместителем стал К. Чиковани. Оба прошли интенсивное обучение в ЦРУ и РУМО. При ССВР действует многочисленный штат советников-сотрудников американских и британских спецслужб. Наиболее важные разведывательные операции разрабатываются и проводятся под их непосредственным контролем. Работу с ценными агентами, добывающими информацию по актуальной проблематике (и в первую очередь по России) они переключают на себя. Ее сбор осуществляют как с легальных, так и нелегальных позиций. В этих целях используются родственные, деловые и иные связи граждан Грузии с диаспорами

в России, Абхазии и Южной Осетии. На пограничных пунктах действует отлаженная система тотального опроса граждан, который больше напоминает допрос.

В марте 2008 года подполковник И. Курашидзе — российский гражданин и военнослужащий 42-й мотострелковой дивизии Северо-Кавказского военного округа возвращался из Батуми, где проживали его родные, к месту службы и был задержан на границе сотрудниками спецслужб Грузии. Особо не утруждая себя дипломатическим протоколом, те устроили ему форменный допрос, пытались получить данные о штатной численности 42-й мотострелковой дивизии, о состоянии ее боеготовности, а также собрать характеризующие данные на командный состав. Затем, напирая на его национальные чувства, они прямо предложили негласное сотрудничество — шпионить «во имя интересов нашей родины». Родина у подполковника Российской армии и сотрудников грузинских спецслужб оказалась разная. И. Курашидзе служил той Родине, которой раз и навсегда давал воинскую присягу. Он наотрез отказался сотрудничать. Мелко мстя, они порвали его общегражданский и заграничный паспорта. Он вынужден был возвратиться в Батуми, чтобы восстановить документы. Но и там грузинские спецслужбы не оставили его в покое. На домашний телефон И. Курашидзе постоянно поступали звонки с угрозами расправы над ним и его родными. И только после вмешательства МИД России ему позволили выехать к месту службы.

Значительный объем разведывательных данных к грузинским спецслужбами поступает по так называемым «партнерским каналам» из ЦРУ, РУМО и МИ6. Информацию по закрытой и особенно по политической и военной тематике ССВР добывает в основном агентурным путем. В интересах этого с 2005 года начато развертывание нелегальных резидентур на территории республик Южной Осетии и Абхазии, в Краснодарском и Ставропольском краях. Возглавляют их, как правило, кадровые сотрудники ССВР, осевшие на этих территориях под глубоким прикрытием частного предпринимателя или беженца. Основными объектами их разведывательных

устремлений являются воинские части, органы ФСБ, МВД и структуры государственной власти и управления.

В последние годы грузинскими спецслужбами усилена вербовочная и разведывательная работа не только в прилегающих к ее территории регионах, но и в глубине России. Органами ФСБ, в частности военной контрразведки, выявлена агентура грузинских спецслужб за тысячи километров от Тбилиси. На Дальнем Востоке и Крайнем Севере, в окружении военно-морских баз и полигонов она добывала секреты явно не для ССВР, а более чем вероятно для американской и британской разведок.

Важную роль в организации подрывной деятельности против России, Абхазии и Южной Осетии играло и продолжает играть ДКР. Его возглавляет Ш. Жгенти. Ранее он проходил службу в информационно-аналитическом отделе Специальной службы внешней разведки под началом М. Бердзенешвили и особыми способностями на этом поприще не блистал. Но не это стало главным для шефа МВД В. Мерабишвили, весьма близкого к М. Саакашвили, при назначении его на столь высокую должность. Выбор преопределила личная преданность, то, что сейчас больше всего ценится в нынешней грузинской власти. Перескочив несколько ступеней служебной лестницы, Ш. Жгенти занял кресло руководителя ДКР. Теперь уже его бывший начальник М. Бердзенешвили, возглавляющий Управление внешнего наблюдения, оказался в подчинении. Но, как говорится, ворон ворону глаз не выклюет.

Основную контрразведывательную работу в ДКР МВД ведет Главное управление контрразведки. Руководит им Л. Табидзе. Его заместителями являются Г. Лордкипанидзе и Г. Джапаридзе. Подчиненными Л. Табидзе осуществляется оперативная разработка нелояльных нынешнему режиму лиц, в том числе и деятелей оппозиции. Под особым прицелом находятся те граждане, кто имеет связи в России, Абхазии и Южной Осетии. Против них применяются все средства, которые имеются в арсенале современных спецслужб: агентура, наружное наблюдение, психотропные средства и т. п. В их использовании грузинские спецслужбы не брезгают ничем и пускают в ход провокации и шантаж.

В этом отношении весьма показательна судьба бывшего ближайшего соратника М. Саакашвили и министра обороны Грузии И. Окруашвили. Позволив себе критику шефа, он тут же оказался в числе врагов. Не прошло и трех суток со дня ареста, как «железный Иракий» покрылся «ржавчиной». Перед телезрителями на экранах предстала его бледная тень. Мятый спортивный костюм, заторможенная речь и вымученные извинения перед М. Саакашвили — красноречивое свидетельство того, что в грузинских спецслужбах нашлись достойные премники зловеще памятного наркома НКВД СССР Л. Берии.

М. Окруашвили, человек действительно не робкого десятка, видимо, оказавшись перед угрозой расправы над семьей и, в частности, малолетней дочерью, поневоле принял правила игры, навязанные главным «режиссером». Потом, на свободе, в далекой Франции, он пытался разоблачить М. Саакашвили. Но кто поверит тому, кто единожды солгал? И если сломали его, имевшего могущественных покровителей и далеко не пустой кошелек, то что же тогда говорить о простых смертных?

С сержантом-контрактником Российской армии Георгием Мукутадзе грузинские спецслужбы тоже не стали церемониться. В отпуск на родину Георгий отправился с легким сердцем. Служба на новом месте ладилась, а в кармане имелась лишняя копейка, чтобы помочь родственникам в хлопотном хозяйстве. Первыми в аэропорту города Батуми его встретили не они, а сотрудники спецслужбы. Не успел он снять чемоданы с ленты транспортера, как его тут же взяли в оборот. Сначала сотрудники спецслужбы давили на патриотизм Георгия, а потом, припугнув проблемами у родственников, пытались получить от него информацию о части. Он отделался общими фразами и, с облегчением вздохнув, отправился домой. На этом «теплый» прием на исторической родине для Георгия не закончился.

На дворе был апрель 2008 года. До начала агрессии оставалось чуть больше трех месяцев, и грузинские спецслужбы в спешном порядке создавали разветвленную шпионскую сеть как в районе дислокации войск Северо-Кавказского военного округа, так и непосредственно в частях. Вербовочный процесс, можно сказать, приобрел «залповый характер». Вербовали в

аэропортах, на вокзалах, в автомашинах. Грядущая война подгоняла сотрудников грузинских спецслужб. По данным российской контрразведки, за короткий период, чуть больше года, подобное сотрудничество навязывалось несколькими десяткам выходцев из Грузии, в том числе и военнослужащим.

Георгий оказался в их числе. Сообщив общие сведения о своей службе и части, он думал, что легко отделался. Но ошибся. Прошло несколько дней, и его вызвали по сотовому телефону, а затем назначили встречу в машине. Как и прошлый раз, сотрудники спецслужбы не стали особо церемониться с кандидатом в шпионы и взяли его в жесткий оборот. Они пытались получить у Георгия подробные установочные и характеризующие данные на командиров и сослуживцев. Особый интерес проявляли к военнослужащим 12-й военной базы Российской армии, выведенной из Батуми. В заключение разговора сотрудники спецслужбы в качестве испытательного теста задали Георгию вопрос: «Если война с Россией, за кого воевать будешь?»

После такого отпуска на родине сержант Мукутадзе возвратился к месту службы в Северо-Кавказском военном округе, как говорится, с камнем на сердце — заданием «...сообщать о движении российских войск в случае войны». Но его докладов в грузинской спецслужбе так и не дождалось. Он не стал медлить и обратился к российским контрразведчикам. В беседе с ними Георгий, ничего не скрывая, рассказал о том «теплом» приеме, который ему организовали земляки на родине.

Подобным образом грузинские спецслужбы вербовали другого российского военнослужащего — старшего прапорщика Малхаза Шарамидзе, проходившего службу в Батуми, в 12-й военной базе Группы российских войск в Закавказье. 14 ноября 2007 года, накануне ее вывода в Россию, у Малхаза был день рождения. Грузинская спецслужба по-своему решила поздравить его. Некий Георгий позвонил ему и, представившись сотрудником разведки, назначил встречу. На нее Георгий приехал не один, а с напарником. Вдвоем они принялись обрабатывать Малхаза, и когда обращения к его земляческим чувствам не прошли, принялись шантажировать и запугивать проблемами у родственников.

Другим землякам Малхаза «режиссеры» операции «Чистое поле» отводили еще более неблагоприятную роль. В отношении них грузинские спецслужбы поступали самым подлым образом. Они прибегали к приему, который в свое время использовали подручные Гимmlера, а его результатами пользовалась фашистская верхушка, чтобы оправдать свои преступленные действия.

Офицер Российской армии Д., грузин по национальности, приехал на родину навестить родителей, но радость встречи была недолгой. В тот же вечер на квартире появились сотрудники грузинской спецслужбы и в грубой форме потребовали проехать с ними. Он, чтобы не подвергать опасности близких, вынужден был подчиниться. Доставили его в местное отделение Департамента контрразведки и там принялись бесцеремонно расспрашивать о характере службы, задачах, решаемых частью, и тактико-технических характеристиках боевой техники. Не получив ответов на свои вопросы, они прибегли к уже отработанным методам давления — шантажу и угрозам.

Но даже не это ужаснуло Д. Угрожая расправой над родителями, а ему арестом за «незаконное хранение оружия», его вынудили заучить наизусть «роль», а потом озвучить ее на видеокамеру. Он «признавался» в том, что: «По заданию российских спецслужб занимался вербовкой противников нынешней власти, оборудовал схроны с оружием и взрывчаткой с целью убийства президента Грузии М. Саакашвили и организации антиправительственных выступлений».

А чтобы эта ложь выглядела более убедительной, грузинскими спецслужбами было подготовлено еще несколько дублеров на роль ниспровергателей существующей в Грузии власти, якобы оборудовавших схроны с оружием и готовивших покушение на М. Саакашвили. Их использование «режиссеры» фарса-драмы под названием «Восстановление конституционного порядка в Южной Осетии и Абхазии», видимо, намечали на финал. Эти фальшивки должны были убедить последних скептиков на Западе, что «маленькая, но гордая Грузия» 8 августа 2008 года вынуждена была защищать себя и своего «неустрашимого» президента от «свирепого русского медведя».

И таких, как Шарамидзе, Мукутадзе и Д., прошедших через конвейер грузинских спецслужб, было немало. Они, ставшие агентами поневоле, вынуждены были пойти на сотрудничество не из патриотических побуждений, на которые каждый раз напирала вербовщики из ССВР и ДКР, а из-за опасения подвергнуть своих родных преследованиям.

В последующем подавляющее большинство из них ничего не сделали для выполнения заданий. Более того, возвратившись в часть, многие тут же обратились в органы безопасности и честно обо всем рассказали. Те же, кто посчитал, что все произошедшее с ними на родине — дурной сон, и продолжали носить этот тяжкий моральный груз в себе, в день агрессии, однако, не стали обрывать телефоны вербовщиков из грузинских спецслужб докладами в соответствии с их заданием. Они смогли наглядно убедиться, какого рода демократию несли нынешние руководители Грузии народам Южной Осетии и Абхазии, и потому вместе с сослуживцами выступили в их защиту.

Та минутная и вынужденная слабость, когда они под давление грузинских спецслужб вынуждены были дать подписку о сотрудничестве, долго еще будет беречь им души. Но их совесть чиста, так как на руках нет крови безвинных жертв осетинского народа и российских миротворцев. Перед законом они тоже остались чисты. Государственная измена, к которой их подталкивали вербовщики, — тяжкое преступление, но в органах безопасности России скрупулезно, не поднимая шума и не бросая на них тень предательства, в рамках закона разбирались с каждым конкретным случаем. В отношении девяти человек, об аресте которых 11 августа 2008 года директор ФСБ России А. Бортников доложил президенту Д. Медведеву, было начато уголовное преследование.

Всего девять! Счет явно не в пользу спецслужб М. Саакашвили! Сотни грузин-военнослужащих своими мужественными поступками показали, что есть и другая Грузия. И это не Грузия М. Саакашвили. Шпионская сеть грузинских спецслужб оказалась насквозь дырявой. Ее сотрудники, возвращенные в натовских разведпитомниках и меряющие любовь к родине

цифрой банковского счета и холуйской преданностью к калифам на час, живут в другом мире и на другой земле. Представления о ней честных людей — Шарамидзе, Мукутадзе и других грузин — разительно отличались и будут отличаться от представлений господ Саакашвили, Мерабишвили, Табидзе, Лордкипанидзе, Джапаридзе. Для этих «розовых» господ с этикеткой Made in USA, видимо, американский штат Джорджия оказался ближе, чем земля предков.

Об этом раздвоении Грузии и земляков с горечью писал в своем заявлении военным контрразведчикам гражданин России старший прапорщик М. Шарамидзе: «Саакашвили под дудочку америкосов пляшет. Но где америкосы и где Грузия? Народу что надо — снял урожай мандаринов, продал в Россию и, считай, уже перезимовал. Виноград то же самое — вино сделал, привез в Россию, продал. А сейчас куда везти? Гниют мандарины, под деревьями валяются. А на рынках России — марокканские. Цвет есть, а вкуса нет. И что мне сейчас делать? У жены гражданства нет российского, загранпаспорт ей не дают — в Россию ее не вывезти. Одна надежда на то, что власть в Тбилиси поменяется, а нас перестанут считать изменниками родины».

М. Шарамидзе не был одинок в своих выводах и оценках. Большая группа военнослужащих-грузин, проходивших службу в 42-й мотострелковой дивизии Северо-Кавказского военного округа, не побоявшись неизбежных преследований со стороны спецслужб М. Саакашвили по отношению к родным и близким, проживающим на родине, выступила с коллективным обращением к соотечественникам. В нем они призывали: «Мы, ниже подписавшиеся, грузинская диаспора военнослужащих 42 СМД, крайне недовольны нынешней властью и проводимой политикой в Грузии в лице ее президента Саакашвили М. Н., поскольку последние события в Южной Осетии показали, что президент Грузии — не самостоятельное лицо, а лишь марионетка в руках руководства США».

Грузинская нация на грани полного морального и духовного разложения. Таковую же участь Саакашвили хотел навязать и другим коренным нациям и народностям Кавказа, а именно гражданам Абхазии и Южной Осетии...

Это делается не случайно и не по глупости правителей, а осмысленно и точно. Все исполняется по задуманному плану руководства США и блока НАТО. Каждый удар чужими руками по России нацелен без промаха.

Проводимая на данный момент в Грузии политика — это хорошо продуманная их покровителями, четко спланированная и жестко исполняемая программа уничтожения и истребления народов Абхазии и Южной Осетии, попытка втягивания России в конфликт и дестабилизации обстановки на Северном Кавказе, чтобы очернить ее в глазах мирового сообщества.

Обращаемся ко всем вам, нашим соотечественникам, и призываем вас не оставаться равнодушными и безучастными к происходящему в Грузии. Остановите Саакашвили! Не дайте ему осрамить и опозорить нашу нацию».

Под этим обращением стоят подписи старшего прапорщика Мамуладзе, младших сержантов Сурманидзе, Тобидзе и еще двадцати семи грузин-военнослужащих. Они — истинные сыны своего народа, руки которых истосковались по виноградной лозе, а душа изболелась по душевной беседе за чаркой доброго вина, когда не надо оглядываться по сторонам и опасаться, что любое неосторожно оброненное слово в адрес нынешней власти в Грузии может принести в семью горе. Они нисколько не ошибались в оценках нынешних «отмороженных временщиков от власти». Власти, для которой собственный народ — всего лишь «пыль под ногами».

Лишним подтверждением этого явилось то, что в день начала агрессии против Южной Осетии Специальная служба внешней разведки и Департамент военной разведки Минобороны Грузии позволили себе то, чего до этого не делала ни одна спецслужба. Они безжалостно «палили» своих агентов. На них — Шот, Ках, Гоч — обрушился шквал телефонных звонков. Господам из грузинской разведки было наплевать на то, что эфир находился под электронным «колпаком» и через час-другой содержание переговоров становилось достоянием российской контрразведки. Они настаивали, угрожали и требовали информацию о направлениях движения частей Северо-Кавказского военного округа, их боевом составе и состоянии

техники. В ответ в их адрес неслись проклятия под аккомпанемент разрывов артиллерийских снарядов и ликующих воплей грузинских командос, поливавших свинцом Цхинвал.

Но были и другие грузины, которые множили число жертв. К счастью, их оказалось меньшинство. Они, движимые ненавистью и алчностью, шпионили, вербовали агентов и подыскивали тех, кто готов был взрывать и стрелять из-за угла. И неважно, где: в Чечне, Ингушетии или Осетии, лишь бы навредить России.

В январе 2008 года офицер А. Имерлишвили, проходивший службу в частях Северо-Кавказского военного округа, выехал в очередной отпуск в Грузию. Там его ждали не только родственники, но и сотрудники спецслужбы. Судя по всему, они получили на Имерлишвили оперативную наводку и знали о нем почти все. Дальше, как и в случаях с М. Шарамидзе и Г. Мукутадзе, ими был пущен в ход весь арсенал средств. А. Имерлишвили дрогнул и пошел на сотрудничество. По возвращении в часть он приступил к выполнению задания, используя служебное положение, а также под различными предлогами принялся собирать секретную и служебную информацию, подыскивать новых кандидатов в агенты. Эта его активность не осталась без внимания контрразведчиков. На очередном подходе к секретам он «засветился».

Другой грузинский агент В. Алханашвили попался на сборе материалов о своих земляках, проживавших на территории Чечни и Ингушетии.

В последующем спецслужбы Грузии намеревались привлечь их к сотрудничеству и использовать в проведении подрывной деятельности на территории этих и соседних северокавказских республик.

На агента Р. Туркошвили возлагались задачи по поддержанию контактов между грузинскими спецслужбами и банд-подпольем в Чечне и Ингушетии, а также поиску экстремистски настроенных лиц и формированию из их числа «пятой колонны». Теперь, после суда, ему предстоит формировать рабочую команду из земляков-шпионов на дальнем сибирском лесоповале.

В июне 2008 года с поличным был задержан подполковник М. Хачидзе, офицер штаба 58-й армии. В течение двух лет он за денежное вознаграждение передал представителям грузинских спецслужб сведения о боеспособности ряда частей Северо-Кавказского военного округа, установочные и характеризующие данные на должностных лиц штаба, а также сотрудников военной контрразведки и Пограничной службы ФСБ России.

Жертвой его наводки стал другой старший офицер-грузин Г., слушатель военной академии. Во время выезда в Грузию в 2007 году он также был завербован. Но если бы ему была известна цена его души на «шпионских весах», то, возможно, все пошло бы по-другому. М. Хачидзе продал ее грузинской спецслужбе всего за... 300 долларов! В мае 2009 года окружной военный суд Северо-Кавказского военного округа осудил грузинского шпиона, приговорив его к шести годам лишения свободы с содержанием в колонии строгого режима, и лишил воинского звания «подполковник».

Степень вины других агентов, в отношении которых ФСБ РФ и следственными органами проводятся оперативно-следственные мероприятия, также определит суд.

Не менее активную разведывательно-подрывную деятельность грузинские спецслужбы развили на территории республики Абхазия. Накануне агрессии, наряду с диверсиями и террористическими акциями, основные свои усилия они направили на получение шпионской информации о состоянии боеготовности миротворческих сил России, находящихся в этом регионе, частей Министерства обороны, Службы государственной безопасности (СГБ) и внутренних дел республики. Ведущая роль в ее проведении принадлежала Департаменту конституционной безопасности и Департаменту контрразведки МВД Грузии. Их представители и, в частности, начальник отдела Департамента конституционной безопасности МВД Грузии А. Кекуа, его подчиненный К. Берешвили, а также сотрудник Департамента контрразведки МВД Грузии К. Кварацхелиа и другие развернули настоящую охоту на будущих агентов.

Принуждая к сотрудничеству, они не брезговали ничем. В ход шли шантаж, угрозы, циничное использование родственных отношений или «любовная ловушка».

Гражданку Ш. привлек к сотрудничеству К. Кварацхелия, используя родственные чувства. Агента «Тото» он заставил работать на себя, пригрозив прикрыть ему бизнес в Грузии. Аналогичным образом завербовали другого агента — «Рамаза». В ряде случаев будущих агентов в свои сети сотрудники грузинских спецслужб заманивали посулами. Одним они обещали гражданство Грузии, вторым — содействие в продвижении бизнеса, третьим — свободное перемещение товара через границу.

На эту удочку попались Л., Н., Г., Т. и ряд других жителей Абхазии. В большинстве своем они выполняли близкие по характеру задачи. В основном они сводились к сбору разведывательной информации о частях Министерства обороны и СГБ Республики Абхазии, а также о миротворческих силах России. Отдельные агенты, хорошо зарекомендовавшие себя на шпионском поприще, использовались К. Кварацхелия, Т. Декануидзе, К. Берешвили и Л. Кекуа для подготовки вербовочных ситуаций в отношении других граждан Абхазии, имевших доступ к секретам, а также российских военнослужащих. Разоблаченный в июне 2009 года органами безопасности Республики Абхазии агент грузинских спецслужб «Толстый» наряду с выполнением задания по поиску кандидатов на вербовку занимался сбором характеризующей информации на сотрудников силовых структур.

Летом 2008 года в Сухуме, Гаграх и Гальском районе прогремел ряд взрывов, которые унесли жизни ни в чем не повинных людей. Кто их устроил — сотрудникам СГБ РА и российской контрразведки не пришлось долго гадать. В результате проведения оперативно-разыскных мероприятий им удалось выйти на след убийц. В сентябре 2008 года была арестована жительница города Сухум Д. Шедания. На следствии она призналась в том, что во время частных поездок в Грузию с ней инициативно познакомился К. Кварацхелия, а затем привлек к негласному сотрудничеству.

В дальнейшем, выполняя задания грузинских спецслужб, Д. Шедания посещала места дислокации воинских и пограничных частей и скрытно осуществляла фото- и видеосъемку объектов и боевой техники, систем охраны на границе. Грошовые подачки по 200–300 долларов окончательно разложили ее душу. Она не могла не знать, какую цель преследовал К. Кварацхелия и те, кто за ним стоял, когда поручал собирать информацию о местах массового скопления людей. В первую очередь его интересовали те их них, где отдыхали граждане России. В частности, он требовал от своего агента исчерпывающей информации о числе посетителей заведения, наличии физической охраны, систем видеонаблюдения, а также о местах, удобных для закладки взрывных устройств.

20 августа 2009 года Верховный суд Республики Абхазии приговорил Д. Шедания к 19 годам лишения свободы. Она раскаялась в содеянном. Каются в совершенных преступлениях и многие другие агенты грузинских спецслужб. Но тогда, в кровавые августовские дни 2008 года, их «доклады» только множили жертвы.

Сегодня многое из того тайного становится явным. Организаторы авантюры предпочитают закрывать глаза на то, что происходило тогда и происходит сейчас в Грузии, но делать это становится все труднее.

На этот раз их открыла Хайди Тальявини — председатель комиссии ЕС, созданной для расследования событий августа 2008 года в Южной Осетии. Почти год она и другие члены комиссии скрупулезно исследовали все обстоятельства, предшествовавшие военному конфликту в Южной Осетии. По завершении работы в июне 2009 года ею был подготовлен доклад для рассмотрения в Совете Министров ЕС. Его рассмотрение затягивалось: видимо, вмешались очень влиятельные силы, заинтересованные в том, чтобы спустить слушания на тормозах. Но «мадам кураж», так окрестили Х. Тальявини в швейцарской газете «Нойе цюрихер цайтунг», не стала молчать и решила пробить стену постыдного замалчивания преступлений, совершенных режимом М. Саакашвили. Эта хрупкая, с тихим голосом женщина в интервью одному из са-

мых авторитетных европейских еженедельников «Шпигель» сказала то, что так хотели скрыть организаторы августовской авантюры в Южной Осетии.

В частности, Х. Тальявини заявила: «Собранные комиссией факты опровергают утверждения господина Саакашвили о том, что его страна 8 августа стала жертвой российской агрессии».

Все оказалось с точностью наоборот.

В распоряжении комиссии оказались материалы, изобличающие руководство Грузии и его высоких покровителей в заранее спланированном нападении на Южную Осетию. Так, комиссия установила, что еще накануне, «...утром 7 августа, у границ республики было сосредоточено 12 тысяч военнослужащих грузинской армии и 75 танков».

Эти выводы вытекают не только из результатов работы комиссии Х. Тальявини. Они следуют и из заявлений некоторых воинственных грузинских генералов, сделанных в первый день агрессии.

Уверенные в успехе и своей безнаказанности («победителей не судят»), они, видимо, забыли об осторожности. 8 августа 2008 года, когда казалось, еще несколько часов — и Цхинвал падет, генерал Мамука Курашвили, находясь в боевых порядках грузинской армии и выступая перед представителями ряда западных телекомпаний, самоуверенно заявил: «Страна восстановит конституционный порядок во всем регионе».

Члены комиссии предположили, что генерал просто процитировал приказ о начале боевых действий, но, несмотря на их настойчивые просьбы предоставить копию этого «ключевого документа», они его так и не получили. Министерство обороны Грузии в этом вопросе заняло круговую оборону, а официальный Тбилиси хранил гробовое молчание.

Помимо генерала комиссия поймала за руку одного из главных кукловодов — М. Саакашвили. В ходе расследования членам комиссии стало известно, что посол США в Тбилиси Джон Тэффт был заблаговременно осведомлен «...о приказе господина Саакашвили на совершение марша на Цхинвал». Зная взрывной характер своего «любимца» (в свое время Д. Тэффт

немало сделал для его прихода к власти), он видимо, так «испугался», что даже не спросил о цели «марша». Этот «испут» не прошел до сих пор. Несмотря на все попытки Х. Тальявини и других членов комиссии, им за время расследования так и не удалось добиться от него хоть одного слова.

Такое же стойкое молчание хранили представители Госдепа США 8 августа 2008 года, когда заместитель министра иностранных дел России Григорий Карасин обрывал телефоны, чтобы остановить массовое убийство мирных граждан в Южной Осетии. Ему, по странному стечению обстоятельств, никто не ответил.

По этому поводу один из членов комиссии, которого трудно заподозрить в симпатиях к России, полковник британской армии в отставке Кристофер Лэнгтон, констатируя военное поражение Грузии, отмечал: «Мечты Грузии разбиты вдребезги, но винить она может только саму себя. И Запад должен взять здесь часть вины на себя. Ведь именно поддержка Саакашвили, особенно военная поддержка, способствовала авантюризму Тбилиси».

Но брать вину на себя и тем более ее признавать не захотели ни М. Саакашвили, ни его покровители. И все-таки, несмотря на бешеное сопротивление сил, поддерживавших режим М. Саакашвили в его агрессии против Южной Осетии, правда и настойчивость Х. Тальявини пробили себе дорогу.

В начале мая 2010 года на слушаниях в Хельсинской комиссии Конгресса США она заявила: «Именно Грузия положила начало военным действиям в Южной Осетии, когда она атаковала Цхинвал с применением тяжелой артиллерии в ночь с 7 на 8 августа 2008 года... Не было никакого массированного вторжения российских военных (в Южную Осетию. — *Авт.*) до начала конфликта».

После того как эти слова прозвучали в Вашингтоне, где и без Х. Тальявини не только прекрасно знали, но и активно разрабатывали план агрессии «Чистое поле», Западной Европе ничего другого не оставалось, как констатировать данный факт. Спустя неделю на пленарной сессии высшего законодательного органа ЕС в Страсбурге его члены вынуждены были согласиться

с этим выводом, но всячески постарались прикрыть фиговым листком преступления режима М. Саакашвили. В частности, в принятом им решении констатировалось: «Факты, которые нашли всестороннее отражение в докладе госпожи Х. Тальявини, могут быть использованы частными лицами при подаче исков в Международный суд в Гааге в отношении нарушения Европейской конвенции по правам человека».

В очередной раз покровители режима М. Саакашвили отказались признать с его стороны акт государственного терроризма и увели от ответственности в дебри юридической казуистики. В очередной раз в Вашингтоне, Брюсселе и Тбилиси стараются забыть про уроки августа 2008 г. и уже не столь шумно, чтобы не дразнить набирающего силы нового-старого «хозяина» на Кавказе — России, начинают наращивать военные мускулы грузинской армии. Спустя год, еще не успев оправиться от позорного поражения, ее военная машина начала показывать свои зубы. 24 октября 2009 года на территории древней Колхиды, у границ независимой Абхазии, защиту которой взяли на себя пограничные войска ФСБ России, были проведены совместные американо-грузинские военные учения под кодовым названием «Немедленный ответ». Недвусмысленность названия говорит сама за себя. Но его организаторы с ответом явно поторопились. По оценке самих же западных военных специалистов, учения обнаружили «...ряд серьезных недостатков в боевой подготовке подразделений и системе управления ими».

Однако в руководстве НАТО с упорством, достойным сожаления, продолжают натаскивать грузинскую армию, а саму страну тянуть за уши в эту организацию.

12 марта 2010 года в Брюсселе, в штаб-квартире Североатлантического альянса, без большой помпы состоялось заседание Комиссии НАТО — Грузия, в ходе которого обсуждалась стратегия грузинского правительства «Об отношении к оккупированным территориям», т. е. независимым государствам Абхазии и Южной Осетии.

На этот раз М. Саакашвили и члены грузинского правительства не лезли с голливудскими улыбками под объективы теле-

камер и не делали сенсационных заявлений, рассчитанных на завоевание благосклонности мирового общественного мнения, а вели себя как провинившиеся ученики и внимательно слушали новые, еще более ценные указания. В них Саакашвили и его окружению предлагалось сменить воинственную риторику на более минорный лад и искать дорогу к душам и кошелькам своих несговорчивых соседей — абхазов и осетин, которые как черт от ладана отрещивались от предложений грузинского руководства жить под крышей общего дома.

С 2010 года западные стратеги и их рьяные сторонники в Тбилиси разработали новую, якобы мирную программу под несколько двусмысленным названием «Вовлечение путем сотрудничества» и настойчиво предлагают ее народам Южной Осетии и Абхазии. Вовлечение, но куда? Для народов двух теперь уже независимых республик, переживших за последнее столетие три разрушительных войны, развязанных назойливым и буйным соседом — Грузией, этот пряник вряд ли покажется привлекательным.

От кнута к прянику

Потерпев сокрушительное поражение в военной авантюре 2008 года, режим М. Саакашвили и его покровители, быстренько отмывшись от позора, принялись за старое. На этот раз в ход пошли давно испытанные средства и приемы, в свое время апробированные США на бывшем СССР. На смену кнута, которым тбилисский режим угрожающе пощелкивал над головами народов Абхазии и Южной Осетии, пришла политика пряника. Грузия и ее покровители в борьбе с Россией за влияние в этом регионе решили прибегнуть к более надежному, чем штык, инструменту — доллару. В этой связи западные покровители М. Саакашвили заставили его прикусить язык и сменить воинственную риторику на более мирный лад. Хозяева грузинских пестро-рябых ястребов принялись срочно перекрашивать их оперение в белый цвет — цвет белой вороны. Взамен «Чистого поля» его сценаристы, спустя полтора года после провала военной

агрессии, предложили народам Абхазии и Южной Осетии начать все с чистого листа.

В конце января 2010 года в недрах Министерства реинтеграции Грузии при самом активном участии советников из США и стран ЕС была разработана государственная стратегическая программа в отношении Абхазии и Южной Осетии под общим названием «Вовлечение путем сотрудничества». Ее цель — охват независимых республик национальными реформами, проводимыми в Грузии, и восстановление контактов между жителями этих регионов и грузинской нацией.

Военный аспект — силовое восстановление территориальной целостности Грузии — на этот раз был уведен далеко на задний план; приоритет отдан мирным средствам, направленным на постепенную интеграцию Абхазии и Южной Осетии в политическое, экономическое и культурное пространство Грузии. При этом М. Саакашвили и его окружение, уже не столь воинственно, не устают твердить о территориальной целостности государства в прежних границах и требовать вывода российских военных, пограничных контингентов, которые находятся там по межправительственному договору с уже независимыми Абхазией и Южной Осетией, и их замене на международные полицейские силы.

На первом этапе реализации программы «Вовлечение путем сотрудничества» ее идеологами была осуществлена разработка ряда социально-экономических проектов для населения приграничных районов, в том числе входящих в состав независимых Абхазии и Южной Осетии.

Программой «Вовлечение путем сотрудничества» предусматривается, в частности, введение единых экономических и финансовых льгот; создание современной инфраструктуры и транспортной системы; возможность получения образования на разных языках; доступное и качественное здравоохранение; сохранение культурного наследия; беспрепятственное распространение информации; защита прав человека как для жителей собственно Грузии, так и граждан, которые, по мнению официального Тбилиси, проживают на «временно оккупированных территориях».

Под эти задачи как руководством Грузии, так и ЕС закладывается серьезная экономическая база. Например, планируется создание особых экономических зон на приграничных территориях и совместных предприятий, специализирующихся на переработке продукции сельского хозяйства. Заманчивым пряником, как полагают грузинские власти, для граждан Абхазии и Южной Осетии может стать возможность реализации ими продукции на международных рынках, через созданные на территории Грузии посреднические коммерческие структуры.

Наряду с этим в «программе» предусмотрено восстановление железнодорожного сообщения, ремонт жилых домов, школ, больниц, дорог, линий электропередач, налаживание вещания телевидения и радио на национальных языках. Планируется восстановление коммуникаций, связанных с подачей воды и газа в приграничные с «временно оккупированными территориями» районы. Что касается жителей Абхазии и Южной Осетии, то им обещана помощь в получении образования за рубежом, участие в грузинских программах социального обеспечения и помощь при ликвидации стихийных бедствий. В целом только в 2010 году на эти цели западными «спонсорами» было выделено около 70 млн евро.

Уже одна эта сумма позволяет сделать вывод о том, что приграничные с Южной Осетией и Абхазией районы Грузии могут стать мощными экономическими локомотивами, которые будут активно вытаскивать их из-под влияния России. Уже сегодня, по оценкам некоторых абхазских экспертов, объем торговли с Грузией составляет около 15–20 %, а с учетом контрабанды может превысить все 30 %.

Если следовать планам Министерства реинтеграции Грузии, то в период с 2010 по 2015 год в приграничных с Абхазией районах предполагается строительство ряда объектов, которые в дальнейшем образуют единый транспортный комплекс. В него намечается включить морской порт в населенном пункте Анаклиа, грузовой аэропорт в районе населенного пункта Хоби, автомобильный мост через реку Ингури. Кроме данных объектов, в Анаклиа планируется возведение жилого поселка, завода по сжижению газа, двух гостиничных комплексов, обь-

ектов инженерного и энергетического назначения, а также транспортной инфраструктуры — железнодорожных и автомобильных дорог.

На участке морского побережья вблизи населенных пунктов Анаклиа и Тикори уже ведется строительство двух гостиничных комплексов. Полным ходом идут работы по углублению и расширению устья реки Ингури с целью возведения грузового морского порта. С весны 2010 года развернуто строительство крупного международного аэропорта в городе Поти, который по длине и количеству взлетно-посадочных полос не будет уступать аэропорту Тбилиси и сможет принимать чартерные рейсы из стран Европы. Его ввод в эксплуатацию запланирован на 2012 год.

В районе населенного пункта Местиа намечается до 2013 года завершить строительство всесезонного горнолыжного курорта с двумя горнолыжными трассами, ледового катка олимпийского уровня и гостиницы международного класса. Все объекты, возводимые в городе Поти и населенных пунктах Анаклиа и Местиа, намечается завязать в единый круглогодичный туристический комплекс международного уровня с предоставлением полного перечня услуг. В этих целях ведется строительство асфальтированных дорог вдоль побережья Черного моря по маршрутам Поти — Анаклиа и Сенаки — Местиа.

Для обеспечения данных проектов необходимыми людскими ресурсами грузинская сторона намерена в течение трех лет создать около 50 тысяч рабочих мест, в том числе и с привлечением жителей Гальского и других районов Абхазии.

Одновременно с экономической экспансией руководство Грузии продолжает осуществлять деятельность, направленную на дискредитацию российского воинского контингента в приграничных с Грузией районах Республики Абхазии. Основная цель — дестабилизация ситуации в регионе, формирование у населения Грузии и международной общественности мнения о неспособности российской и абхазской сторон контролировать ситуацию по обеспечению безопасности населения Абхазии, а также создание предпосылок для

размещения международных полицейских сил на абхазо-грузинской границе.

Избегая открыто использовать военную силу, грузинская сторона прибегает к своему испытанному средству: клевете и передергиванию фактов. Так, 31 января 2010 года проправительственные СМИ распространили ложную информацию о якобы незаконном задержании пяти жителей Грузии сотрудниками Пограничного управления ФСБ РФ в Республике Абхазия в районе селения Саберио при попытке перейти на территорию, контролируемую грузинской стороной. В ней было указано, что двое из задержанных были освобождены 1 февраля, остальные только 3 февраля 2010 г. В действительности же российские пограничники никого в районе Саберио не задерживали.

Позже, 4 февраля 2009 года, СМИ Грузии опубликовали сведения о разбойном нападении в селении Меоре Отобая Гальского района. Налетчики якобы ограбили две грузинские семьи и, по утверждению грузинской стороны, ими оказались, естественно, российские военнослужащие. Основанием для таких голословных обвинений послужило то, что нападавшие говорили якобы на русском языке без акцента. Вместе с тем заявлений от жителей Меоре Отобая по данному факту в РОВД Гальского района не поступало.

6 февраля 2010 г. грузинские СМИ выдали новую информационную утку об очередном ограблении в Меоре Отобая нескольких грузинских семей. Они живописали, не жалея черной краски, как российские пограничники в ночное время задержали три семьи при попытке пересечения государственной границы. После задержания их будто бы жестоко избили, забрали деньги и драгоценности. Данный факт правоохранительные органы Гальского района и руководство Пограничного управления ФСБ в Республике Абхазии не подтвердили.

И таких информационных уток с каждым месяцем в грузинских СМИ становится все больше.

Наряду с этим они прибегают и к более изощренным способам воздействия на сознание жителей Абхазии с целью дис-

кредитации в их глазах российской помощи, а также действий центральной и местных властей по нормализации обстановки в приграничных районах. Здесь, наряду с тенденциозными и откровенно клеветническими материалами, широко используются слухи. Один из них связан с якобы существующей договоренностью между президентами России и Грузии о переходе в скором будущем Гальского района в состав Грузии. Другой слух касается абхазских пограничных подразделений о том, что они будут упразднены, а военнослужащие вместе с семьями выброшены на улицу.

Проводя политику по компрометации российского воинского контингента, грузинское руководство стремится показать мировой общественности, что Россия неспособна стабилизировать обстановку в приграничных с Грузией районах. Так, в начале июня 2010 г. ими была поднята шумиха вокруг разбойного нападения, произошедшего 1 июня вблизи села Дихазурга; тогда была обстреляна машина с сотрудниками Государственного таможенного комитета (ГТК) Республики Абхазии. В ходе боя с абхазской стороны погиб один человек и двое получили тяжелые ранения.

Не успела эта шумиха затихнуть, как тут же представители ООН в Грузии подняли вопрос о поджоге 6 июня 2010 г. пяти домов менгрелов в селении Дихазурга, расположенном в непосредственной близости от места засады, из которой было совершено нападение на автомобиль с абхазскими таможенниками. И тут же представители миссии ООН в Грузии поспешили безапелляционно заявить, что «...это было актом возмездия за убийство сотрудника ГТК и явилось следствием попустительства со стороны российского командования».

На этом фоне грузинские власти активно распространяют мнение о необходимости повышения роли международных структур в процессе урегулирования грузино-абхазского конфликта, что, как следствие, приведет к снижению роли Российской Федерации в регионе. В попытках дискредитации российского воинского контингента активную помощь грузинскому руководству оказывают и некоторые международные организации, аккредитованные в Грузии.

В частности, сотрудники миссии наблюдателей Европейского Союза на территории Грузии проводят работу среди местного населения приграничных районов (в основном среди молодежи), которое пересекает границу с Абхазией в целях дискредитации в их глазах присутствия российского воинского контингента в Абхазии. В частности, они во время беседы с местными жителями доводят информацию о якобы незаконном присутствии российского воинского контингента на территории Республики Абхазии.

Распространяя рекламные проспекты своей миссии на грузинском языке, в которых отображены заявленные цели и задачи миссии, они во время беседы с местными жителями доводят информацию о якобы незаконном присутствии российского воинского контингента на территории Республики Абхазии.

Судя по всему, руководство Грузии намерено и дальше наращивать усилия в этой сфере, чтобы более массированно оказывать информационное воздействие как на население собственной страны, так и Абхазии, Южной Осетии и приграничных российских территорий.

В этих целях с 5 декабря 2009 года в Тбилиси начала функционировать специальная школа по подготовке сотрудников средств массовой информации страны. Учредителями школы являются неправительственная организация «Институт освещения войны и мира» (Великобритания) и Министерство обороны Грузии. Финансирование данного проекта осуществляет Министерство иностранных дел Великобритании.

Этот более чем странный союз грузинских «ястребов» и британских «голубей» с 6 по 13 декабря 2009 года провел занятия с шестью группами представителей местных телевизионных компаний — «Сакартвело», «Имеди», «Рустави-2», «Компании общественного вещания», «Аджарии» и «Алании». Обучение проходило в Сачхере, на базе 23-го горно-стрелкового батальона 5-й пехотной бригады вооруженных сил Грузии. Учеников учили, судя по месту проведения сборов, не только искусно лгать, но, видимо, и навыкам шпионско-диверсионной деятельности.

С марта 2010 года в Тбилиси на базе специальной школы по подготовке сотрудников СМИ начал функционировать специальный центр обучения журналистов из бывших республик СССР, в котором они смогут получить теоретические и практические знания о методах освещения вооруженных конфликтов, а также массовых акций протеста.

Одновременно грузинское руководство, используя подконтрольные СМИ, проводит осторожную политику по поддержке ряда заявлений, сделанных оппозицией в Абхазии.

В частности, высказывалось одобрение ее действий по обвинению президента С. Багапша в игнорировании интересов абхазского населения якобы в угоду России в вопросах размещения на территории республики 7-й военной базы Вооруженных сил РФ, Управления пограничных войск ФСБ РФ, планов разработки инертных материалов для строительства олимпийских объектов в г. Сочи, а также добычи нефти в водах, прилегающих к Абхазии.

Параллельно с поддержкой оппозиции, как в печатных, так и электронных СМИ Грузии, в последнее время активно муссируется информация о значительном ухудшении отношений между абхазами и русскими, усилении антироссийских настроений в Республике Абхазии.

«Хотя в Сухуми пока еще не начинались выступления против русских, но недовольство ими там явно ощущается. Масштабных антироссийских выступлений в Абхазии не наблюдалось, хотя столкновения между абхазской милицией и российскими военными приняли массовый характер», — вещают телеканалы «Сакартвело» и «Рустави-2».

Наряду с этим грузинские руководители и их кукловоды принялись после принятия руководством Международного олимпийского комитета (МОК) решения о проведении зимней Олимпиады 2014 года в г. Сочи активно разыгрывать другую, и весьма опасную, в первую очередь для самой Грузии и ее народа, карту.

Так, 19 ноября 2010 г. в парламенте страны прошло закрытое заседание комитетов по связям с соотечественниками, внешних связей и комиссии по восстановлению террито-

риальной целостности, на котором был рассмотрен проект «Плана действий по выражению протеста против проведения зимней Олимпиады-2014 в Сочи». В мероприятии приняли участие представители Совбеза Грузии, ряда министерств и ведомств, а также прибывшие в Тбилиси представители черкесской диаспоры, живущей в Турции, США, Германии и Израиля.

Разработчиками проекта предполагается привлечь к его реализации марионеточное правительство автономной Республики Абхазии в изгнании, беженцев, покинувших ее территорию в результате грузино-абхазской войны 1992–1993 годов, представителей чеченской, черкесской и абазино-абхазской зарубежных диаспор, а также различные государственные структуры Грузии. План протестных действий, который вынашивается грузинским руководством, предполагает организацию активной пропагандистской кампании в международных средствах массовой информации против проведения зимней Олимпиады в России. С этой целью ее организаторами готовятся различного рода протестные обращения в МОК беженцев и популярных спортсменов, а также планируется проведение демонстраций представителей диаспор кавказских народов в столицах европейских государств.

В ходе обсуждения «Плана действий по выражению протеста против проведения зимней Олимпиады-2014 в Сочи» звучали клеветнические измышления в адрес руководства России. Якобы оно неспособно обеспечить безопасность проведения спортивных мероприятий в связи с нестабильностью ситуации на Северном Кавказе. Те, кто это заявлял, вероятно, хорошо знали, о чем идет речь. Кому, как не им, знать, что замышляют собственные «джеймс бонды» из Специальной службы внешней разведки, Департамента военной разведки Минобороны, Департамента контрразведки, департаментов военной полиции Минобороны и пограничной полиции МВД, в специальных центрах которых готовятся террористы, диверсанты и шпионы.

В качестве одного из вариантов дискредитации системы обеспечения безопасности подготовки и проведения зимней

Олимпиады-2014 в г. Сочи устроители заседания видят в распространении пропагандистских материалов о деятельности бандформирований на Северном Кавказе. При этом террористы называются грузинской стороной «борцами за свою свободу и независимость».

Кроме того, они намерены и уже используют как имеющие место факты противоправной деятельности бандподполья в этом регионе, так и заведомо ложные. Нет никаких сомнений в том, что грузинское руководство и их спецслужбы в настоящем и будущем ограничатся только пропагандистскими выстрелами. Не для того на базах специальной подготовки в Телави, Сачхере, Коджори и других натаскиваются отряды головорезов.

Более чем вероятно, что за последними бандитскими вылазками в Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республиках, которые произошли в феврале 2011 года, могут стоять грузинские спецслужбы. К подобному выводу приводят официальные заявления руководства Грузии, пообещавшего сделать все, чтобы не допустить «...международного спортивного мероприятия страной — виновником имевшего место геноцида черкесов в XIX веке и продолжающей этнические чистки в отношении грузин в современной истории».

Поэтому, нельзя исключать того, что, как это было однажды в истории олимпийского движения (Мюнхенской, 1976 года, летней Олимпиады), они предпримут попытки провести диверсии и террористические акты, в том числе на территории Абхазии, прилегающей к Красной Поляне. В этом случае их организаторы будут метить не только в сочинскую Олимпиаду. Они попытаются дискредитировать решение руководства России, признавшего в 2008 году независимость Абхазии и Южной Осетии. Взорванный пассажирский поезд или сбитый над небом Абхазии гражданский авиалайнер сыграет на руку тем, кто поднимет крик о «недееспособности и криминально-террористическом характере режимов» в этих республиках.

Наряду с этим разработчики «Плана действий по выражению протеста против проведения зимней Олимпиады-2014 в Сочи» намерены муссировать вопрос о будто бы имеющихся грубых нарушениях норм экологии при строительстве

олимпийских объектов. Эти нарушения затрагивают якобы «территорию Грузии». Одновременно ими будут предприняты попытки инициировать проведение международными специалистами оценки экологической ситуации на «временно оккупированной территории» (Абхазии), с тем чтобы потом выдвинуть против России надуманные обвинения в нанесении непоправимого ущерба природной среде, связанного с вывозом инертных материалов из дельт горных рек, а также неконтролируемой вырубкой реликтовых лесов.

Но наиболее важный и долгоиграющий фактор, который разработчики «плана» намерены использовать, чтобы противодействовать проведению зимней Олимпиады-2014, лежит в исторической плоскости и связан с вынужденным переселением черкесского, адыгского, убыхского, абхазского и других народов из мест своего постоянного проживания в период Кавказской войны XIX века.

По их замыслу, «...моральная несправедливость проведения международного спортивного мероприятия в стране, являющейся виновником имевшего место геноцида черкесов в XIX веке и продолжающей этнические чистки в отношении грузин в современной истории, должны быть учтены МОК».

В процессе обсуждения данного тезиса один из участников заседания, представитель Черкесского международного совета И. Югар (г. Паттерсон, штат Нью-Джерси, США) заявил «...о неприемлемости проведения зимних Олимпийских игр на территории, где в XIX столетии произошел геноцид и были выселены адыгские народы». Далее он высказал заведомо ложное суждение, согласно которому «...проведение Олимпийских игр в местах геноцида противоречит Олимпийской хартии, что является серьезным препятствием для проведения Олимпиады 2014 г. в г. Сочи». В связи с этим, при поддержке грузинского руководства и парламента страны инициирован процесс рассмотрения и признания виновности России в «геноциде черкесов в ходе Кавказской войны».

Помимо вышеперечисленных необоснованных и просто надуманных претензий к организаторам зимней Олимпиады-2014 глава временной комиссии по восстановлению

«территориальной целостности Грузии» Ш. Малашия и глава парламентского комитета по вопросам диаспоры Грузии Н. Циклаури предложили использовать проблемы беженцев, в том числе «жертв» последней грузино-абхазской войны 1992–1993 годов, и вынужденно перемещенных лиц в качестве информационного повода для выдвижения требования к МОК о смене места ее проведения.

Ш. Малашия выразил уверенность в поддержке парламентских инициатив Грузии со стороны стран Евросоюза, которые постоянно высказываются за территориальную целостность Грузии и критикуют политику России на Северном Кавказе. В ходе дебатов Н. Циклаури заявил, что «значимым фактором» в оказании международного давления на МОК и правительство РФ должна стать «объединенная сила кавказских народов, проживающих в Европе и США».

Несколькими днями позже после закрытия совместного заседания комитетов по связям с соотечественниками, внешних связей и комиссии по восстановлению территориальной целостности парламента Грузии, а также представителей ряда зарубежных диаспор, по инициативе и на средства грузинской стороны в период с 19 по 21 ноября 2010 г. в Тбилиси прошла вторая международная конференция: «Сокрытые нации, продолжающиеся преступления: Северный Кавказ между прошлым и будущим». И опять основной темой выступлений стали вопросы «...о признании геноцида черкесов со стороны Российской империи в ходе Кавказской войны XIX века и организация протестного движения против проведения зимних Олимпийских игр в Сочи».

Устроители конференции рассчитывали, видимо, на солидное представительство, но просчитались. Одна из самых крупных зарубежных диаспор — абхазская — не только отказалась от участия в ней, но и осудила ее устроителей. Ее лидер Фэридун Акусба, руководитель «Федерации абхазских дернеков (культурных центров. — *Авт.*) в Турции» отмежевался от позиции устроителей конференции. Он заявил: «...Суждения подобного рода о геноциде народов Кавказа со стороны России, о восстановлении исторической справед-

ливости путем создания на Северном Кавказе республики Черкесия и аморальности проведения Олимпиады на крови абхазов, убыхов ни к чему хорошему не приведут. Новый передел на Кавказе — это война, у которой не будет конца». Далее Фэридун Акусба отметил: «Позиция подавляющего числа руководителей и членов «Федерации абхазских дернеков в Турции» состоит в том, что в будущее нельзя смотреть только глазами прошлого. Надо исходить из реалий, сложившихся к настоящему времени. XVIII–XIX века — это время борьбы великих империй. Малые народы, в том числе Кавказа, были обречены оказаться между жерновами Османской и Российской империй. Абхазский народ, пожалуй, как никакой другой, имел бы право говорить о своих бедах. Он единственный в Российской империи, который был признан «виновным народом». Но мы не собираемся спекулировать на прошлом. Это путь в тупик».

Однако грузинские политики не унимаются. Они по-прежнему смотрят только глазами прошлого, ими активно муссируются темы о будто бы имевшем место геноциде кавказских народов на оккупированной «Россией грузинской территории».

Уже сегодня в интересах информационного противодействия проведению зимней Олимпиады-2014 грузинским руководством зарегистрирован в Интернете сайт www.anti-sochi.org.

Этот сайт предназначен для публикации материалов психологического воздействия, затрагивающих экологические проблемы, недостатки в строительстве олимпийских объектов в г. Сочи. Предпринимаются попытки доказать якобы несостоятельность российских специальных служб обеспечить безопасность при подготовке и проведении Олимпиады.

Подыгрывая большому «хозяину», руководство Грузии, осознавая это или нет, ведет свое государство и народ в исторический тупик. Пытаясь поджечь дом соседа, оно не должно забывать, что пламя пожара может перекинуться на собственный дом. У народов Северного Кавказа, и особенно Абхазии и Осетии, крепкая память.

Они хорошо помнят, с какой жестокостью в XIX веке грузинские ополченцы вместе с царскими войсками подавляли восстания абхазов, убыхов и садзов.

Они не забыли, что 21 мая 1864 года в абхазском урочище Губаадвы (ныне Красная Поляна) грузинские ополченцы принимали участие в параде царских войск, который ознаменовал окончание Большой кавказской войны.

Они помнят, как 9 июня того же года в Тифлисе предводитель местного дворянства Дмитрий Кипиани обратился с приветствием к наместнику на Кавказе великому князю Михаилу Романову: «Ваше Императорское Величество! Мы довершили покорение Кавказа и тем внесли в историю неразлучное с вашим именем событие огромной важности. Избранные грузинским дворянством, приносим Вашему Императорскому Высочеству поздравление от всего нашего сословия».

Из памяти абхазского и осетинского народов не изгладились карательные походы войск Демократической Республики Грузия (ДРГ) 1918–1921 годов. А их нынешние потомки до сих пор не могут оправиться от ран, нанесенных недавними войнами 1992–1993 и 2008 годов, развязанных на их территории опять-таки псевдодемократической Грузией. Людьми военными, да и не только ими, эти три буквы — ДРГ — легко расшифровываются как диверсионно-разведывательная группа. В этой связи невольно возникает вопрос: как долго Грузия и ее правители будут выступать в роли диверсантов на Кавказе? Как далеко они зайдут в своей человеконенавистнической политике по отношению к тем народам, которым еще несколько десятилетий назад пели дифирамбы — русским, абхазам, осетинам и другим?

В прокаленном солнцем августе 2008 года российская армия остудила горячий пыл безумцев из Тбилиси и сорвала блицкриг грузинских войск. Операция «Чистое поле» быстро превратилась в «Гуляй-поле». На пятый день войны она закончилась для грузинских правителей сокрушительным поражением. И пусть сегодня ежедневные информационные сводки из независимых республик Абхазии и Южной Осетии

ОЧЕРКИ

не пестрят цифрами убитых и раненых, война продолжается. Война более изощренная и более разрушительная по своим последствиям. Война за души и умы русских, абхазов, осетин и грузин.

Кто выйдет в ней победителем? «Золотой телец»? Или любовь к Родине? Здравый смысл или бредовые идеи? Это покажет будущее.

РАССКАЗЫ

Между молотом и наковальней

Исход

Хождение по мукам

Горький хлеб чужбины

Махаджиры. Возвращение домой

Посланник из прошлого

Оборотни

Молох

Абхазские мадонны

Храм души

Между молотом и наковальней

Гумиста, напитавшись талой водой из ледников, беззаботно поигрывала хрустальными струями среди каменных россыпей, весело плескалась на перекатах и торопилась в зовущую загадочной неизвестностью голубую даль. Пока еще она была тиха. Но десятки новых родников и ручьев, разбросанных среди по-льхающих разноцветьем альпийских лугов, щедро одаривали ее энергией. И река, уже играючи, переворачивала голыши, самоуверенно похлестывала по ребристым щекам суровые скалы, снисходительно, с высоты водопадов, поглядывала на скованные порыхлевшим льдом озера и легкомысленно звала их за собой. А они не спешили выбраться из временного зимнего плена, осуждающе перешептывались звоном ключей и терпеливо ждали, когда весеннее тепло растопит лед.

Наступил апрель. И в благодарность за долготерпение озер небеса распахнули перед ними свои иссиня-фиолетовые дали. Ласковое солнце отогрело бездонные глубины, а его лучи нарисовали на безмятежной глади фантастические картины, неподвластные кисти самого гениального художника. Эта их кроткая красота заставила склоняться в восхищении величественные вершины Химсы и Дзыхвы. Их изумрудные отражения нежились в воркующей волне, и когда выпадало засушливое лето, ледники щедро делились с ними своими тальми водами.

Так продолжалось из года в год, из века в век. И в этом незыблемом постоянстве гор, озер и ледников заключалась вековая гармония жизни. Они, познавшие ее великую мудрость, пытались остановить Гумисту, упорно стремящуюся покинуть

родные места. Но своенравная, набравшая силу гордычка не желала их слушать и с остервенением набрасывалась на скалы, как на самого заклятого врага. Сокрушив очередную преграду, продолжала нестись вперед. Терпеливые горы снова смыкали свои каменные объятия, и тогда река пускалась на хитрости. Она смиряла гордыню, покорной волной подкатывала к берегам и печально нашептывала о своих невзгодах. И они, простив ей бывшие сумасбродства, расступались просторными долинами и укрывали тонким покрывалом цветущих садов.

Казалось, Гумиста окончательно смирилась и уже не помышляла покидать родные края. Но когда впереди возникло мрачное Бзыбское ущелье, она восстала и опять проявила свой неукротимый нрав. Собравшись с силами, река, рыча и яростно вскипая на порогах, обрушилась на скалы. От чудовищного рева содрогнулись вершины Химсы и Дзыхвы. И горы, потрясенные ее безумством, снова расступились. Расшвыряв по берегам камни и деревья, Гумиста безоглядно устремилась к манящему коварным миражом свободы морскому побережью.

Река, выйдя победительницей из очередной схватки, была уже глуха к тревожному шепоту лесов предгорий. Ее манил бескрайний морской простор своей бирюзовой гладью, отражавшей серебряные солнечные блики. Но Гумиста не спешила слиться с морем. Она беспечно растеклась по равнине десятками мелких речушек и ручейков. Теперь на пути к морю перед ней лежала лишь узкая полоска песка. Она без усилий разметала его по сторонам и, счастливо журча, бросилась в объятия моря.

Но море холодно отнеслось к ее бурному порыву и продолжало шаловливой волной перешептываться с берегом. Гумиста опешила, и гневная рябь тысячами морщин покрыла ее зеркальную поверхность. Вскипев от ярости, река наотмашь хлестанула упругой струей по прибою. Оскорбленное море глухо зарокотало, но река, уверенная в своей силе, бушующим валом покатила вперед. Казалось, и на этот раз ей удастся выйти победительницей.

Море отхлынуло от берега, и Гумиста, радуясь столь легкому успеху, безоглядно бросилась вдогонку. Но с каждой секундой ее могучее течение распадалось на тысячи слабых струй. Почув-

ствовав надвигающуюся опасность, она попыталась собраться с силами, но коварное море все глубже влекло ее в свою холодную бездну, из которой уже невозможно было ни выбраться, ни повернуть вспять. Прошло несколько минут. И о Гумисте, некогда своенравной и непокорной, напоминала лишь едва заметная желто-зеленая полоска на бескрайней морской глади...

В конце восемнадцатого века и сама Абхазия походила на Гумисту. Она и ее владетельный князь Келешбей Шервашидзе (Чачба) пытались уцелеть между молотом и наковальней в соперничестве за Кавказ двух великих империй — российской и османской. В те годы Абхазия оказалась им не по зубам. Несмотря на мощь флота и свирепость янычар, Турция так и не смогла стать ее полновластным хозяином, а Россия пока только прощупывала «южную жемчужину» своими экспедиционными отрядами.

Воинственные абхазы и убыхи в родных горах ходили на суших дьяволов, и каждый раз давали жесткий отпор завоевателям. И тогда, как в холодном Санкт-Петербурге, так и прокаленном солнцем Стамбуле, прибегли к испытанному и проверенному за столетия методу — к «кнуту и прянику». Посланцы русского царя и турецкого султана при княжеском дворе в Лыхнах, а потом в Сухум-Кале, куда Келешбей перенес свою резиденцию, плели тайную паутину, доглядывали за ним, друг за другом и, норовя склонить на свою сторону, нашептывали ему про вечный союз, суля за то неслыханные благоденствия.

Келешбей, властный и решительный, одаренный от природы острым умом, отточенным в придворных интригах и самой жизнью, вел себя осторожно и терпеливо выжидал, на чью сторону склонится чаша весов в битве двух гигантов. Турция пока еще крепко стояла на Южном Кавказе, но чуткое ухо владетельного князя уже улавливало тяжелую поступь русской пехоты в Кабарде, Чечне и Дагестане. Окончательно его сомнения рассеяли появившиеся на морском рейде перед сухумской крепостью корабли с андреевским флагом на корме.

Для князя настало время выбора, но его цена была невероятно велика. В случае ошибки он терял не только голову, но и ввергал Абхазию в кровопролитную войну с предсказуемым

концом. И потому Келешбей не торопился с окончательным решением, а поступил как истинный царь Соломон.

Старший сын, Асланбей, принял ислам и был направлен ко двору турецкого султана. После этого в Стамбуле на абхазского владетельного князя стали смотреть как на своего, рассчитывая при удобном случае запустить его подобно ежу в «штаны» России, которая по-хозяйски села передовыми отрядами в Грузии и теперь упорно пробивалась к Карсу — воротам, открывавшим прямой путь к сердцу Османской империи.

В Санкт-Петербурге также имели свои виды на владетельного князя и его воинственных горцев. С их помощью император Александр I рассчитывал малой кровью отвоевать у турок весь Южный Кавказ.

Хитрый Келешбей искусно подогревал эти ожидания как у одних, так и у других. По его настоянию младший сын Сефербей был тайно крещен и получил христианское имя Георгий, а затем женился на менгрельской княжне Тамаре Дадиани. Через некоторое время внимательные наблюдатели стали замечать его с красавицей женой при дворе кавказского наместника. Свое появление среди русской и грузинской знати юный и не по годам разумный князь объяснял родственными связями жены.

Так продолжалось до начала девятнадцатого века. К тому времени Россия твердо заявила о себе в Западной Грузии, и свирепые турецкие янычары уже не отваживались, как прежде, открыто появляться в горной Абхазии и лишь время от времени совершали пиратские набеги на побережье. Чаша весов в битве за Южный Кавказ начала клониться в пользу России, и в 1803 году первым под русское покровительство перешло терзаемое со всех сторон менгрельское царство. Спустя год его примеру последовало имеретинское. В 1806 году уже сам владетельный князь Келешбей обратился с просьбой к русскому императору о принятии Абхазии в подданство России.

Специальный курьер под надежной охраной доставил его прошение в сиятельный Санкт-Петербург. Но император Александр I медлил с высочайшим повелением. Зато не дремали при дворе султана и развили бурную деятельность. В Абхазию зачастили турецкие эмиссары и принялись мутить народ, под-

стрекая его против владетельного князя. Не прошло и месяца, как у него под боком, в Эшерах, заговорщики свили себе гнездо и взялись плести сети заговора, нити которого тянулись в Цебельду и Псху. Дальше медлить было нельзя. И Келешбей поступил, как всегда, решительно: подавил заговор, а главных смутьянов — эшерских князей — Дзяпш-ипа казнил. Старшего сына Асланбея, стоявшего за спиной заговорщиков, лишил всех прав, но сохранил жизнь. Эта жалость вскоре обернулась трагедией не только для самого Келешбея, но и для всей Абхазии.

2 мая 1808 года Асланбей с кучкой заговорщиков подкараулил отца неподалеку от сухумской резиденции, жестоко расправился с ним и занял княжеский трон. Его власть оказалось недолгой и непрочной. В течение двух лет, опираясь на турецкие штыки, он пытался усидеть на троне. Но отцеубийца ничего, кроме ненависти, у подданных не вызывал, и Абхазия, словно лоскутное одеяло, стала расплзаться под власть местных вождей. Попытки Асланбея подчинить себе вышедших из повиновения цебельдинских и далских князей потерпели поражение, а после неудачного похода на садзов он уже не высовывал носа из Сухумской крепости.

Тем временем младший сын Келешбея, Георгий, чудом избежавший смерти от наемных убийц, подосланных неугомонным братом, нашел убежище в России. Спустя два года, летом 1810 года, он вернулся в Абхазию. 10 июля на рейде перед Сухумской крепостью появился русский военный фрегат и после мощной бомбардировки ее фортов высадившийся десант разгромил турецкий гарнизон. Среди пленных Асланбея не оказалось; воспользовавшись суматохой, он скрылся. Победителю Георгию было не до него: он вернулся домой и не просто вернулся, а вернулся, как ему тогда казалось, с вечным миром.

За несколько месяцев до освобождения Сухума, 17 февраля 1810 года, император Александр I утвердил, наконец, обращение владетельного абхазского князя с «Просительными пунктами» о принятии Абхазии в подданство России. Император признал Георгия «...наследным князем абхазского владения под верховным покровительством, державою и защитою Российской империи».

Но то, что когда-то удалось совершить отцу недюжинным умом, железной волей и булатной саблей — сохранить единство Абхазии, оказалось не по силам сыну. Горная Абхазия с ее воинственными псхувцами, далцами и цебельдинцами отказывалась кому бы то ни было повиноваться и продолжала жить жизнью вольных обществ. Георгий правил там, где стояли русские гарнизоны, но не властвовал — его влияние распространялось не дальше крепостных стен.

В 1821 году, после смерти владетельного князя Асланбей, одержимый жаждой власти, снова поднял голову. Поддерживаемый Турцией, не смирившейся с потерей влияния на Абхазию, он возмутил садзов, псхувцев и убухов против нового владетельного князя Дмитрия, назначенного на смену Георгию по высочайшему повелению русского императора.

Дмитрий, воспитывавшийся в России с малых лет и не знавший родного языка, был никто для своевольных горцев, и потому многоопытному, коварному Асланбею не составило большого труда за несколько месяцев поднять Абхазию на дыбы и наглухо запереть владетельного князя вместе с русским гарнизоном в Сухумской крепости. И только войска князя Горчакова, вовремя подоспевшие на помощь, спасли их от полного разгрома, но не уберегли Дмитрия от смерти. Спустя год, в октябре 1822 года, он был отравлен, и в Абхазии с прежней силой разгорелась междоусобная война.

На этот раз «гроза Кавказа» — генерал Ермолов, у которого уже в печенках сидела «абхазская вольница», — не стал церемониться и послал в мятежную провинцию военную экспедицию, вооруженную до зубов. Регулярные войска вместе с терскими казаками жестоко подавили восстание, но не волю к сопротивлению и свободе абхазов и убухов.

Назначенный в феврале 1823 года русским императором новый владетельный князь Абхазии малолетний Михаил, брат Дмитрия, продержался на троне чуть больше года.

Первой восстала Цебельда и затем, подобно лесному пожару, запольхало от Мзымты до Ингура. Почувствовав запах вожденной власти, тут как тут объявился Асланбей, а вместе с ним и турки. И Михаилу пришлось спастись бегством.

В Сухум Михаил смог возвратиться только через шесть лет, в июле 1830 года, под защитой экспедиционного корпуса генерала Гессе. На этот раз русские войска пришли в Абхазию всерьез и надолго. Подчиненные Гессе принялись срочно возводить береговые укрепления в Гагре, Пицунде, Бомборе, Квитауле и Илоре, рассчитывая завязать их в единую линию с гарнизонами, уже твердо ставшими крепостями на побережье Новороссии.

К середине тридцатых годов власть возмужавшего владетельного князя настолько укрепилась в прибрежной Абхазии, что он решился перенести резиденцию в Лыхны, во дворец своего знаменитого деда Келешбея Чачба. Но это не объединило абхазов. Михаил княжил, но по-прежнему не правил. Свободные горские общества псхувцев, далцев и цебельдинцев не признавали ничьей власти, кроме власти всевышнего и своего кинжала.

Походы войск генерала Розена в урочища Дал и Псху ненадолго приводили их к повиновению. Проходило время, и горная Абхазия снова выходила из подчинения. Одна за другой военные экспедиции отправлялись в горы подавлять восстания. После них на местах селений оставались обугленные развалины и опустошенные языческие святыни горцев. Те, кто уцелел, вынуждены были уходить все дальше и выше в недоступные для артиллерии места или пробиваться к морю, где курсировали турецкие суда, чтобы найти спасение в Турции. Так начался исход — махаджирство абхазов, убухов и садзов с Южного Кавказа. Их свежая кровь еще на полвека продлила существование дряхлеющей Османской империи.

После долгой осады и взятия Севастополя войсками союзников в ходе Крымской войны 1853–1856 гг. Турция снова предприняла попытку восстановить свое влияние в Абхазии. В октябре 1855 года многотысячный десант Омер-паши высадился в Сухуме, штурмом взял крепость и, не встречая на своем пути серьезного сопротивления, двинулся в сторону Менгрелии. У реки Ингур их пытался остановить Гурийский отряд князя Багратиона-Мухранского, усиленный ополченцами-абхазами, но в коротком и кровопролитном бою они потерпели поражение и вынуждены были отступить.

Но дальше Омер-паше не удалось продвинуться. Наместник кавказский генерал от инфантерии Н. Н. Муравьев, собрав в один кулак все военные силы, принялся мозжить им бритые черепа янычар. Турки не устояли, начали отступать, и к лету следующего года русские войска при поддержке ополченцев владетельного князя Михаила выбили их отовсюду и возвратились в столицу — Сухум-Кале. Это был последний бросок Османской империи на Абхазию. В дальнейшем лишь короткими пиратскими набегами на побережье она продолжала досаждать России.

К тому времени в другой непокорной части Кавказа, в Чечне и Дагестане, царские войска после более чем двадцати пяти лет непрерывной войны с имамом Шамилем наконец-то в августе 1859 года зажали остатки его отряда в ауле Гуниб и в ожесточенном бою пленили своего главного противника на Северном Кавказе.

За поражением Шамиля и усмирением Чечни наступил черед Западного Кавказа. Разрозненные отряды убыхов, дахов, абадзехов, кабардинцев и шапсугов не смогли устоять под натиском хорошо вооруженной, закаленной в боях и намного их превосходящей по численности русской армией. Под ее натиском они оставляли одно за другим разоренные селения и откатывались все дальше на юг, в высокогорную Абхазию. Теперь только она на всем Кавказе оставалась единственным оплотом отчаянного сопротивления горцев могущественной Российской империи.

1864 год стал последним и самым трагическим в той великой драме, что разыгрывалась на Кавказе. Пятьдесят с лишним лет заигрывания с владетельными князьями показали русским императорам и их Кавказским наместникам, что рано или поздно в горах просыпался дух вольницы, и Абхазия снова принималась жить сама по себе, согласно своим законам, древним, неписаным.

На этот раз империя навалилась на последние свободные горские общества всей мощью своей военной машины. В ожесточенных боях с превосходящим противником отряды убыхов, абхазов и садзов все чаще терпели поражения. Некогда

богатые и цветущие горные селения превратились в пустыню, где хозяйничали лишь ветер и дикие звери. Абхазия приходила в полное запустение, десятки тысяч беженцев — махаджиров искали спасения на южных берегах Черного моря. Османская империя, хорошо познавшая на себе силу горцев, охотно давала им приют, рассчитывая в дальнейшем использовать их против своего заклятого врага — России.

К началу весны 1864 года в Абхазии непокоренными остались лишь свободное общество псхуцев и присоединившиеся к нему остатки племен убыхов и садзов. Последней защитой им служили неприступные горы Бзыбского хребта. Но с приходом тепла, когда вскрылись южные перевалы и караванные тропы, русская пехота при поддержке казаков принялась долбить оборону горцев с упорством стенобитного тарана.

Экспедиционный корпус полковника В. Коньяра первым сумел пробиться в верховья реки Западной Гумисты, к селению Гума, и, несмотря на тяжелые потери, понесенные пехотой и казаками в только что закончившемся бою, с ходу ринулся форсировать реку. Коньяр спешил до наступления темноты добить остатки отряда абхазов и убыхов, чтобы не дать им уйти вглубь гор и там соединиться с псхувцами.

Стремительные воды Гумисты гневными бурунами вскипели у ног лошадей эскадрона есаула Найденова. Изрубив отряд Арсола Авидзбы, казаки в боевом запале бросились безоглядно преследовать горцев, отходивших за реку. Те, отстреливаясь, уносили с собой тела Арсола и еще троих воинов, которые его родному брату Гедлачу вместе с уцелевшими воинами удалось отбить в последней отчаянной атаке.

Сотник Хоперсков с десятком казаков первым прискакал к броду и начал переправу, но лошади оседали на задние ноги и испуганно храпели перед ревушим потоком. Он дико гикнул и, пришпорив жеребца, направил к темневшему среди бурунов порогу. Вслед за ним ринулись в стремнину остальные, но выбраться на противоположный берег им не удалось.

Плотный ружейный огонь горцев заставил остановиться казаков. Злым осиным роем над головами загудели пули. Справа от Хоперскова вскрикнул урядник Астахов и, бросив поводья,

схватился за холку, но не удержался и пополз вниз. Лошадь, не чувствуя твердой руки раненого хозяина, рванулась к спасительному порогу, но задние ноги заскользили на камнях, отдрасненных течением словно зеркало, и через мгновение, подняв фонтан брызг, лошадь и всадник рухнули в злобно загудевший поток. Их головы промелькнули в водовороте и исчезли в воронке под скалой.

Новый залп опрокинул в воду еще двоих казаков. На этот раз зацепило и самого сотника. В глазах Хоперского потемнело от боли, нестерпимым огнем растекшейся по левому бедру. Горцы усилили стрельбу. В ответ по ним начала палить подоспевшая русская пехота. Под прикрытием ее огня казаки, потеряв еще двоих убитыми, начали отход к берегу.

Больше охотников преследовать отряд убыхов и абхазов не нашлось. Лишь есаул Найденов порывался отомстить «басурманам» за загубленных хлопцев, но полковник Коньяр решительно остановил эту отчаянную попытку, которая могла обернуться еще большими потерями. Он, опытный командир, понимал, что сегодня его войска сделали больше своих сил. Противник оказался не настолько ослаблен, как это казалось в конце боя, и потому преследовать его в горах, тем более в ночь, было делом не только безнадежным, но и крайне опасным. Этот жестокий урок Коньяр, тогда еще подпоручик, усвоил раз и навсегда двадцать лет назад во время войны в Дагестане. Там на собственной шкуре он познал, что на Кавказе воюют не числом, а умением и решительно приказал: «Прекратить атаку!»

Горнисты затрубили «отбой».

По цепям атакующих прокатилось: «Прекратить атаку!»

Вслед за ней изнуренные непрерывными трехдневными боями офицеры и солдаты услышали долгожданный приказ: «Привал! Разбить лагерь!»

Горестно вздохнув, полковник Коньяр распорядился: «Оказать помощь раненым! Захоронить погибших!»

Похоронная команда, санитары и лекаря разошлись по полю боя, чтобы собрать скорбные «плоды» войны.

В лагере тем временем быстро налаживалась походная жизнь. У излучины реки квартирыеры и обозные команды

принялись ставить палатки, разжигать костры и готовить в котлах неприхотливую пищу. Но едкий запах гари, исходивший от развалин догорающего селения, а еще больше удушающий смрад разложившихся от нестерпимого жара человеческих тел и трупов животных, вынудили перенести лагерь выше, на поляну, где когда-то был выгон для овец.

Прошло несколько часов, и привычные к походной жизни пехотинцы, артиллеристы и казаки закончили оборудование лагеря. К этому времени повара приготовили пищу; солдаты и казаки выстроились у полевых кухонь. Рассевшись у костров, они молча поедали запоздалый ужин. В тот вечер не было слышно ни песен, ни смеха. Горечь понесенных утрат не могли смягчить ни обилие мяса, ни пузатые бутылки со спиртом, который щедрой рукой разливали по оловянным кружкам расторопные интенданты. Помянув погибших и выпив за здоровье раненых, офицеры, солдаты и казаки разошлись по палаткам.

Полковник Коньяр, перекусив у походного котла, вместе с начальником штаба майором Вронским проверил ближние посты и возвратился к себе в палатку. В ней за пологом ординарец Спиридон подготовил дубовую бочку с горячей водой. Коньяр стащил с себя пропыленный, отдающий кислятиной мундир и с головой окунулся в воду, пахнущую запахом луговых трав. Вместе с грязью, сошедшей с измочаленного тела, ушла и горечь от потерь — это извечное проклятие командира.

В соседней палатке, где располагались офицеры штаба, какое-то время раздавался монотонный гул голосов и лязг оружия, но вскоре и там наступила тишина. Лагерь забылся в крепком сне, и лишь в двух местах еще продолжали копошиться людские тени. У дальнего, вынесенного за пределы лагеря и наспех огороженного плетнем из орешника навеса десятков мрачных и неразговорчивых солдат в свете факелов долбили кирками неподатливую каменистую землю, роя братскую могилу. В сотне метров от них, у горного разлома, под охраной караула другая похоронная команда засыпала камнями трупы горцев.

В центре лагеря тоже все еще напоминало о недавно закончившемся бое. В свете чадающих фитилей хирурги, забрызганные с головы до ног кровью, кромсали изболевшуюся от страданий

человеческую плоть. Пронзительные крики и мучительные стоны, мольба и плач раненых разносились далеко за пределы лагеря, но на них мало обращали внимания те, кому сегодня повезло больше. Офицеры и солдаты, дворяне и крестьяне, не один год варившиеся в безжалостном котле Кавказской войны, давно сжились со смертью и воспринимали ее как неизбежное зло. Они знали, что за их жизни здесь, в горах, где стрелял каждый камень, а за поворотом тропы подстерегала засада, не могли поручиться ни полковник Коньяр, ни кавказский наместник, ни сам Господь, и потому были рады одному тому, что остались живы.

Густая ночная мгла опустилась в долину, лагерь ненадолго забылся в коротком сне, и только часовые продолжали нести службу на постах и в дальних секретях перед перекастом реки и на горных тропах. Их напряженный слух ловил каждый подозрительный звук и шорох. Но сумрачные горы и леса, уставшие от орудийного грохота и вида смерти, витавшего над лагерем, хранили скорбное молчание.

Луна выплыла из-за снежной шапки на вершине горы Химс, тусклым светом осветила узкую, местами разрушенную сходами лавин и камнепадами единственную дорогу. По ее туго закрученной серпантину медленно, напоминая огромную черную гусеницу, двигались колонна беженцев из селения Гума и остатки смешанного отряда убыхов и абхазов. Они отходили к высокогорному селению Псху — последнему оплоту сопротивления горцев в Западной Абхазии.

Скрип колес арб, плач детей и стоны раненых предупредили часовых передовых постов о приближении страшной беды еще задолго до появления беженцев перед селением. Она подняла на ноги всех, от мала до велика, и объединила в безутешном горе. Женщины делились последним, а мужчины готовы были стоять насмерть, но не дать врагу захватить Псху. То, что бой был неизбежен, подтвердили и разведчики, вернувшиеся утром с берегов Гумисты. Передовые отряды полковника Коньяра пока еще не перешли реку, но приготовления, что шли в лагере полным ходом, не оставляли сомнения в предстоящем наступлении.

Дальше медлить было нельзя, и командиры псхувцев, убыхов и абхазов собрались на военный совет. В небольшой комнате сакли Уруса Отырбы было не повернуться, но никто не роптал и не жаловался. Опытные и умудренные жизнью воины ясно представляли, что на это раз матерый вояка Коньяр не отступит и сделает все, чтобы не дать им возможности вырваться из кольца окружения. Обменявшись взглядами, они сошлись на самом опытном из них — на Косе Авидзбе. Тот встал из-за стола, протиснулся на середину сакли и, положив руку на рукоять старинного кинжала, перешедшего к нему от отца, печально произнес:

— Братья! Будем смотреть правде в глаза! Коньяр наглухо закупорил ущелье и не сегодня, так завтра появится здесь.

— Проклятый пес! — процедил сквозь зубы Гедлач Авидзба.

— Пусть только сунется. Выпустим из него все потроха! — угрожающе зарычал Зафас Гума.

— Легко сказать, выпустим. А чем? У нас всего две пушки и меньше трех сотен сабель. У Коньяра их в два раза больше и целая батарея, — остудил его пыл Коса.

— А что, разве лучше сидеть и ждать, когда нас перережут как баранов?! — в сердцах воскликнул Зафас.

— Если умирать, так с честью! — присоединился к нему Апсар Атыршба.

В ответ послышался одобрительный гул. Самые горячие схватились за кинжалы, и проклятья посыпались на Коньяра и его солдат.

— Эти собаки захлебнутся в своей крови!

— Шакалы!

— Они здесь найдут могилу!

Коса сохранял выдержку и, дождавшись, когда погас гнев, продолжил:

— Я еще не закончил. Сидеть, сложа руки, никто не предлагает, но идти в лоб на Коньяра — это самоубийство. Зря положим себя и отдадим под нож детей и жен. Надо искать другой выход.

— А какой? Обложили-то со всех сторон! — кипятился Зафас.

— Еще остался Адзагшыпский перевал!

— Перевал? — переспросил Апсар и, покачав головой, с сомнением произнес: — В апреле через него не пробиться. Там снега выше головы.

— Это наш единственный шанс, — стоял на своем Коса.

— А старики, дети, раненые? — напомнил Зафас.

— С таким обозом от казаков не оторваться, — заключил Гедлач.

И этот последний убийственный довод, казалось бы, похоронил все надежды вырваться из капкана, в который их загнали войска Коньяра. В комнате вновь воцарилось гнетущее молчание. Коса нервно теребил рукоять кинжала и напряженно искал выход. В их положении рассчитывать на чью-либо помощь уже не приходилось, он как опытный воин хорошо понимал, что а с теми силами, что остались, пробиться к морю было невозможно. Оставалось полагаться только на чудо.

— Коса, а если ударить с двух направлений? — нарушил затянувшееся молчание Апсар.

— И что это даст? Они легко перебьют нас поодиночке! В одном кулаке — есть еще какой-то шанс, — возразил Гедлач Авидзба.

— Стоп! Не спеши! — остановил брата Коса и потребовал: — Апсар, продолжай.

— Надо собрать ударный отряд, зайти Коньяру в тыл и отвескающим ударом оттащить от ущелья, — пояснил тот.

— А в это время основные силы, раненые, женщины и дети выскользнут из западни! — ухватился за мысль Коса.

Апсара дружно поддержали и другие воины.

— Так и надо сделать!

— Это выход!

— Если не себя, так детей и жен спасем!

Общий вздох облегчения прошелестел в комнате. Это был призрачный, но все-таки шанс. И воины оживились. Теперь все внимание было направлено на подготовку передового отряда. Отряда смертников. От добровольцев не было отбоя, но Коса Авидзба и Апсар Атыршба оставались неумолимыми. Они

строго выполняли старый, установленный далекими предками закон — тот, кто был единственным в роде, не мог себе позволить чести умереть за других.

На следующий день восемьдесят бойцов были готовы пожертвовать собою и с наступлением сумерек выступили в поход. По тайной горной тропе, известной лишь абреку Абзагу Гумбе, отряд под командованием Косы Авидзбы стремительным маршем преодолел семнадцать верст и на рассвете вышел на правый берег Гумисты.

Коньяр, видимо, был уверен в себе, и те редкие секреты, что стояли на основных тропах, горцы без труда обошли стороной. До лагеря оставалось еще около двух верст, но Коса решил не рисковать и укрыл отряд в ущелье, а сам с пятью разведчиками, прихватив с собой пистолеты и ружья, отправился на разведку. Выбравшись из пещеры, они, где короткими перебежками, а где ползком, стали подбираться к лагерю. За версту до него Зафас Гума первым заметил дозор, и Коса распорядился залечь. Играть с казаками, выросшими среди гор и чувствовавшими себя здесь как дома, было рискованным занятием. Прячась за скалами, разведчики принялись вести наблюдение за лагерем, пытаясь найти слабые места в обороне.

Коньяр остался верен себе. Успех недавнего боя не вскружил ему головы, и он действовал по всем правилам военной науки. За сутки, прошедшие после боя, солдаты обнесли лагерь трехметровой стеной из деревянного частокола, а по углам укрепили сторожевыми вышками. Артиллерийскую батарею опытные канониры расположили на двух холмах, с которых простреливались все подступы и единственная дорога, ведущая к селению Псху. Во всем, что сейчас наблюдали перед собой Коса и разведчики, чувствовалась основательность и тонкий расчет. Армейские аристократы — артиллеристы — и те, чтобы не попасть под огонь снайперов, не поленились отрыть для орудий капониры в полный профиль.

Предусмотрительный Коньяр не дал свободы даже казакам и посадил их на короткий поводок, а горные тропы дополнительно перекрыл секретами. Глазастые Талах Маршания и Камшиш Джелкан насчитали их целых шесть.

— Шакалы! Ощетинились и не подобраться! — с ожесточением произнес Талах.

— А если сесть на хвост разьезду и за ним прорваться в лагерь? — предложил Камшиш.

— Легко сказать! А как? — усомнился Кясоу Отырба.

— Вон за тем лесочком спрятаться, а потом рвануть к воротам.

— Толку не будет. Батарейка как кость в голе! Заметят и одним залпом накуют! — отмел это предложение Зафас Гума.

— Остается бить на марше, — заключил Кясоу.

— На марше?.. А как? — вопрос Камшиша повис в воздухе.

— Смотрите, они зашевелились! — всполошился Талах.

И снова внимание Косы и разведчиков сосредоточилось на лагере. Монотонное течение его жизни нарушила оживленная суэта в расположении эскадрона есаула Найденова. Сам он, на гарцующем жеребце в окружении десятка казаков, легким аллюром проскакал по полю. Коса внимательно наблюдал за ними и, судя по тому, что сейчас происходило, догадался — казаки готовились к джигитовке, и чтобы лишний раз убедиться в своем предположении, навел подзорную трубу на центр лагеря.

Перед глазами крупным планом возникла штабная палатка. У входа в нее не было заметно той суматошной беготни вестовых и ординарцев, что предшествует выступлению в поход. Также неспешно протекала жизнь и на позициях артиллерийской батареи. Канониры, раздевшись до пояса, лениво чистили банниками стволы орудий. Последние опасения, что Коньяр в ближайшие часы может двинуть свои штурмовые роты на Псху, у Косы рассеялись после того, как он увидел у реки десяток солдат, разделявавших туши коров. Все это вместе взятое говорило о том, что у него впереди были еще полдня и ночь. Он пока не знал, как подступиться к лагерю, но для себя уже решил и объявил:

— Атаку проведем ночью.

— А если Коньяр двинется сейчас? Тогда что? — все еще сомневался Талах.

— За хвост хватать! — мрачно обронил Зафас.

— За какой? — с ожесточением произнес Кясоу.

— Хватит причитать! — с раздражением оборвал Коса и решительно заявил: — Решено. Будем готовить атаку.

— Какую? Забор головой не прошибешь, — буркнул Камшиш.

— Если и прошибешь, то что толку. Они нас как капусту покршат, — вторил Талах.

— Надо как-то выманить в поле, — предложил Зафас.

— Ночью?.. Коньяр не идиот. Он и носа за забор не высунет, — с ходу отмел его предложение Кясоу.

— Значит, днем, — вяло стоял на своем Зафас.

— Бесполезно, артиллерия от нас одно мокрое место оставит, — уныло заключил Камшиш.

— Выходит, все напрасно? — и этот горестный возглас Талаха посеял еще большее уныние в душе Косы и его товарищей.

Они, не раздумывая, готовы были заплатить своими смертями за жизни тех, кого больше всего любили, но это ничего не решало. Оборона лагеря не имела уязвимых мест.

Горцы, опытные воины, прекрасно понимали, что вряд ли могут рассчитывать на успех в бою с почти тысячью хорошо вооруженных солдат, засевших за стенами прочного частокола, или хотя бы отвлечь их от ущелья и дать возможность отряду Гедлача прорваться в долину. Бой на открытой местности, под стволами пушек был равносильен самоубийству.

«Коньяр — не голодный пес и не станет бросаться на кость. Тут прав Камшиш — он первым делом пустит в ход артиллерию, а затем двинет кавалерию. Так, где же выход? Где?» — терзался Коса в поисках ответа.

— Чтоб их, шакалов, на куски разорвало! — от яростного возгласа Зафаса Коса встрепенулся. Сам того не подозревая, тот дал подсказку. И, спеша ее проверить, Коса схватил подозрную трубу и навел ее на лагерь. Перед глазами проплыли часовые, застывшие на сторожевых вышках, шеренга солдат, раз за разом протыкающая штыками соломенные чучела, группа офицеров у входа в штабную палатку. Все это было не то.

«Куда же вы его спрятали? Куда?» — Коса пытался найти ключ к успеху будущей атаки и снова приник к подозрной трубе.

На этот раз он старался не упустить мелочей, которые бы дали подсказку, и внимательно осматривал каждый клочок местности вблизи артиллерийской батареи. Вскоре его настойчивость была вознаграждена. Солдат, застывший как свечка под кустом орешника, и утоптанная дорожка, обрывавшаяся у зарослей терновника, заставили учащенно забиться сердце. Коса, наконец, нашел то, что искал, и, чтобы проверить догадку, сунул подозрную трубу Абзагу Гумбе, ткнул пальцем правее последнего капонира и предложил:

— Посмотри. Если не ошибаюсь, там пороховой погреб.

— Точно! — подтвердил Гумба, в следующее мгновение его лицо просветлело, и он воскликнул:

— Коса, ну ты молодец! Теперь они наши!

Это был тот единственный шанс, позволявший не только взломать неприступную оборону лагеря, но и надолго вывести из строя войска Коньяра. Абзагу снова приник к подозрной трубе и вскоре помимо основного порохового погреба обнаружил еще один, расположенный у самого крепостного забора. Удача, кажется, сама шла им в руки.

«О чем вы?», «Чего там увидели?», «Дайте посмотреть!» — теребили их вопросами и рвали из рук подозрную трубу Камшиш с Зафасом.

— Ну, ты и голова, Коса! Если удачно рванет, то батарею и пол-лагеря снесет! — не мог сдержать восхищения Абзагу.

— Половину не половину, но дорогу точно себе проложим, — скромничал тот.

— Предлагаете рвануть пороховой погреб? — сообразил Камшиш.

— Да, — подтвердил Коса.

— Ну, теперь мы им покажем! — оживился Зафас.

Перебивая друг друга, они дополняли деталями план предстоящей ночной атаки на лагерь Коньяра.

— А если еще лошадей угнать? — пошел дальше Талах.

— Запросто. Охрана там небольшая, — поддержал его Кясоу.

— Стреножим казаков, а с пехотой как-нибудь справимся, — согласился с ними Камшиш и довольно потер руками.

- Про артиллерию не забывайте, — напомнил Кясоу.
- Это если от нее что-то останется, — отмахнулся Талах.
- Рано радуемся. К погребам и лошадям еще подобраться надо, — попытался остудить пыл Коса.
- Подберемся! — не теряя уверенности Камшиш.
- Еще бы Коньяра на кинжал взять и тогда... — размечтался Зафас.
- Заодно офицерье порезать и потом с этим стадом делай что хочешь! — присоединился к нему Камшиш.

Коса слушал, не перебивал и на невидимых весах взвешивал все предложения. К приходу Апсара с новой сменой разведчиков план ночной атаки на лагерь Коньяра был уже готов. С полуслова он оценил его преимущества и безоговорочно принял. Теперь им оставалось только одно — молить Всевышнего о том, чтобы эту ночь русские провели в лагере. Судя по тому, что происходило в долине, они не собирались в ближайшие часы идти походом на Псху. Коньяр, видимо, полагал, что ему удалось надежно запереть горцев в ловушке, и не спешил сломя голову нестись вглубь гор, а по всем правилам военного искусства готовился к решающему штурму. Он дожидался возвращения лазутчиков, посланных под Псху, и потому отложил выступление еще на сутки.

Для Апсара, Косы и остальных семидесяти восьми воинов, в руках которых находилась судьба тысячи двухсот женщин, стариков и детей, начался свой отсчет времени. Оставив Кясоу и Камшиша наблюдать за перемещениями в лагере, они возвратились к пещере и занялись подготовкой к ночной атаке.

А Коньяр ничего не подозревал о близости противника и, убаюканный донесениями лазутчиков, ослабил «вожжи» службы. В передовых секретах не особенно заботились о маскировке, на солнце то и дело поблескивали линзы биноклей и подзорных труб. Казачьи разъезды, не таясь, патрулировали только единственную дорогу и горные тропы, ведущие в Псху. На дальнем выпасе под присмотром всего нескольких сторожей пасся табун лошадей. Все вместе взятое убеждало Косу в том, что в голове Коньяра, видимо, даже не возникало и мысли о присутствии под боком отряда горцев.

Прошел час, за ним другой. Ничто не нарушало размеренной жизни в лагере. И это укрепляло уверенность Косы в успехе задуманного. Он торопил приход ночи. Солнце, наконец, нехотя скатилось к горизонту, длинные зубастые тени гор заскользили по долине, а из ущелий косматыми языками потянулся туман. Подошло время ужина, и в лагере стало заметно оживленнее. К котлам с наваристой кашей выстроились очереди солдат, а под навесом за походным столом собрались офицеры. Продолжался ужин недолго, и с наступлением сумерек солдаты, а чуть позже и офицеры, отправились спать.

Для Косы и его воинов пришло время действий. Часы отсчитывали последние минуты жизни их и русских солдат. Но ни сам Коса, ни другие горцы не испытывали страха смерти. Они переступили через него еще в Псху и готовились встретить ее так, как подобает настоящему горцу. Булатная сталь клинков печально повизгивала под точилами. Сухо лязгали затворы ружей и пистолетов. Новые, глубокие зарубки покрывали древко пики, чтобы в решающий момент рука не соскользнула с него. Их верные и испытанные боевые соратники — кони — тоже чувствовали приближение боя, яростно грызли мундштуки и нетерпеливо перебирали ногами.

Коса последний раз прошелся точилом по лезвию кинжала, оно холодно блеснуло в тусклом лунном свете, и, вложив кинжал в ножны, отправился обходить воинов. Как и он, они жили предстоящей схваткой. Кясоу, примеряясь к будущему врагу, со свистом рассекал саблей воздух. Камшиш в стремительном выпаде раз за разом выбрасывал вперед руку с пикой, как бы вышибая казака из седла. Зафас с двумя кинжалами в руках с невероятной скоростью раскручивал «вертушку» и врубался в ряды пехоты.

Спустившись ниже, Коса невольно замедлил шаг и подошел к племяннику. Тот приподнялся.

— Сиди, сиди, Аслан, — положил он руку ему на плечо и присел рядом.

Через месяц ему исполнилось бы только семнадцать, но на войне быстро взрослеют, за спиной юноши был уже не один бой. Сын Арсола, он во всем походил на отца, но ему не хватало его

опыта и выдержки. Дерзкий и стремительный Аслан был хорош в лихой атаке, но в вязком бою это и жажда мести являлись больше помехой. Коса мягко потрепал его по плечу и спросил:

— О чем думаешь?

— Об одном — отомстить за отца! — с ожесточением ответил он.

— Это справедливо. Мой брат и твой отец был достойным человеком и настоящим воином, — печально произнес Коса.

Плечо Аслана дрогнуло и с губ сорвалось:

— Проклятые гяуры! Они дорого за него заплатят.

— Мечь — дело святое, но ты молод и должен думать о жизни.

— Какой? Вчера они забрали отца, сегодня землю и что остается?.. — у Аслана больше не нашлось слов, ярость и гнев душили его.

— Остаются дети и вера, — напомнил Коса.

— Дети? У меня?

— Да, у тебя.

— Но оттуда не возвращаются!

— Возвращаются, если не умерла вера.

— Вера? Во что?

— В то, что мы вернемся домой.

— Домой?

— Да. И потому, ты должен жить.

— Я? А разве мы не умирать пришли?

— Не ищи смерти, Аслан! Придет время — она сама тебя найдет. Думай о жизни, — обронил Арсол и, пожав руку, продолжил обход воинов.

Они так же, как и Аслан, своими мыслями были там, среди крови и смерти. А она уже готовила поле для своей страшной жатвы.

Луна спряталась за облака. Внизу плотная пелена тумана укутала лагерь. А Коса все медлил с командой о начале атаки и ждал, когда крепкий сон притупит бдительность часовых, а от Гедлача Авидзбы поступит сигнал. Его отряд вот-вот должен был появиться у переправы через Гумисту, но пока восточный склон горы безмолвствовал.

Прошло около часа и, наконец, глазастый Кясоу заметил слабую вспышку. С коротким перерывом она повторилась трижды. Это Гедлач дал о себе знать. И отряд Косы пришел в движение.

Первыми к лагерю двинулись девять воинов, их вел Апсар. Им предстояло подорвать пороховые погреба. Сразу за ними тронулась вторая группа. В нее Талах Маршания отобрал лучших угонщиков, ухитрившихся уводить лошадей даже из-под носа кавказской овчарки.

Они беззвучно растворились в темноте, а для Косы и остальных горцев потянулись минуты томительного ожидания. Напряжение нарастало. Нетерпеливые начали поторапливать с выступлением, но Коса оставался непреклонен. И когда по его расчетам группы Апсара и Талаха должны были подобраться к своим целям, взял под уздцы коня и первым шагнул к ложине.

Серыми призраками горцы подкрадывались к лагерю. Поднявшийся ветер шелестел прошлогодними листьями и скрадывал неосторожные шаги. Лошади будто понимали своих хозяев, и ни один камень не скатился из-под копыт, предусмотрительно обернутых шкурами.

Саженой за четыреста до лагеря Коса распорядился укрыться в густом орешнике. Воины и лошади, послушные руке хозяина, распластались на земле, готовые в любую секунду ринуться в стремительном галопе вперед и обрушиться на неприятеля.

Теперь все зависело от удачливости Апсара и его воинов. Они, никем не замеченные, добрались к забору, залегли в десяти сажнях от сторожевой вышки и стали прислушиваться к тому, что происходило в лагере. В нем царил покой, изредка нарушаемый переключкой часовых, в которой чуткое ухо Апсара не уловило опасности. Тот, что стоял над ними на вышке, борясь со сном, то приседал на корточки, то подтягивался на стропиле, и эта возня им была только на руку.

— Кясоу, Камшиш, пришло ваше время, — тихо произнес Апсар.

— Его тоже, — процедил Камшиш и подался вперед.

— Подожди, Кам, если, что...

— Я ему, как барану, башку сверну! — отрезал тот.

— Не первый раз. Мы его снимем, Апсар, — заверил Кясоу и вслед за Камшишем растворился в темноте.

Стремительным броском они перебрались к забору и за-таились. Их перемещение осталось незамеченным, часовой продолжал упражняться, и скрип досок под ногами скрадывал остальные звуки. Камшиш не стал больше ждать, поднялся с земли и распрямился во весь рост. Кясоу кошкой вскарабкался ему на плечи и, перемахнув забор, замер у сторожевой вышки.

Прошла секунда, другая. Сверху по-прежнему доносилось сопение и треск досок, ходивших ходуном под ногами часового. Кясоу перевел дыхание и шагнул на ступеньку. Она предательски скрипнула, но на вышке не обратили на это внимания, и он, припадая на каждом шаге, все ближе подбирался к часовому. Пальцы коснулись деревянного настила смотровой площадки, и перед глазами серыми колодками-тумбами возникли сапоги. В нос шибанул прогорклый запах дегтя. Рука Кясоу легла на рукоять кинжала. В следующее мгновение он взвился в воздух и обрушился на плечи часового. Левая рука зажала раскрывшийся во вскрике рот, а правая в коротком замахе взметнула кинжал. Холодная сталь рассекла горло, и обмякшее тело кулем рухнуло на помост. Путь в лагерь был открыт. Кясоу дал сигнал.

На плач «сыча» отозвался Апсар и вслед за Камшишем перебрался через забор. Прошло не больше минуты, и все десять разведчиков собрались под сторожевой вышкой. Такой быстрый и легкий успех кружил головы, и радостный шелест голосов вкрался в ночную тишину.

— Тихо! — цикнул Апсар и спросил:

— Ты как, Кясоу?

— Нормально, — коротко ответил тот.

— Хорошо. Я, Кам и Зафас займемся погребями, а ты бери остальных и к Коньяру.

— Может, еще кого себе возьмешь? — предложил Кясоу.

— Хватит. Справимся, — отказался Апсар и вслед предупредил: — Только тихо, раньше нас не вспугните!

— Мы как мыши, никто не услышит, — заверил Кясоу и, распластавшись на земле, исчез в темноте.

Вместе с ним еще шесть воинов, прячась от часовых за палатками и возами, шаг за шагом приближались к центру лагеря. За время дневных наблюдений Кясоу изучил его, как свои пять пальцев, и ни разу не сбившись, вышел прямо к тарантасу, в котором Коньяр перевозил свой походный скарб. Забравшись под него, они дождались, когда луна вышла из-за туч, и осмотрелись по сторонам. Единственный часовой, описывавший круги вокруг штабных палаток, не был серьезной помехой. Теперь Кясоу ждал только одного — сигнала от Апсара на взрыв пороховых погребов.

А у того не все складывалось так удачно. К погребам оказалось далеко не просто подобраться. Ночью их охраняли спаренные часовые. Редкий кустарник у патрульной тропы служил слабым прикрытием, а высокая прошлогодняя трава была лишь помехой. Каждое неосторожное движение в ней отзывалось треском и настораживало часовых. Поэтому Апсару, Камшишу и Зафасу приходилось подолгу застывать и ждать подходящего момента, чтобы еще на один метр приблизиться к пороховому складу. Время шло, приближалась смена часовых, а они по-прежнему были далеки от цели.

— Может, рискнем, Апсар? — потерял терпение Камшиш.

— Нет. Только шум поднимем, — отказался он.

— Я успею ему заткнуть рот.

— А если... Нет, не пойдет. Ты давай к основному, глядишь — там получится, а мы тут с Зафасом как-нибудь справимся, — решил Апсар.

— Как скажешь, — не стал спорить Камшиш и отполз к скале.

Зафас выждал, и когда стихли шорохи, ящерицей заскользил ко второму часовому, маячившему перед входом в пороховой погреб. Апсар, оставшись один, так и не дождался, когда первый изменит свой маршрут, и решил действовать. И здесь сработал старый трюк: шум от брошенного камня привлек внимание часового. Шорох травы становился все ближе. Апсар вытащил кинжал из ножен и приготовился к прыжку. Часовой появился неожиданно и в блеклом лунном свете выглядел почти что великаном. Разжавшись, как пружина, Апсар взвился над землей и

обрушился ему на плечи. Лезвие легко вошло в обмякшее тело, и они оба рухнуло на землю.

Чуть раньше с другим часовым покончил Зафас. Путь к резервному пороховому погребу тоже был открыт. Оставив Зафаса готовить погреб к подрыву, Апсар отравился на помощь Камшишу. Здесь им повезло больше. Первого, придремавшего на посту часового, они сняли без помех, а со вторым пришлось повозиться. Кинжал Камшиша зацепил ствол ружья и лишь поранил часовому руку. Сдавленный крик нарушил ночную тишину и тут же оборвался — после второго удара Апсара голова часового слетела с плеч, будто кочан капусты.

С охраной было покончено. К этому времени Зафас подготовил к взрыву резервный пороховой погреб и ждал команды Апсара. Тот, взломав дверь, за которой хранились сотни пудов зарядов, швырнул один конец запального шнура Камшишу, а сам нырнул в темный зев хранилища. Штабеля деревянных ящиков с порохом занимали все свободное пространство. Апсар сорвал кинжалом крышку с первого попавшегося под руку ящика и воткнул в него конец запального шнура. Выбравшись из погреба, он бросил на ходу:

— Все, Камшиш, теперь они наши. Поджигай — и к Зафасу!

Тот поджег запальный шнур и вслед за ним, где ползком, а где короткими перебежками, возвратился к резервному пороховому погребу и скатился в яму, где их ждал Зафас.

— У тебя готово? — спросил Апсар.

— Да, — ответил он.

— Поджигай!

Через мгновение еле заметный в траве, сердито шипящий огонек устремился к пороховому погребу, резво перепрыгнул земляной валик перед входом, ярко пыхнул и нырнул вниз. Апсар, Камшиш и Зафас прикрыли головы руками и сжались в комок. Один за другим два мощных взрыва сотрясли горы и долину. Чудовищная взрывная волна смела, словно карточный домик, восточную часть крепостной стены вместе со сторожевой вышкой и, увлекая за собой груды камней, обрушилась на палатки со спящими солдатами и офицерами.

Не успели затихнуть раскаты взрыва и осесть пыль, как Кясоу и еще семь воинов, выхватив сабли и кинжалы, ринулись вырезать офицеров. Сам он, перемахнув через повозку, первым оказался у палатки Коньяра, саблей располосовал полог и ворвался внутрь. Слабый свет оплывшей свечи выхватил из полумрака метнувшуюся навстречу серую тень. Подчинясь инстинкту, Кясоу совершил нырок влево. Перед глазами тускло блеснуло лезвие штыка, холодная сталь обожгла плечо, а в следующее мгновение рука вонзила кинжал в живот навалившегося на него тела. Сбросив его на землю, он ринулся к ширме, сорвал ее и оказался перед пустой постелью. Кто был тот нападавший — Коньяр или ординарец — ему некогда было разбираться. Из соседней офицерской палатки доносились яростные крики, стоны. Он бросился на помощь, но там было уже все кончено. Потеряв двоих убитыми, Кясоу с оставшимися воинами двинулся к основным силам.

Полыхавшее над лагерем зарево на фоне суровой панорамы гор придавало развалинам устрашающий вид. Восточная его часть была стерта с лица земли, а на месте пороховых погребов зияли гигантские провалы. Солдаты, выжившие после взрывов и растерявшиеся без офицеров, превратились в неуправляемую толпу, суматошно мечущуюся среди пожарищ, и стали легкой добычей для отряда Косы. Ворвавшись через провал в крепостной стене, горцы безжалостно рубили саблями и кололи пиками всех, кто попадался на пути. Не встречая серьезного сопротивления, они сокрушительным ураганом промчались через лагерь, перед западными воротами развернулись и повторили атаку.

К этому времени пришли в себя казаки Найденова. Потеря лошадей — об этом есауду сказал топот копыт уносящегося вглубь ущелья табуна — казаков не деморализовала; сбившись в круг, они ответили ружейным огнем. Коньяр, ускользнувший от кинжала Кясоу, собрал вокруг себя уцелевших от резни офицеров и принялся решительно наводить порядок среди потерявших управление рот. Это ему удалось, и очередная атака горцев натолкнулась на упорное сопротивление. Потеряв шестерых убитыми, Коса, сам раненный в левую руку, перегруппировал

силы и, чтобы не дать Коньяру замкнуть оборону, обрушился на ее левый фланг.

На этот раз пехотинцы не только устояли, но и сами перешли в контратаку. Выстроив роты полумесяцем, Коньяр старался отрезать пути отхода горцев и теснил к уцелевшей после взрыва западной крепостной стене. А они кинжальными выпадами обрушивались то на один, то на другой фланг и, не жалея своих жизней, терзали противника, чтобы дать возможность отряду Гедлача Авидзбы и семьям вырваться из западни.

С каждой новой атакой ряды горцев таяли, пространство для маневра сокращалась; пехота и казаки сжимали вокруг них кольцо окружения. Потеряв коня и расстреляв заряды, Кясоу Отырба, поднятый на штыки, продолжал тянуться кинжалом к врагу. Камшиш Джелкан уже ничем не мог помочь старому другу Абзагу Гумбе. Тот, оставшись без оружия, с голыми руками кинулся на казацкие шашки. Сам он, прижатый к стене, отчаянно отбивался сломанной саблей, пока казацкая пика не пронзила его.

Инициатива в бою полностью перешла к Коньяру, и он, не желая понапрасну терять солдат в рукопашной схватке с осатаневшими горцами, выставил перед цепью стрелков телеги с повозками и ружейным огнем методично уничтожал их. Они же не помышляли вырваться из окружения, но и не собирались оставаться живыми мишенями. Пешие и конные с яростными криками «Смерть гуярам!», «Смерть шакалам!» ринулись в свою последнюю атаку.

Первая шеренга всадников, послужившая живым щитом, полегла под пулями, но те, кто был за ней, вломились в оборону русских и бросились в сабельную рубку. Лошади, люди — все смешалось в один грохочущий выстрелами, взвизгивающий сабельными ударами и отзывающийся предсмертными стопами и нечеловеческими воплями кровавый клубок тел, откатывавшийся все дальше к реке.

Коса каким-то чудом еще держался в седле, левая рука обвисла бессильной плетью, а бежавшая ручьем кровь из раны на голове заливала глаза. Отбивая саблей удары штыков и казацких пик, он рвался к есауду. В эти мгновения для него

никого другого, кроме Найденова, не существовало; жгучая ненависть к нему была сильнее боли и давала силы. Их разделяло всего четыре сажени. Коса вонзил шпоры в бока коня, поднял его на дыбы и бросил вперед. Но верный Химс так и не смог преодолеть несколько оставшихся метров: штык вонзился ему в брюхо. И оба — всадник и конь — рухнули на землю, а через мгновение две казацкие пики пригвоздила Косу к земле.

С его смертью бой распался на отдельные очаги сопротивления. Ожесточившись после чудовищных потерь, пехотинцы и казаки не собирались брать пленных. О плене не помышляли и сами горцы, и потому дрались с яростью и упорством обреченных. Апсар вместе с Асланом и молочным братом Адгуром, потеряв коней, стали в круг и продолжали рубиться до тех пор, пока их не подняли на штыки. Последние восемь израненных и еле державшихся на ногах горцев были зажаты между сторожевой вышкой и крепостным забором и уже не могли оказать серьезного сопротивления. Но Коньяр с Найденовым не пытались остановить остервеневших от вида крови солдат и казаков. Они продолжали рубить, колоть и стрелять в корчившиеся в предсмертной агонии тела.

Прошло еще несколько минут, и отряд Косы Авидзбы перестал существовать. Но Коньяру рано было торжествовать победу. Его чуткое ухо уловило в наступившей тишине еле слышный гул, доносившийся из западного ущелья. С каждой секундой он становился все сильнее, и вскоре земля задрожала от топота сотен несущихся в стремительном галопе лошадей. Горцы под командованием Гедлача Авидзбы, с ходу форсировав Гумисту, спешили на выручку к тем, кому уже ничем нельзя было помочь.

Новая, неожиданная угроза застигла Коньяра врасплох и заставила похолодеть. В тусклом лунном свете ревущая лавина всадников, накатывавшая на лагерь, выглядела устрашающей. Офицеры надрывались, стараясь хоть как-то организовать оборону, но их попытки не смогли остановить стремительного натиска горцев. Они смели передовые цепи, и только упорство казаков Найденова приостановило атаку — тут коса нашла на камень. Есаул, собрав вокруг себя четыре десятка испытанных бойцов и построив их клином, все глубже вгрызался в ряды

горцев. Коньяр тут же воспользовался моментом и бросил на их левый фланг то, что осталось от самого боеспособного батальона капитана Румянцева.

Опытный Гедлач, почувствовав грозящую опасность, не стал ввязываться в позиционный бой, в котором численное превосходство оставалось на стороне противника, и дал команду к отходу. Сиплый зов трубы проплыл над долиной, и отряд горцев так же неожиданно, как и появился, исчез в густом тумане, клубившемся у реки. Но Коньяр не питал иллюзий в отношении своей победы, так как хорошо знал излюбленную тактику горцев — «наскок — отход». В отсутствие артиллерии и устойчивой линии обороны преимущество было на их стороне, и они, в чем он ни на секунду не сомневался, непременно воспользуются им и постараются измотать его кавалерийскими наскоками.

От ярости Коньяр закричал зубами: так глупо, под закат военной карьеры, угодить в мышеловку, которую сам готовил другим. Большого позора, чем этот, он представить себе не мог. Его, как зеленого юнкера, обвели вокруг пальца. В сложившейся ситуации ему ничего другого не оставалось, как только поскорее уносить ноги, чтобы избежать полного разгрома или того хуже — угодить в плен. Понимали это и Найденов с Вронским и Румянцевым, но молчали, оставив последнее слово за ним.

Оно далось Коньяру нелегко. Он все еще надеялся переломить ход боя в свою пользу. Но новая волна горцев, накотившая на левый фланг обороны и смявшая его, усилила панику среди подчиненных. Деморализованные солдаты больше думали о спасении, чем о сопротивлении. Дальше медлить было нельзя. Горцы вновь, как приведения, возникли из предрассветного полумрака, с диким гиканьем налетели на правый фланг и, оставив после себя десяток порубленных тел, исчезли во тьме.

— Отходим к восточному ущелью! — выдавил из себя Коньяр.

Команду подхватили Вронский с Найденовым, и она пошла по цепям. Воспользовавшись короткой передышкой, офицеры вместе с Коньяром, собрав оставшиеся силы в один кулак, вырвались из лагеря и стали пробиваться к Сухуму под защиту артиллерийских батарей Розенкранца. Каре из остатков

пехотных рот и эскадрона казаков, огрызаясь залпами на атаки горцев, все дальше откатывалось к восточному ущелью.

Узкая, сжимающаяся, будто бутылочное горлышко, долина лишала Гедлача маневра и, не желая понапрасну терять воинов, он применил испытанную тактику — трепать врага с расстояния ружейного выстрела. Летучие группы в десять — пятнадцать всадников одна за другой подсакивали к противнику с разных сторон и, дав залп, уносились обратно. Так продолжалось до тех пор, пока последний солдат Коньяра не скрылся в темном провале ущелья.

Бой закончился, но и потом в разгромленном лагере и у реки продолжали звучать одиночные выстрелы — пленных в этой безжалостной боине не брали ни те, ни другие. И когда они стихли, над долиной поплыл выворачивающий душу и слившийся в один мучительный стон плач женщин и детей. Несчастные матери и безутешные жены бросились искать среди погибших и раненых своих сыновей и мужей.

На село Гума опустилась траурная ночь, и оно покрылось одним, черным цветом. Живые поминали павших, и когда земля приняла их на поляне, под гигантским дубом, где не одно столетие проходили народные сходы, собрались все. Предстояло решить, что делать дальше и где искать спасения. Победа над экспедиционным корпусом полковника Коньяра и его отступление к Сухуму означали лишь временную передышку. Это понимали все, и здесь ни у кого не возникало сомнения в том, что пройдет время, и он вернется, чтобы не оставить от села камня на камне. Они оказались перед неразрешимым выбором — умереть или пробиваться к морю и там искать спасения на дальних берегах. Принять его здесь, у могил близких, среди родных гор, обильно политых собственной кровью и кровью предков, было выше человеческих сил.

Исход

Сход селян из Гума и Псу начался с поминальной молитвы, и, когда она закончилась, еще долго над притихшей толпой был слышен только посвист ветра и печальное журчание реки.

Живые, помянув мертвых, теперь решали собственную судьбу, но никто не отважился заговорить первым; все ждали веских слов мудрых стариков. Столетний Чич Чамба и его ровесник Абзагу Цымба, повидавшие всякого на своем долгом веку, понуро смотрели в землю. Им нечего было сказать землякам.

Сотни новых могил и угрюмые лица воинов красноречивее всего говорили о том, что ни сыновья, ни внуки, ни тем более они, убеленные сединами и покрытые ранами старики, уже ничего не могли противопоставить властной и несокрушимой силе, пришедшей к ним в горы. Непрístupные скалы и бездонные ущелья, на протяжении многих веков служившие им надежной защитой от римских легионов, когорт византийских императоров и полчищ грузинских царей, на этот раз не устояли.

Никто не сомневался, что не сегодня, так завтра здесь появится полковник Коньяр, и тогда под жерлами его пушек им ничего другого не останется, как только умереть или покориться. Это был невыносимо трудный выбор, и тогда первым решился нарушить гнетущее молчание Сейдык Куджба. Ему, тридцать лет не выпускавшему из рук кинжала и ружья, повидавшему Турцию и Россию, хлебнувшему там как своего, так и чужого горя, было что сказать.

Окинув печальным взором притихших односельчан, Сейдык заговорил, и его негромкий голос был слышен в самых дальних рядах. Он рассказывал о той России, которая простиралась за Кавказским хребтом, и ужас сжимал сердца земляков от одного того, что конца и края ее границам не ведал никто. Она напознала на Кавказ, словно грозная горная лавина, и сметала на своем пути одно за другим свободные горские общества. Перед ней не устояли воинственные вайнахи, а гордый имам Шамиль вынужден был склонить голову перед русским царем. Лихие шапсуги, не знающие страха смерти абадзехи не захотели покориться, и теперь на месте их аулов прорастал бурьян, а те, кто уцелел, на утлых фелюгах искали спасения у турецких берегов.

Путь к ним обернулся немислимыми страданиями и неисчислимыми потерями. Тысячи немощных стариков, старух

и детей так и не увидали берегов Османской империи. Одни тонули во время штормов, другие умирали от голода, жажды и болезней, а те, кому удалось добраться до Стамбула, Трабзона, Синопа или Самсуна, завидовали мертвым. Там их поджидали алчные ростовщики и свирепые янычары. Тут же от причалов караваны кавказских красавиц отправлялись в гаремы Багдада, Дамаска и далекой Александрии.

«Золотой век» переживали торговцы самым ходовым товаром — будущими воинами. За бесценок у изголодавшихся убыхских и шапсугских семей они покупали крепких мальчиков и продавали свирепым янычарам. Там, в казармах, опытные, прошедшие огонь, воду и медные трубы воины готовили из них себе смену. Дряхлеющая Османская империя нуждалась в свежей крови, и эти новые тысячи горцев, влившись в ее «вены», вернули ей прежнюю мощь.

Наместник великого Аллаха на земле султан Абдул-Азиз не мог смириться с потерей одной из самых драгоценных жемчужин в своей короне — Абхазии. С помощью цепляющихся за ускользающую власть, продажных удельных князьков и жаждущих вернуться на родину махаджиров, турецкие лазутчики и английские шпионы, которым неважно где, но только бы насолить России, подбивали абхазов и убыхов на новую смуту. Не проходило и нескольких лет, как очередной мирный договор между вождями Абжуйской, Бзыбской Абхазии и наместником на Кавказе, скрепленный бессмысленно пролитой кровью русских солдат и горцев, превращался в пустую бумагу.

Отряды не подвластных никому абреков и мирных крестьян, смущенные лазутчиками, принимались за старое — совершали дерзкие набеги на дальние гарнизоны, казачьи разъезды, угоняли в горы скот, а захваченных в плен перепродавали на невольничьи рынки в Стамбул, Трабзон и Самсун. В ответ военная машина Российской империи приходила в движение и наваливалась на непокорных всей своей мощью. И они, зажатые между «молотом» и «наковальной» — между двух империй, вынуждены были выживать, кто как мог.

Об этом напомнил землякам Сейдык и, горестно вздохнув, закончил:

— Россия и Турция — это бездна, в которой мы растворимся! Но что делать и как жить дальше, я не знаю. Может, наши мудрые старики найдут путь к спасению, а я молю Всевышнего защитить Абхазию.

Низко поклонившись притихшим односельчанам, он тяжело опустился на лавку. Чич Чамба посмотрел на Абзагу Цымбу и тот предложил:

— Уважаемые, давайте послушаем Исмаила Дзагана. Он недавно вернулся из Турции и ему есть что сказать.

Над поляной прошелестел легкий шепоток, и все взгляды сошлись на лет тридцати — тридцати пяти высокоом, одетом в синюю черкеску воине. Раздвинув плечом толпу, Исмаил вышел в круг и, положив руку на рукоять кинжала, заговорил с надрывом:

— Пять лет назад в мой дом, как сегодня в ваш, пришла беда. Собака Лорис-Меликов и его шакалы окружили нас! Их было в десять раз больше. Под дулами пушек он предъявил ультиматум — сложить оружие и покориться. Взамен обещал сохранить жизнь и не тронуть село. Аживый пес! Те, кто поверил, потом кусали себе локти, но было поздно, их, как стадо баранов, погнали в Сибирь, а от домов не оставили камня на камне. Я и еще сорок воинов не стали дожидаться рассвета и, прорвав окружение, пробились к морю. Слава великому Аллаху и султану, они услышали о нашей беде и прислали корабль. В Турции нас встретили как родных братьев и...

— Не верьте ему! — перебил Сейдык Куджба и с негодованием воскликнул: — У турецкого султана, как и у русского царя, вас ждет аркан на шею, только поводок будет длиннее.

— Это не так! В Турции нашим братьям дали землю! — вспыхнул оскорбленный Исмаил.

— Какую землю? Голые скалы Болу и Сакарая, чтобы не подохнуть с голоду! — возмутился Сейдык.

— Я, как видишь, живой.

— Живой, потому что башку побрил и колени в мечети истер!

— И что?

— А то! Дали тебе ятаган и прислали, чтобы подбить нас резать горло русским.

— Это лучше, чем подставлять под их хомут свою шею! — вскипел Исмаил.

— Хватит! — остановил перепалку Чич Чамба и объявил: — Пусть скажет слово уважаемый Смел Авидзба.

Сейдык Куджба и Исмаил Дзаган подчинились и уступили место в кругу старому воину. Следы сабельных шрамов на лбу и правой щеке, пустой левый рукав черкески говорили сами за себя. Смерть сыновей Арсола и Косы начертила темные круги под глазами и иссушила губы, но он не потерял присутствия духа. Его голос был, как всегда, тверд, а речь нетороплива.

— Шестьдесят лет мы ведем войну с русским царем и турецким султаном, — тихо обронил Смел Авидзба и, прокашлявшись после внезапно перехватившего дыхание спазма, печально произнес: — с каждым днем нас становится все меньше, а у гяуров сил все больше...

— Так что же нам делать? Что? — торопили нетерпеливые.

— Что?.. Вспомните, когда вы слышали голоса наших братьев дахов и абадзехов?

В ответ прозвучал лишь горестный вздох, и Смел продолжил:

— Они бились до последнего. Их аулы разорены, над могилами не рыдают вдовы, а плачет один лишь ветер. Уже не слышны голоса абхазов в самом ее сердце....

Со всех сторон послышались растерянные голоса односельчан.

— В Дале и Цабале никого не осталось.

— Как жить дальше...

— Что делать, Смел?

— Что делать? — повторил Смел. Его лицо искривила гримаса горечи, и затем он ответил: — Научиться терпеть. Ураган вырывает с корнем вековые дубы, но ничего не может поделаться с травой. Мы должны стать травой и ждать, когда ураган потеряет силу, чтобы потом распрямиться.

— Травой, которую будет топтать враг, — с отчаянием произнес Джелкан Бутба.

— Тогда уж лучше смерть, чем такая жизнь! — горячился Шмаф Квадзба.

— Умереть?.. Жить?.. Но где и как?.. Сегодня враг, а завтра друг? Кто может сказать, что будет с нами, когда из обессилившей руки выпадет кинжал. Что?.. — скорее самому себе, чем односельчанам, задавал эти вопросы Смел.

— Здесь могилы наших предков...

— Может, остаться?

— Как-нибудь проживем, — пытались убедить себя и других односельчан те, кто решил положиться на судьбу и милость победителя.

— Русский царь обещал не трогать семьи, а мужчинам оставить оружие, если мы покинем горы и уйдем в степи Кубани, — напомнил Сейдык о последнем обращении к восставшим горцам кутаисского генерал-губернатора Святополка-Мирского.

— Нашли кому верить! Этому лживому псу! Он камня на камне не оставил от моего дома. Надо уходить в Турцию. Великий султан милостив и даст каждому по буйволу и мешку риса, — снова принялся убеждать земляков Исмаил.

— Как же, слышаны о его милостях!

— Жен — в гарем, а сыновей — янычарам. Не слушайте этого турецкого прихвостня!

— Он поет нам сладкие песни с чужого голоса! — неслись в ответ презрительные выкрики.

— Ч-т-о-о?! — вскипел Исмаил и выхватил кинжал.

Кровь на этот раз не пролилась. Те, кто находился рядом, схватили его за руки и оттащили в сторону. И когда шум стих, мудрый Чич Чамба снова повторил свой вопрос:

— Так что же будем делать, братья?

В ответ звучали лишь посвист ветра и треск костра. Первым решился нарушить молчание Сейдык и предложил:

— Может, послушаемся русского царя и уйдем в степи Кубани?

— Чтобы там сдохнуть от голода? Вспомните, Муравьев многое обещал шапсугам, и где они?! — с негодованием воскликнул Шмаф Квадзба.

— Лучше смерть у могил отцов, чем такая жизнь, — с горечью произнес Кайногу Гумба.

Спор разгорелся с новой силой. Одни предлагали остаться на месте и покориться силе, другие — пробиваться к морю и искать спасения на турецком берегу. Время шло. Сгустились сумерки. Над рекой поднялся туман и, выплеснувшись за берега, белесыми языками пополз по поляне. На чернильном небе проступили холодно мерцающие звезды, а сход все продолжался. Слово опять взял Чич Чамба.

— Братья!.. — его голос дрогнул. — Наши деды и отцы, кровью которых полита эта земля, смогли защитить ее от врага, но сегодня... — и, горестно вдохнув, продолжил: — У нас не осталось сил, чтобы победить. Мы можем остаться и с честью умереть, но будет ли это правильно? Разрушенные дома можно построить заново, заросшие бурьяном поля распахать и засеять, но дух отцов, который живет в ваших сердцах, если они перестанут биться, уже никогда не возродить.

— Никогда, — выдохнули сельчане.

«Ни-ког-да-а...» — печальным эхом прошелестело над поляной.

Еще не остывшее пепелище и сырая земля на могилах взывали сердца воинов к мести, но трезвый рассудок говорил обратное. Испуганные, молящие глаза детей искали у них защиты, и это было то последнее, ради чего требовалось жить, чтобы потом, когда придет время, они могли принести горсть родной земли на могилы предков и разжечь огонь в потухшем очаге. Время и судьба поставили всех перед жестоким выбором. Даже самые отчаявшиеся, цепляясь за последнюю соломинку, надеялись, что мудрые старики найдут выход из положения и, как уже не раз бывало в прошлом, отведут беду. В их глазах теплилась робкая надежда, и они, затаив дыхание, ловили каждое слово Чича Чамбы.

— Уйти в Турцию, где султан обещает жизнь и дает землю? — размышлял он. — Но если взамен заберет веру и имя, то что тогда останется? Что?..

«Чт-о-о?!» — как стон прозвучало в ответ.

— Если покориться русскому царю? Но хватит ли у нас терпения дожить до того дня, когда у этого дуба, под которым сотни лет звучали голоса наших славных дедов, мы снова

будем говорить о мире и сами решать свою судьбу? Настанет ли тот час, когда в наших разоренных дворах опять зазвучит счастливый смех внуков. Когда это будет? Когда?.. Если бы я знал ответ...

«Ес-ли бы-ы...» — замерло на устах сотен людей, а затем на Чича Чамбу обрушились молящие и вопрошающие голоса:

— Как же быть?

— Где искать спасения?

— Где?..

— Не знаю! Не знаю, братья! Впереди ночь, и пусть каждый выберет тот путь, что подскажет ему сердце, — закончил говорить Чич Чамба и устало опустил на лавку.

Прошла минута, другая, казалось, что наступившему невыносимо долгому молчанию не будет конца.

Все, от мала до велика, с пронзительной остротой ощутили, что этого завтра у одних, кто решил сражаться до конца, могло просто не быть. Для других, кто искал спасения на чужбине, о родных горах и очагах будет напоминать лишь горсточка закаменевшей серой земли, бережно хранящаяся в кожаном мешочке. И потом на дальних турецких берегах шумом лесов, звоном ручьев они будут приходить к ним в мучительных снах и бередить души.

В ту ночь так никто и не заснул. Склон горы покрылся сотнями трепетных огней, и они, будто живые, в прощальном объятии тянулись друг к другу. Безутешное горе и печаль вошли в каждый дом и сердце каждого горца. В загонах жалобно мычал и блеял скот, это в жертву приносились бычки и козы. Из дальних углов подвалов выкатывались потемневшие от времени дубовые бочки со старым, темно-красным, напоминающим загустевшую кровь, вином. Ему не суждено было радовать сердца за свадебным столом и у колыбели первенца. Суровые воины, стиснув зубы, под плач детей и стенания жен поминали погибших и просили Всевышнего о милости и прощении.

В родовом доме Авидзба на испаханном шрапнелью дворе собрались все, кто уцелел. Женщины молча готовились к дальней, страшщей своей неизвестностью дороге, заливали в

бурдюки родниковую воду и вино, в переметные сумки складывали вяленое мясо, сыр и хлеб.

Гедлач Авидзба, пряча глаза, на которые наворачивались слезы, готовил оружие к своему последнему бою. Отец застыл как изваяние перед домашним очагом, и непослушными пальцами то разглаживал несуществующие складки на черкеске, то трогал рукоять старинного кинжала, ножны которого украшала тонкая вязь из серебра, потемневшая от времени и истертая руками далеких предков. Племянник Мыстафа, закончив строгать рогатину из ветки ореха, поглядывал в котел, где варились печень и сердце бычка — жертвы Всевышнему.

И когда подошло время молитвы, вся семья Авидзба вышла во двор и расположилась за спиной Смела. Он стал лицом к восходу солнца, нанизал на рогатину сердце и печень бычка, окропил их вином из медного кувшина, вознес к небу и начал читать молитву: «О, Всевышний, да ниспошли свою милость и сохрани огонь в нашем очаге.

Пусть беды обойдут наш дом.

Пусть древний род Авидзба никогда не покроет бесчестие и позор...»

Негромкий голос Смела проникал в израненные болью утрат сердца близких и порождал надежду, что наступившее лихолетье минует, род Авидзба сохранится и снова станет хозяином на своей земле. И когда закончилась молитва, каждый снова остался один на один со своими мыслями. Женщины и дети, укутавшись одеялами, забрались в телеги, а мужчины подсели к огню.

Гедлач поправил в очаге поленья. Пламя сердито зашипело и косматыми языками суматошно заплясало по стенам и понуро склонившимся фигурам. На бескровном словно маска лице отца замерла гримаса страдания. Гедлач не решился первым начать разговор. Прошедший сход внес еще большее смятение в душу, горевшей жадной мести врагу за Арсола и Косу. Собственная смерть не страшила его, но разум подсказывал другое. Мертвых было не воскресить, но попытаться спасти живых — отца, жен братьев и детей — он еще мог.

Смел будто прочел мысли сына, и узловатая отцовская рука легла ему на плечо. Загрубевшие от труда и покрытые рубцами от сабельных ударов пальцы нежно тронули его густые волосы, и из груди вырвался не то стон, не то плач. Старый воин, не раз смотревший в глаза смерти, с трудом сдерживал свои чувства, и первые слова горьким комом застряли в горле:

— Сынок...

Гедлач встрепенулся, так отец называл его только в далеком детстве. И от внезапно нахлынувших чувств на глаза навернулись слезы. Они катились по щекам и солеными ручейками стекали по подбородку.

— Сынок! — повторил Смел и затем тихо обронил: — Ты у меня последний и тебе надо уходить!

— А ты, даду?

— Я остаюсь. Я слишком стар для дальней дороги.

— Нет!!! Нет!!! Мы пойдем вместе! — воскликнул Гедлач.

— погоди и послушай меня! Ты должен думать не обо мне и себе, а о детях!

— Отец! Я не могу оставить тебя одного!

— Я буду не один. Здесь Арсол. Здесь Коса.

— Тогда мы тоже остаемся!

— Нет, вам надо уходить! Ты обязан сделать это ради детей, ради того, чтобы сохранился род Авидзба. Одному Всевышнему известно, что вас ждет в Турции, но...

— Отец! Я... я не могу... — терзался Гедлач.

— Оставим это! И будем говорить как мужчины. Я свое отжил, а тебе надо думать о детях! Я не верю всему тому, что говорил Дзаган. Но в Турции уже живут наши. Будет на то воля Всевышнего, обживетесь и вы. Я тебя об одном прошу: сделай все, но чтобы мои внуки остались абхазами. И когда придет время, а я верю — оно наступит, они вернуться сюда и дадут новую жизнь нашему роду, нашему дому и на этом дворе снова зазвучат детские голоса, а в очаге опять возгорится огонь.

— Отец! Я не могу. Не могу! — твердил Гедлач.

— Все! Закончим на этом! Вам пора собираться, сынок, — Смел был непреклонен.

Гедлач склонил голову, молча поднялся с лавки и направился к семье. Жена, так и не сомкнувшая глаз, по его виду поняла все и принялась складывать в телегу последние узлы с нехитрыми пожитками. На ее почерневшем от страданий и иссушенном слезами лице, казалось, навсегда застыла гримаса боли. Потревоженные шумом сыновья и дочка сонно зачмокали губами. Гедлач склонился над младшим, дрогнувшей рукой погладил по вихрастой головке и, поправив сползшую бурку, возвратился к потухшему очагу, отгреб золу, достал кинжал, несколькими ударами вырыл ком земли и сложил в холщевый мешочек. Там, в далекой Турции, она будет напоминать ему и семье о родине и станет первым кирпичиком в фундаменте нового дома.

В ту ночь в соседних дворах, так же, как и в доме Авидзба, горевали все. И когда над зубчатой стеной Бзыбского хребта показалось солнце, все пришло в движение. Скрип колес арб, ржание лошадей, лязг металла нарушили утреннюю тишину. Печальный караван махаджиров покинул Гума. Вслед ему неслись стоны, плач и звуки медных родовых труб. На протяжении столетий они извещали соседей о радости и беде в доме. Сегодня они звучали как никогда пронзительно и скорбно, порой напоминая то крик раненной птицы, то плач ребенка. Подхваченные ветром звуки труб уносились вдаль, в горы и там умирали. Они терзали сердца и души невыносимой печалью как тех, кто остался, так и тех, кто под скрип колес повозок скорбной рекой стекал в долину.

Более тысячи жителей селений Псху и Гума двинулись к морю, где, как заверял Исмаил Дзаган, у устья реки Моква их должны были поджидать турецкие корабли. Сам он и с ним еще трое воинов отправились вперед, чтобы предупредить турок. Тайными горными тропами, избежав встреч с казачьими разъездами, беженцы к исходу четвертых суток вышли к морю и на левом берегу реки разбили лагерь.

Прошел день. За ним другой. К концу подходила неделя. Однако ни сам Исмаил, ни турецкие корабли, о которых он говорил, так и не появились. К тому времени в лагере закончились и без того скудные припасы, а начавшаяся малярия принялась валить с ног стариков и детей. Среди беженцев нарастал

глухой ропот. Одни предлагали возвратиться обратно и там положиться на судьбу и милость Всевышнего. Другие, таких становилось все меньше, призывали потерпеть и дожидаться турецких кораблей.

Конец спора положило появление убухского князя Ноурыза Барака с остатками своего отряда. Вместе с ним в лагерь пришли два его молочных брата с семьями, а в конце обоза тащились изможденные долгим переходом пленники: пятеро адыгейцев, один русский солдат и две горянки из рода лезгин. Его рассказ о жестокостях казаков и царских солдат, уничтоживших родовой аул, укрепил решимость одних, связывавших свое будущее с Турцией, и рассеял сомнения у тех, кто подумывал отказаться от обещанных милостей султана и собрался возвратиться.

Очередной сход закончился тем, что, послав проклятия гяурам, абхазы, псхувцы и убухи разошлись по палаткам и шалашам, построенным из камыша. Барак расположился в центре лагеря, по соседству с абхазским князем Решидом Гечем. Рядом с их палатками бил родник. Он приносил желанную прохладу, а широкая крона могучего дуба защищала от палящего солнца и дождей. Жизнь лагеря возвратилась в прежнее русло, и снова потянулись дни томительного ожидания.

Наступившая невыносимая жара и начавшиеся ливневые дожди усилили и без того свирепствовавшую в лагере малярию. С каждым новым закатом на краю каштановой рощи рос скорбный ряд могильных холмиков. Смерть забирала в первую очередь самых слабых — стариков и детей. Траурный цвет платков, подобно вороньему крылу, все чаще покрывал головы женщин и скорбным серебром осыпал виски мужчин. В лагере среди крестьян и простых воинов снова начал нарастать глухой ропот. Смерть была наиболее безжалостна к их семьям, и они все чаще подумывали о возвращении домой, но князь продолжали убеждать их в том, что единственный для всех выход — это искать спасения в Турции.

Появление на горизонте турецких кораблей положило конец спорам. Впереди плыли два фрегата, за ними, подобно мелким хищниками, тащились четыре утлые фелюги торговцев.

Боевые корабли строго держали дистанцию, готовые в любой момент дать отпор русским судам. Об этом красноречиво говорил багрово-бурый оскал распахнутых артиллерийских портов и выстроившиеся на корме и носу шеренги аскеров. Над их головами белоснежными пузырями вздувались паруса, на которых в лучах солнца отливали золотом огромные полумесяцы, лишний раз напоминая о могуществе турецкого султана.

Кайногу Гумба, Гедлач Авидзба, Джамал Бутба и Шмаф Квадзба, не мешкая, зажгли сигнальные костры, и когда пламя набрало силу, принялись швырять в него охапки травы. Два столба густого дыма поднялись высоко в небо. Сигнал заметили на кораблях, сменили курс и метров за сто до берега бросили якоря. На воду одна за другой шлепнулись шляпки, первой пылала та, над кормой которой полоскался на ветру капитанский штандарт. Вслед за ней, хлюпая плоскими днищами на легкой волне, тащились купеческие фелюги. Они вплотную подплыли к берегу, и на песок опустились трапы. По ним, потрясая оружием, сбежали аскеры и, угрюмо поглядывая на прихлынувших к морской кромке беженцев, выстроились в цепь.

Наступившее тягостное молчание нарушали то жалобный плач ребенка, то тревожное ржание лошадей. Животные словно предчувствовали скорое расставание с хозяевами, яростно грызли мундштуки и нетерпеливо били копытами по земле. В задних рядах нарастал глухой ропот, затем послышались гневные выкрики. Аскеры угрожающе забряцали оружием. Остановило готовую вот-вот вспыхнуть стычку появление капитана. Его шляпка уткнулась носом в песчаную отмель, он легко спрыгнул на берег и, набычившись, уставился на толпу. Тут же, словно из-под земли, появился Исмаил Дзаган. Его высокая и стройная фигура будто стала меньше и согнулась в спине. Из-за них выглянул мулла и похотливым взглядом зашарил по красавицам-горянкам.

Капитан сделал несколько шагов к цепи аскеров и остановился. Властный взгляд прошелся по рядам горцев и задержался на князьях, выделявшихся дорогими черкесками, богато украшенным оружием и величавой осанкой. Гордые сыны гор, подчиняясь его взгляду, шагнули навстречу, но он не сдвинулся

с места, будто перед ним находились простые крестьяне. Молча проглотив обиды, Геч и Барак, пытаясь сохранить достоинство, поклонились. В ответ капитан смерил их надменным взглядом и заговорил низким гортанным голосом.

Дзаган выскочил вперед и, преданно заглядывая в глаза капитану, принялся переводить:

— Капитан Сулейман объявляет вам о величайшей милости посланника Аллаха на земле и повелителя половины мира великого султана Абдул-Азиза. С этого часа вы становитесь его счастливыми подданными.

— Э-э... Передай ему, — с трудом справившись с нанесенной обидой, Геч выдавил из себя: — Мы благодарны великому султану и...

Сулейман, не дослушав до конца, заявил:

— У нас мало времени! На подходе отряд гяуров.

— Наши воины их задержат, — дружно заверили князя.

— Хорошо, — согласился Сулейман и развернулся к шляпке.

Барак замаялся и, внезапно осипшим голосом, спросил:

— Господин капитан, мы можем рассчитывать на ваше гостеприимство?

На лице Сулеймана появилась недовольная гримаса, и он холодно обронил:

— У меня нет свободных кают.

— Как? — в один голос воскликнули князя.

С лица Геча схлынула кровь. Под его гневным взглядом Дзаган съежился и пролепетал:

— Надо... отблагодарить.

— Чт-о-о?! — больше у князя не нашлось слов.

— Э-э... заплатить.

— И... и сколько этот пес хочет? — процедил Геч.

Дзаган изменился в лице, но Сулейман, похоже, не понял, и тот нервно слотнув, склонился к его уху и зачистил на турецком. Князя не находили себе места, их руки яростно теребили рукояти кинжалов. Капитан, не дослушав Дзагана, коротко обронил. Тот, пряча глаза, перевел:

— Шесть.

— Ше-е-сть? — прорычал Геч.

— Серебром, за каждого, — промямлил Дзаган.

У Геча больше не нашлось слов, а Барак, поигрывая желваками на скулах, с презрением бросил:

— У меня семь пленных, он может взять их себе.

Дзаган снова склонился к уху Сулеймана и перевел. Тот снисходительно кивнул головой и поднялся в шлюпку. Аскеры столкнули ее в море, гребцы дружно налегли на весла, и еще не успела она отплыть от берега, как хозяева фелюг — торговцы и аскеры, подобно стервятникам, накинулись на нехитрый скарб махаджиров. За место в каюте и пищу из судового котла за бесценок отдавалось то, что в каждой семье держали на «черный день».

В эти последние минуты на родной земле они — эти дети суровых гор, более полагавшиеся на верность слову и твердость булата, оказались бессильны перед коварством и властью злата. Шел жестокий и унижительный торг за место на судне, за будущий глоток воды и саму жизнь. Закаленные в боях воины с окаменевшими лицами смотрели в небо и не замечали, как чужие, жадные руки рылись в сундуках, выискивая золото и серебро. Жены, дочери с глухими рыданиями срывали с себя и швыряли под ноги алчным торговцам кольца и браслеты. Между берегом и судами челноками сновали навьюченные узлами турки. На палубах росли горы из сундуков, ковров и прочего скарба горцев.

Другие, и таких было немало, расседлав своих любимцев, не раз спасавших горцам жизнь в бою, прощались с ними, как с близкими друзьями. Безмолвным обелисками они высились над стенающим от горя людским морем. Затем всадники и кони, прильнув друг к другу, печальными вереницами уходили к лесу, и оттуда неслись звуки выстрелов. Звучали они и на берегу, это седовласые старики расставались со своим оружием. С каким-то немым отчаянием старые воины стреляли из пистолетов и ружей в воздух, а потом бросали их в море.

Стрельба, проклятия и мольба горцев слились в один, рвущий душу невыносимый стон. Казалось, вместе с ними рыдает сама Абхазия. И когда началась посадка, тут и там у трапов и

шлюпок начали вспыхивать стычки. Несчастные всеми правдами и не правдами пытались пронести на борт то последнее, что удалось уберечь от алчных торговцев. Аскеры безжалостно вырывали из рук узды и швыряли в воду, строптивых подгоняли в спину прикладами ружей. Капитан Сулейман спешил покинуть берег, опасаясь скорого появления русского отряда. О нем наминало облако пыли на западном склоне предгорий, оно на глазах разрасталось до грозовой тучи.

Пыль стремительно ползла к берегу. В подозрную трубу были видны несущиеся в лихом галопе всадники. Это эскадрон казаков есаула Найденова разворачивался в атаку. Капитан Сулейман не стал медлить и дал команду артиллеристам открыть огонь. Правый борт фрегата оскалился багрово-алым цветом распахнувшихся портов, и мощный залп сотряс корабль. Прошло несколько мгновений, и склон горы, по которому, распластавшись в лаве, скакали казаки, усеяли «черные тюльпаны». Осколки и камни брызнули из-под копыт передовой цепи эскадрона.

— Стой, хлопцы! — зычно крикнул Найденов.

Казаки остановились саженьях в четырехстах от берега и, нетерпеливо поигрывая шашками, ждали новой команды. Но Найденов медлил и хмуро наблюдал за тем, что творилось у шлюпок и фелюг. Появление эскадрона еще больше усилило суматоху. Брань, плач и пальба слились в одну ужасающую какофонию звуков. Несколько десятков махаджиров, прорвав цепь аскеров, бросились искать спасения в ближайшем перелеске. Те, пальнув им вслед, не решились преследовать и начали спешно грузиться в шлюпки.

Хорунжий Белодед, с трудом удерживая рвущегося из поводов горячего кабардинца, предложил Найденову:

— Антоныч, пишли на перехват, пока воны як зайцы по кушам не поховалысь.

— Пидожды, Пэтро!

— А чего ждаты? Балочкой мимо пушек бусурманив проскочимо.

— За бабами гоняться, цэ нэ казцкэ дило, — мрачно обронил Найденов.

— Антоныч, якиж там бабы? Абрэкив тэж жвае! — не унимался Белодед.

«Пэтро дило говорыць!»; «Сэгодня воны тэплэньки, а завтра нам кровь пуцать будуць!»; «Антоныч, надо рубать пока нэ поздно!» — загомонили казаки.

Найденев насупился и, поиграв желваками на скулах, вдруг объявил:

— Шабаш, хлопцы! Вэртаемся до сэбэ!

— Як же так, Антоныч? — оторопел Белодед.

— А ось так! У тебэ, Пэтро, шо, глаз нэмае? Подывысь, шо проклятый бусурман с людыною творыць!

— Так воны же сами напросылысь!

— Я, сказав, вэртаемся! — отрезал Найденев и рванул поводья.

Жеребец покосился на хозяина и, обиженно всхрапнув, с места взял в карьер. Вслед за есаулом, гикая и подхлестывая лошадей, поскакали остальные. Паника, возникшая было на берегу, после того, как казаки скрылись за пригорком, улеглась, и погрузка махаджиров на фрегаты и фелюги продолжилась. К этому времени свободных мест на палубе не осталось, и последних беженцев аскеры словно скот загоняли в грузовые трюмы. Кромешная тьма и зловоние, казалось, навсегда въевшееся в доски, слепили глаза и выворачивали наизнанку желудки несчастных.

Князь Геч с семьей с трудом втиснулся в крохотную темную каюту на баке. За эту милость ему пришлось расстаться с частью фамильного золота и серебра. По соседству расположился Барак. Его семерых пленников, ставших добычей капитана Сулеймана, поместили в отдельный угол грузового трюма. Потом, на четвертые сутки, те, кому достались места на верхней палубе, завидовали им. Солнце двигалось по безоблачному небу, казалось, невероятно медленно и нещадно пекло. К мукам душевным добавились страдания физические. От тепловых ударов спасали только самодельные тенты, прохладные ночи да слабый ветерок, лениво наполнявший паруса.

Но напрасно они завидовали тем, кто находился в трюме. Там мучения продолжались и днем, и ночью. В невентили-

руемых трюмах стояла невыносимая духота; спертый воздух забивал легкие всем, что исходило от давно немых человеческих тел.

Все эти испытания ждали несчастных горцев впереди. А пока перегруженные суда, поймав в паруса попутный ветер, взяли курс в открытое море. Гедлач Авидзба, Кайногу Гумба, Шмаф Квадзба, Джамал Бутба и другие воины навалились на правый борт. Аскеры что-то зло кричали, но они словно прилипли к нему. Там, на берегу, ржали и метались лошади. Надежные в бою, они до конца остались верны своим хозяевам, бросались в море и плыли вслед за ними. Суровые воины, кусая губы в кровь, не могли сдержать слез. Их сердца терзала невыносимая боль и тоска.

Кайногу Гумба побелевшими от напряжения пальцами вцепился в борт и уже ничего другого не видел, кроме своего Алмаза. Его задранная кверху голова мелькала среди волн. Вслед за ним, выстроившись косяком, плыл еще десяток лошадей. Ржание любимца сотрясло судорогой тело Кайногу, и неподвластная воле сила подняла его над палубой и опрокинула в море. Через мгновение еще несколько фонтанов взметнулось за кормой фрегата. Толпа махаджиров пришла в движение, и аскеры угрожающе забряцали оружием. Но они не обращали на это внимания, их взгляды были прикованы к тем, кто был в море и выбрал другую, чем у них, судьбу.

«Храни вас Всевышний!» — сотни голосов, слившись в один, повторял: «Храни... Храни...»

Давно уже в голубом мареве растаяли снежная шапка на горе Чумкузбе и колючий ежик из могучих сосен на прибрежных высотах. Но никто так и не отошел от борта. Несчастные горцы будто окаменели. Их взгляды были прикованы к зеленой полоске, напоминавшей им о родной Абхазии, а с дрожащих губ срывался не то стон, не то молитва:

— Мы вернемся... Мы вернемся...

— Вернемся... Вернем... ся... ся... — печально плыло над морской волной. Порывы южного ветра подхватывали ее и несли к пустынным берегам Абхазии...

Хождение по мукам

До заката солнца турецкие фрегаты продолжали строго держать боевой порядок. Канониры дежурили у пушек, аскеры не зачехляли оружие, а Сулейман не покидал капитанского мостика. Он не исключал того, что вслед за казаками Найденова в море на перехват выйдут корабли русской эскадры. Но его опасения не оправдались, горизонт по-прежнему оставался чист, а впередсмотрящие проглядели глаза, пытаясь обнаружить русский парус.

Сулейман был доволен. На этот раз все складывалось более чем удачно. Берег Абхазии турецкая военная экспедиция покинула, не потеряв ни одного аскера, ни одного моряка. Переговоры с махаджирами, а затем их погрузка на борт фрегатов и купеческих фелюг прошли без большой пальбы и серьезных стычек. Те два десятка, что взбунтовались и бросились на пики к казакам Найденова, а также несколько «сумасшедших», сиганувших в море к своим жеребцам, общей картины не испортили. Тысяча с лишним голов, за которые Сулейман рассчитывал получить из казны Великого султана, с лихвой перекроет все его расходы на экспедицию. Попыхивая кальяном, он с высоты капитанского мостика с пренебрежением поглядывал на царившие на палубе суету и неразбериху. Тут и там между махаджирами и аскерами возникали стычки, но вскоре все улеглось.

От вида бескрайнего простора моря, внушавшего большинству горцев суеверный ужас, даже самые воинственные присмирели. Жизнь постепенно брала свое. И они, оставшись один на один со своей бедой, принялись обустраивать, кто как мог, свою походную жизнь. К вечеру у некоторых от былой гордости не осталось и следа. Смирившись, они быстро поняли, что под палящими солнечными лучами долго не продержаться, и как только сгустились сумерки, начали тайком шмыгать в каюты моряков и аскеров. Там, вдали от чужих глаз, с их хозяевами шел униженный и циничный торг за место получше и будущую крышу над головой в Турции. Заносчивые гордецы князя Геч и Барак, оставшись без своих верных нукеров, сбросили спесь и, еще раз раскошелившись, перебрались в каюты второго класса.

«Море обламывало и не таких, как вы! — хмыкнул им вслед Сулейман и, покачав на руке увесистый кожаный мешочек с золотом, положил в его сундук, — Через пару суток все станете как шелковые. За глоток воды отдадите не только последнее, а и своих жен! А с таким «приданным» можно подумать и об окончании службы. Через четверо суток буду в Самсуне, а там, под защитой артиллерии, мне сам шайтан не страшен!» — тешил он себя надеждой.

В его памяти была еще свежа предыдущая вылазка в Абхазию. Она едва не закончилась потерей фрегата и позорным пленом. При одном воспоминании о ней Сулейман зябко повел плечами. В тот раз матросы еще не успели поднять паруса, как на горизонте появились три русских военных корабля и взяли фрегат в клещи. Лишая маневра, они теснили его к берегу, и экипажу ничего другого не оставалось, как принимать бой. Через час была потеряна половина парусов и половина команды. Русские канониры знали свое дело и почти посадили его на «мертвый якорь», обрушив на палубу грот-мачту. Впереди ждали смерть или постыдный плен, но великий Аллах смилостивился и пришел на помощь. Внезапно налетевший шторм и наступившая ночь спасли от позора. В порт Самсуна он возвратился с пустыми карманами и подмоченной репутацией. Две фелюги с махаджирами пошли ко дну во время шторма, а те, кто уцелел после боя, голые и босые, уже ничем не могли расплатиться.

Пока ему везло. День прошел, и русские себя никак не проявили. Их флот, похоже, так и остался стоять на рейде у Геленджика. Впереди была ночь, а в открытом море его резвую «Османию» не так-то просто было перехватить. Попутный ветер подгонял ее к берегам Турции, и только караван тихоходных фелюг вынуждал зарифить часть парусов, чтобы уменьшить скорость. Этот поход, после которого Сулейман решил больше не выходить в море, должен был вновь вернуть ему славу самого удачливого капитана, а к казенному жалованию дать весомый довесок. Тысяча с лишни живых душ, за которые не щедро, но все-таки платила казна, семь рабов, из которых одна только горянка-красавица даже на таком захудалом невольничьем рынке,

как в Самсуне, стоила целое состояние, могли обеспечить ему безбедную старость.

Глядя на сундук, почти доверху забитый серебряной утварью, Сулейман испытывал нечто большее, чем искушение грядущим богатством. Он упивался властью, и не просто властью капитана корабля. Здесь, в море, у него, как у великого султана, было право распоряжаться жизнью махаджиров. Теперь все они, князья и простолюдины, зависели от его воли — воли непобедимого и беспощадного к врагу и человеческим слабостям капитана Сулеймана. Кое-кто из них еще продолжал хорохориться, не подозревая, что пройдет всего несколько дней, и им придется вымалывать у него глоток воды, кусок хлеба, а потом и саму жизнь.

Сулейман закрыл сундук на замок, поднялся на капитанский мостик и взглядом, полным презрения, прошелся по копошившемуся на палубе людскому муравейнику. На ней негде было упасть яблоку. Все свободное пространство и даже спасательные шлюпки оказались заняты. Тут и там выросли шатры из накидок, бурок и женских платьев. Под ними искали защиты от палящего солнца дети, старики и больные. Мужчины и те, кто был покрепче, ловили тень от парусов и терпеливо переносили трудности. Они надеялись, что через трое-четверо суток все испытания будут позади, а щедрые обещания посланцев султана смягчат горечь потерь и утрат.

Подходил к концу этот первый, показавшийся горцам бесконечно длинным, день. Зыбкую тишину изредка нарушали отрывистые команды, скрип мачт и плач детей. Время от времени ее оживляли матросы, с ловкостью обезьян взлетающие по вантам на мачты и реи, чтобы брать или отпускать рифы парусов.

Ближе к вечеру море покрыла мелкая рябь, солнце затянула сизая дымка, а в снастях сердито засвистал ветер. Фрегат прибавил скорость, седые барашки вспенились перед форштевнем и, подхваченные потоками воздуха, живительной прохладой оседали на разгоряченных телах и лицах горцев. Они жались к бортам, чтобы попасть под свежую струю. Те, кто был споровистей, украдкой от команды привязывал к кувшинам веревки, черпали забортную воду, а потом обтирали детей и себя.

Семье Гедлача Авидзба повезло больше, чем другим. Ей досталось место по правому борту, у спасательной шлюпки. По другую сторону расположилась Шезина Атыршба с двумя дочерьми, сыном и отцом. За ней, ближе к фок-мачте, разбила «табор» многодетная семья Астамура-кузнеца. Пока Гедлач помогал Шезине и ее детям укрыться от солнца под зыбким пологом, Амра со старшим сыном Дауром соорудили навес из старой черкески и своих платьев. Под него забрались младший сын, трехлетний Алхаз и племянник, сын Арсола, Аляс. Его еще на берегу начала изводить высокая температура, и он едва держался на ногах. Не намного лучше было состояние и у дочери — Апры. Амра пришла в ужас и не знала, как облегчить ее страдания. Бедняжку от морской качки выворачивало наизнанку. После каждого приступа рвоты ей приходилось тратить драгоценную воду и скоблить доски палубы, чтобы избавиться от удушающего запаха. Жара делала его невыносимым. И она невольно сжималась в комок, когда поблизости появлялись аскеры. Они брезгливо морщились и пока молча проходили мимо. Соседи бросали на нее сочувствующие взгляды, но ничем не могли помочь. И только наступившие сумерки, принесшие долгожданную прохладу, облегчили страдания детей. Апра одну за другой выпила две кружки воды и, опершись о борт шлюпки, жадно глотала свежий воздух. Лучше стало и Алясу, у него спала температура, и впервые за последние дни проснулся аппетит. Оживились и соседи. Зашуршали переметные сумы, забулькала вода в бурдюках и баклажках.

— Пора и нам подкрепиться, — предложил Гедлач и достал из-под горки узлов переметную суму и бурдюк с водой.

— Есть еще сушеная хурма, — напомнила Амра.

— Оставим на черный день

— А Аляс? У него почти не осталось сил.

— Не надо, тетя! Мне сегодня лучше, — тихо произнес он.

Гедлач бросил взгляд на его изможденное лицо и потянулся к холщевому мешочку. К скудному ужину — крохотным кусочкам кукурузных лепешек, копченого сыра и вяленого мяса — добавилась сушеная хурма величиной не больше грецкого ореха.

— Бери, бери, Аляс! — подала ему Амра, а потом принялась из рук кормить малолетнего Алхаза.

Даур с Апррой медленно жевали высохшее будто кость мясо и избегали смотреть на Аляса. Последний раз им досталось по хурме четыре дня назад, на берегу, когда Алхазу исполнилось три годика, и тогда отец расщедрился. Они прожевали последний кусок и голодными взглядами зашарили по расселенному на палубе платку матери, на нем не осталось даже крошки. Отец, пряча от них глаза, достал бурдюк, отмерил каждому свою порцию, и затем взрослые и дети, подолгу цедя каждый глоток, пытались обмануть мучившую их жажду. И когда этот затянувшийся ужин подошел к концу они, отвалившись на спину, попытались на время забыться. Усталость и прохлада быстро сморили. Первыми уснули Аляс с Алхазом, за ними Амра с Апррой.

Не спалось только Гедлачу. Он остановившимся взглядом смотрел на густо усыпанное звездами небо; жгучая тоска сжала сердце. Это было чужое небо и чужие звезды. Они равнодушно смотрели на него, и ему стало так пронзительно больно и горько, что на глаза невольно навернулись слезы. В горле застрял горький ком.

Губы Гедлача задрожали: «Зачем?! Зачем ты это сделал? Прости, отец! Простите, Коса, Арсол!.. Будь проклят тот день, когда я послушался этого шакала Дзагана!.. За что нам такое наказание? За что?.. Аллах, накажи меня, но пожалей Амру с детьми!» — тихо шептал Гедлач и не чувствовал, как по щекам катились слезы. В его сумеречном сознании смешались жуткая явь и горячечный бред. В тусклом свете луны палуба напоминала собой тело больного чумой, на ней возились, стонали и рыдали сотни односельчан. Сердце Гедлача вновь защемила смертельная тоска. Вдали от родных гор, затерянный среди бескрайнего простора, он чувствовал себя песчинкой, подхваченной бурным потоком и выброшенной в бескрайнюю громаду моря.

Оно тяжело ворочалось и вздыхало за бортом. Порывистый ветер то разбойничьим наскоком трепал паруса, то затихал, и тогда они бессильно обвисали. Перед рассветом установился

полный штиль. Длился он недолго, вскоре горизонт на востоке посветлел, звезды последний раз трепетно мигнули и поблекли. Небо с морем потемнели и слились воедино, не стало слышно волны. Воздух застыл, и все замерло в ожидании нового дня. Минуло мгновение, и первым ожило море, где-то в его глубине рождалось таинственное движение. Слабая рябь сморщила зеркальную поверхность. Прошла секунда, другая, и с востока на корабли покатила бледно-розовая волна. Вслед за ней яркая вспышка разорвала полумрак, и над горизонтом показалась багрово-красная кромка солнца.

День вступил в свои права, но он не радовал горцев. Вокруг по-прежнему простиралась бескрайняя бирюзовая даль. Солнце быстро разогнало утреннюю дымку. Поднялась легкая волна, и поверхность покрылась слепящей глаза серебристой чешуей, а к полудню над палубой разлился удушающий смрад. И все чаще то тут то там звучали жалобный плач детей и приглушенные стоны стариков. Природа словно испытывала их на прочность. К вечеру ветер совсем стих, паруса обвисли, и корабли легли в дрейф.

Ночь не принесла облегчения, скудные запасы воды подходили к концу, и те крохотные порции, которыми горцы поддерживали себя, только распяляли жажду. И когда наступило новое утро, то над палубой снова зазвучали детский плач и стенания женщин. Жара отбирала последние силы у самых слабых и больных. Мужья, с потемневшими от горя лицами, все чаще бросали гневные взгляды на аскеров и моряков. Их сытые физиономии будили у них ненависть и злобу.

Капитан Сулейман — третий калач. Он почувствовал, что назревает бунт, и предусмотрительно выставил на корме и носу вооруженные вахты. Но не это остановило отчаявшихся горцев, готовых броситься в рукопашную. Над судами время от времени стали появляться птицы — предвестники близкого берега. Махаджиры воспрянули духом в надежде на скорый приход в порт. Но прошел час, за ним другой, а берег так и не появился. Надежда на встречу с долгожданной землей не оправдалась.

Наступила новая ночь. На смену ей пришел рассвет. А вокруг по-прежнему простиралось бескрайнее море.

Терпение горцев иссякло, отчаяние переросло в ярость. Первая стычка с аскерами произошла на носу. Громкая перебранка мгновенно переросла в драку. В ход пошли кулаки и кинжалы, но силы были явно не равны. Обессилевшие от голода и жажды горцы не устояли перед дружным натиском аскеров. Те, не церемонясь, пустили в ход сабли и открыли огонь из ружей и пистолетов.

Сулейман действовал быстро и беспощадно. Бунт должен быть подавлен в зародыше. Подчиняясь его командам, еще две группы аскеров рассекли негодующую толпу горцев на части, согнали их в кучи и окружили плотным кольцом. Гедлачу, Астамуру-кузнецу и остальным ничего другого не оставалось, как, стиснув зубы, наблюдать за бойней на носу. Соппротивление там было вскоре подавлено, а те, кто уцелел, под дулами и штыками аскеров стали выбрасывать за борт раненых и убитых. Амра, Апра и Шезина пришли в ужас, когда глянули за борт: раненые кричали, стонали, с мольбой протягивали руки к судам. Но ждать помощи было неоткуда ...

Потом еще десяток лет подобные «караваны смерти» прокладывали по Черному морю трагические маршруты исхода с родины убыхов, абхазов, шапсугов и адыгейцев.

Гедлач, Джамал Бутба, Шмаф Квадэба, потрясенные происшедшим, с трудом пришли в себя. Оцепенение перешло в ярость. После того, что сейчас произошло, их уже не страшила смерть. Они решительно двинулись к капитанскому мостику, по пути к ним присоединились князя Геч и Барак. Внизу у трапа дорогу им преградили аскеры. Грозно бряцая оружием, они ждали команды Сулеймана.

— Пусть поднимутся трое! — распорядился он.

Горцы переглянулись. Вперед выступили Гедлач с князьями и поднялись на капитанский мостик, дальше им не дали пройти три аскера с каменными физиономиями и отсутствием признаков интеллекта на лице. Гора лоснящихся от пота мышц и обнаженные ятаганы надежной стеной оградили Сулеймана от любой выходки горцев. Горцы, поглядывая исподлобья ненавидящими взглядами, не могли найти слов — их захлестывала ярость от презрения, сквозившего в глазах капитана.

— Так чего вы хотите? — начал терять терпение Сулейман.

— Облегчить страдания наших стариков и детей! — первым заговорил Барак.

— Чего?!

— Капитан, они умирают, — пытался пробудить в нем жалость Гедлач

— Зачем нас испытывать? Зачем? — с трудом сдерживал Гедлач клокотавший в нем гнев.

— Это не я, а великий Аллах испытывает вас, — процедил Сулейман.

— Мы много не просим. Дайте немного воды и еды, — старался смягчить тон разговора Геч.

— Воды?

— Да, детям. А мы потерпим.

— Она осталось только для воинов и я...

Но Сулейману не дали договорить. Взорвался Барак:

— А мы кто? Я двадцать лет воевал с гяурами! И где эта милость вашего султана?

— Чт-о-о? Ты что сказал, паршивый пес? — и злобная гримаса исказила лицо Сулеймана.

Он подался вперед, его униженные перстнями пальцы сжались в кулак, и сокрушительный удар опрокинул князя на палубу. Вслед за ним телохранители обрушились на Гедлача и Барака. Избитые и раздавленные унижением они возвратились к своим семьям и потом стыдились смотреть в глаза детям, женам и старикам. Суровые воины, никогда не склонявшие головы перед самым сильным врагом, на этот раз оказались бессильны защитить их от других, незримых врагов — жажды и голода. Им ничего другого не оставалось, как только смириться и ждать.

Подходил к концу пятый день хождения горцев по мукам. Штиль сменился легким бризом, и басистый зов горна ворвался в монотонный шум моря. Горнист, широко расставив ноги, бодро выдувал заливистые трели. Внизу захлопали двери кают, и топот десятков ног сотряс трапы. Через мгновение матросы высыпали на палубу. Они, подчиняясь зычным командам капитана Сулеймана, стремительно вскарабкались на мачты и рассыпались по реям. Ловко балансируя на головокружительной

высоте, с поразительной скоростью и точностью выполняли команды капитана.

Прошло несколько минут, и фрегат окутало белоснежное облако парусов. Они были похожи на огромные полумесяцы, напоминавшие простым смертным о величии и могуществе наследника Аллаха на земле — турецкого султана. Но он был далеко, а здесь, на корабле, вершителем судеб горцев являлся уже не столько капитан Сулейман, а гораздо более жестокие и безжалостные властители — голод, жажда и невыносимая жара. Они, сменяя друг друга, а в последнее время все вместе, изводили своих жертв. И в этой бесконечной пытке лишь на короткое время наступали паузы.

К вечеру суровая природа ненадолго сжалилась и дала им передышку. Уставшее за день солнце нехотя скатилось к горизонту. Жара спала. Усилившийся ветер наполнил паруса, и они, вздувшись огромными белыми пузырями, накрыли ее сверху и закрыли от солнца. На порыв ветра фрегат отозвался крупной дрожью, затем дернулся и, погнав форштевнем седую волну, резво пошел вперед. Спасительная тень и ветерок на время облегчили страдания горцев.

Вместе с прохладой они возвращались к жизни. Послышался звон посуды, зашуршали переметные сумы, и те, кто еще был в силах двигаться, принялись извлекать из укромных мест скудные запасы пищи. Шуршание воды за бортом и слабый запах кукурузных лепешек отзывались на иссушенных солнцем, жаждой и голодом лицах мучительными судорогами. Тут и там слышались детский плач и старческие причитания. Первые молили еще об одном глотке воды, а вторые, лишь прикоснувшись к пище, в молитве просили Всевышнего облегчить их страдания.

Гедлач вытащил из-под горки узлов тощую переметную суму, развязал тугой узел и достал со дна затвердевшую как камень кукурузную лепешку. Амра постелила под нее платок. Это были их последние припасы. Стараясь не потерять и крошки, Гедлач принялся ломать ее на равные части. Лепешка с трудом поддавалась, ногти царапали затвердевшую корку, и крохотные кусочки сквозь пальцы сыпались на платок. Амра тут же их подгробала к аккуратно разложенным кучкам. И когда от лепешки

ничего не осталось, Гедлач снова разгреб узлы, достал бурку, развернул, и из нее показался сморщившийся, будто печеная груша, бурдюк с водой. Накануне дети еще могли позволить себе роскошь выпивать по пять глотков заразы, но после того, как сегодняшней зной едва не убил Аляса, на такую норму им не приходилось рассчитывать.

Пальцы Гедлача бережно, словно это была не пробка, а нежный персик, коснулись ее. Алхаз, потерявший голос от крика, жалобно запищал и исхудавшими ручонками потянулся к нему.

— Потерпи малыш. Сейчас, сейчас, — пыталась унять его Амра.

Подсохшая на жаре пробка легко поддалась и вышла из горловины бурдюка. Осевшие на ней бисеринки воды вспыхнули на солнце алмазной россыпью и заставили всех судорожно сглотнуть. Стараясь не уронить даже капли, Гедлач передал ее Дауру. Тот бережно принял и, не давая пропасть драгоценной влаге, припал к пробке растрескавшимися губами. Малыш Алхаз зашелся в судорожном кашле.

— Амра, теперь ты, — поднес ей бурдюк Гедлач

— Может, сначала Аляс? — предложила она.

Тот вторые сутки лежал пластом.

— Он мужчина. Потерпит.

— Я... я потом, тетя, — еле слышно произнес юноша.

Амра приподняла бурдюк, сделала глоток, на втором остановилась и склонилась над Алхазом. Обхватив губами его почерневшие и превратившиеся в запекшуюся полоску губки, она капля по капле стала цедить в рот. Мальчик широко распахнул глазенки, и его маленькое тельце затрепетало. Вода ненадолго возвратила малыша к жизни. Амра, сделав пять глотков, передала бурдюк дочери. Вслед за Апрой выпили по три глотка Аляс и Даур; это была та норма, которую с сегодняшнего утра четыре раза в сутки стал выдавать отец. Сам он не стал пить, заткнул бурдюк пробкой, затем завернул в бурку, положил под узлы и предложил:

— А теперь будем кушать.

И пять исхудавших рук потянулись к сиротливо лежавшим на платке серым кучкам. Амра, облизнув пальцы, собрала

оставшиеся крошки и поднесла их к губам Алхаза. Тот силился сглотнуть, но у него не хватало сил даже на это, и тогда мать, разжевав кусочек лепешки, вложила ему в рот. Малыш сипел и никак не мог проглотить. Коричневая пена выступила на губах, и бедняжка зашелся в кашле.

Даур уже не мог смотреть на мучения брата, забился под корму шлюпки и принялся грызть свой кусок. Борясь с искушением проглотить кусок целиком, он медленно рассасывал его, стараясь продлить эту иллюзию еды, заставлявшую на время забыть о голоде. Иллюзия длилась недолго — последний крохотный кусочек соскользнул в горло. Прошло некоторое время, и голод снова напомнил о себе, вместе с ним снова проснулась жажда. Язык опять превратился в терку, каждое его движение отзывалось болью в горле, а на глаза опустилась серая пелена.

Даур отрешенно смотрел перед собой. Перед ним плыли и ломались мачта, фигуры матросов на реях, капитанский мостик с Сулейманом, и когда взгляд упал на палубу, у него перехватило дыхание: в нескольких метрах от ног сиротливо валялась баклажка для воды. Он закрыл глаза, а когда снова открыл, то она никуда не исчезла. Обостренный жаждой слух уловил слабое бульканье при качке, и в его воспаленном сознании возникали ручьи и целые реки ледяной воды, разламывающей зубы.

Теперь все его мысли занимала баклажка с водой. Она как магнит притягивала к себе, кроме нее Даур уже ничего не видел. Баклажка медленно ползла по палубе и все ближе подкатывалась к ногам. Оставалось предпринять всего одно небольшое усилие, и она оказалась бы в его руках. Он с трудом справился с искушением и опять закрыл глаза, но жажда не стала слабее. Горло горело так, будто в него залили свинец. Борясь с искушением, Даур искусал все губы в кровь. Ее сладковатый привкус мучил сознание и ослаблял волю. Десятки, сотни баклажек кружились журчащим калейдоскопом в горячечном сознании. И Даур не устоял перед искушением, рука потянулась к баклажке, но пальцы схватили воздух. Фрегат качнуло на крутой волне, и она закатилась под днище спасательной шлюпки. Даур проводил ее тоскливым взглядом и, чтобы не дразнить себя, перевел его на капитанский мостик.

Там находились рулевой и капитан Сулеймана. Свободные от вахты матросы спустились в кубрики и дремали под мерное покачивание судна. Легкий ветерок, потягивавший с востока, трепал разлохмаченную шевелюру капитана. Вальяжно развалившись в плетеном кресле под тентом, он подставлял набегавшей прохладе загорелую волосатую грудь и лениво обмахивался феской.

Капитан повернулся к трапу и зычно крикнул. Тут же на мостик поднялся вахтенный матрос. В его руках, на подносе, стоял запотевший глиняный кувшин. Расплескивая воду по палубе, Сулейман налил до краев фаянсовую пиалу и большими глотками стал жадно пить. Даур тоскливым взглядом сопровождал каждый его глоток, а рука сама поползла под днище шляпки. Чужие, непослушные пальцы нащупали баклажку и выдернули пробку. Иссохшие губы припали к горлышку и теплая, с горьковатым привкусом жидкость хлынула в горло. Он поперхнулся и зашелся в кашле.

— Даур!

Отчаянный крик Шезины заставил его оцепенеть.

— Люди, что же это такое? Что с нами будет? — запримечала она

Ее горестные стоны подняли на ноги соседей. Шезина силилась что-то произнести, но ее душили слезы, а с растрескавшихся губ срывались лишь обрывки слов. Все взгляды сошлись на Дауре. В одних он читал презрение, в других укор, но ни у кого не находил сочувствия. Рука, сжимавшая баклажку, безвольно разжалась, она упала на палубу, и слабая струйка пролилась на доски. Прошла секунда, другая и от лужицы осталось лишь серое невзрачное пятно.

Шезина тихо всхлипнула, без сил опустилась на колени и, потрясая баклажкой, повторяла как заклинание:

— Вода!.. Вода!..

Первым не сдержался ее племянник Кемал и бросил в лицо:

— Ты не мужчина, Даур!

Его дед, старый воин, тяжело вздохнул, с укором посмотрел на Гедлача, но ничего не сказал. Тот потемнел в лице, и с его потрескавшихся губ сорвалось:

— Шакал!

Даур дернулся, словно от удара бичом. Он был раздавлен и находил в себе сил, чтобы поднять голову и посмотреть в глаза отцу.

— Гедлач, прости! Он же твой сын! — бросилась умолять мужа Амра.

— У меня нет больше сына! — отрезал тот.

— Что же мне делать? Что? — причитала Шезина и потерянно вертела баклажкой.

— Прости нас, если можешь, и возьми нашу воду, — прошептала Амра.

Гедлач запустил руку под узлы, достал бурдюк и протянул Шезине.

— Нет, нет! А как же вы? У вас маленький, — она не знала, что делать.

— Отец, прости я... — слова замерли на губах Даура.

Гедлач ожег его презрительным взглядом и бросил в лицо:

— Я тебе больше не отец!

— Гедлач!.. Даур!.. Нельзя же так! — разрывалась между мужем и сыном несчастная Амра.

Даур сник. На его и без того бледном лице не осталось и кровинки. Сгорбившись, он побрел к корме. Амра порывалась пойти вслед за ним, но всякий разгневный окрик мужа возвращал ее обратно. Эту ночь семья Авидзба провела без старшего сына. Утром Амра и Шезина тайком от Гедлача отправились на поиски Даура, но так и не нашли. Он исчез. Безжалостный молох Кавказской войны за сотни километров от поля боя продолжал пожирать свои жертвы.

В тот день Гедлач не проронил ни слова, ничего не ел и не пил, а с наступлением ночи, завернувшись в накидку, забился под шляпку. Амра, уложив детей, прилегла рядом, опустила руку ему на плечо, но он не пошелохнулся. Она тихо заплакала, потом долго ворочалась с боку на бок и никак не могла заснуть. Страдания продолжали терзать ее и гнали прочь сон.

Время давно перевалило за полночь, и в воздухе, наконец, появилась прохлада. Амра задышала в полную грудь, и здесь ей почудился запах настоящей лепешки. Он кружил голову и

спазмами сжимал желудок. Она приподнялась над палубой и глубоко вдохнула. Нет, это не было обманом или галлюцинацией. Это действительно были запахи настоящей кукурузной лепешки и вареного мяса! Амра тряхнула головой, чтобы избавиться от наваждения, но запахи не исчезли, а стали еще острее. Они доносились с той стороны, где расположилась семья Астамура-кузнеца. Их приглушенные голоса и загадочные шорохи пробудили в ней любопытство, а вкус мяса, который так явственно ощущался на губах и ломящей болью отзывался в висках, неудержимо влек к себе. Она выглянула из-за шляпки и не поверила собственным глазам.

Перед Астамуром лежала стопка лепешек, а на листе капусты — кусок мяса. И это не было игрой ее воспаленного воображения. В лунном свете в руке Астамура тускло блеснуло лезвие ножа. Он торопливо кромсал мясо на куски, а жена раскладывала их по кучкам. Голод и нетерпение оказались настолько сильны, что дети, не дождавшись дележки, потянулись к ним.

— Подождите, всем хватит! — зашипел на них Астамур.

— Папочка, я кушать хочу, — взмолился детский голосок.

— Тихо, доченька, тихо, — прошептала Асида и ладошкой прикрыла ей рот.

— Папа, а почему на пять? — спросил старший сын Шабад.

— Ты забыл про Айшу, — напомнила средняя дочь Айгюль.

— Помню. Ешьте. Она скоро придет, — обронил Астамур, отложил нож в сторону и взял себе последний кусок мяса.

Сбившись в кучку, они торопливо глотали пищу. Большие куски застревали в горле. Шабад поперхнулся и зашелся в надрывном кашле.

— Выпей, выпей, сынок, — слышался испуганный голос Асиды.

Обостренный жаждой и голодом слух Амры различил среди шорохов и шуршания журчание воды. Искушение оказалось сильнее стыда, и она выглянула из-за шляпки. Шум шагов на трапе заставил ее отпрянуть назад, а семью Астамура замереть. Асида набросила платок на лепешки. Шабад и Айгюль торопливо спрятали в рукава куски лепешки и с опаской поглядывали

на зияющий провал. Из него серой тенью возникла девичья фигурка. Кто это был, Амра не сразу узнала, лицо девушки закрывал надвинутый на глаза платок. В руках у нее был узелок. Она поднялась на палубу и, проскользнув между спящими вполвалку соседями, опустилась рядом с Астамуром. Узелок выпал из ее рук, и на платок скатились головка сыра и горсть сушеных фиников. Глухие рыдание сотрясли девушку. Асида обняла дочь и, поглаживая по голове, глотала слезы и повторяла:

— Прости доченька, прости.

Платок спал с головы девушки, и Амра узнала в ней старшую дочь Астамура, пятнадцатилетнюю Айшу. И ее пронзила страшная догадка, какой ценой Астамур спасал семью. Потрясенная, она не сдержалась и воскликнула:

— Аллах, и за что нам такое наказание!

Ее возглас прозвучал для Астамура подобно удару грома. Он сгорбился и затем медленно обернулся. В блеклом свете луны его и без того изможденное лицо походило на безжизненную маску. Страдальческая гримаса искривила губы. Он силился что-то сказать, но с них срывались лишь невнятные звуки. Сколько длилась эта немая пауза, не могли сказать ни Амра, ни Астамур. Первой пришла в себя Асида и, схватив лепешку, принялась совать ей в руки.

— Нет-нет! — отшатнулась Амра.

— Это детям.

— Я... я не могу. Я...

— погоди, Амра, — сипло произнес Астамур, шагнул к ней и взял за руку.

Нервная дрожь, сотрясавшая его, передалась ей.

— Ты потеряла Даура? А мы... — и он замолчал.

Амра ничего не ответила и поникла головою. Напоминание о том, какой ценой они спасали свои жизни, острой болью кольнуло сердце и страдальческой гримасой исказило ее лицо. Астамур судорожно сплотнул и с трудом выдавил из себя:

— А мы... потеряли дочь.

— Прости, Астамур.

— За что? Я сам виноват... Будь проклят тот час, когда я послушался этого шакала Дзагана!

— Кто знал, что так все обернется.

— Да. Теперь нам остается одно — терпеть.

— Но какой ценой? — горестно выдохнула Амра.

В груди Астамура, что-то екнуло, и он потеряно ответил:

— Но надо же как-то жить, Амра?

— Да, — прошептала она и развернулась, чтобы уйти.

— погоди, — остановил он, и распорядился: — Асида, дай еще мяса.

— Мясо?.. Нам? — растерялась Амра.

— Бери, бери! Только не говори никому.

— Я... я... не могу, — пыталась отказаться Амра, а руки сами тянулись к этому сказочному богатству.

— Возьми, возьми. У вас дети, — присоединилась к мужу Асида.

— Спасибо вам! Пусть Аллах хранит вас и ваших детей. Мы этого не забудем, — прошептала Амра и возвратилась к себе.

Это неожиданно свалившееся на нее богатство жгло руки. Она все еще не могла прийти в себя и не знала, что с ним делать. Ей приходилось разрываться между чужой, страшной тайной и тем, что Гедлач мог не принять этот дар Астамура. Сам он, привалившись к шлюпке, спал крепким сном, рядом под боком тихонько постанывала во сне Апра. Отбросив последние сомнения, Амра разбудила ее первой.

— Где мы, мама? — не могла она понять спросонья.

— Тихо, доченька, тихо, — умоляла ее Амра и подала в руку кусочек лепешки и мяса.

— Что это? — растерялась Апра.

— Мясо, доченька.

— Мясо?! Откуда?

— Кушай и не спрашивай, — торопила Амра.

— А Алхазик, Аляс?

— Им тоже будет.

— Да, — Апра больше не задавала вопросов и под ее зубами захрустела корочка лепешки.

После того как она поела и легла спать, Амра по очереди покормила Алхазу с Алясом, потом сама съела кусочек лепешки, а то, что осталась, сложила в переметную суму, надеясь, что этот

подарок Астамура примет и Гедлач. Теперь, когда дети поели, ей уже не так был страшен его гнев. Еще один день она сумела отвоевать у смерти, уже подступившей было к ним.

Начался день как обычно — со звука горна. Ничего, кроме ненависти, у горцев он не вызывал. С его звуками с прежней силой в них проснулись голод и жажда. Но на этот раз с утра солнце не так пекло, как накануне, а к обеду пепельная дымка затянула горизонт на севере. Прошло меньше часа, и его диск оранжевым пятном расплылся над головой и, подобно закоптившейся керосиновой лампе, тусклым светом заливал фрегаты, фелюги и горцев, жавшихся друг к другу в предчувствии новой беды.

Женщины и дети с ужасом смотрели на внезапно вспучившееся море, тут и там вскипавшее седыми косами на гребнях волн. Волны росли на глазах и, наливаясь свинцом, жадными языками облизывали борт фрегата. Под их ударами корпус жалобно поскрипывал, а палуба отзывалась судорожной дрожью. Она передавалась людям.

Плач детей, горестные возгласы матерей слились в один мучительный стон, терзавший сердца мужчин. Они отводили глаза в сторону, так как ничего не могли противопоставить той грозной стихии, что надвигалась на них. Неподвластная ни капитану Сулейману, ни экипажу, она набирала силу. Нос фрегата все глубже зарывался в волну, и потоки воды раз за разом обрушивались на палубу. Злобно шипящие языки извивались под ногами, забирались под шляпки и, прихватив с собой что-нибудь из нехитрого скарба, скатывались в море.

Гедлач с тоской озирался по сторонам, ища защиты от слепой стихии. Выросший среди гор, он не знал, как уберечь от нее жену и детей.

— Рви все, что попадется под руки! — первым сообразил Астамур-кузнец, до этого не один раз выходивший в море.

— Зачем? — не сразу понял Гедлач.

— Плети веревки!

— И что?

— Когда начнется шторм, надо привязаться.

— Ясно.

— Детей вяжи тоже. Руками не удержать.

— Понял, — оживился Гедлач и потянулся к узлу с вещами.

— И еще. Когда волна накатит, надо сжаться в комок. И лицом, лицом к ней, — дал новый совет Астамур.

— Спасибо, брат, — поблагодарил Гедлач и вместе с Амрой и Апрой принялись перетряхивать все, что попадалось под руки, рвать на полосы и вить веревки.

Рядом то же самое делали Шезина Атыршба с отцом. Новую беду готовились встретить кто как мог. О том, что ее не миновать, говорило все вокруг. Серо-розовые сумерки плотной пеленой окутали фрегаты и фелюги. Прошло еще какое-то время, и море слились с небом. Первый громовой раскат, заглушая шум волн и свист ветра, пригнул всех к палубе. За ним последовал второй, третий... Временами казалось, что небо вот-вот расколется и рухнет на палубу. Строй кораблей нарушился; капитаны и экипажи боролись со стихией как могли. Перегруженные фелюги все чаще черпали бортами воду и вскоре безнадежно отстали от фрегатов.

Сулейман, вцепившись мертвой хваткой в поручни капитанского мостика, сорвал голос, посылая матросов наверх убирать лишние паруса и рифтовать оставшиеся. Они, рискуя сорваться в клокочущую морскую бездну, каким-то чудом держались на вантах и реях. Свирепый северо-западный ветер, налетевший со стороны Крыма, снова и снова с неистовой силой обрушивался на фрегат, рвал из их рук рифы и норовил сбросить вниз. Не выдержав его напора, с оглушительным треском разлетелись верхние паруса на грот- и фок-мачте и, подобно чайкам, взмахнув лоскутьями-крыльями, пропали во мраке.

Фрегат терял управление и уже неподвластный руке рулевого становился игрушкой волн. Они с торжествующим ревом обрушились на него и прокатывались по палубе, сметая все на своем пути. Гедлач едва успел глотнуть воздуха, как новый вал накрыл его с головой и, подхватив, перебросил через шлюпку. Веревка, привязанная к поясу, лопнула, и он взлетел над палубой. В последний момент правой рукой успел ухватиться за канат, а левая, не выдержав напряжения, разжалась.

— Ал-хас! — отчаянный крик вырвался из груди Гедлача. Его мальчик, его Алхасик стал добычей волн. Дальше он делал все как во сне, вцепившись в канат, с немым упорством продолжал бороться с морем. А оно требовало себе все новых и новых жертв. Под ударами волн тяжелогруженое судно все глубже погружалось в воду. По команде Сулеймана лишний груз полетел за борт, но когда и это не помогло, аскеры набросились на горцев. Спасая свою жизнь, они лишали жизни других. Сабли и ятаганы безжалостно рубили руки, отчаянно цеплявшиеся за канаты, шлюпки и борта фрегата.

Всю ночь шла эта борьба не на жизнь, а на смерть людей с людьми и с самим морем. Закончилась она с рассветом. Свирепый штормовой ветер стих так же внезапно, как и начался. Море еще продолжало злобно урчать и пенистыми языками пытаться слизнуть с палубы фрегата очередную жертву. Палуба напоминала поле боя, сплошь устеленное обломками мачт, обрывками парусов и канатов. Среди них вперемежку лежали бездыханные и едва подававшие признаки жизни тела матросов, аскеров и горцев.

— Земля! Земля! — чей-то слабый крик вернул оставшихся людей к жизни.

На горизонте, медленно вырастая из моря, появилась серая полоска земли. Сулейман оживился и, подчиняясь его командам, матросы, цепляясь за обрывки вант, забрались на реи и начали крепить то, что осталось от парусов. Фрегат, виляя из стороны в сторону, как подраненная утка, и постанывая под ударами волн, медленно вползал в бухту Самсуна. Суэта команды и запахи дымов, доносившиеся с берега, подняли на ноги тех горцев, кто еще мог двигаться. Подойдя к борту, они настороженно стали всматриваться в неведомую даль.

Из сиреновой дымки выплывала бесплодная, кое-где покрытая скудным кустарником земля. Серая, изрезанная оврагами, она напоминала собой лицо больного старика. Вдали гнилыми, почерневшими зубами проглядывали низкорослые лыбые горы. У пристани, сбившись, словно стая диких гусей, теснились рыбацкие шхуны и лодки. У крепости, нависавшей орлиным гнездом над входом в бухту, стояли на якорях два

трехтрубных военных корабля. Тоскливыми взглядами смотрели горцы на турецкий берег, и смертельная тоска сжимала их сердца

Новая команда капитана Сулеймана заставила их встепенуться. Поврежденный руль работал плохо, фрегат с трудом разминулся с болтавшимся на рейде, потрепанным штормом парусником, напоминавшим корабль-призрак. На капитанском мостике никого не было. Обрывки парусов обвисли тряпками, и никто не спешил их менять. На палубе повсюду валялись груды мусора, среди них в лохмотьях копошились какие-то существа. Над ними на уцелевшей грот-мачте зловеще реял желтый карантинный флаг.

«Холера!» — кем-то произнесенное слово пошло гулять среди горцев. Еще одно судно с махаджирами стояло на якоре на карантинной стоянке. Гедлач, Амра, Шезина, Астамур-кузнец остановившимися взглядами смотрели на парусник-призрак, приземистые домишки, разбросанные тут и там по берегу, и на их глазах наворачивались горькие слезы. Новая родина встречала зловещими знаками. В душе они проклинали тот день и час, когда покинули родной дом, и всем своим существом рвались обратно. Но никому из них так и не суждено было увидеть гор Абхазии. Черное море равнодушно плескало волной о борт корабля...

Горький хлеб чужбины

Фрегат «Османия», основательно потрепанный штормом, оставил позади парусник, на котором умирали зараженные холерой, и, рыская из стороны в сторону, вполз в гавань Самсуна. Капитан Сулейман, еще во время шторма сорвавший голос, сипло кричал на матросов, пытаясь лохмотьями парусов поймать ветер и держать нужный курс. Матросы старались, как могли, чтобы только поскорее ошвартоваться и забыть о кошмаре, преследовавшем их последние сутки. Несмотря на жалкий вид фрегата и самой команды, Сулейман пытался сохранить достоинство и морской этикет. Когда фрегат поравнялся с кораблями эскадры Омер-паши, по его команде

аскеры и моряки выстроились вдоль борта и, вскинув вверх сабли и ятаганы, воскликнули: «Слава великому султану! Слава его флоту!»

В ответ мощным эхом прозвучало: «Слава великому султану! Слава флоту! Слава капитану Сулейману!»

Не успели затихнуть слова приветствия, как на флагмане громыхнуло орудие. Сам неустрашимый Омер-паша салютовал ему — капитану Сулейману. И на посеревшем от усталости лице морского волка появилась горделивая улыбка, а глаза повлажнели. В эти минуты для него, отдавшего службе султану и флоту двадцать с лишним лет, не было ничего дороже, чем честь и уважение, оказанные ему самим Омер-пашой. Они стоили гораздо больше, чем то золото и серебро, что утащило к себе море, чем красавица-горянка, захлебнувшаяся в трюме, и чем сотни душ махаджиров, пошедших ко дну.

И когда раскаты салюта растворились в шуме волн и ветра, сигнальщик с флагмана передал семафор: «Доблестного капитана Сулеймана ждет у себя на ужин гроза гяуров адмирал Омер-паша».

Этот видела вся эскадра. Это видели зеваки, столпившиеся на берегу. Сулейман не мог сдержать душивших его чувств и, поклонившись команде, прочувственно воскликнул:

— Слава вам, доблестные воины Аллаха и великого султана!

— Слава тебе и Аллаху! — в едином порыве кричали матросы и аскеры, потрясая оружием.

— Аллах вам в помощь! Теперь все позади! Мы дома! По местам стоять, на якоря становиться! — отдал команду Сулейман.

Команда дружно бросилась выполнять распоряжение. Вместе с ней оживились и горцы. Гедлач, Амра, Астамур-кузнец, Шезина Атыршба, Джамал Бутба, Шмаф Квадзба и те, кто еще мог двигаться, перебрались на правый борт и жадно вглядывались в берег, который для них должен был стать своим. Лес мачт купеческих судов закрывал город, а убогие глинобитные домишки, хаотично разбросанные по склонам пологих, покрытых скудной растительностью холмов, навевали на них еще большую тоску.

Перед их глазами возникали совершенно другие видения. Просторные, плодородные долины, в которых хватало пашни и пастбищ всем — как князьям, так простолюдинам. Привольно раскинувшиеся по склонам гор густые буковые и дубовые леса, где для охотника было настоящее раздолье. Хрустально-чистые реки, в водах которых в изобилии водилась радужная форель. Альпийские луга, где бродили тучные стада, а воздух, напоенный ароматом цветов, напоминал один огромный пчелиный улей. И, конечно, величественные горы с древними святилищами. Они на протяжении многих веков хранили память о великих предках, сумевших выстоять и победить самых могущественных врагов.

Гедлач потухшим взором смотрел на лысые холмы, скалистые берега, и в его сердце, израненном последними утратами — смертями Даура и Алхаса, была абсолютная пустота. Он дышал и не чувствовал могучего зова земли, проснувшейся после затяжной зимы, сладких дымов, в которых смешались запахи домашнего очага и свежее испеченного хлеба. Воздух Самсуна стеснял дыхание и драл горло. Это не был воздух гор — воздух свободы! Безбрежные просторы моря навсегда отрезали его и семью от родины и могил предков.

— Как тут жить?! Как? — воскликнул Джамал, пораженный скудностью здешней земли.

— И где тот турецкий рай? Где? — опешил Астамур.

— Это мы жили в раю, — с горечью произнес Шмаф.

— Бежавших из рая может ожидать только ад, — мрачно обронил Джамал.

— Ради чего все муки? За что нам такое наказание? Апсар, прости, если бы я только знала... — причитала Шезина, и рыдания сотрясли ее.

— Мертвых уже не воскресить, надо думать о живых и детях. Ничего, как-нибудь обживемся, — пыталась утешить подругу и себя Амра.

— Перестаньте душу терзать! На Самсуне свет клином не сошелся. Живут же наши в Стамбуле, — оборвал ее Гедлач.

— В Стамбуле? А кто нас там ждет? — с горечью произнес Джамал.

— Вы еще вспомните про обещанного султаном буйвола и мешки с кукурузой, — с сарказмом заметил Астамур

— У-у-у, Дзаган, — прорычал Шмаф, и его руки схватили пояс там, где когда-то висел кинжал.

— У-у-у, Сулейман, — процедил сквозь зубы Джамал и бросил ненавидящий взгляд на капитанский мостик.

— Теперь уже поздно локти кусать, — глухо обронил Астамур и, вцепившись руками в борт, всматривался в приближающийся берег.

Фрегат протатился мимо торгового причала, рыбацких шхун, сбившихся в кучу у галдящих торговых рядов, разбитых прямо у кромки моря, и, пройдя порт, стал на якоря у развалин старой крепости.

Прошел час. На берегу появился отряд аскеров. Вскоре к ним присоединилось четыре чиновника. Все сели в шляпки, гребцы налегли на весла и подплыли к фрегату.

Комендант Озал Челер, начальник береговой охраны, судовой врач и переводчик поднялись на борт, не удостоив взглядом махаджиров, сбившихся в кучки. Их встретил Сулейман, и все пошли в его каюту. Пока в каюте шло совещание, команда фрегата паковала свои кисы — парусиновые мешки и с нетерпением поглядывала в сторону порта. Оттуда спешила к фрегату фелюга, резво погоняемая попутным ветром. И не успела она ошвартоваться, как в нее полетели кисы и узлы команды. Затем подошел военный катер, и на смену аскерам на борт поднялась мрачная береговая охрана.

Весть о возвращении экспедиции капитана Сулеймана с быстротой молнии облетела город, и на берегу быстро выросла толпа, состоявшая в основном из родственников. Изредка в ней мелькали черкески. Это первые переселенцы-махаджиры пришли встретить своих земляков и узнать последние новости из Абхазии. Вид фрегата говорил сам за себя, и тревожные крики поплыли над морем. Радостные возгласы сменялись стенаниями, счастливый смех — душераздирающими воплями. Как на берегу, так и на борту фрегата сгорали от нетерпения перед предстоящей встречей. Но без разрешения Сулеймана никто не решался первым покинуть фрегат и перебраться на борт фелюги.

Капитан не заставил себя ждать; вскоре он появился на палубе в сопровождении чиновников. Впереди шел комендант Челер, позади — переводчик, судя по чертам лица, выходец с Кавказа. За несколько шагов до надвинувшейся на них толпы махаджиров они остановились. И тут же между ними стеной встала береговая охрана.

Геч, Барак, Гедлач, Астамур, Шмаф и сгрудившиеся за их спинами односельчане угрюмо смотрели на коменданта и ждали, что он скажет. На его надменном и холодном лице невозможно было прочесть ни чувств, ни эмоций. Холодная рука крепко сжимала тяжелую трость. На толстых пальцах, унизанных массивными перстнями, сверкали на солнце драгоценные камни. Челер цепким взглядом прошелся по лицам махаджиров и кивнул переводчику. Тот вышел вперед и как хорошо заученный урок отбарабанил:

— Великий султан, наследник Аллаха на земле и повелитель половины мира, оказывает вам великую милость стать его подданными. Сейчас...

— Дайте воды! Наши старики и дети умирают! — перебил его князь Барак.

— Помогите раненым и больным! — присоединился к нему Астамур

— Султан милостив и... — переводчик пытался еще что-то сказать, но его оборвал Шмаф и с презрением бросил:

— Мы сыты ей по горло!

«Мы люди, а не скот!», «Вы хуже гяуров!», «Дайте воды! Дайте хлеба!», «Пустите нас на берег!» — наливалась гневом толпа.

Береговая охрана грозно забряцала оружием. Переводчик попятился назад. Сулейман махнул рукой и в воздухе блеснули клинки.

Челер продолжал сохранять спокойствие. За время службы в порту Самсуна ему пришлось принимать десятки таких экспедиций. Это была не самая худшая. Предыдущая до сих пор болталась на рейде — там пришлось пускать в ход клинки и ружья. Взбунтовавшиеся горцы, которых косила холера, бросались в море и вплавь пытались добраться до берега. Тех,

у кого хватило сил доплыть, там поджидала пуля или штык береговой охраны, и потом в развалинах старой крепости долго еще пылали костры. Те же, кто смирился, вторую неделю стояли на рейде. Корабль-призрак и его обитатели своим зловещим видом отпугивал не только мародеров, но и птиц. Они стороной облетали его.

Челер снова прошелся внимательным взглядом по негодующей толпе и поморщился. Он не слишком опасался ее гнева, который грозил вот-вот выплеснуться через край. Штыков и ружей береговой охраны и аскеров вполне хватало, чтобы подавить бунт истощенных жаждой и голодом горцев. Он опасался больше другого — заразы. В памяти была еще свежа позапрошлогодняя вспышка холеры в Самсуне, которую завезли убыхи и проморгала комендатура. В тот раз гнев Омер-паши обошел стороной предыдущего коменданта, его отправили в Аллахом забытый гарнизон, а заместитель поплатился жизнью. Повторять их ошибок Челер не собирался, но и лишний раз проливать кровь не испытывал желания. Империя нуждалась в войнах, чтобы воевать с гяурами, а горцы делали это лучше, чем кто-либо другой.

Он широко расставил ноги-тумбы и, казалось, врос в палубу. Поднятая над головой пятерня погасила волну гнева. И когда наступила тишина, могучий бас Челера безраздельно властвовал на фрегате. Первые его фразы породили у горцев надежду.

— Судьба жестоко обошлась с вами... Теперь все позади.

«Позади», — печальное эхо сотен голосов поплыло над морем.

— Великий султан милостив, он дарует вам жизнь.

«Жизнь?» — прошелестело над палубой.

— И это называется жизнь?! Половина наших лежит на дне! — не выдержал кто-то в задних рядах.

— Кто вернет мне сына и мужа? Кто?.. — зашлась в рыданиях несчастная мать и вдова.

Это снова накалило обстановку. И в лицо Челеру полетело: «Шайтаны!», «Проклятые собаки!», «Аллах вам это не простит!».

Сулейман махнул рукой аскерам, и те схватились за оружие. Береговая охрана теснее сомкнула свои ряды вокруг Челера и оцетинилась штыками. Доведенные до предела мужчины и женщины готовы были броситься на них с голыми руками. Еще мгновение — и началась бы резня. Но Челер не дрогнул, раздвинув охрану, вышел вперед и приказал:

— Стойте! Хвати крови!

— Братья, остановитесь! — крикнул землякам князь Геч.

— Я здесь, чтобы помочь вам! — надрывался Челер.

Но его голос опять потонул в грозном реве толпы: «Лучше смерть, чем такая жизнь!», «Паршивый шакал и тот живет лучше!».

— Все уже позади! Я здесь, чтобы помочь вам! — кричал Челер.

«Мы это уже слышали!», «Подавитесь своими баранами и ослами!», «Кто нам вернет детей?».

Потеряв терпение, Челер выхватил из-за пояса пистолет и выстрелил в воздух. Толпа отхлынула, а когда рассеялся пороховой дым, то выражение его лица не оставляло сомнений в том, что он не остановится ни перед чем, чтобы подавить бунт.

— Еще один шаг, и я прикажу стрелять! — прорычал Челер.

— Братья, хватит смертей!

— Все самое худшее уже позади! — принялись увещевать земляков князь Геч и Барак.

— Мужчины, подумайте о нас и детях! — присоединились к ним женщины.

Прошла минута-другая, и на палубе снова воцарилась хрупкая тишина, и тогда Геч обратился к Челеру:

— Господин комендант, помогите с водой. Наши дети и старики умирают от жажды.

— Пусть заберут раненых. Сколько им можно мучаться? — выкрикнул Шмаф

— Врач здесь, а воду сейчас подвезут, — заверил Челер, и это смягчило гнев горцев.

Толпа оживилась, и из нее понеслись возгласы: «Вернете нашим старикам оружие!», «Дайте хлеба!», «Накажите Сулеймана!».

— Хлеб вам будет. Оружие — нет, его носят воины, — Челер был непреклонен.

— А мы кто? — возмутился Джамал Бутба.

— Вы беженцы! — отрезал Челер.

— Тогда мы его сами возьмем! — выпалил Шмаф.

— Что-о-о? Ах, ты неблагодарная собака!

Грозный рык Челера не остановил Шмафа, и его понесло:

— Будь проклят тот день и час, когда я послушал шакалов султана...

Переводчик съежился и не решался перевести. Но по его лицу и лицу Шмафа Челер догадался, что тот кричал. Казалось, еще мгновение — и начнется резня. Сулейман яростно сверкнул глазами и махнул рукой матросам, те схватились за ятаганы. И тогда князь Геч бросился спасать Шмафа и себя. Затолкав его в толпу, он склонился в низком поклоне перед Челером и выдал из себя:

— Господин, прости его и нас. Горе ослепило его и лишило разума. Все мы измучены, что...

— Отдайте мне эту собаку! Я изрублю его на куски! — рычал разгневанный Челер.

— Пусть попробует взять! — огрызнулся Шмаф.

— Тише! Тише! Подумай о нас! — зашикали на него женщины.

Геч лихорадочно соображал, что предпринять дальше, чтобы смягчить гнев коменданта и ничего другого не нашел, как выдать Шмафа за сумасшедшего.

— Простите, его господин. Потерявший разум, не ведает, что творит.

— Теперь потеряет голову! — был неумолим Челер

— Аллах его уже наказал, забрав семью, — использовал последний аргумент Геч.

Но не столько это, сколько присмирившие махаджиры погасили ярость коменданта. Его рука отпустила рукоять ятагана, и он объявил:

— Запомните, теперь вы подданные великого султана и наследника Аллаха на земле! Его слово — закон для всех смертных! Непокорных ждет смерть!

— Запомним, — процедил сквозь зубы Геч и затем спросил: — Когда мы сойдем на берег?

— После карантина.

— Какого еще карантина?

— Ты видишь на рейде парусник?

— Да, — подтвердил Геч.

— Там холера.

— У нас ее нет. Есть только больные и раненные.

— Вот поэтому здесь врач.

— Пожалейте наших стариков и детей. Их убивает солнце! — взмолился Геч.

Но Челер остался неумолим. Оставив без ответа эту последнюю просьбу, он спустился в шлюпку. Вместе с ним фрегат покинул и капитан Сулейман. Вслед за ними на фелюгу перебралась команда и под проклятия горцев отчалила к берегу. Там ее встречали плач и стенания родных и близких. Вдовы оплакивали погибших мужей. Горцы бросали тоскливые взгляды на берег, но чужое горе не трогало их сердца.

На борту фрегата воцарилось напряженное ожидание. Слабая надежда на лучшую долю, жившая в них на пути в Турцию, здесь, в Самсуне, умерла навсегда. Обещанный Дзаганом и другими посланцами султана рай на деле обернулся земным адом. Впереди их ждали новые испытания и новые потери.

Несчастья и безысходность, которым, казалось, не было конца, подобно ржавчине, точащей даже самый закаленный булат, разьедали души и совесть многих горцев. Голод и от камня откусит, а нужда съест и честь. Оставшись один на один со своею бедой, они выживали, кто как мог. В очередь к врачу встали и те, кто твердо держался на ногах. Не закрывалась дверь и в каюту начальника береговой охраны. С ними шел циничный торг.

Давно уже опустел берег. День клонился к концу. Наконец фелюга доставила на борт фрегата бочки с водой и корзины с кукурузными лепешками. В мгновение все разошлось по рукам. А когда ступились сумерки, у бортов появились шлюпки с торговцами. Почувствовав запах легкой поживы, они, как воронье, закружили вокруг фрегата, но стража не пустила их на борт и выстрелами в воздух отогнала к берегу.

На следующий день с раннего утра на пристани, перед фрегатом, собралась бедно одетая толпа. В ней все чаще мелькали черкески. Слухи о беженцах из Абхазии всколыхнули Самсун и его окрестности. Сотни махаджиров потянулись в порт. Они жаждали услышать хоть что-то о том, что происходит на покинутой родине.

«Цабал? Дал? Псху?», «Я Батал Камшиш!», «Кто есть из рода Чамба?» — неслось над морем.

В ответ печально звучало: «Абхазии больше нет! Гяуры захватили Псху! Цабала больше нет!»

«Нет... нет... нет...» — это короткое и убийственное как для одних, так и для других слово еще долго звучало над морем и берегом. А затем на разные голоса зазвучало: «Воды! Воды!», «Хлеба! Хлеба!».

На эту мольбу на берегу тут же откликнулось несколько смельчаков, и на утлых лодках они поплыли к фрегату. Стража угрожающе повела стволами ружей, когда у бортов захлюпали весла. На палубу посыпались баклажки с водой и узлы с лепешками, но стражники не стали стрелять. Жалость к несчастным горцам тронула даже их каменные сердца.

Так продолжалось еще семь дней. Карантин сняли лишь на восьмые сутки. Две старые фелюги оттащили фрегат к дальнему причалу торгового порта, и новые махаджиры смогли, наконец, сойти на берег.

Там их окружила разношерстная толпа, в которой не было заметно чиновников. Щедрые обещания посланцев султана так и остались обещаниями. Махаджирам была дарована лишь одна милость — умереть своей смертью. Как стаи перелетных птиц, застигнутые ненастьем, их семьи сиротливыми кучками расселись по берегу и не знали, что делать.

Прошло не больше часа, и над ними, словно стервятники, закружили нахальные торговцы и немногословные смотрители гаремов. Не стесняясь отцов и братьев, они бросали похотливые взгляды на молодых девушек, выбирая из них будущих наложниц, бесцеремонно заглядывали в сундуки и корзины. Давно потерявшие совесть и сострадание к человеческим несчастиям, они хорошо знали, как выманить то последнее, что держалось на черный день.

Вскоре со стороны города на разбитой дороге показались арбы. Скрип колес и крики возниц внесли оживление в тягостную, полную безысходности атмосферу, царившую в этом временном лагере для беженцев, разбитом под открытым небом. Самые нетерпеливые и наивные бросились навстречу, все еще веря, что пришла долгожданная помощь от султана. И когда облако пыли рассеялось, а с повозок слетели накидки, то перед их изголодавшимися глазами предстало настоящее изобилие.

Торки румяных кукурузных лепешек, еще отдающие теплом печи, котлы, доверху заполненные только что сваренным мясом, запотевшие на жаре амфоры с родниковой водой казались несчастным горцам каким-то волшебным сном. Перед этим фантастическим искушением невозможно было устоять, оно плавило самые твердые сердца. На обмен шло то, что еще не успели выманить торговцы перед посадкой на корабль, а затем забрать аскеры и команда Сулеймана в обмен на глоток воды, кусок лепешки и саму жизнь. Из потаенных мест доставался последний перстень, последний золотой, а жены и дочери снимали с себя серьги.

Те же, у кого не оставалось ни золота, ни серебра, проклиная тот день и час, когда покинули Абхазию, вынуждены были продавать зрителем из гаремов и наставникам будущих янычар живой товар — дочерей и старших сыновей.

Голодные, молящие о куске хлеба и глотке воды глаза младших детей не оставляли родителям иного выбора. Плач, стоны, ругань и шум драк на несколько часов превратили лагерь беженцев в один огромный невольничий рынок. И когда кошельки торговцев потяжелели, а арбы опустели, в них заняли места будущие наложницы в гаремах и будущие свирепые янычары, которым своей кровью предстояло укреплять могущество Османской империи, печальный караван двинулся в город.

Гедлач возвратился к семье, стыдясь посмотреть в глаза Амре и детям. Жалкий узелок с десятком лепешек и головка сыра, твердого, как камень, — это было все, что ему удалось выменять у торговцев.

— Ничего, на первые дни хватит, — пыталась утешить его Амра.

РАССКАЗЫ

— Неужели настоящий сыр? — обрадовалась Апра.

— Это же целое богатство, — не мог поверить своим глазам Аляс.

— Давайте будем кушать, — предложила Амра и расстелила на камне свой платок.

— Завтра у нас будет мясо. Я найду работу, — глухо сказал Гедлач, и его сердце защемило от жалости к детям.

— Дядя, а можно мне с тобой? — попросил Аляс.

— Куда тебе. Отлежись, а потом видно будет, — всполошилась Амра.

— Мне уже лучше. Я же мужчина, — храбрился он.

— Мужчина, мужчина! — поддержал Гедлач, погладил по его вихрастой голове и напомнил:

— Пора покушать.

На этот раз он не стал делить еду на скупые кучки, и щедрой рукой большими кусками ломал лепешки и кромсал ножом сыр. Впервые за последнее время ели и не задумывались о завтрашнем дне. Жажда и голод на время отступили, и когда на платке не осталось и крошки, пьянящая слабость охватила их. Все без сил отвалились на спину и погрузились в дрему. Прошел час, и слабая тень от кустарника уже не защищала от набиравшего с каждой минутой силу солнца. К полудню раскаленные камни обжигали руки, а налетавший с юга «шайтан» сбивал дыхание. Временный лагерь махаджиров, зажатый между скал, превратился в духовку и начал быстро пустеть.

Одни, редкие счастливыцы, отправились на поиски родственников и знакомых, осевших в Самсуне и уже успевших как-то устроить свою жизнь. Другие стучались во все подряд дворы в надежде найти временное пристанище, но чаще их встречали бранью, а то и спускали собак. Третьи, таких было большинство, полагаясь только на самих себя, разбрелись по округе в поисках временного пристанища, работы и куска хлеба.

Гедлач, Астамур-кузнец, Джамал Бутба, Шезина Атыршба с семьями и Шаф Квадзба нашли себе приют неподалеку от порта. Им стал сложенный из известняка заброшенный склад. Когда-то в нем хранилась соль, ее остатки еще сохранились в углах и смешались с пылью глиняного пола. Через дырявую

крышу проглядывало чужое небо, а сквозь щели в стенах задувал ветер. Снизу, из подвала, тянуло затхлым, застоявшимся воздухом, от которого перехватывало дыхание. Но они были рады даже этому. Здесь их оставили в покое торговцы и не трогала береговая охрана. Истосковавшиеся по делу руки к вечеру превратили склад в подобие дома. Астамур с Гедлачем натаскали валунов и соорудили очаг. А когда в нем запылал огонь, то его тепло и рассыпчатая мамалыга, приготовленная Шезиной и Амрой, на время отодвинули в сторону преследовавшие их несчастья.

Впервые за последние три недели спали они крепким сном. Под ногами была хоть и чужая, но все-таки твердая земля, а не выскальзывающая из-под ног палуба фрегата. Ненавистный Сулсейман с его злобными аскерами остались в прошлом. Впереди их ждала новая жизнь и новые испытания. А пока им всем снился один и тот же сон — дорогая сердцу Абхазия. Жесткие складки на лице Гедлача разгладились, и губы тронула робкая улыбка. Он видел дивный сон.

...Февральское солнце показалось из-за снежной шапки Дзыхвы, заглянуло в заиндевевшее окно и зайчиками заскакало по стенам и замерло на лице мальчика. Нежное тепло согрело щеку, шаловливый луч забрался под ресницы, пощекотал и прогнал остатки сладкого утреннего сна. Перед его изумленным взглядом предстали сказочные картинки, нарисованные морозом на оконном стекле. Столь редкое для этих мест дыхание зимы окрасило мимолетными и от этого еще более завораживающими красками лес и горы.

Волна за волной по селу прокатилась звонкая петушиная разноголосица. В нее вплелся веселый перестук молотков по наковальне. Это Астамур-кузнец ковал мотыгу, не за горами уже были работы в поле. В хлеву тяжело ворочался скот, гремели ведра — шла утренняя дойка коров. Сиреневые дымы курились над пацхами — абхазскими кухнями, сооруженными во дворе. В воздухе носились кружащие голову запахи свежее испеченного хлеба.

В этой повседневной череде дел, маленьких радостей, огорчений и заключалась великая гармония крестьянской

жизни. Жизни, в которой они, крестьяне-воины, дорожили и гордились тем, что именно к ним так необыкновенно милостива была природа. В самый засушливый год даже в самом бедном доме всегда находилось, чем накормить гостя и чем потешить ему душу.

Цокот копыт Алмаза во дворе, голоса отца и старших братьев Коса и Арсола подняли Гедлача с постели. Набросив на плечи душегрейку, в инчигах, надетых на босу ногу, он выскочил на террасу и замер в изумлении. Сад, укрытый пышным серебристым снежным покрывалом, золотился мириадами маленьких солнышек — плодами хурмы и мандарин. Огромный диковинный цветок распустился на месте куста орешника. Шелковистый газон двора бриллиантовыми брызгами разлетался из-под копыт Алмаза. Конь нетерпеливо перебирал передними ногами, рвал из рук наездника уздечку, чтобы отдаться пьянящей свободе. Коса, ласково поглаживая по холке, подвел его к террасе. Крепкие отцовские руки подняли Гедлача над землей и усадили перед собой в седло. Затем он лихо гикнул и отпустил уздечку. Алмаз ответил радостным ржаньем и с места сорвался в галоп. Ветер свистел в ушах, бодрящий морозный воздух кружил голову. Это были ветер и воздух свободы...

Тоскливый, звучащий на одной ноте голос-стон уныло плыл над Самсуном и безжалостно вырвал Гедлача из сна и из той, прошлой сказки, к которой уже не было возврата. Муэдзин, забравшийся на верхнюю площадку минарета, призывал правоверных к утренней молитве. Он напоминал им, смертным, о том, что здесь, на этой прокаленной солнцем и продуваемой всеми ветрами земле, их жизнь и свобода принадлежат только Аллаху и его наместнику на земле — великому султану.

Вместе с Гедлачом проснулись и Астамур с Шмафом. Нужда и едва державшиеся на ногах дети не оставляли им выбора. Наскоро перекусив, они отправились в город искать родственников, знакомых, а главное — работу. По дороге к ним присоединялись те, кто вчера сошел с фрегата и те, кто уже не первый месяц влачил здесь жалкое существование. Старожилы выделялись своими лицами, осанкой и одеждой. Нужда с

безысходностью и гордого заставят поклониться. У многих был потухший взор, спины понуро сгорблены, а на плечах вместо черкески болтались замызганные турецкие халаты.

Небольшой Самсун, где вся деловая жизнь была сосредоточена в порту, торговых лавках, кофейнях и духанах, был наводнен беженцами с Северного Кавказа. Их жалкие лачуги, наспех собранные из того, что попадалось под руки или слепленные из глины, во множестве плодились на его окраинах как грибы после проливного дождя. Уже который месяц с первыми проблесками солнца толпы махаджиров в обносках, подобно грязным ручьям, стекались на центральную и портовую площадь в надежде получить хоть какую-то работу, чтобы заработать на кусок хлеба. Выбор был не велик — либо грузчиком таскать мешки в порту, либо поденным рабочим мотыжить кукурузное поле. Редким счастливицам улыбалась удача, когда доставались места подсобника в торговой лавке или сторожа на кукурузном поле или при стаде у зажиточного крестьянина.

Гедлач с Астамуром полдня простояли в порту, но очередь до них не дошла. И им ничего другого не оставалось, как искать работу в кофейне или духане. Здесь, у порта, они попадались на каждом углу. Тесные, мрачные клетушки, в которых под толчком плавали сизые дымы от кальянов, больше напоминали крысиные норы. Лучшие места в них занимали турки, а по темным углам робко жались группки махаджиров.

Но не духота и смрад останавливали Гедлача и Астамура на пороге. Как на невидимую стену они натыкались на презрительные взгляды турок, и тогда в них просыпалась природная гордость. Гордость оказалась сильнее нужды. В очередной кофейне все повторялось, и, избив все ноги, поздно вечером они возвратились с пустыми руками и без динара в кармане. Там их ждала главная новость, принес ее Шмаф.

Оживленный вид Джамала, жен и детей заставил их забыть о неудаче и согрел сердца робкой надеждой. Шмаф принес новость, которая взбудоражила всех махаджиров. Князь Геч накануне вместе с семьей отправился в Стамбул. По одним слухам, чтобы просить великого визиря о помощи для махаджиров, а по другим — добиться для себя хоть какой-то должности. Астамур,

по линии жены приходившийся ему дальним родственником, видел в этом хороший знак и не уставал повторять:

— Наконец про нас услышат. Наконец в Стамбуле узнают про наши муки и помогут.

— Другим не помогли, а нам с чего? — усомнился Гедлач.

— Зря надеешься. Себе, может, что и выпросит, а другим — вряд ли. Чем он тебе помог, когда умирала твоя младшая? — напомнил Шмаф.

— Глухой слепого не услышит. Богатый бедного не поймет, — согласился с ним Гедлач.

— Обида — не лучший советчик. Вспомните, как он спас нас от Челера.

— А ему куда было деваться. Сам мог попасть под ятаган, — отмахнулся Шмаф.

Горестная гримаса исказила лицо Астамура, и он глухо обронил:

— Дело не в этом. Тебя и меня к визирю и близко не подпустят, а его, может, и послушают...

— Да?.. И много его слушал Сулейман?

— Послушает. Он двадцать лет воевал против гяуров.

— Князь Моршан тоже воевал. Второй год здесь. А что для него и наших братьев сделал султан?

Астамур промолчал, за него ответил Джамал:

— У князей своя дорога, им с нами не по пути.

— Это точно. Деньги — к деньгам, а богатый — к богатому, — с горькой усмешкой заметил Гедлач.

— Так было и так будет. Нам, простым воинам, только и остается, что тюрьма да сума, — с ожесточением сказал Шмаф.

— Гедлач, Астамур! Ужин готов, — прервали их спор жены.

Они подсели к столу, но кусок не лез в горло. Осунувшиеся, потухшие лица детей напоминали о том, что завтра им снова предстояло забыть про гордость горца, и унижено просить разбавшегося духанщика о гостке пшена и головке сыра. А затем под презрительными взглядами их жен гнуть спину, разгребая на заднем дворе навозные кучи и закапывая зловонные ямы. Засыпая, они с содроганием думали о предстоящем дне.

Новый день оказался хуже предыдущего. Ни в порту, ни в духанах, ни в поле для них не нашлось работы. Обратного пришлось возвращаться с пустыми руками. Тех скудных запасов пищи, что выменяли у торговцев Амра с Шезиной, едва хватило, чтобы накормить детей; сами они довольствовались кипятком и сухой лепешкой. Голод тоскливыми глазами детей снова смотрел на родителей, а те были бессильны им помочь.

В ту ночь они не досчитались Джамала Бутбы. Сквозь сон Амра слышала, как скрипнула входная дверь, затем прозвучали чьи-то осторожные шаги, потом все стихло, и она забылась в тревожной дреме. Разбудили ее лай собак и чужая речь. Она приподнялась и выглянула в окно. В зыбком рассвете двоились темные силуэты. В следующее мгновение дверь слетела с петель, и пятеро стражников ворвались внутрь. Вслед за ними влетело чье-то тело и шлепнулось на пол.

Брань и удары дубинок обрушились на взрослых и детей. Согнав их в один угол, стражники принялись перетряхивать их жалкие пожитки. Вместе с ними искал, чем поживиться, толстый Саид, державший пекарню и торговую лавку в районе маяка. Пока шел обыск, Астамур, Гедлач, Шмаф, Шезина и Амра с затаенным страхом поглядывали на окровавленный ком в лохмотьях, валявшийся у их ног. Он зашевелился, рукава черескески пришли в движение, и из них показались изуродованные топором две культи. Амра задохнулась от охватившего ее ужаса, и рука опустилась на лицо Апре. Мужчины крепились, но и у них вскоре сдали нервы, когда из вороха окровавленного тряпья показалось лицо. Гедлач глухо застонал и подался вперед, но удар дубины отбросил его к стене.

На полу лежал Джамал Бутба. Его с трудом можно было узнать. От левого до правого уха на месте рта сочился кровью багровый рубец, из которого торчал ломоть хлеба. На месте глаз сочились сукровицей темные провалы. Его попытка добыть еду закончилась трагически. Тело несчастного Джамала несколько раз дернулось в предсмертной конвульсии и затихло.

От одного его вида кровь заледенела в жилах мужчин и женщин. Они застыли как изваяния. Давно уже стих грохот сапог стражников, а они все не могли пошелохнуться.

— Звери! — с трудом выдохнул Гедлач и склонился над телом Джамала.

— Твари! — воскликнул Астамур, и больше у него не нашлось слов.

— Резать! Всех резать! — взорвался Шмаф.

Женщины молча собрали тряпки, принесли тазики с водой и принялись обмывать тело Джамала.

В тот день на краю лагеря махаджиров, у ручья, вырос еще один могильный холмик. Не успели друзья Джамала оправиться от этой беды, как к ним пришла другая. На следующий день Гедлач, исходив весь город в поисках работы, так ни с чем и возвратился. Переступив порог, он сразу же почувствовал неладное. В углу, прижавшись друг к другу, рыдали Амра и Асида. За перегородкой плакали дети. Астамур не находил себе места и метался из угла в угол. В его могучих руках алабаша — сошки для ружья — трещала, как тростниковая палка. У окна мрачнее тучи стоял Шмаф, на его скулах играли желваки, а в глазах плескались ярость и гнев. У Гедлача екнуло сердце. Он бросил взгляд за перегородку и с облегчением вздохнул. Слава Всевышнему — Аляс и Апра были живы.

— Астамур, Амра, что случилось? — не мог он понять причины горя, написанного на их лицах.

Жена силилась что-то сказать, но ей мешали слезы. Астамур кусал губы, за него ответил Шмаф:

— Пропала Айша.

— Как?! — не мог поверить Гедлач.

Еще утром он слышал ее звонкий голосок. Осторожная, благоразумная Айша здесь, на чужой земле, не позволяла себе сделать лишнего шага. И здесь его обожгла страшная догадка. За последние дни из лагеря было похищено пять девушек. Самой младшей едва исполнилось тринадцать. Страшась произнести вслух то, о чем подумал, Гедлач с робкой надеждой произнес:

— А может, она в городе затерялась?

— Какой город?!. Это проклятые шакалы ее украли! — воскликнул Шмаф.

— Надо идти и искать, — не оставляя надежды Гедлач.

— Искали. Никто ничего не видел и ничего не слышал, — потерянно ответил Астамур.

— Жди, так эти сволочи и скажут! У... — выругался Шмаф.

— И все-таки не будем терять надежды. Может она еще найдется, — пытался, как мог, утешить несчастных родителей Гедлач и предложил:

— Астамур, Асида, я тут немного заработал. Возьмите детям.

Они безучастно отнеслись к его предложению. Он развязал суму, и из нее на стол выпали несколько лепешек и мешочек с кукурузой. Но никто не притронулся к ним. Общее горе заставило забыть о голоде. В ту ночь никто так и не уснул. Тяжелые вздохи мужчин и рыдания женщин слышались до утра. Новый день не принес облегчения. Айша так и не появилась. Ее поиски в городе и расспросы земляков ничего не дали. Время шло. Надежды на то, что Айша вернется в семью, становилось все меньше. Не хотелось в это верить, но Шмаф, пожалуй, был прав: девушка, видимо, находилась в гареме какого-нибудь бея или паши, а туда дорога им была заказана.

Сам Шмаф в тот день и последующий не выходил в город, а спускался к морю и часами неподвижно сидел на берегу. Тоска камнем лежала на сердце, а оно звало обратно в Абхазию. В его глазах потух огонь жизни, и все старания Гедлача, Астамура, Амры и Шезины снова зажечь его ни к чему не привели. Он равнодушно взирал на пищу; с наступлением сумерек забирался к себе за ширму, а с рассветом снова шел на берег моря.

Его, как и тысячи других махаджиров, изводила одна и та же неизлечимая болезнь — тоска по родине. Первыми она забирала мужчин. Одни, как сейчас Шмаф, медленно угасали и тихо уходили из жизни. Другие, подобно Джамалу Бутбе, сами себе выносили приговор и ради куска хлеба для близких грабили и резали ненавистных торговцев или сбивались в шайки абреков, чтобы рано или поздно погибнуть под пулями аскеров. Третьи, презрев голод, болезни и мучительную смерть в турецких зинданах — ямах-тюрьмах, вырытых в земле, пытались возвратиться на родину.

В то последнее для себя утро в Самсуне Шмаф Квадзба принял решение. На этот раз он встал раньше всех. Тихие шорохи за

его перегородкой подняли на ноги Гедлача. Шорохи и скрежет металла насторожили Гедлача, он разбудил Астамура. Страхась непоправимого, Гедлач отдернул полог и на его лобу выступила испарина. Черкеска, которую Шмаф хранил на черный день, топорщилась на спине уродливым горбом, а под ней судорожно сотрясалось тело.

— Шмаф! Зачем?! — отчаянный крик поднял всех на ноги.

Прошла секунда-другая и из полумрака проглянуло восковое лицо-маска. По впалым щекам Шмафа катились скучные слезы.

— Шмаф! Шмаф! — Гедлач бросился к нему. Его рука скользнула по спине, коснулась шеи и на сердце отлегло.

— Что с тобой, Шмаф? — допытывался Гедлач.

— Я ухожу, — обронил он.

— Куда? Зачем?

— Домой.

— Домой?

— Да. Я... я... здесь больше не могу.

— Всем тяжело. Надо терпеть, — пытался как-то отговорить его Гедлач.

— Нет. Я ухожу. Мое сердце в наших горах, а не в этой турецкой помойке. Я ухожу, — упрямо твердил Шмаф.

— Мое тоже в Абхазии, но...

— Я все решил. Подыхать, как собака, или гнить в паршивой турецкой тюрьме? Нет, такое не по мне.

— Тебя поймут и убьют аскеры, — предостерег Астамур.

— Пусть попробуют! — воскликнул Шмаф и яростно сверкнул глазами.

— И все-таки подумай, — Гедлач не оставлял надежды отговорить его от задуманного.

— Я думал. Здесь моя душа умирает, — Шмаф был непреклонен.

— Ну, тогда поступай, как тебе сердце велит, — уступил Астамур и, порывшись в своих узлах, достал каким-то чудом сохранившийся кинжал и протянул его Шмафу. — Возьми, брат. Пусть он будет тебе верным спутником в дороге.

Горстная гримаса исказила лицо Шмафа. Он, преклонив колено, принял кинжал и окрепшим голосом поклялся:

— Клянусь вам, что позор никогда не покроет его! Клянусь, что он никогда не заберет безвинной души! Я верю, Астамур, что твои внуки примут это кинжал из рук моих внуков! Я верю, что они вернуться к нашим очагам, и в них снова запылает огонь! Мы, абхазы, вернемся домой! Мы...

«Домой... Домой...» — как священную молитву повторяли за ним Гедлач, Астамур, Амра, Шезина и дети. И потом еще долго, пока за пеленой дождя не исчезла спина Шмафа, они провожали его печальными взглядами, и в них теплилась робкая надежда. Надежда, которой суждено было сбыться лишь только спустя сто с лишним лет.

Махаджиры. Возвращение домой

Густой и липкий, словно кисель, туман фантастическими клубами поднимался над свинцово-сизыми водами Темзы, и подобно морскому прибою накатывал на погружавшийся в холодный мрак Лондон. Вечерние сумерки быстро сгущались. Свет фонарей и блеск неоновых огней рекламы оказались бессильны перед натиском природы. Мрачный Тауэр, Вестминстерское аббатство и Трафальгарская площадь утратили привычные очертания и теперь напоминали собой сюрреалистические пейзажи с полотен знаменитого испанского художника Сальвадора Дали.

Бронзовый адмирал Нельсон напрасно напрягал единственный глаз, пытаясь разглядеть с гранитной колоннады — своего последнего капитанского мостика — извечного соперника по бессмертной славе сэра Уинстона Черчилля. На этот раз «железный» премьер предпочел не заслонять горизонт грозному «морскому волку» и на время ушел в тень с подмостков истории. Нахохлившись, он кутался в воротник длиннополого пальто и пытался укрыться от порывов пронизывающего ветра, который, подобно пьяному дворнику, разметал по сторонам мусор и пригоршнями беззастенчиво швырял в лица редких прохожих.

Туман бисеринками оседал на, казалось, сросшейся с плечами и похожей на огромный бильярдный шар голове сэра Чер-

чиля, его покатых плечах, курносом носе, и холодными струйками скатывался на постамент. Площадь перед памятником и мостовые покрылись скользкой пленкой и напоминали собой зимний каток. Лондонцы призрачными тенями скользили у стен и, спасаясь от непогоды, торопились поскорее нырнуть в темный зев подземки.

С приближением ночи город все больше походил на громадную подводную лодку, медленно погружающуюся в душающий пласт смога, этой ядовитой смеси выхлопных газов и тумана. Едкий смог смел с улиц не только лощеных денди и светских львиц из Сити, но и тусовку байкеров на площади «дьяволов». На мраморных ступенях перед «Асторией», «Бристолем» и даже «Плазой» было непривычно тихо и пустынно. Застывшие на входе каменные львы с холодным презрением наблюдали за торопливо шмыгающими в зеркально-стеклянную пасть ресторана прожигателями жизни, для которых любая непогода ничем, если в кармане раздастся манящий звон монет.

Замерла жизнь и в учебных корпусах Лондонского университета. В опустевшем спортзале, сердито посвистывая, по-хозяйски разгуливали сквозняки, и лишь в студенческом общежитии кое-где подслеповато светились окна. Несмотря на поздний час, абитуриенты подготовительного отделения филологического факультета Ибрагим, Гум и Эндер не спали. Закутавшись в шерстяные свитера, они согревались обжигающим кофе и уныло листали монографию по английскому языку профессора Джона Пристли. Дремучие дебри из инфинитивов, причастных и деепричастных оборотов нагоняли смертную тоску и клонили в сон. Но предстоящий зачет у зануды Некролога, «похоронившего» не одного ушлого студента, заставлял друзей предпринимать очередное титаническое усилие, чтобы осилить еще одну страницу из пудового труда профессора.

Эндер в последней и безуспешной попытке не смог осилить замысловатую конструкцию деепричастного оборота и в сердцах захлопнул монографию на семнадцатой странице. Окончательно вывел его из себя ликующий голос теледиктора ночных новостей. Величественной походкой герцога Йоркширского тот поднялся на трибуну палаты лордов и с пафосом

не меньшим, чем когда-то его великий предок, объявивший о победе под Ватерлоо над ненавистным для британцев Наполеоном, поведал замершим у экранов слушателям о принятии «судьбоносного» закона — запрете верховой охоты на лис по всей территории графства. В ответ ярые поборники защиты животных ответили восторженным ревом.

В приступе ненависти к диктору и всем англичанам с их причастиями и деспричастиями, лисами и охотниками Эндер схватился за пульт, но в последний момент палец застыл на кнопке. Яркие краски на экране потускнели, затем исчезли ликующий диктор, палата лордов и вся остальная, ухоженная, как газон в Кембриджском университете, Англия. На нем суматошно задержались совершенно другие кадры.

Узкая полоска земли, зажатая между морем и горами, как клокочущая лава в вулкане, вздыбилась и черными зловещими тюльпанами выплеснулась в безоблачное бирюзовое небо. Яркое южное солнце поблекло и съежилось. Грохот артиллерийской канонады и разрывов авиационных бомб слились в одну чудовищную какофонию звуков. Черно-багровые языки из огня и пламени стелились по улицам и жадно облизывали распластанные на мостовой тела людей и животных. По склонам гор, на приморской набережной тут и там вспыхивали гигантскими шарами горящие кроны столетних гималайских и ливанских кедров, средиземноморских сосен и тропических пальм.

Сквозь рев артиллерии и злобный лай пулеметов с трудом прорывались охрипшие голоса оператора и корреспондента. В их скороговорке чаще всего слышалось непривычное и труднопроизносимое для англичанина слово — «Абхазия». Оно заставило Ибрагима и его друзей напрочь забыть о монографии профессора Пристли, зануде Некрологе и предстоящем зачете. Прильнув к экрану телевизора, они ловили каждую фразу диктора и каждый жест.

Сухум, Гагра, Лыхны, Моква — эти названия абхазских городов и поселков, чаще всего звучавшие в репортаже, ничего не говорили лондонцу, а в сердцах ребят отзывались щемящей болью. Для них и тысяч потомков махаджиров они все еще оставались далекой и несбыточной мечтой. Мечтой о

возвращении на родину прадедов, после бегства с которой в Стамбуле и Анкаре, горах Сакарая и Болу родилось и умерло не одно поколение абхазов, убыхов и садзов. Полтора столетия назад им, ставшим заложниками в борьбе за Кавказ двух великих империй — Российской и Османской, пришлось либо смириться, чтобы выжить, либо искать спасения на далеких турецких берегах.

С тех пор существовали как бы две половинки Абхазии. Абхазии, которую остальной мир вскоре забыл, но наперекор всему и всем она не исчезла и не растворилась в пыли веков. Несмотря на кровавые сталинские репрессии тридцатых годов и удушающую, словно удавка, ползучую грузинскую этническую аннексию сороковых и семидесятых годов двадцатого века, Абхазия сохранилась и выжила. Подобно эдельвейсу, который, невзирая на жуткие февральские холода, с приходом весны упрямо пробивается к теплу и свету, так и народ Абхазии все эти годы упорно стремился к свободе и независимости.

Рухнувшая в августе девяносто первого советская империя, казалось бы, открыла абхазам путь к свободе. Но нашлись новые охотники на этот райский уголок земли, и в очередной раз в своей истории им пришлось платить за нее самую высокую цену. 14 августа 1992 года правители из Тбилиси обрушили на беззащитную республику бомбовые удары. К полудню в горящий Сухум вползла бронированная колонна и, опьяненные кровью безвинных жертв, банды уголовников и националисты из отрядов «Мхедриони» торжествовали победу. Но их радость была недолгой: горстка храбрецов заблокировала Красный мост через реку Басла и сорвала блицкриг.

В тот день партизанская война, подобно пожару, охватила всю Абхазию. Ежедневно она уносила десятки человеческих жизней, но остальной сытый и благополучный мир предпочитал не замечать этого. Шло время и, несмотря на информационную блокаду, под напором неслыханной жестокости — одних и нестигаемым мужеством — других правда о войне прорвалась в эфир. Все чаще в информационных сводках звучало слово «Абхазия» и фамилия ее лидера — Ардзинба. И сейчас он крупным планом появился на экране телевизора.

Ребята впились в него глазами, пытаясь прочесть по лицу, что же на самом деле происходит на далекой родине. Лицо лидера абхазов дышало неукротимой энергией, а в яростном взгляде читалась несокрушимая воля. Ноздри тонкого носа раздувались от гнева, брови сурово сошлись на переносице, а непокорная прядь волос никак не хотела ложиться под армейскую кепку.

Ибрагим, Гум и Эндер, как замороженные, смотрели на Владислава Ардзинба и ловили каждое его слово. Голос того, с кем они здесь, в Лондоне, и там, в Турции, — их друзья и родные связывали надежду на будущее Абхазии, тонул в реве мотора танка и скороговорке переводчика. Но они сердцем и душой понимали то, о чем говорил Ардзинба, и каждый стремился к нему и тем, кто сейчас бился за свободу родины.

Очередной раскат далекого взрыва расплылся по экрану телевизора черными ошметками. Камера резко ушла в сторону, и в кадре возник подорванный танк. Длинные пулеметные очереди заглушили голос корреспондента, и диктор из лондонской студии вынужден был скороговоркой сообщить об очередной вооруженной вылазке «абхазских сепаратистов».

Затем экран окрасился радужными красками, и на нем снова появились идиллические пейзажи Средней Англии.

Эндер в сердцах хлопнул рукой по пульту, и в комнате воцарилась тишина, а потом все заговорили наперебой. После увиденного и услышанного завтрашний зачет у Некролога, предстоящая встреча по баскетболу с командой исторического факультета и намечавшаяся крутая тусовка на вечеринке в ночном клубе «Трюм», неподалеку от станции метро «Ремскейт», стали чем-то мелким и несущественным. Теперь их объединяла и жгла только одна мысль: «Чем помочь Абхазии и Владиславу Ардзинба? Чем?..»

За окном давно сгустилась тьма. В ту ночь им так и не удалось уснуть. Ибрагим, чтобы отвлечься от тревожных мыслей об Абхазии, снова взялся штудировать монографию профессора Пристли. Тем же пытался занять себя и Эндер. У Гума нервы оказались крепче; он забрался в кровать, с головой накрылся одеялом, но, поворочавшись с боку на бок, через полчаса под-

нялся, босиком прошлепал в коридор и загремел дверцами шкафа.

— Что с тобой, Гум? — насторожился Ибрагим.

— Не могу! Еду, — обронил он.

— Куда?

— Домой! А потом в Абхазию.

— Куда-а?

— В Абхазию.

— Как?

— Как-нибудь доберусь.

— И я с тобой! — после секундного замешательства решительно заявил Ибрагим и обернулся к Эндеру.

На его немой вопрос тот кивнул головой и слегка охрипшим голосом произнес:

— Я, конечно, с вами, ребята!

Не сговариваясь, они принялись перетряхивать шкафы и паковать спортивные сумки. Гум, фанатик-яхтсмен, с грустью выложил на стол пригласительный билет на открытие весенней регаты, ставший теперь ненужным. Ибрагим избегал прикасаться к новенькой спортивной форме, ему уже не суждено было сыграть в ней в баскетбольной команде подготовительного отделения. У Эндера на глаза навернулись слезы, когда в руках оказалась фотография Ясмин. Далекая война в Абхазии безжалостно вторглась в их привычный мир и разрушила его.

Не дожидаясь рассвета, они, забросив сумки за спины, спустились в холл, проскользнули мимо дремавшей консьержки и выскочили на улицу. Дальше события развивались с калейдоскопической быстротой. По пути к метро подвернулось такси, а спустя час в аэропорту Хитроу решительный Гум, работая локтями, прокладывал в толпе дорогу к билетным кассам. К этому времени подошла к концу регистрация пассажиров на прямой рейс до Стамбула. В самый последний момент им удалось взять билеты и затем с боем прорваться на посадку. Перевели они дыхание, когда уже оказались в ядовито-зеленой туше «боинга».

Комфортабельный лайнер авиакомпании «Бритиш эйрлайн» легко оторвался от бетонки, пробил густую пелену

тумана, сделал разворот над устьем Темзы и взял курс на юго-восток. Прошла минута-другая, и рев турбин сменился тихим шорохом вентиляции. В проходах появились стюардессы и предложили легкий ланч. Ибрагим вяло прожевал бутерброд, выпил кофе, устало откинулся на спинку кресла и не заметил, как уснул под убаюкивающий гул турбин.

Разбудил его Эндер. Сладко потянувшись, Ибрагим повернулся к иллюминатору и не мог сдержать восхищения:

— Ну и красотища!

— Не то слово! — согласился Эндер.

В бирюзовом небе ярко светило южное весеннее солнце. Внизу серебрилась гладь Черного и Мраморного морей, усыпанная разноцветным бисером десятков судов, выстроившихся в бесконечную очередь перед Босфорским проливом. Здесь, на юге Европы, о прошедшей зиме напоминали лишь осевшие на вершинах хребта Кероглу снежные шапки и мрачная темень лесов предгорий.

Через мгновение горы, море и город смешались в причудливом калейдоскопе. «Боинг» резко накренился, турбины пронзительно взвыли, и под крылом возникли, заполняя весь горизонт, каменные джунгли Стамбула. Ибрагим прикинул к иллюминатору и с жадным любопытством рассматривал, узнавал и не узнавал родной город.

Он поражал своим размахом и красотой самое буйное воображение. В нем самым невероятным образом переплелись эпохи и цивилизации. Подобно тетиве гигантского лука, арка подвесного моста султана Мехмеда Фатиха накрепко связала два берега Босфорского пролива. За ней, на левом обрывистом берегу, застыли в вечном карауле сторожевые башни неприступной крепости Румелихисар. Стамбул, построенный на древних руинах бывшего римского города, широко и привольно раскинулся волшебными садами новой Семириады и архитектурными шедеврами Мехмед-аги, Синана и Бальяна, знаменитого дворца Топкапы — сердца некогда могущественной Османской империи и главной сокровищницы великих султанов. Самыми ценными брильянтами в этой величественной короне Стамбула были неповторимая мечеть Ахмедие, нацелившаяся в небо

шестью гигантскими стрелами-минаретами, и знаменитая христианская святыня — церковь Айя-София (Святая Мудрость).

Вскоре эта живая сказка исчезла из вида. Лайнер накренился на левое крыло, двигатели взревели, и он начал снижаться. Навстречу стремительно приближалась земля. Кварталы Стамбула слились в пеструю стену из стекла и бетона. Справа промелькнула гигантская арка над дорогой к аэропорту, и спустя минуту внизу серой лентой вспучилась посадочная полоса. Корпус «боинга» сотрясла судорожная дрожь, в ушах заломило. Прошла минута-другая, и тупой удар шасси о бетонку вызвал общий вздох облегчения. По салону прокатилась дружная волна аплодисментов. Повизгивая двигателями, самолет вырулил на стоянку и замер перед пассажирским терминалом.

После промозглой лондонской погоды стамбульский аэропорт встретил пассажиров рейса «Бритиш эйрлайн» настоящим вавилонским столпотворением и весенним теплом. В воздухе уже ощущалось дыхание приближающегося знойного лета и, подобно стаям перелетных птиц, десятки тысяч туристов из Европы и России потянулись к югу, на курорты Анталы, Алании, Искендерона и Мерсина.

Разноязыкий гул голосов оглушил будущих добровольцев. Они с трудом продрались сквозь толпу встречающих, выбрались на площадь и взяли такси. По пути к дому решили не пугать родителей своими планами, а неожиданный приезд объяснить досрочной сдачей зачетов. И когда окончательно были обговорены последние детали придуманной на ходу легенды, договорились встретиться в пять часов у офиса «Абхазского комитета». Там у Ибрагима работал дальний родственник Владимир Авидзба, через которого они надеялись более подробно узнать о положении в Абхазии, а потом попытаться попасть в группу добровольцев-махаджиров.

За разговором они не заметили, как оказались в центре Стамбула. Первым вышел Эндер, живший неподалеку от площади Таксим, следующим был Гум, последним добрался до дома Ибрагим.

Ибрагим стремительно поднялся по ступенькам крыльца и с волнением взялся за ручку двери, в душе опасаясь, что под

проницательным взглядом отца их так, казалось бы, тщательно продуманный план отъезда на войну в первую же минуту разговора рассыплется, словно картонный домик. Но отца дома не оказалось, по делам фирмы он уехал в Измит, а мама с сестрой, ничего не заподозрив, были несказанно рады его неожиданному приезду и принялись обхаживать со всех сторон.

После бессонной ночи и сытного обеда усталость дала о себе знать. С трудом осилив еще один хрустящий хачапури, которые старательно подкладывала на тарелку мать, он, выпив еще одну чашку чая, поднялся к себе в комнату. Здесь, как и четыре месяца назад, все лежало на своих местах. В углу в сетке, напоминая огромные апельсины, поблескивали три баскетбольных мяча. На столике, около учебника по английскому, стояла фотография баскетбольной команды. Он с грустью просмотрел на нее; воспоминание о той прощальной игре отразилось на лице печальной улыбкой. Затем Ибрагим прошел к кровати, прилег, не раздеваясь, и не заметил, как уснул.

Пронзительный вой автомобильной сирены поднял его на ноги. С трудом открыв глаза, Ибрагим глянул на часы — стрелки перевалили за пять. Он ужаснулся от мысли, что могли подумать о нем друзья. На ходу набросив на плечи куртку, скатился по лестнице и помчался в «Абхазский комитет». Там у входа, нервно переминаясь с ноги на ногу, ждали его Гум с Эндером. Взъерошенный вид Ибрагима говорил сам за себя, и они, забыв про упреки, собравшись с духом, перешагнули порог.

Несмотря на поздний час, в тесном коридоре и крохотных кабинетах комитета было не протолкнуться. Абхазы, адыги, убыхи из Турции, Сирии, Ливана и даже Ирака говорили только об одном — об Абхазии. Ребята бросали растерянные взгляды по сторонам, не зная, куда и к кому обратиться. Среди этого гама Ибрагиму послышался знакомый голос, и он обернулся.

Навстречу из толчи вынырнул Владимир Авидзба, с удивлением посмотрел на него, Гума, Эндера и воскликнул:

- Ибо, ты? Какими судьбами?
- Да вот... — не знал он, с чего начать.
- Я думал, ты в Лондоне.

— Это было вчера.

— Вчера? — Владимир недоуменно взглянул на Ибрагима. Ибрагим переглянулся с друзьями и внезапно охрипшим голосом произнес:

— Нам надо в Абхазию!

Добродушная улыбка слетела с лица Владимира. Он подхватил их под руки, отвел к окну, испытывающим взглядом заглянул в глаза и затем спросил:

— Вы хоть понимаете, что там идет не голливудская, а настоящая война?

Ибрагим, вслед за ним Гум с Эндером, дружно закивали головами.

— Там убивают! — голос Владимира дрогнул, и он горестно обронил: — За последнюю неделю потеряли шестерых наших ребят.

— Мы не боимся, и все уже решили. Скажите, как туда добраться? — торопил с ответом Гум.

— Значит, решили?

— Да, — в один голос подтвердили ребята.

Владимир снова пристально посмотрел на них, они не отвели глаз, и потеплевшим голосом сказал:

— Молодцы! Кто, если не мы, поможет нашим братьям в Абхазии?

— Конечно. Мы свой выбор сделали еще в Лондоне, — горячо поддержал его Эндер.

— Когда вы готовы ехать? — деловито заговорил Владимир.

— Чем быстрее, тем лучше, — решительно заявил Гум.

— Сегодня, в крайнем случае, завтра, а то дома догадаются. Я уже сказал матери, что поеду в Анталию, — присоединился к нему Ибрагим.

— Говорите, быстрее? — Владимир задумался, а потом спросил: — Ибо, помнишь Эндера Козбу?

— Эндера?.. Козбу? — напряг тот память.

— Прошлым летом я тебя с ним познакомил. Его дядька с твоей матерью работает в университете.

— А-а. Помню, но смутно.

— Ладно, ничего страшного. Черкни телефон!

Ибрагим достал ручку, блокнот и записал номер; по первым цифрам догадался — это не стамбульский телефон. На его немой вопрос Владимир пояснил:

— Эндер сейчас в Трабзоне. Отправляет в Абхазию группу добровольцев. Если поторопитесь, то можете еще успеть.

— Что, вот так просто позвоним, и он все сделает? — усомнился Гум.

— Да! Скажете, что от меня, остальное дело техники. Вы едете в Абхазию, а это слово, поверьте мне, надежнее любого пароля. В общем, ребята, не волнуйтесь, все будет нормально.

— Вы не сомневайтесь, мы не подведем, — заверили они.

Владимир отвечал им грустной улыбкой и на прощание предупредил:

— Только зря под пули не лезьте и возвращайтесь живыми!

— Все будет нормально. За нас не беспокойтесь, — дружно ответили друзья и направились к выходу.

В первом подвернувшемся по пути баре они остановились, и еще не меньше часа обсуждали детали предстоящей поездки. И когда отпали последние вопросы, а от выпитого кофе начало сохнуть во рту, договорились встретиться утром в аэропорту и разъехались по своим делам. Но Ибрагим не спешил возвращаться домой и еще долго бродил по улицам, боясь признаться себе в том, что, возможно, больше никогда не увидит их.

Поздним вечером со свинцовой тяжестью в ногах и пустотой в душе он вернулся домой. В столовой уже заждались мать с сестрой, отец так и не возвратился из Измита. Но и без него ужин превратился для Ибрагима в настоящее испытание нервов. Ему казалась, что придуманная им с Гумом и Эндером легенда о досрочной сдаче зачетов и поездке в Анталию, вот-вот лопнет, как мыльный пузырь, и тогда маме станет все ясно. Избегая ее испытующего взгляда, он выкручивался, как мог и при первой возможности ушел к себе в комнату. Закрыв дверь на задвижку, достал из шкафа спортивную сумку и принялся паковать вещи. Последней легла в нагрудный карман куртки бережно завернутая фотография Владислава Ардзинба. Теперь осталось самое трудное — написать то, что он не решился сказать на словах. Рука долго теребила ручку. Строчки ни-

как не хотелось ложиться на лист. Наконец, тяжелые, будто камни, слова свалились с пера: «Милые, — зачеркнул он и продолжил: — Мои самые дорогие, мама, папа и сестренка, простите, что так вышло. Сказать это у меня не хватило сил. Я с ребятами еду в Абхазию. Папа, ты сам говорил, что настанет день, когда мы вернемся домой. Он пришел. Сегодня, когда нашей Абхазии тяжело, если я буду отсиживаться, то никогда не прощу себе это. Я должен быть там. Все будет нормально. Скоро вернусь. Ваш Ибо».

Положив записку под настольную лампу, он выключил свет и лег спать. Долго ворочался с боку на бок и лишь перед рассветом забылся в тревожном сне. Разбудил его яростно трезвонивший на прикроватной тумбочке будильник. Мама к этому времени была уже на ногах и приготовила завтрак. Сполоснувшись под холодным душем, он быстро оделся, отказался от вареников с мацони и медом, на ходу проглотил бутерброд и, пряча от матери наворачнувшиеся на глаза слезы, крепко обнял и, боясь оглянуться, сбежал по ступенькам во двор.

От утренней прохлады перехватило дыхание, сердце снова бешено замолотило, а предательский голос принялся нашептывать: «Зачем тебе это?.. Там и без тебя хватает... А если убьют?.. А Гум? А Эндер?.. Как ты будешь смотреть им в глаза? Как?.. Эндер и Гум тебя ждут!»

Ибрагим отбросил все сомнения и энергично махнул рукой проезжавшему таксисту.

По дороге в аэропорт он ничего не замечал и не слышал. В голове билась и пульсировала одна и та же мысль: «Все решено! Все будет нормально!»

— Парень, очнись! Приехали, — напомнил о себе таксист.

Ибрагим встрепенулся и, расплатившись, на непослушных ногах вышел на площадь. Разлившаяся по площади людская река подхватила его и внесла в зал ожидания. У билетных касс мелькнуло осунувшееся за ночь лицо Гума. На душе отлегло. Тот ответил вымученной улыбкой, бедняге тоже не просто далось решение. Эндер опаздывал; молчал и его домашний телефон. Время шло, а он никак не напоминал о себе, и они, не сговариваясь, решительно подали деньги и паспорта в кассу.

Посадка на рейс до Трабзона подходила к концу, но Эндер так и не появился. Бросив тоскливый взгляд на вход в зал, Ибрагим и Гум, помявшись, последними ступили на ленту эскалатора. За спиной захлопнулись дверцы, и они с пронзительной остротой ощутили, что в этот миг потеряли нечто большее, чем юношескую дружбу. Эндер навсегда остался в прошлом, — в прошлом, к которому уже не было возврата. Все их мысли теперь занимала война. Ее леденящее дыхание они по-настоящему ощутили в «Абхазском комитете». Всего сутки, а может, того меньше, оставалось до встречи с ней, и им было трудно признаться себе в том, хватил ли у них мужества не дрогнуть и в последний момент не уйти в сторону, как это произошло с Эндером.

Портовый Трабзон, ставший в эти месяцы перевалочной базой для тысяч российских «челноков» и сотен абхазских добровольцев, встретил их палящей жарой и с первых минут закурил в водовороте событий.

Эндер Козба не заставил себя ждать. Полный энергии, жизнерадостный крепыш сразу же отозвался на звонок, тут же примчался в аэропорт и отвез их в портовую гостиницу. Она больше напоминала караван-сарай времен султана Ахмеда II. Здесь им предстояло провести ночь, так как катамаран на Сочи отплыл несколько часов назад, а следующий рейс ожидался не раньше, чем на следующий день. Они же не горели желанием провести все сутки в захудалой портовой гостинице, кишевшей «челноками», проститутками, полицейскими, и чтобы убить время, бросив вещи в номер, отправились в город.

После чопорного Лондона и яркого, многоликого Стамбула Трабзон производил удручающее впечатление. Со времен Оттоманской империи в нем мало что изменилось. Узкие улочки напоминали собой сплошной базар, забитый русскими челноками, как бочка сельдью. Уже через полчаса у Ибрагима с Гумом голова пошла кругом, и, не сговариваясь, они отправились на городской пляж. Там провалялись до вечера, потом перекусили в кафе, возвратились в гостиницу, поднялись в номер и легли спать.

Но о сне им пришлось только мечтать. Едва погас свет, как на них набросились злющие, как янычары, гостиничные клопы, а потом дали о себе знать безбашенные, в стельку пьяные русские «челноки». Потолок и стены номера ходили ходуном от топота ног, истошных воплей, и временами казалось, что гостиница вот-вот рухнет, как когда-то рухнули крепостные стены трабзонской цитадели от орудийных залпов русского флота адмирала Ушакова.

Этот кошмар закончился лишь с наступлением утра и появлением в номере Эндера. Он принес хорошую новость: через несколько часов на морском вокзале должна была начаться посадка на катамаран, отплывавший в Сочи. Не мешкая, Ибрагим с Гумом отправились к кассам, но к ним было не пробиться. Галдящая очередь из «челноков» держала их в плотной осаде. Неугомонного Эндера это не смутило. По каким-то только ему известным закоулкам складской зоны он пробрался к причалу, но и там они натолкнулись на плотно сбитую толпу. Первая и последняя их попытка продвинуться на несколько метров вперед натолкнулась на упорное сопротивление разъяренных женщин-«челноков». Эндер не стал понапрасну терять время и, оставив Ибрагима с Гумом на причале, снова пропал в лабиринте кабинетов портовых чиновников.

Время шло, а он все не возвращался. На катамаране дали сигнальный гудок. Ибрагим с Гумом сникли, жалея не столько о потерянных деньгах, сколько о срывающейся поездке, и с грустью посматривали на причал. С него готовились убрать трап, и они в душе уже смирились с тем, чтобы провести еще одну ночь в пропахшей дешевым табаком и русской водкой портовой гостинице. Но тут из-за горы грузовых контейнеров показался возбужденный Эндер. За ним едва поспевал усатый «пузан». Похоже, схватка с портовой мафией далась ему нелегко.

— Все, ребята, плывем! — потрясая билетами, широко улыбнулся Эндер.

— Сегодня? — не мог поверить Гум.

— Сейчас! Бегом! — тропил Эндер.

Перебросив сумки за спину, Ибрагим с Гумом поспешили присоединиться к нему и «пузану». Тот, мощным плечом

растолкав «челноков», протиснулся к трапу, наклонился к уху таможенника и что-то сказал. Тот бросил короткий взгляд на Ибрагима с Гумом, кивнул головой и отступил в сторону. Эндер торопливо подтолкнул их к трапу. Ибрагим, все еще не веря в удачу, не чуя под собой ног, поднялся на борт катамарана. Следом за ним, весело постукивая каблуками по ступенькам, спешил Гум.

Еще один шаг на пути к Абхазии ими был сделан. То, что он будет не легким, они почувствовали сразу. О месте в каюте не приходилось мечтать, даже на верхней палубе негде было упасть яблоку. «Челноки», молодые русские девчата, навьюченные, как ослицы, огромными и неподъемными тюками, торопились «застолбить» себе места. Ибрагим с Гумом с трудом протиснулись на правый борт, нашли крохотный пяточок и, сбросив с плеч сумки, уселись прямо на них. И не успели они осмотреться по сторонам, как прозвучал прощальный гудок катамарана. Недовольно ворчавший двигатель взревел в полный бас, и за кормой вспенились седые буруны. Катамаран с трудом отошел от пирса и, глубоко зарываясь тупым носом в волну, взял курс на Сочи.

Ибрагим поднялся, и сердце внезапно защемило. Справа грустно подмигнул рекламой плавающий ресторан, через несколько минут в вечернем полумраке растаяли башни портовых кранов. И лишь пульсирующие вспышки трабзонского маяка напоминали о турецком берегу, который, и об этом ему не хотелось думать, он, возможно, видел в последний раз. Война в Абхазии зачастую выписывала добровольцам-махаджирам билет только в одну сторону.

Вцепившись в поручни, Ибрагим с тоской смотрел на мерцающую тусклыми огнями бухту и ту мирную жизнь, что уже не принадлежала ему и Гуму. Их мысли были там, за мерно вздымающейся безбрежной гладью Черного моря, рядом с Владиславом Ардзинбой и теми первыми добровольцами из Турции, Сирии, Иордании и Ливана, которые уже прошли этим путем.

Пронизывающий до костей северный ветер и гудящие от усталости ноги заставили Ибрагима с Гумом вспомнить о ночлеге. Они потерянно осматривались по сторонам. Их посиневшие

от холода лица разжалобили трех девчат. Ольга, немного говорившая по-турецки, предложила кофе. Обжигаясь, Ибрагим пил большими глотками и ловил на себе любопытные, волнующие молодую кровь взгляды девчат, и впервые за последние дни испытывал настоящее блаженство. Вскоре холодная апрельская ночь снова сурово напомнила о себе. В модных, купленных еще в Лондоне куртках он с Гумом вскоре почувствовал себя, как в холодильнике. Согрели их турецкие дубленки, которых не пожалели Ольга и ее подруги. А затем уже вместе, прижавшись друг к другу, они уснули крепким сном.

Завывание сирены катамарана подняло на ноги команду и пассажиров.

Наступило утро. Солнце показалось над горизонтом. Сквозь легкую дымку проступил гористый берег, по которому раскинулись бело-розовые высоты Сочи. Палуба содрогнулась от мощного гула двигателя, винты вспенили воду за кормой. Катамаран лег на створ береговых знаков фарватера и вошел в узкое, зажатое бетонными волнорезами горло бухты. «Челноки» оживились и потянулись в сторону левого борта.

С капитанского мостика прозвучала команда, и матросы изготовилась к швартовке. Катамаран последний раз сердито заурчал двигателем. В воздух взвились бросательные концы, на берегу их лихо подхватили вахтенные, вытащили на берег и завели швартовы на бимсы. Вода под винтами перестала бурлить. Судно замерло у причала.

Палуба взъерошилась сумками, баулами типа «мечта оккупанта», и радостно галдящий людской ручей начал стекать с трапа на пирс. Подошла очередь Гума с Ибрагимом, и здесь им пришлось пережить несколько тревожных минут. Но пограничник, а потом таможенник, лишь бегло просмотрели их паспорта, сумки и освободили проход. Не чувствуя от радости под собой ног, они скатились с трапа и тут же попали в капкан нахрапистых таксистов. После двух слов — «Абхазия и Гудаута» их как ветром сдуло, и Гуму пришлось пустить в ход все свое обаяние, чтобы уломать водителя-армянина. Тот долго мялся, но, в конце концов, согласился за двести долларов довести до границы. Через сорок минут они были на переходе «Псоу».

Плотная цепь пограничников с трудом сдерживала рвущуюся из-за реки толпу беженцев. В воздухе стоял невообразимый гвалт, в нем слились мольбы и проклятия. Первым собрался с духом и решился действовать Гум. Нацелившись на сержанта и выставив вперед, как автомат, кинокамеру, он двинулся на него. Тот шагнул навстречу и перегородил проход на мост. Гум шел напролом, вытащил из кармана куртки студенческую книжку и, размахивая ею перед носом сержанта, нахально заявил:

— We are journalists!

— We are journalists! — вторил ему Ибрагим и тряс своей клубной картой.

— Журналисты? — переспросил сержант.

В его глаза появился алчный огонек, и когда в руке Ибрагима появились доллары, он переспросил:

— Значит, журналисты?

— Yes! Yes! — дружно закивали они.

Сто долларов рассеяли последние сомнения сержанта. Он сгреб их в кулак и отступил в сторону. Ибрагим с Гумом, все еще не веря в удачу и опасаясь услышать команду «Стой!», неуверенно ступили на мост. Первые метры дались с трудом.

«Один, два, три, четыре, пять...» — мысленно считал эти самые важные в своей жизни шаги Ибрагим. «Все! Я дома! Я в Абхазии!» — эти слова замерли у него на губах.

Вязкая, гнетущая тишина, царившая на левом берегу реки, оглушила и расплющила его. В глаза бросилась проутюженная гусеницами танка стоянка для автобусов и такси, исковерканная миной деревянная повозка. Растерянность и ужас были написаны и на лице Гума. Ноги стали ватными. Друзья прошли еще сотню метров и опустились на поваленный ствол платана. Прошла минута, за ней другая, а у них не хватало сил сдвинуться с места.

И здесь земля, которая для сотен тысяч махаджиров все еще оставалась несбыточной мечтой, заговорила с ними веселым журчанием горного ручья, задорным пересвистом перепелов, задумчивым шепотом листьев гигантских платанов, выстроившихся, будто в почетном карауле, по обочинам дороги. Ее

могучий и неподвластный времени зов проснулся в их крови и заставил трепетать каждую клеточку тела.

Ибрагим гладил ствол платана, касался рукою земли и не мог поверить, что заветная мечта отца, деда и прадеда после стольких лет, наконец, сбылась. Он не решался сделать шаг, страшаясь, что произошедшее с ним чудо может исчезнуть и раствориться в этом хрустально-чистом воздухе. Те же чувства отражались и на лице Гума. А через мгновение они вскочили и, обнявшись, закружили в каком-то невысказанном танце, а потом рухнули на колени.

Колючки, камни царапали руки и ранили губы, но Ибрагим не чувствовал боли и иступленно целовал каменистую, разбитую колесами артиллерийских тягачей землю и рыдал навзрыд. Земля родной Абхазии, память о которой передалась ему с кровью далеких предков, приходившая к нему во снах в суровых горах Сакарая, в фешенебельных кварталах Стамбула и в тесной комнатухе лондонского общежития, спустя сто с лишним лет встречала его.

И когда этот сумасшедший взрыв чувств и эмоций утих, они поднялись с земли, отряхнули пыль, перебросили за спину сумки и поспешили вперед, туда, где их ждала полная неизвестность и такая непредсказуемая военная судьба. Дорога нырнула вниз, и Ибрагим невольно замедлил шаг. Ледящий холодок вновь когтистой лапой сжал сердце. Большая беда, обрушившаяся на землю Абхазии, кричала во весь голос.

Ноги спотыкались об исклеванную минами и осколками авиабомб серую ленту асфальта. По обочинам дороги тут и там валялись обгоревшие остовы машин и истерзанные туши животных. Посеченные осколками белые стволы платанов и эвкалиптов вздулись сочащимися коричневыми язвами и наминали собой тела зараженных чумой. Развалины домов смотрели закопченными глазницами-окнами на безлюдные улицы и пустынные пляжи. Порой казалось, что смертельное дыхание войны убило все живое, и лишь порывы ветра, налетавшего с гор, отзывались тоскливым воем в печных трубах и закручивали на дороге печальный хоровод из обрывков одежды, целлофановых кулчков и бумаги.

Звенящая, отравленная смрадом тишина оглушала и плющила к земле. Внутри Ибрагима все заледенело. Он уже не шел, а бежал, пытаясь спастись от кошмара войны, пока не споткнулся и рухнул на землю. Руки погрузились в зловонную лужу, в лицо ударил тошнотворный запах гниющего тела. Он в ужасе отпрянул от трупа лошади. Из распоротого осколком брюха внутренности вывалились на землю и, облепленные мухами, шевелились будто змеи. Удушающая рвота сотрясала и выворачивала его наизнанку, рядом корчился Гум. Потом непослушными руками они долго смывали в придорожном ручье остатки рвоты. Родниковая вода отрезвила и вернула им силы. Выбравшись на дорогу, они, сцепив зубы, продолжали упорно идти вперед.

Безлюдная лента шоссе то закручивалась в тугую спираль, то раздваивалась змеиным языком и скатывалась к морю, а потом опять круто уходила в гору. Вечерние сумерки застигли друзей на окраине безлюдного поселка. Усталость все сильнее давала о себе знать, и они задумались о ночлеге. Гум первым заметил среди развалин маняще мигнувший огонек. Через груды битого кирпича они пробрались во двор чудом уцелевшего дома и постучали в дверь. Прошла минута-другая, когда, наконец, за ней раздался шорох шагов и настороженный голос спросил:

— Кто?

— Journalist! — первым нашелся, что ответить, Ибрагим и потом повторил это на ломаном русском.

В ответ громыхнул засов, и дверь приоткрылась. Свет керосинной лампы ослепил глаза, а когда они освоились, то Ибрагим увидели перед собой бородача с охотничьим ружьем в руках. Он прощупал его с Гумом оценивающим взглядом и только тогда впустил в дом. Кроме него в комнатах находились женщина, четверо ребятшек и светловолосый, с огромными усищами здоровяк, как оказалось — доброволец с Кубани, из города Белореченска, по имени Саша.

Рафик, так звали хозяина, провел их на кухню, и пока жена хлопотала у плиты, они с грехом пополам, где жестами, а где на дикой смеси абхазского и английского, пытались объясниться. Разговор продолжился за ужином и шел в основном о войне.

Вскоре от навалившейся свинцовой усталости и пережитого у Ибрагима с Гумом начали заплетаться языки и слипаться глаза. Рафик не стал больше донимать вопросами и провел в дальнюю комнату. В ней была всего одна кровать, но они не стали делиться и вместе с Сашей, подложив под головы сумки, улеглись на полу и через мгновение уже спали мертвецким сном.

Разбудили их звон посуды и негромкие голоса. Солнце только-только поднялось над горизонтом, а семья Рафика уже была на ногах. Из кухни потягивало запахом мамалыги и свежееиспеченного хлеба. Сполоснувшись холодной водой, Гум, Ибрагим и Саша не стали отнекиваться от приглашения хозяйки и сели за стол. Острая турша — соленье из стручковой фасоли — обожгла язык и прогнала остатки сна. Спеша погасить полыхавший во рту пожар, Ибрагим с Гумом большими кусками глотали рассыпчатую мамалыгу. Черноглазая Наринэ только успевала подкладывать добавку в тарелки, а Саше подливать в рюмку забористую чачу.

После завтрака, собрав сумки, они спустились во двор. Там около странного автомобильного динозавра, напоминавшего что-то среднее между консервной банкой от шотландского печеночного паштета и броневиком времен британского короля Георга Четвертого, сутился Рафик. Десятипудовый Саша, чертыхаясь и проклиная «горбатого», наотрез оказывался сесть в этот «гроб» и затеял с ним перепалку. Из нее Ибрагим и Гум с трудом поняли только одно, что имя у хозяина хорошее, а «гроб» — дрянь, но не могли взять в толк, причем тут бывший советский президент «Горби», от которого вся Британия сходила с ума, и какой-то Рафик с его «горбатым». Тот, обиженный на кубанского казака, пытался растолковать им разницу, чем только развеселил Сашу. Посмеиваясь над честным армянином, скопившим всего на «Запорожец», и не добрым словом помяная Горбачева, он с трудом втиснулся в «горбатого».

Под тяжестью ста с лишним килограммов тот просел до земли, затем сдавленно чихнул и, выпустив облако сизого дыма, выкатился со двора. Дорога шла под гору, и «Запорожец», набрав скорость, на удивление резво катил вперед. На первом

крутом подъеме Ибрагим с Гумом уже подумали о том, что дальше им предстоит идти пешком, но это советское автомобильное чудо снова удивило их.

Пыхтя и испуская клубы сизого дыма, «горбатый» упорно брал один подъем за другим, и когда горный серпантин закончился, то перед ними открылась захватывающая дух панорама гагринской бухты. На склонах гор привольно раскинулась некогда знаменитая советская курортная столица. Жемчужной нитью пенилась кромка прибоя. На нее из буйных субтропических зарослей, подобно океанским лайнерам, белоснежными айсбергами наплывали корпуса санаториев и пансионатов.

Рафик отпустил тормоза и «горбатый», весело погромыхивая железными внутренностями, покатился к Гагре. Вблизи ее окраины производили удручающее впечатление и напомнили об ожесточенности недавних боев. Ибрагим с Гум вертели по сторонам головами, и к горлу опять подкатил горький ком. Красно-серым оскалом развалин на них снова вызверилась война. Ближе к центру города эти ее уродливые отметины были не так заметны. О былом величии курортной столицы напоминал некогда знаменитый приморский бульвар. Его красоту не смогла разрушить даже война. Сразу за ним началась зона санаториев. Впереди показалась монументальная колоннада времен сталинского ренессанса, и Рафик сбросил скорость. Проехав еще сотню метров, свернул на стоянку и остановился. Бедный «горбатый» жалобно застонал, когда из него, чертыхаясь и кряхтя, выбрался Саша. Вслед за ним вышли Гум с Ибрагимом и потянулись к кошелькам. Но Рафик не хотел даже слышать о деньгах и, прощаясь, попросил:

— Ребята, поскорее прогоните этих гадов.

— Прогоним! — заверил его Саша.

— Только под пули не лезьте. Вам еще жить и жить, — пожелал им вдогонку Рафик и направился к машине.

Проводив его благодарными взглядами, Ибрагим и Гум присоединились к Саше, решительно шагнувшему под арку бывшего санатория «Семнадцатого партсъезда». После освобождения города от грузинских войск он превратился в пункт сбора и перевалочную базу для сотен добровольцев,

стекавшихся в Абхазию со всей России, стран СНГ и дальнего зарубежья. Теперь в его элитных номерах вместо ухоженных и холеных партийцев из ЦК КПСС жили пропахшие дымом костров и пороха решительные и немногословные бородачи.

Часовой на входе наметанным глазом определил в новичках своих и после короткого разговора с Сашей вызвал дежурного. Тот, несмотря на отговорки, проводил их в столовую и после завтрака развел по номерам. Ибрагим с Гумом поселились в правом крыле второго этажа, где жили добровольцы-махаджиры.

Распаковав сумки, они, подгоняемые любопытством, вышли в коридор и постучали в соседнюю дверь. Им никто не ответил. В соседнем номере тоже никого не оказалось, и только в холле они столкнулись с шумной компанией добродушных бородачей. Те не понимали по-турецки и на вопросы Ибрагима и Гума лишь разводили руками и ободряюще похлопывали по плечам. Неугомонный Гум на этом не успокоился и спустился вниз, рассчитывая найти того, кто бы мог помочь. Ибрагим, побродив по пустынным коридорам, возвратился в номер и сел за письмо домой, но так и не нашел нужных слов. Перед глазами стояли разрушенные дома, искромсанные гусеницами танков машины, детские коляски и расстрелянные памятники. Уверенный стук в дверь заставил его встрепенуться. И когда она распахнулась, то он невольно приподнялся.

Перед ним стоял в ладно пригнанной камуфляжной форме рослый капитан. Под ней угадывалось крепкое и хорошо тренированное тело. В горделивой посадке головы и выверенных движениях чувствовались достоинство и скрытая внутренняя сила. Большая часть лица пряталась за отливающей бронзой бородой, а из-под шапки густых и кудрявых русых волос на Ибрагима пытливо смотрели поразительной синевы глаза.

«Даже шведы здесь!» — с удивлением подумал он и еще больше изумился, когда «швед» заговорил на чистейшем турецком со стамбульским диалектом.

— Кавказ Атыршба, — представился капитан, и его суровое лицо согрела теплая и по-детски открытая улыбка.

— Ибо... Ибрагим Авидзба.

— Ты откуда?

— Из Стамбула.

— Значит, земляки, — оживился Кавказ и засыпал Ибрагима вопросами. Несколько минут между ними шел сумбурный разговор, в конце его капитан стал все чаще поглядывать на часы, а затем, бросив оценивающий взгляд на крепкую спортивную фигуру молодого добровольца, пытливым взглядом заглянул в глаза, о чем-то подумал и вслух произнес:

— Говоришь, спортсмен? Мечтаешь увидеть Владислава Григорьевича? — и ошеломил неожиданным вопросом: — А в охрану к нему пойдешь?

— Я... — только и нашелся, что ответить Ибрагим.

— Понятно! Тогда собирайся. Я еду в Гудауту, — Кавказ не стал дожидаться ответа, поднялся с кресла и двинулся к выходу.

Ибрагим, потрясенный новостью, не помнил, как спустился во двор, сел в армейский уазик, и потом по дороге к Гудауте невпопад отвечал на вопросы Кавказа. Все это время он только и думал о том, что скажет при встрече с Владиславом Ардзинбой.

В те дни штаб председателя Государственного комитета обороны Абхазии напоминал собой растревоженный муравейник, и им пришлось буквально продираться через огромную толпу ополченцев. «Камуфляжки», пропахшие запахом костра и пороха, красноречиво проговорили о том, что они приехали с фронта. В своих модных джинсах и кроссовках, стильной куртке, купленной в фирменном лондонском магазине, Ибрагим чувствовал себя среди них «белой вороной» и старался не отстать от Кавказа.

Внушительная фигура нового друга, как ледакол, легко прокладывала путь наверх. На втором этаже стало заметно просторней. В конце коридора их остановил часовой, но, узнав Кавказа, отступил в сторону. Кавказ прошел к двери, обитой потрескавшейся кожей, и оглянулся назад. По его лицу Ибрагим догадался, что сейчас встретится с ним, с Владиславом Ардзинбой! Внутри него все затрепетало, а слова, которые еще несколько минут назад он повторял про себя, напроочь вылетели из головы. Кавказ догадался о его чувствах, ободряюще кивнул головой, закинул за спину автомат и постучал в дверь.

— Войдите! — прозвучало в ответ.

Ибрагим вошел в кабинет вслед за Кавказом и застыл у порога. Он не замечал ни спартанской обстановки, ни автомата, валявшегося на кресле, ни карты, занимавшей весь стол, и склонившегося над ней высокого, худощавого полковника. Его глаза пожирали того, чей портрет лежал в кармане куртки, около сердца, а оно так молотило, что, казалось, вот-вот выскочит из груди. Тот, о встрече с кем три дня назад он не смел даже мечтать, стоял живой, из плоти и крови, всего в нескольких метрах.

Председатель Государственного комитета обороны Абхазии Владислав Ардзинба оторвал взгляд от карты, поздоровался и спросил:

— Как дела, Кавказ?

— Все нормально, Владислав Григорьевич! Прибыл еще один доброволец, земляк из Стамбула Ибрагим Авидзба! — представил тот своего нового друга.

Председатель распрямился, его лицо просветлело и, не скрывая радости, произнес:

— Доброволец? Из Турции? Молодец! — энергично пожал руку Ибрагиму и затем поинтересовался:

— Аттила Авидзба тебе не родственник?

— Брат.

— Брат! Да-а, тесен мир. Я с ним познакомился на конференции в Лондоне. Отличный парень и настоящий абхаз.

— Атти тоже много рассказывал о вас, — постепенно приходил в себя Ибрагим.

— Значит, приехал помогать Абхазии? — вернулся к началу разговора председатель, скользнул цепким взглядом по ладной спортивной фигуре нового добровольца и спросил:

— Спортсмен?

— Да, — ответил Ибрагим и поспешил пояснить: — В основном баскетбол и немного волейбол.

— Волейбол... — задумчиво произнес председатель, на его посеревшем от усталости лице промелькнула грустная улыбка, и он продолжил: — Хорошая игра, когда-то сам играл, но сейчас, как видишь, у нас здесь другие игры — смертельные игры, но

те, кто их затеял, рано или поздно доиграются. Уж что-что, а воевать абхазы умеют!

— Гагра — только начало, — поддержал его седоусый полковник.

— Не сомневаюсь, Султан Асламбеевич, — согласился с ним председатель и, задержав взгляд на Ибрагиме, неожиданно спросил: — Говоришь, в баскетбол играл. А где?

Тот растеряно захлопал глазами, не зная, что сказать. Первым нашелся Кавказ и с жаром заговорил:

— Владислав Григорьевич, Ибо — отличный парень! Я из него настоящего воина сделаю!

— Так все-таки, где играл? В защите или в нападении? — допытывался председатель.

— В нападении, — ничего не мог понять обескураженный Ибрагим.

— В нападении — это хорошо, скоро пригодится! Но сейчас нам нужны защитники. Как, справишься? — и на лице Владислава Ардзинбы снова появилась лукавая улыбка.

— Да! — выпалил Ибрагим.

— А оружие в руках держал?

— Э... да, приходилось.

— Так... Понятно, — протянул Владислав Ардзинба, и его лицо погрузнело.

— Владислав Григорьевич, научим! — пришел на выручку другу Кавказ и предложил: — Пока пусть со мной побудет и заодно обкатается.

Тот ничего не ответил и еще раз внимательно посмотрел на друзей. Ибрагим под этим пронзительным взглядом почувствовал себя так, будто его положили под линзу большого микроскопа, и нервно повел плечами. Затянувшейся паузе, казалось, не будет конца, но завершилась она совершенно неожиданным образом.

— Повезло тебе, махаджир, был бы спринтер, то ни за что бы не взял, — сказал председатель, и в его глазах опять заскакали лукавые чертики.

Друзья не знали, что сказать и растерянно смотрели друг на друга. Первым нашелся Кавказ и с недоумением спросил:

— Это почему же, Владислав Григорьевич?

— Как почему? А если придется отступить? Мне же за ним, молодым, не угнаться, — уже откровенно потешался он.

Ибрагим вспыхнул, как спичка, и с жаром заговорил:

— Я?.. Побегу?.. Я скорее умру за Абхазию! Я...

— Верю, верю. Но умирать не надо. Абхазии ты нужен живым! — остановил его председатель, сделал шаг навстречу и крепко обнял.

У Ибрагима все поплыло перед глазами. Он уже не помнил, как с Кавказом вышел из кабинета, как спускался по лестнице и оказался во дворе. Всем своим существом будущий телохранитель продолжал оставаться там, в тесном, заваленном картами кабинете председателя, крепкое рукопожатие которого согревало ладонь. На его лице продолжала гулять блаженная улыбка, а каждая клеточка молодого и сильного тела пела от радости. В Лондоне и Стамбуле о таком счастье он не смел даже мечтать. Все происходящее казалось каким-то фантастическим сном. Ему предстоит стать «тенью» самого председателя!

Ибрагим все еще не мог поверить в это, тербил Кавказа за рукав и повторял как заведенный:

— Я буду рядом с ним? Это правда?

— Правда, правда, — заверил его Кавказ и, мягко подтолкнув к машине, поторопил: — Садись! Сейчас проедем в одно интересное место.

— Какое?

— Скоро узнаешь, — загадочно улыбнулся Кавказ, втиснулся на переднее сидение уаза и спросил: — Эрик, помнишь то место, где на прошлой неделе брали диверсантов?

— Да, — кивнул тот.

— Тогда чего ждешь? Заводи!

Трудяга армейский уазик сердито фыркнул изношенным двигателем и, выпустив клуб сизого дыма, выехал со двора. Ибрагим откинулся на спинку заднего сидения и ушел в себя. Он все еще жил впечатлениями от встречи с председателем и, закрыв глаза, вспоминал каждый жест, каждое произнесенное им слово.

Позади остались окраины Гудауты, и уазик, вырвавшись на приморское шоссе, на удивление резво покотился вперед. Перед Новым Афоном они свернули на проселочную дорогу и по разрушенному бомбежками и оползнями серпантину добрались до горной долины. После крутого спуска, сразу за мостом над горной рекой, Кавказ распорядился:

— Тормози, Эрик. Приехали.

Взвизгнув тормозами, уазик остановился. Кавказ первым вышел на поляну и по едва заметной тропке стал спускаться к реке. Ибрагим с любопытством оглядывался по сторонам и едва поспевал за ним. Попадавшиеся на глаза источенные дождями и ветрами развалины домов говорили о том, что когда-то на этом месте находилось горное село. Вскоре эта догадка подтвердилась.

Кавказ вышел к кладбищу, обогнул свежую воронку и остановился у потемневшей могильной плиты. Ибрагим впросительном повороте взгляда посмотрел на него. Но Кавказ ничего не сказал, смахнул с плиты опавшие листья и отступил в сторону.

Под лучами солнца проступили едва заметные буквы, и в следующую секунду Ибрагим остолбенел. Все еще не веря собственным глазам, он осторожно опустил руку на плиту. Под подрагивающими пальцами буквы ожили и заговорили: «Апсар Атыршба. Коса и Арсол Авидзба».

Старые предания, передававшиеся из поколения в поколение в роду Авидзба, сегодня самым непостижимым образом пришли к нему наяву.

Ибрагим, словно живую, нежно гладил плиту и тихо шептал:

— Я вернулся. Я вернулся... Я дома.

А через мгновение из его груди вырвался пронзительный вскрик.

— Ты слышишь, даду? Я вернулся! Я вернулся!!

Суровые горы ожили и ответили раскатистым эхом. Оно еще долго гуляло по склонам Химса, на которых полтора столетия назад стояли насмерть Арсол и Коса Авидзба и Апсар Атыршба, защищая свой дом, свою Абхазию.

Посланник из прошлого

Такого изнурительно жаркого августа в Абхазии давно уже не было. В полдень от палящего солнца на улицах Сухума начинал плавиться асфальт, металлические крыши домов раскалялись, как сковородки, а от обжигающе-горячего воздуха перехватывало дыхание. Горожане, спасаясь от зноя и духоты, предпочитали проводить время на берегах Гумисты или на знаменитых песчаных пляжах Агудзеры. В те дни город напоминал собой одну огромную печь кирпичного завода.

Здесь же, на государственной даче президента Республики Абхазии, жара мало ощущалась. Спасал знаменитый дендропарк — детище Николая Смецкого, еще в конце девятнадцатого века задавшегося целью превратить черноморское побережье Кавказа во всероссийскую здравницу. За сто с лишним лет дендропарк стал еще одним чудом света, надежно защищал дачу от жгучих солнечных лучей, а легкий бриз, потягивавший со стороны моря, приносил с собой бодрящую свежесть и прохладу.

Пошла вторая неделя, как президент Владислав Ардзинба перебрался сюда из городской квартиры. В последнее время его все чаще донимали острые головные боли, временами переходившие в изматывающую не только тело, но и душу слабость. Перемена места сказалась к лучшему; он почувствовал себя гораздо бодрее и с прежней энергией принялся за дела, а их накопилось немало.

Одно из них, и весьма важное, предстояло решить в ближайший час. Посол США в Грузии находился на пути к госдаче. А с чем он мог пожаловать, президент лишь догадывался. После провала в Тбилиси «миссии Примакова», пытавшегося вдохнуть новое дыхание в абхазо-грузинские переговоры, зашедшие в тупик, американцы тут же активизировались. В том, что коварный «белый лис», Шеварднадзе, непременно воспользуется визитом посла и постарается разыграть очередную комбинацию на американском и российском политическом поле, сомнений у Владислава Ардзинба не возникало.

При одном только воспоминании о роковой поездке в августе 1997 года в Тбилиси его передернуло. За все годы

своей бурной политической карьеры в более унижительном положении Ардзинба еще не бывал. Шеварднадзе переиграл его с Примаковым по всем статьям. Выманив их в Тбилиси на «переговоры», коварный лицедей старался предстать перед телекамерами в роли «великого и милосердного», а его выставить упрямым и кровожадным вождем «сепаратистов».

Владислав Ардзинба болезненно поморщился, и в памяти всплыли мельчайшие детали той встречи. То было время, когда казалось, что вот-вот в переговорах с Тбилиси произойдет прорыв и ему, наконец, удастся вырвать Абхазию из тисков жесточайшей блокады. Во многом эту надежду питал приход на должность министра иностранных дел России хорошо ему знакомого по совместной работе в Верховном Совете СССР Евгения Примакова. Он, в отличие от предшественника Андрея Козырева, откровенно смотревшего в рот американцам и бывшему своему шефу Шеварднадзе, занимал позицию, более отвечающую национальным интересам России на Кавказе.

Примаков сам вышел на него по телефону ВЧ-связи. Беседа с самого начала приобрела неформальный и почти дружеский характер. Министр с теплотой, и не один раз, вспомнил о совместной работе в Верховном Совете СССР, что еще больше расположило Владислава Ардзинбу к откровенному разговору. И он прямо, без всяких дипломатических заходов изложил свой подход к урегулированию абхазо-грузинского конфликта. И, кажется, нашел понимание со стороны Примакова. Прошло всего несколько часов, как закончился разговор, и тут как тут напомнил о себе из Тбилиси Шеварднадзе.

Шеварднадзе, непревзойденный лицедей, разговор начал издаലെка, позволил себе пару шуток, но Владислава Ардзинбу не покидало смутное чувство тревоги. «Белый лис», за спиной которого все явственнее прорезались «уши американцев», не один раз пытавшийся заманить его в политическую ловушку, накануне предстоящей встречи проявил удивительную сговорчивость. Это настораживало. Однако теплившаяся в глубине души надежда, что такой политический «тяжеловес», как Примаков, не позволит водить себя за нос, перевесила все сомнения, и после мучительны размышлений он все-таки вылетел в Москву.

Четырнадцатого августа на борту министра иностранных дел России они отправились в Тбилиси. Столица Грузии встретила их безоблачным небом, шикарнейшей ковровой дорожкой и возбужденной толпой корреспондентов, осаждавших со всех сторон трап самолета. Первым на него сошел Примаков и сразу же попал под «обстрел» журналистов.

«Я привез вам Ардзинбу!» — эта первая фраза, сорвавшаяся с губ министра иностранных дел России, прозвучала для президента Абхазии ужаснее пощечины.

Его, руководителя страны, победившей в тяжелейшей войне, представили этой галдящей и нахально ухмыляющейся толпе как какого-то непокорного вассала, доставленного чуть ли не в клетке к трону восточного сатрапа. От возмущения в нем все вскипело, и Примакову стоило немалых усилий, чтобы уговорить его спуститься с трапа и отправиться на встречу с Шеварднадзе. Тот встретил их слащавой улыбкой, но ни улыбка, ни стол, ломившийся от выпивки и закуски, не могли ввести в заблуждение Владислава Ардзинбу. В горло не лез ни один кусок из тех, что старательно подсовывал ему хозяин стола, а душу мучило от одной только мысли, что он так легко попался на «крючок», ловко подведенный коварным «белым лисом». В Тбилиси он услышал старую песню, спетую на новый лад, о вековой дружбе грузинского и абхазского народов, которым суждено жить под одной крышей — грузинской.

Эти болезненные воспоминания отозвались острой, пульсирующей болью в затылке, а через мгновение в глазах зарябили черные точки. Мучительная слабость, которая после поездки в Тбилиси все чаще напоминала о себе, снова разлилась по телу. Владислав Ардзинба сделал над собой усилие, чтобы перебороть ее и ту неведомую болезнь, что изнутри подтачивала его. Уже не первый месяц врачи пытались докопаться до причины недуга, но пока все их усилия были тщетны. И здесь невольно в памяти всплыл тот произошедший накануне поездки в Тбилиси разговор со Станиславом Лакобой.

Давний соратник по национально-освободительной борьбе, с которым был съеден не один пуд соли, категорически возражал против поездки. Его аргументы вызывали разве что улыбку.

Богатое воображение историка могло подсказать не только банальную версию с отравлением, но и более изощренные способы и средства, наверняка имевшиеся в арсенале грузинских спецслужб. Тогда он отмахнулся от этих доводов, но Станислав упрямо твердил свое и напоминал об истории загадочной смерти первого председателя ЦИК Абхазии Нестора Лакобы. Она произошла также в Тбилиси в декабре тридцать шестого.

Теперь же, спустя многие годы, эта аналогия между ним и Нестором невольно заставляла задуматься. Так же, как он сегодня с Шеварднадзе, так и в далеком тридцать шестом Берия с Лакобой сошлись в смертельной схватке. В центре ее опять-таки находилась Абхазия; Нестор хотел, чтобы Абхазия вошла в состав РСФСР. К концу года «хозяин Грузии» неожиданно сменил гнев на милость и проявил удивительное дружелюбие к строптивому председателю ЦИК непокорной автономии. Двадцать пятого декабря лично позвонил и пригласил не только на последнее в уходящем году ритуальное заседание ЦК Грузии, но и снизошел до того, что зазвал к себе в гости.

Двадцать седьмого декабря, после окончания партийного актива, несмотря на отговорки, Нестор вынужден был уступить личной просьбе матери Берии и приехал к нему в дом. Стол ломился от закуски и лучших грузинских вин. Лаврентий изучал радушие и своей рукой подкладывал в тарелку гостя самые лакомые кусочки рыбы. Затем они отправились в театр, там шла премьера балета «Мзечабуки» («Солнце-юноша»), но вскоре Нестору стало не до того, что происходило на сцене. Перед глазами расплывались разноцветные круги, а к горлу подкатывали приступы изматывающей тошноты. Не дождавшись окончания акта, он отправился в гостиницу. Утром двадцать восьмого декабря в четыре двадцать председателя ЦИК Абхазской Автономной Советской Социалистической Республики Нестора Лакобы не стало...

Эти мрачные воспоминания не прибавили настроения Владиславу Ардзинбе. Он зябко повел плечами, усилием воли переборол слабость и вышел на балкон. В эти самые минуты кортеж посла США в Грузии подъехал к госдаче. Створки ворот распахнулись и бронированный джип, с трудом вписываясь

в крутые повороты дороги, проехал наверх и остановился на смотровой площадке. С нее открывалась захватывающая дух панорама сухумской бухты. Но послу было не до красот Абхазии, нетерпеливым взглядом он пробежался вокруг и, не заметив суетящегося Владислава Ардзинбу, нахмурился.

Навстречу неспешно спускался по лестнице худошавый молодой человек в очках — помощник президента. Поздоровавшись на отменном английском, он предложил пройти в особняк. Не удостоив его ответом, посол поднялся на крыльцо и там столкнулся с двумя телохранителями, больше походившими на абреков. Под их холодными и прощупывающими взглядами он почувствовал себя неуютно, торопливо проскользнул в дверь и оказался в просторном коридоре. Но гордец Ардзинба даже здесь не посчитал нужным встретить представителя самой могущественной державы мира. В душе посла поднялась волна раздражения. Погасив ее, он бросил ледяной взгляд на помощника, тот в вежливом поклоне склонил голову и распахнул дверь в кабинет.

С каменным выражением на лице посол перешагнул порог и оказался в просторной квадратной комнате. После яркого дневного света глаза долго привыкали к царившему в ней полумраку. Владислав Ардзинба занимал место за столом, его лицо скрывалось в тени, и только по характерному медальному профилю американец догадался, кто перед ним. Как ему показалось, лидер абхазов тяжело поднялся из кресла. На этот раз ЦРУ не ошиблось в оценке состоянии здоровья президента Абхазии. Судя по всему, он действительно был болен. Ардзинба, медленно ступая, сделал навстречу несколько шагов и остановился.

Молча обменявшись рукопожатиями, они какое-то время прощупывали друг друга испытывающими взглядами. Искушенные в политике, оба умели скрывать свои мысли и чувства, и потому эта «перестрелка» взглядами мало что дала. Владислав Ардзинба нахмурил брови — внешний вид посла вызвал в нем волну раздражения. Спортивные кроссовки, линялые джинсы, мятая рубаша и небрежно повязанный галстук говорили о том, что тот, видимо, перепутал техасское ранчо с государственной

резиденцией. Ничего не сказав, президент жестом пригласил сесть, а сам занял место за столом.

Посол, как у себя дома, плюхнулся в кресло напротив, закинул нога на ногу и первым нанес пробный, но болезненный для Владислава Ардзинба удар. Со скорбным выражением на лице он спросил:

— Как ваше здоровье, господин президент?

Окатив его холодным взглядом, тот сухо произнес:

— Я вас внимательно слушаю.

— Извините, одну минуту, — ответил американец и положил перед собой папку.

Не заглядывая в нее, он заговорил напористо и энергично. Это был дежурный набор фраз, с которыми в последнее время к руководителю Абхазии обращались западные политики и дипломаты. Прошло несколько минут, и в голосе посла зазвучали непривычно жесткие нотки. Нисколько не смущаясь, он говорил об ущербности его — Владислава Ардзинбы — односторонней ориентации на Москву. Посол недвусмысленно намекал на то, что при нынешнем российском руководстве рассчитывать на смягчении экономической блокады на границе не стоит, а тем более ожидать существенных сдвигов на переговорах с Тбилиси, и призывал к конструктивному сотрудничеству с Соединенными Штатами, обещая пролить на разоренную Абхазию обильный долларовый дождь.

Президент молчал и угрюмо смотрел куда-то за спину посла, и эта кажущаяся пассивность вселяла в того все большую уверенность. Увлеченный собственной речью, посол уже не сомневался в неотразимости своих аргументов и принялся в такт словам постукивать указательным пальцем по крышке стола. И здесь самоуверенность и нахрап сыграли с ним злую шутку. Мимо его внимания прошли изменения, произошедшие с Владиславом Ардзинбой. Губы президента слились в жесткую складку, а уголки бровей взметнулись вверх. Наливаясь гневом, он резко оборвал гремевшую, подобно камнепаду, речь:

— Достаточно, господин посол! Мне все понятно.

Тот осекся.

Сдерживая душившее его негодование, Владислав Ардзинба с вызовом произнес:

— Вы, что, хотите выкрутить нам руки? — и, не дождавсь ответа, решительно заявил: — Не выйдет! Мы вам не банановая республика, а Абхазия! Она была две тысячи лет назад и еще столько же будет!

В глазах посла появился лед, но через мгновение от него не осталось и следа. Он, опытный дипломат, умел скрывать свои чувства и, расплывшись в фальшивой улыбке, снисходительно заметил:

— Ну, зачем же так, господин президент! Вы историк и не хуже меня знаете, что эмоции в политике плохой советчик.

— Советчик, говорите? Хорошо. Что вы в таком случае посоветуете?

— Давайте будем реалистами, — и американец снова перешел в атаку: — За прошедшее после войны время политическая, я уже не говорю о катастрофическом внутреннем положении, ситуация в Абхазии значительно ухудшилась. Ваши надежды на Россию не оправдались, и, поверьте мне, вряд ли на этом направлении вас ждет успех.

— Вы так думаете? — с иронией спросил президент.

Но это не смутило посла, и он продолжал упорно гнуть свое:

— Не только думаю, но и уверен! Вы стучитесь в ту дверь, которая закрыта! Это не мы, а Россия своей блокадой заставляет абхазский народ терпеть неслыханные лишения. В такой ситуации ваша позиция вызывает у значительной его части не только недоумение, но, если говорить прямо, и крайне отрицательное отношение, — здесь американец сделал многозначительную паузу, стрельнул испытывающим взглядом на помрачневшего Владислава Ардзинбу и, не услышав ответа, продолжил: — Господин президент, настало время, когда стоит более внимательно посмотреть в другую сторону и там искать ключ к решению проблемы. Я не сомневаюсь, что у нас вы найдете понимание. Путь Абхазии в цивилизованный мир лежит через западное сообщество.

— То есть, вы хотите сказать, через Грузию? — в голосе Владислава Ардзинбы зазвучал металл, а в уголках глаз морщинки собрались в тугий узел.

— В общем, да! — уклончиво ответил посол и поспешил добавить: — Конечно, при самой широкой автономии для Абхазии и нашей неограниченной экономической помощи. На первом этапе она может составить около двадцати миллионов долларов, но эта цифра, как вы понимаете, далеко не окончательная, если ваш курс будет иметь другой вектор и...

— Курс?.. В цивилизованный мир? — вспыхнул президент и обрушился на американца: — А где был тот цивилизованный мир, когда эти новые фашисты из Тбилиси расстреливали безоружных стариков и детей?.. Где он был, когда бомбили наши города и села?.. Почему вы, западное сообщество, молчали, когда эти варвары жгли наши архивы, только чтобы стереть с лица земли даже само упоминание об абхазах? Так где же вы все были? Я вас спрашиваю, господин посол, где?

Кровь прихлынула к лицу посла. Он, как рыба, выброшенная на берег, хватал раскрытым ртом воздух и ничего не мог сказать, а когда пришел в себя, то в нем снова заговорил дипломат.

— Я понимаю вас, господин президент, это была большая трагедия, но пришло новое время, и потому надо смотреть дальше, вперед. Там...

— Вперед?.. Куда, снова в Грузию? Вы хоть понимаете, о чем говорите? Это равносильно тому, если бы русскому и американскому народу, свернувшему шею фашизму, опять предложили Гитлера с его концлагерями и гестапо. Вы что, все это хотите вернуть моему народу?

— Господин президент! Господин президент! Я совсем другое имел в виду, — растерянно бормотал посол и нервно слезил в кресле.

— Другое? — лицо Владислава Ардзинбы вновь запылало гневом и, не выбирая выражений, он обрушился на посла: — Тоже мне благодетель нашелся! Если вы такой знаток Абхазии, то чего же в броневике по Сухуму раскатываете? Выйдите на улицу и повторите все это людям, а я посмотрю, что с вами станет.

Американец захлопал глазами, его лицо побагровело, как перезревший помидор, а когда к нему вернулся дар речи, сорвался на визг:

— Жалкие пигмеи! Решили нас запугать? Меня?.. Америку?! Мы только пошевелим одним пальцем, и вы завтра приползете в Тбилиси на коленях! Мы вас...

— Что-о?! — этот не то рык, не то рев расвирепевшего президента расплющил американца по креслу, заставил вздрогнуть помощника и напрячься телохранителей.

В следующее мгновение произошло то, что вряд ли когда случалось в современной дипломатической практике. Папка с американскими предложениями взлетела над столом и с оглушительным треском захлопнулась перед носом опешившего посла. Его физиономию перекосило, щеки запылали, как от пощечины, он пытался что-то сказать, но следующий удар Владислава Ардзинбы был посильнее апперкота знаменитого Мохаммеда Али.

— Пошел ты на... со своими предложениями!!!

Посол хоть и слабо знал русский, но понял все без переводчика и расплылся по креслу, как студень. Еще бы, такого дипломатического фиаско в его долгой карьере еще не случалось. Последнее «предложение» президента Ардзинбы навсегда ставило крест не только на дипломатической карьере, но и на его имени. Отмыться от подобного позора можно было разве что собственным харакири на глазах всего Госдепа США.

Несколько секунд в кабинете царила гнетущая тишина, которую нарушали лишь прерывистые дыхания президента и посла. Они испепеляли друг друга пылающими взглядами. Сколько продолжалась эта молчаливая «перестрелка», не могли сказать ни помощник, ни телохранители, застывшие каменными изваяниями у стен. Первым остыл президент. Посол тоже быстро спустил пар — перспектива политического харакири его явно не устраивала, но как выпутаться из того положения, в которое он сам себя загнал, уже не знал. Все зависело от Владислава Ардзинбы.

Тот нервно повел плечами и с сарказмом спросил:

— Господин посол, надеюсь, что после такого дипломатического разговора воевать не станем?

— Худой мир лучше любой доброй ссоры, — поддержал тот миролюбивый тон.

— Извините, я был слишком резок, — здесь президент сделал паузу, а затем продолжил: — Прошу понять меня правильно, дело вовсе не в упрямом Ардзинбе, а в моем народе, который не только в прошлой войне, но и за свою долгую историю перенес столько страданий, что заслуживает к себе большего уважения. У нас нет вашей военной мощи, и потому мы защищаемся так, как можем. Мы с уважением относимся к американскому, русскому и, несмотря на все, к грузинскому народу, но и к себе требуем того же. Мы никому не позволим разговаривать с собой свысока и диктовать, как нам жить дальше. Не загоняйте нас туда, откуда нет выхода. Дайте время, и оно все расставит по своим местам. Мы хотим мира, но мира, который бы нам не диктовали из Тбилиси, Вашингтона и даже Москвы. Надеюсь, вы меня понимаете?

— Да, господин президент, — впервые за время беседы в голосе американца зазвучали человеческие нотки, а в глазах появилось сочувствие. На это раз он говорил искренне и от души: — Владислав Григорьевич, я понимаю вас и ваше стремление помочь своему народу, но, к сожалению, — и здесь он развел руками, — вы, а тем более я, не можем не считаться с суровыми реалиями политики, которая диктует свои правила игры. Я всего лишь чиновник и должен строго следовать им. Но вы — президент, и у вас есть право выбора. Прощаясь, хотел бы пожелать: смотрите, не ошибитесь.

— Не ошибемся, — Владислав Ардзинба был категоричен и, пожав протянутую послом руку, потом еще долго смотрел ему вслед.

Все это время Ибрагим с Джоном боялись пошелохнуться, такого президента им давно не доводилось видеть. Подобное на их памяти было под Ахбюком, когда он поднял в атаку ополченцев, дрогнувших перед бешеным натиском грузинских гвардейцев. Спустя годы, когда о том времени напоминали только поросшие травой развалины, президент с прежним неистовством продолжал воевать за нее — за Абхазию. Тяжело вздохнув, он с грустью заметил:

— Да, ребята, на войне бывало полегче, — и, возвратившись к столу, взял пакет с документами и распорядился: — Ибо, это

для Сергея Багапша и Сократа Джинджолии, пусть детально проработают вопрос на правительстве, в парламенте и пришлют свои соображения. Да, и еще: не забудь зайти в приемную к Раисе Николаевне и забрать почту.

— Все сделаю, Владислав Григорьевич! — заверил Ибрагим и, не мешкая, выехал в город.

Через десять минут он был в правительстве и, хотя уже наступило время обеда, застал на местах премьера Сергея Багапша и председателя парламента Сократа Джинджолию. Передав им пакеты, направился в администрацию президента, по пути встретил Кавказа и вместе с ним поднялся в приемную. В ней было непривычно тихо, кроме самой Раисы Погорелой, в углу, на красшке диванчика, скромно занимал место миниатюрный — язык не поворачивался назвать стариком — абхаз.

На вид ему было не больше шестидесяти пяти. Под летней рубашкой, сверкающими снежной белизной брюками, стрелки которых, казалось, резали воздух, угадывалось еще крепкое и жилистое тело. Лишь легкая рябь морщинок, покрывавшая открытый высокий лоб, и седые усы выдавали возраст. Светлоголубые глаза напоминали позднее сентябрьское небо. В них отражалось то же величавое спокойствие, которым, несмотря на неистовые июньские грозы, изнуряющую июльскую жару и свирепые августовские штормы, дышала и манила к себе бесконечная небесная высь над горами.

Старик цепким взглядом прошелся по Ибрагиму с Кавказом, и они склонили головы в уважительном поклоне. Он ответил легким кивком и тут же, словно улитка, замкнулся в себе. Ибрагим прошел к столу, принял у Раисы Николаевны почту для президента. Уложив ее в папку, она поинтересовалась:

— Как Владислав Григорьевич?

— Нормально. Скучать никому не дает, — дипломатично ответил Ибрагим

— Здесь когда будет?

— Даже не знаю. А что, есть что-то срочное?

— Как сказать, — замылась Раиса Николаевна, и, бросив взгляд на старика, пояснила: — У меня, Ибо, к тебе одна небольшая просьба.

— Пожалуйста, — охотно согласился он.

— У Давлета Чантовича Кандалии личное письмо к президенту. Если не затруднит, то передай.

Старик встрепенулся, на удивление легко поднялся с дивана и слегка надтреснутым голосом произнес:

— Оно у меня там, — и поспешил в коридор.

Ибрагим с Кавказом вслед за ним вышли в холл. Давлет Чантович снял с полки холщовую сумку, пошарил в ней, нашел почтовый конверт, достал отпечатанное на пишущей машинке письмо, и предложил:

— Можешь почитать, там нет ничего такого.

— Ну что вы? Зачем? Это же вы написали президенту, — отказался Ибрагим.

— Да, президенту. Одна надежда на него, что поможет мне и моей старухе. Остальные палец о палец не ударили, только одними обещаниями кормят.

— Не волнуйтесь, я все сделаю, — заверил Ибрагим, положил письмо в папку и предложил: — Может вас домой отвезти?

— Домой, говоришь, сынок? — переспросил Давлет Чантович и с горечью произнес: — Нет его у меня.

— Как это нет? — удивился Кавказ.

— А вот так! За свои восемьдесят восемь не заслужил.

— Тогда, может, к родственникам? — спросил Ибрагим.

— В Мерхеули, и те давно на кладбище лежат.

— Это где родился Берия? — некстати вспомнил Кавказ про зловещего наркома НКВД и тут же пожалел.

Тихий и благообразный старичок на глазах превратился в клокочущий вулкан. Лицо Давлета Чантовича пошло бурными пятнами, губы судорожно задергалось и с них в адрес Берии понеслись проклятия:

— Гад! Чтоб ему гореть в аду синим пламенем! Сволочь! Пол-Абхазии в крови утопил! Кровосос ненасытный!

Этот взрыв эмоций обессилил старика. И Ибрагим, и Кавказ не на шутку переполошились, но он на удивление быстро пришел в себя и зашуршал бумагами в сумке. На стол один за другим ложились пожелтевшие и потерявшие цвет документы: справка об освобождении из казанской спецтюрьмы, про-

шение о реабилитации, копии писем к маршалу Ворошилову, генеральному прокурору Руденко. И когда уже не осталось свободного места на столе, Давлет Чантович сгреб их в кучку и с ожесточением произнес:

— Вот тут вся моя жизнь! Как в тридцать седьмом заклеями — «враг народа», так до сих пор не могу отмыться! Эти сволочи берии и гоглидзе всю мою жизнь изговняли!

— Неужели сам Берия? — поразился Ибрагим.

— Если бы он один! Такие твари в те годы плодились, как вши. Потом, когда мне «вышку» заменили «четвертаком» и закатали в лагерь под Магадан, я только тем и жил, что ждал, когда их, гадов, в распыл пустят. И дождался.

Кавказ с Ибрагимом деликатно молчали, боясь причинить лишнюю боль старику, а тот, оказавшись во власти того жестокого времени, уже не мог остановиться:

— На второй месяц после ареста Берии меня освободили, и я сразу домой. Домой... — болезненная гримаса исказила лицо Давлета Чантовича. — От него за семнадцать лет и четыре дня, что меня гноили в лагерях и на пересылках, одно название осталось, — и он снова не удержался от крепкого слова: — Сволочь! Хотел уничтожить даже дух абхазов! Вы только представьте, в сорок третьем, когда немцы брали перевалы на Красной Поляне, а в Псху наши бойцы выбивали их хваленый «Эдельвейс», по приказу Берии менгрельцев переселяли в Абхазию. В Гудауте и Очамчирах, в самом сердце Абхазии, как грибы после дождя выросли «береевки» — эти деревянные «курятники». Для самих абхазов, тех, кого не загребли в тюрьгу, как меня, или не попал на фронт, на запасных путях в Поты и Зугдиди стояли под парами сотни составов.

И тут его маленький, сухой кулак обрушился на стол.

— Антихристы! Хотели сгноить абхазов в Сибири, но Господь снова не бросил наш народ и остановил руку Сталина. Хозяин не подписал план Берии о депортации абхазов, наверно, что-то шевельнулось в его каменном сердце. Может, вспомнил, как под Сухумом в девятьсот шестом после налета на пароход «Цесаревич Георгий» он прятался от жандармов и полиции в абхазском селе. Тогда боевики взяли золотом двадцать ты-

сяч рублей... Да что сейчас вспоминать да гадать, прошлое не вернуть и не исправить. В общем, в Мерхеули делать мне было нечего, и я подался в Сухум, а там прямоком попал в МГБ, потом оно стало КГБ.

В те времена таким, как я, без их разрешения даже в сортир нельзя было сходить. Короче, привели меня к полковнику Шелии, плохого про него ничего не могу сказать, понапрасну нашего брата не гнобил и липовых дел не шил. Но все равно поначалу попер на меня:

— Ты почему, Кандалия, из Мерхеули сбежал?

А я, дурной мой язык, в ответ:

— А чего там делать? Один осел остался и тот у армянина Ашота.

Как он тут зыркнул, а мне наплевать, надосело бояться, но орать больше не стал, вызвал подполковника Шенгелию и приказал:

— Возьми этого абрека на пару часов и как следует обработай!

От тех слов меня прошиб холодный пот, заныли отбитые почки и заломило в затылке. Грешным делом подумал: «Берию посадили, а в «живодерне» ничего не поменялось».

Вышел из кабинета, иду по коридору, руки по привычке за спину, ног под собою не чувю. Опомнился, когда живой и невредимый оказался не в подвале, а на улице. Привел меня Шенгелия в парикмахерскую, что на набережной, сейчас там одни развалины, усадил в кресло и приказал мастеру привести в порядок. Тот с перепугу даже усов не оставил, побрил до самой макушки. Я, конечно, упирался, а Шенгелия мне говорит:

— Давлет, какой же ты упрямый, лучше бороду потерять, чем голову.

И вот там, в парикмахерской, я понял. Все, конец их власти! Они — эти Шелия и Шенгелия — как были, так и остались кровососами, но задницами почувствовали, что после того, как Хозяин коньки отбросил, их время кончилось. Ну, а когда шлепнули Берию, то даже последний вертухай на дальней зоне в Магадане допер до этого. По инерции «живодерня» еще продолжала скрежетать и пугать, но в ней не стало главного —

смазки, нашей безвинной крови. Раньше за одни мои слова про армянского осла они бы живьем с меня шкуру содрали, а тут — промолчали.

Здесь Давлет Чантович горько улыбнулся и с иронией заметил:

— С тех пор и пошла гулять байка, что в «конторе» нашего брата больше в «расход» не пускают, все патроны при Берии перестреляли. Но стричь всех под одну гребенку тоже будет неправильно, среди них, правда редко, попадались люди. Взять того же Шенгелию: после того как меня обработали в парикмахерской, мы зашли в ресторан «Рица». Хорошо там посидели и по-людски поговорили, а когда расходились, он напоследок предупредил: «Ты, Давлет, лучше держи язык за зубами! Сейчас тебя за «осла» не шлепнешь, но жизнь попортить мы еще сможем. Хозяина уже нет, но система еще нас с тобой переживет, и потому твоя правда о Лакобе кой-кому как кость в горле». Но такими, — и Давлет Чантович снова вернулся к рассказу о том суровом времени, — они стали после пятьдесят третьего, а тогда, в тридцать шестом, Берия со своими дружками-энкавэдэшниками Рухадзе, Гоглидзе и братьями Кобуловыми в Тбилиси и Сухуме королями ходили. Еще бы, любого в бараний рог могли скрутить. Но Нестор спины перед ними не прогибал, и тогда они обложили его, как медведя в берлоге.

— Лакобу? Нестора Аполлоновича? — переспросил Кавказ.

— Его самого, — подтвердил Давлет Чантович.

— А вы его знали? — оживился Ибрагим.

— Не только знал, но и работал. Сначала дежурным водителем, а потом телохранителем.

— Вот это да! — поразились Ибрагим с Кавказом.

— Жаль, что мало поработал. Какой был человек! Он, как сейчас Владислав, за народ готов был жизнь положить! — печально произнес Давлет Чантович и продолжил: — Так вот, эти бериевские холуи, Рухадзе и Гоглидзе, рогами рыли землю, чтобы найти на него компромат. Начало тридцать шестого ничего хорошего Нестору не сулило. Война с ними отнимала все силы, тем более в Москве надеяться было уже не на кого.

Сталин после его отказа стать главным палачом — наркомом НКВД — перестал даже звонить. Ну, а Берия тут как тут, в конце лета стал давить планом «Абхазпереселенстрой» — хотели отправить в Абхазию двадцать тысяч менгрел. Нестор, конечно, встал на дыбы: «Только через мой труп!»

Берия тоже закусил удила, я уж думал, что задавят Нестора, но здесь ни с того ни с сего подобрел Сталин. Два или три раза, точно сейчас не скажу, столько прошло времени, вызывал Нестора Аполлоновича в Москву. Однажды даже пригласил на «Ближнюю дачу» и было это, — Давлет Чантович напряг память, — где-то в двадцатых числах декабря. Я хорошо запомнил ту поездку в Москву. В те дни слишком многое решалось для Абхазии, и Нестор пахал без сна и отдыха, часто говорил по телефону с Серго Орджоникидзе, и тот «пробил» встречу у Сталина.

В командировку Нестор Аполлонович отправился с легким сердцем, видимо, в глубине души рассчитывал, что в личной беседе с Хозяином сумеет убедить вынести на февральский Пленум ЦК предложение о выводе Абхазии из состава Грузии. В Москве мы остановились в гостинице «Метрополь». Нестор сразу же отправился по делам, а я остался в номере — принимал звонки, записки и посетителей. Три дня он крутился, как белка в колесе, возвращался поздно, страшно усталый, но довольный, встреча со Сталиным и беседы в ЦК укрепляли уверенность в положительном решении вопроса по Абхазии. Перед самым отъездом в номер заглянул Серго с компанией земляков. Веселенькие все были, шутили и говорили, что скоро гадюке Берии вырвут поганое жало, а потом дружно поехали на вокзал.

В Сухум Нестор вернулся в приподнятом настроении, перестал обращать внимание на грязную возню Рухадзе и принялся готовить материалы к февральскому пленуму ЦК. До Нового года оставались считанные дни, в доме уже стояла елка. И тут Берия вызвал его в Тбилиси по каким-то партийным делам, — здесь Давлет Чантович прервал рассказ и горестно поник.

Кавказ с Ибрагимом хорошо понимали старика, заново переживавшего прошлую трагедию, и не торопили его.

Собравшись с силами, посланник из прошлого, с трудом находя слова, продолжил:

— Все было против той поездки. Понимаете, все! Не зря говорят, любящее женское сердце — это вещун. Нестору нездоровилось, простыл в поезде, когда возвращался из Москвы, мог бы остаться и не ехать в Тбилиси. С другой стороны, а что бы это изменило? Наверно, ничего. В те времена, если машина НКВД заработала, то ее уже ничем не остановить. Перед отъездом пришлось заскочить домой за лекарством. Встретили нас Сария с сыном Рауфом, и когда она узнала, что Берия вызывает мужа в Тбилиси, аж в лице переменилась. Кинулась к Нестору и стала отговаривать. У того тоже на душе кошки скребли, но он не подавал виду, с тяжелым сердцем простился и поехал на вокзал.

Там, как сейчас, никто из начальства перед ним не расшаркивался; сели в обычный вагон. Проводники подсуетились и принесли чай — наш, абхазский, такого сейчас не найти. Попили чайку, о жизни поговорили, потом Нестор взял у меня портфель с документами и сел за работу. Что-то писал, зачеркивал и снова писал, похоже, предстоявшая встреча с Берией не давала ему покоя. Легли поздно, я в полглаза спал. Как-никак — охрана, по-нынешнему — телохранитель. Нестор над этим частенько посмеивался. Лучше его в Абхазии никто не стрелял, с двадцати шагов с первого выстрела из пятака делал бублик.

Тбилиси встретил нас промозглой погодой и пронизывающим ветром. С вокзала на машине представительства Абхазии проехали в гостиницу «Ориант». Нестор Аполлонович поселился, как обычно, в тридцать первом номере, я занял тридцать второй. По соседству жили работник ЦК Азербайджана Озеров и врач-армянин, помню, что звали его Сетрак. Нестор в гостинице не задержался, привел себя в порядок и отправился в ЦК, но не прошло и часа, как вернулся. Заглянул ко мне в номер, на нем лица не было, швырнул папку в угол и распорядился отвезти его в дом Рамишвили — был такой театральный деятель, веселый и хлебосольный мужик.

К нашему приезду у него уже собралась компания. Мне сразу же не понравилось то, что в ней терлись Гоглидзе и наш

Агрба, к тому времени этот змей подколодный перебрался в тбилисский НКВД. Кроме них было еще человек пять, некоторых я встречал в Сухуме, но кто такие, не знал. Нестор Аполлонович остался, а мне сказал, что позвонит, когда за ним заехать.

От Ромишвили Нестор отправился в дом Бери, куда его будто пригласила в гости мать Лаврентия.

Я возвратился в гостиницу и весь вечер провалялся в номере, но так и не дождался звонка. Где-то ближе к десяти привели Нестора, а скорее — принесли, двое, наверное из НКВД, потому что у подъезда стояла машина Гоглидзе. На него страшно было смотреть, весь в грязи и едва мог говорить, ругал кого-то, что долго возили по городу.

— Ясное дело, чтобы яд подействовал, — вспомнил Ибрагим гулявшую по Абхазии версию смерти Лакоба.

— Это я потом понял, — согласился Давлет Чантович и снова возвратился к событиям того трагического вечера: — В номере ему стало совсем худо, я взял его на руки, усадил на подоконник и открыл окно — не помогло, стал звать на помощь. Прибежали Озеров с Сетраком, ну, с тем доктором-армянином, но они тоже ничего не могли сделать. Нестору становилось все хуже, и мы повезли его в больницу. По дороге он, наверное, смерть свою почувствовал, но даже тогда думал не о себе, а об Абхазии и приказал мне, если что с ним случится, чтобы я забрал портфель с документами и любой ценой доставил в Москву. Так и сказал: «Давлет, если жизнь придется положить, то не бойся, за народ ее отдать не страшно», — и потерял сознание.

Когда подъехали к больнице, в то время она носила имя Камо — был такой боевик, перед революцией вместе со Сталиным в Тифлисе банки, как орехи, щелкал, — к Нестору вернулось сознание, но поговорить нам не дали. У подъезда поджидал Гоглидзе с оравой энкавэдэшников. Гад! Как он узнал, в какую больницу едем?!

— Следили, — предположил Кавказ.

— Наверно. В те времена, если попал под «колпак», то без «хвоста» никуда, — согласился Давлет Чантович и продолжил

рассказ: — Занесли мы Нестора Аполлоновича в приемную, но дальше порога меня с Озеровым не пустили, а Сетрак с врачами остался. Энкавэдэшники нас на улицу выгнали, сколько мы там времени толклись, не скажу, не до того было, за Нестора переживал. Под утро вышел Сетрак, и на его лице все было написано. Нестора не стало!

Тут как тут появился Гюглидзе, увидел меня, подозвал и спрашивает:

— Тебе что покойник говорил? — а зенками, как рентгеном, просвечивает.

Я понял — дело плохо, дураком прикинулся и говорю:

— А что, Сергей Арсентьевич, разве покойники разговаривают?

Тот ничего не сказал, зло зыркнул на меня и на том растались.

— Это работа Берии, — категорично заявил Кавказ.

— Может и так. Потом слухи разные ходили. Берия, конечно, сволочь, каких свет не видел, но не осел, чтобы глупо подставляться, и грязные дела так обдeldывал, что потом не подкопаешься. Правда, бога не обманешь, тот не фpaер, все видит! Свое этот мерзавец все-таки получил! — с ожесточением произнес Давлет Чантович и, порывшись в сумке, достал вырезку из газеты «Правда».

За долгие годы она выцвела, а некоторые буквы едва читались. На первой странице крупным шрифтом был набран приговор Верховного суда СССР Берии и его подручным Меркулову, Рухадзе и братьям Кобуловым.

Он потряс газетой в воздухе и воскликнул:

— Семнадцать лет я ждал этого! Целых семнадцать!

— Извините, Давлет Чантович, а что стало с портфелем и документами Нестора Аполлоновича? — деликатно напомнил Ибрагим, заинтригованный всей этой историей.

Лицо несчастного старика вновь исказила болезненная гримаса, и он, собравшись с духом, возвратился к воспоминаниям:

— К утру я еле живой добрался до гостиницы, чтобы исполнить его последнюю волю — забрать портфель с документами и отвезти в Москву к Поскребышеву.

— Секретарю Сталина? — изумился Ибрагим.

— Алексею Иннокентьевичу, ему самому, — подтвердил Давлет Чантович.

— А он, что, вас знал? — не менее Ибрагима был поражен Кавказ.

— Думаю, запомнил, когда отдыхал в Абхазии, я его возил в Новый Афон и на горячий источник в Приморское.

— Вы, наверное, и Сталина знали? — в один голос воскликнули Кавказ с Ибрагимом.

— Откуда? Я человек маленький. Видел его всего два раза, да и то от страха толком не успел разглядеть. Первый раз это случилось, когда Хозяин приезжал на госдачу в Сухум, но здесь ему что-то не понравилось, пришлось перебираться под Гагру, на Холодную Речку. В тот день основного водителя Нестора — Гриши Амиржанова — на месте не оказалось, и вместо него поехал я. Второй раз дело было под Хостой, там у охраны Сталина ЧП случилось.

— Покушение? — загорелся Кавказ.

— Нет. Охрана «зевнула», и к Хозяину рванула толпа.

— А-а-а, — потерял интерес к этой теме Кавказ, и снова принялся теревить Давлета Чантовича про портфель Лакоба.

Тот невесело усмехнулся и с сарказмом произнес:

— О чем вы говорите, ребята? Какой портфель? Какой Поскребышев? Я вошел в номер, а там уже трое с квадратными подбородками и оловянными глазами шурували в ящиках стола и вещах Нестора. Мне даже пикнуть не дали, скрутили, запихнули в машину, привезли во внутреннюю тюрьму и затащили в камеру. Я опомниться не успел, как заявили Рухадзе, Гоглидзе и Меркулов из ЦК Грузии. Посмотрели на меня, как будто я у них последние штаны спер, а потом Рухадзе как обухом по голове: «Говори, мерзавец, что тебе известно про контрреволюционный заговор предателя Лакобы против товарища Сталина и товарища Берии! С кем из контрреволюционеров он встречался в Сухуме и Москве?» Я чуть с табурета не свалился. Такое сказать про Нестора! Да преданней советской власти и товарищу Сталину человека не было не то что в Абхазии, во всей Грузии. Подумал, может, мерещится, потом грешным делом посчитал,

что гады перепили, у Гоглидзе глаза были красные, как у рака. Но, когда Рухадзе пистолетом мне в зубы заехал, тогда дошло, что дело по-серьезному «шьют» и решил под простачка косить.

Вроде сошло. Бить больше не стали, только на психику давили. Особенно Гоглидзе — весь из себя — громче всех орал. А я ему: «Сергей Арсентьевич, чего так заходитесь? Вы лучше меня друзей Нестора Аполлоновича знаете. Это вы, а не я, к нему в гости заходили. Я — человек маленький, сказали принести — принес, сказали отвезти — отвез».

Он, сволочь, с перепуга аж побелел, когда я его в одну компанию с «врагом народа Лакобой» записал, глаза выкатил и захолопал ими на Рухадзе. Затихли они, молчу и я, а сам думаю: «Длинный язык — короткая жизнь. Скажи им еще слово — в раз запутают. Мало того, что сам себе петлю на шее затыну, так еще других за собой поташу», и решил ничего не говорить и ничего не подписывать.

Потом, в тюрьме и лагерях, не раз убеждался, что правильно сделал. На простых мелочах следователи даже самых умных запутывали и ломали. Особенно интеллигенты легко на этот крючок попадались. Проговорятся, а потом начинают спорить и свое доказывать. Бесполезно. Эти гоглидзе тебя же твоими словами и показаниями «свидетелей» так окрутят, что уже деваться некуда. В тот раз они от меня ничего не добились, отправили в камеру и до середины апреля тридцать седьмого не трогали, как будто забыли, зато потом сполна отыгрались.

Давлет Чантович смолк. Даже после стольких лет при одном только воспоминании о тех днях его лицо побледнело и, с трудом подбирая слова, он произнес:

— Этот конвейер пыток и те нечеловеческие муки, которые пришлось перенести мне и тысячам невинных, невозможно ни забыть, ни вытравить из памяти. Даже сейчас, где-то там, в глубине каждой моей клеточки, живут тот ужас и та боль от «бутылочки», когда часами заставляли сидеть на горлышке бутылки, задыхаться в «шкатулке» — шкафу, в котором сутками держали без сна, «рояле», когда твои пальцы крошили ящиком стола, и прочих «изобретениях» садистов-следователей. Но самым тяжелым и страшным были не страх перед допросом и боль во

время пыток, а ожидание, изматывающее, вытягивающее из тебя все жилы. Да, да! Ожидание! — Давлет Чантович зябко повел плечами и продолжил: — Когда заканчивался день, оно становилось невыносимым. После вечерней баланды и отбоя в тюрьме ненадолго наступала тишина, но она не приносила облегчения. Думаете, кто-нибудь мог уснуть? Не верьте тому, кто такое скажет. Брехня. Даже с самыми крепкими нервами не спали, а ждали, когда наступит этот, будь он трижды проклят, час дьявола!

Давно за стенами тюрьмы они, еще не отмеченные печатью «врага народа», спали крепким сном, а тут, в кабинетах следователей и оперов, просыпался сам дьявол и готовился к кровавой пляске. Следователи, опера и их подручные проверяли, как привинчены к полу табуретки; предусмотрительные были заразы — боялись, что какой-нибудь отчаянный смельчак хватит табуреткой по оловянной башке. Цинично ржали, когда выгребали из шкафа пустые бутылки, выбирая подходящую для будущей «наседки». Всего не перечесть, что рождалось в воспаленном сознании палачей.

Каждый из нас — «врагов народа» — прошел свою дорогу в энкавэдэшный ад, но у всех она начиналась глубокой ночью с топота ног конвоя и лязга засова. В тот миг вся тюрьма замирала, и когда хлопала дверь соседней камеры, предательская слабость разливалась по твоему истерзанному и измученному телу. Но приходила очередь другого, и гаденькое омерзительное чувство облегчения, что на этот раз пронесло, заглушало в тебе муки совести и сострадания к несчастному соседу...

Давлет Чантович вновь прервал рассказ, отвел глаза в сторону и глухо произнес:

— Не судите меня и тех, кто прошел через мясорубку НКВД. Все мы люди. И все хотим жить. Вопрос всегда состоял в цене, а эти мерзавцы берии, рухадзе, гоглидзе и палачи, рангом помельче, знали, на каких струнах человеческой слабости сыграть, чтобы превратить человека в безропотное существо. В их дьявольском спектакле все роли были заранее расписаны. И не имело значения, виновен ты или нет, если «вписывался в схему очередного контрреволюционного заговора» или «теракта»,

то должен «признать свою вину». То, что они творили с нами в тюрьмах и лагерях, для них стало обыденным делом, как для дровосека — рубка леса, охотника — травля зверя. В НКВД находились, если можно так сказать, и свои непревзойденные «мастера». Душегуб Малюта Скуратов, подручный Ивана Грозного, им в подметки не годится. Один такой попался и мне.

После того, как в Тбилиси им не удалось сломать меня и выбить показания на Нестора, меня погнали этапом в Москву. Перед отправкой на последнем допросе Гоглидзе припугнул, что я еще пожалею, когда за меня возьмутся настоящие мастера. Так и сказал: «У них и не такие, как ты, даже покойники «поют!»»

Тогда грешным делом подумал — на понт берет и страшнее того, что было, вряд ли уже будет. А, оказывается, ошибался, и еще как ошибался, тбилисские палачи перед лубянскими живодерами просто шпана подзаборная.

В Москве со мной долго не церемонились и сразу взяли в оборот. Оно и понятно. Камеры ведь не безразмерные, а «фабрика», штамповавшая дела на «врагов народа», не могла допускать простоев. Случилось это на шестой или седьмой день, точно не помню, в тюрьме все дни один на другой похожи. Привели меня в кабинет к следователю Хвату. Имя, вроде, нормальное — Алексей, но другого такого мучителя во всей живодерне НКВД не найти.

Стою у стены, еле на ногах держусь — на прошлом допросе они перестарались. Наконец он закончил свой ужин. Аккуратненько так накрыл газеткой «Правда» блюдце с бутербродом, накрахмаленным платочком губки промокнул и настольную лампу в лицо мне ткнул. Долго смотрел в глаза. Понял, что разговор с ходу не получится, и решил мой язык как следует «почесать». Кивнул головой двум «кочегарам», чтобы они «поработали». Те и принялись меня по полной программе обхаживать.

Хват сначала газетку почитывал, потом, видно, надоели мои вопли, поднялся, стал по кабинету прохаживаться и на часы поглядывать. Попытки, и те у них по порциям отмерялись. Затем подошел к секретарю и о рыбалке заговорил, дальше ничего

не помню, отключился. Ошибочка в их расчетах получилась: то ли не туда ударили, то ли с дозой переборщили, а может, я подвел — слабоват оказался. Очнулся, а перед глазами Хват с газеткой плавает. Услышал мой стон, отложил газету в сторонку, глянул и понял, что толку от меня не будет, и распорядился отправить в камеру. А я, натура моя вредная, говорю: «Алексей Григорьевич, что-то сегодня я у вас мало задержался?»

А он криво ухмыльнулся и отвечает: «Нехороший ты человек, Кандалия. Столько времени у занятых людей забрал. Ну, ничего, не расстраивайся, завтра всю порцию с лихвой получишь».

Вот такие у них «мастера» были. Это сейчас легко говорить, а тогда... — Давлет Чантович поежился. — Нет. Такое невозможно описать и передать даже самыми жуткими словами. Они ничто перед тем, что творилось в кабинетах тех палачей.

Давлет Чантович смолк. Его пальцы сжались в кулаки, и слова, тяжелые, как камни, обрушились на Ибрагима и Кавказа.

— И сейчас, когда наступает ночь, во мне звучат и терзают душу нечеловеческие крики, стоны и мольба замученных жертв. Хруст сломанных костей и треск рвущейся на куски кожи. Рев, истеричные вопли и мат озверевших от нашей пролитой крови мучителей. Монотонная дробь пишущей машинки, и тихий шелест накрахмаленной блузки секретаря-машинистки...

Здесь голос Давлета Чантовича предательски задрожал.

— Если бы только стены тюрем могли заговорить, то это был бы самый страшный рассказ. О наших страданиях писали Солженицын с Шаламовым, и там — чистая правда. Но разве слова могут передать то, через что прошли мы — живые и мертвые. Может, когда-то найдется композитор, и если он сумеет передать те наши невысказанные мучения, то это будет самая чудовищная музыка, которую когда-либо слышал смертный. Это...

Обессиливший от воспоминаний и переживаний старик уже не мог больше говорить. Ибрагим и Кавказ, поддерживая под руки, вывели его на улицу и усадили в машину.

— Давлет Чантович, вам куда? — спросил Ибрагим.

— Тут недалеко, сразу за эстакадой, к высотке, — пояснил он.

— Я знаю, — вспомнил Кавказ.

— Там живет друг, — пояснил старик.

— Не волнуйтесь, отец, доставим до самого порога, — заверил Ибрагим и тронул машину.

Через пять минут они были на месте. Лифт в доме не работал, и им пришлось пешком подниматься на седьмой этаж. Квартира встретила их голыми стенами, и лишь на кухне полупустой холодильник откликнулся на появление гостей голодным клекотом. Давлет Чантович, едва отдышавшись, принялся суетиться около стола, но Ибрагим с Кавказом, несмотря на его настойчивые уговоры, вежливо отказались от угощения, возвратились к машине и отправились на госдачу.

Письмо Давлета Чантовича Кандалии легло на стол президента Владислава Ардзинбы в тот же вечер. А Ибрагим, закрученный в водовороте неотложных дел, на время забыл о нем. В воскресенье, когда выдался свободный час, он вспомнил о несчастном старике и решил навестить его. По дороге заехал в магазин и, накупив продуктов, знакомым путем добрался до места.

Давлет Чантович оказался дома, искренне был рад гостю и тут же накрыл стол. Первый тост он поднял за здоровье президента, а затем рассказал о встрече с ним. Она состоялась на третий день после того, как письмо попало в руки Владислава Григорьевича.

Ибрагим смотрел на счастливое лицо старика, все еще жившего встречей с президентом, и на его душе посветлело. Давлет Чантович был счастлив тем, что наконец-то после стольких мытарств получил свой «угол». На столе лежал ордер, в котором черным по белому было написано, что он является владельцем половины частного дома в районе городского рынка.

Оборотни

Еще один из четырехсот двенадцати бесконечно долгих дней оккупации Сухума подошел к концу. Блеклый диск зимнего солнца устало закатился за изрытые снарядами и минами скалы над Гумистой. Последний его меркнувший

луч скользнул по заснеженным вершинам гор и затерялся в зияющей бездне чернильного неба. Вскоре город погрузился в крошечную тьму.

Пронизывающий ветер налетел с гор, смахнул с деревьев снежные шапки и белым покрывалом накрыл черные язвы воронок и окопов, затем с разбойничьим посвистом прошелся по развалинам армянского поселка на левом берегу Гумисты и шершавым языком поземки зазмеился по пустынным улицам Сухума. Мороз набирал силу, забирался в дома через щели и высасывал последние капли тепла. Зимняя стужа и голод медленно и неумолимо убивали едва теплившуюся в них жизнь. Таких лютых холодов и сильных снегопадов не могли припомнить даже столетние старики в Лыхнах и Ачандаре.

В тот год, казалось, сама природа восстала против безумств людей, творимых ими на этой благодатной земле, до недавнего времени считавшейся раем. Она словно мстила за бессмысленное и жестокое надругательство над собой. За уничтоженные гусеницами танков и колесами бэтээров апельсиновые рощи у Гудрыпша и Тамыша. За сожженные огнем артиллерии виноградники у Верхних и Нижних Эшер. За усыпанные противопехотными минами и опутанные растяжками берега Гумисты, воды которой ежедневно выносили в море страшный улов войны — трупы людей и животных. Она требовала искупления за беспомощных и несчастных обезьян из разоренного питомника, которых толпы пьяных и обкуренных варваров ловили по городу и в лесу под телевышкой, а затем нанизывали на ломы и обжаривали на кострах.

Ночь на время скрыла этот страшный оскал войны, и лишь разноцветные трассеры пулеметных и автоматных очередей, терзавшие звездное небо над Гумистой, напоминали о ней. Вскоре угасли и они. Крупными хлопьями повалил снег. Пулеметчики и автоматчики перебрались в блиндажи, ближе к огню и свету. Снайперы, прячась от непогоды, покинули тайные укрытия, и ушли на тыловые базы. Только часовые оставались на постах и настороженно вслушивались и всматривались в тревожную темноту.

На передовой установилось хрупкое затишье.

Тимур тяжело ворочался с бока на бок и все никак не мог уснуть. Стылый холод жалящими иголками впивался в ноги, покусывал за пятки и мелкой дрожью сотрясал худенькое тело мальчика. Пытаясь удержать остатки тепла, он калачиком свернулся вокруг пластиковой бутылки с еще теплой водой и подоткнул под бока полы дедовской бурки. Холод ненадолго отступил, дрожь унялась, но сон все не шел. Острое, сосущее чувство голода, которое затихло после кружки кипятка и черствой корки хлеба из кукурузной муки, с наступлением ночи снова проснулось и изводило его. С затаенной надеждой Тимур просунул руку под подушку, и в ее складках пальцы наткнулись на шершавый и твердый бугорок. Сердце встрепенулось — там лежала сушеная хурма, которую ему и Маришке перед сном украдкой подкладывала мама. Это был последний и самый дорогой подарок дедушки Батала.

Тимур жадно впился зубами в затвердевший комок и принялся медленно жевать. Сладковатый сок наполнил рот, но он не спешил глотать и, смакуя каждую каплю, вспоминал тот счастливый день, когда дедушка Батал под самым носом у гвардейцев ухитрился пронести через весь город полную сумку кукурузы, сушеного инжира и хурмы. Папа торопливо закрыл за ним дверь на засов и проводил в дальнюю комнату. Через минуту в ней собралась вся семья и, затаив дыхание, смотрела за тем, как дедушка, словно факир из цирка, доставал из сумки и раскладывал на кровати свое богатство.

Впервые за последнее время страх и отчаяние, которые не оставляли их с начала войны, ненадолго отступили, и маленькая радость вошла в дом. Она заслонила неслыханные злодеяния, творимые бандитами Иоселиани в городе, и породила робкую надежду на то, что им удастся пережить эту холодную, голодную зиму и дотянуть до весны. Мама с Маришкой занялись продуктами. Они аккуратно раскладывали их по маленьким кучкам, а затем бережно ссыпали в мешочки. Сестренка радостно щебетала над этим сказочным лакомством и большими кусками откусывала и глотала хурму. Тимур вместе с отцом и дедом спустился в подвал и помог развести костер. Мама принесла уцелевший после погрома

гвардейцев котелок с водой, подвесила его над огнем и высыпала в него кукурузу.

Пламя, весело потрескивая сухой, как порох, дубовой щепой, набрало силу. Вскоре душистый и ароматный запах просочился из-под крышки и распространился по дому. Тимур с сестрой только-только подсели к огню, как вдруг наверху громыхнула дверь, и сквозняк взметнул пламя. Огонь сердито загудел и жадно облизнул котелок. Внутри него заклокотало, и клубы пара вырвались из-под крышки. Вода выплеснулась на пол. Пламя зло зашипело, затем съежилось, а когда рассеялся туман, у ног янтарными каплями остались лежать разбухшие зерна кукурузы. Мама опустила на колени и принялась бережно собирать их в горсть. Отец метнулся к лестнице, а бабушка заткнул мешком разбитое окно, выходившее на двор. Тревога оказалась ложной, но для предосторожности папа закрыл на ключ дверь, что вела в комнату из летней мансарды, и потом не раз с опаской поглядывал в сторону соседского дома.

Вскоре мамалыга была готова. Вся семья собралась за столом и впервые за последнее время досыта наелась. Но на этом маленькое пиршество не закончилось. Дедушка Батал лукаво посмотрел на детей, загадочно улыбнулся и полез в карман полушубка. Тимур и Мариша не спускали с него глаз. Крепкий кулак бабушки разжался, и в слабом свете самодельной свечи золотой рыбкой сверкнула крохотная шоколадка...

Тимур тяжело вздохнул при воспоминании о том ужине, дожевал остатки хурмы и с сожалением проглотил. Снова проверил складки на матрасе, пошарил под подушкой, но ничего не нашел и зарылся под нее с головой. Вскоре чувство голода затихло. Тепло слабой волной разлилось от живота к ногам и беспокойный сон, обволакивающий ватной пеленой, сморил мальчика.

В последнее время ему снился огромный, величиной с бухарскую дыню, початок кукурузы. Он маняще поблескивал сквозь щели в стене соседской пацхи. Это было настоящее богатство, с него можно было наварить целое ведро рассыпчатой мамалыги. Искушение было так велико, что Тимур, уже не в силах бороться с ним, одним махом перескочил через забор и

оказался во дворе дядюшки Котэ. Свирепый кавказец Дик высунулся из будки и зарычал, но, узнав, приветливо помахал хвостом и возвратился на место. Пес, в отличие от хозяев, остался верен старой дружбе. Тимуру удалось незамеченным пробраться к пацхе, но там его ждало жестокое разочарование — на двери болтался ржавый замок.

Мальчик обошел пацху со всех сторон, приник к задней тонкой стенке, сплетенной из орешника, и не спускал глаз с початка. К нему можно было дотянуться рукой, но рука безнадежно застревала в узкой щели. Узловатые прутья тисками сжимали локоть. Несмотря на боль, он не оставлял попыток добраться до початка: подобрал кусок металлической трубы и, орудуя ею как ломом, расширил щель. Рука прошла через отверстие, и когда пальцы вцепились в початок, за спиной хрустнула сломанная ветка, и раздался рев разъяренного дядюшки Котэ.

Он, словно цепной пес, набросился на него и принялся с остервенением хлестать лозиною по спине, плечам, голове. Дик выскочил из будки и растеряно наблюдал за ними. В голове бедного пса все смешалось. Он совершенно запутался и уже ничего не понимал в этих странных людях. Его собачье сердце разрывалось между дружбой с мальчиком и преданностью к хозяину. А тот совсем осатанел. Его выцветшие рыбы глаза налились кровью и выкатились из орбит, на губах выступила пена и в ход пошли кулаки. Спина мальчика сотрясалась под тяжестью ударов, а его мольба оставалась без ответа. Путь пацхи деревянным капканом продолжали удерживать руку, но, наконец, Тимур удалось освободиться, и он бросился к своему дому. До самого забора его преследовали злобные проклятия и свист лозины...

Но это был всего лишь кошмарный сон. А то, что творилось на улицах города, было во сто крат ужаснее. С приходом в Сухум грузинских гвардейцев и полицейских навсегда исчез тот, ныне позабытый, счастливый и солнечный мир, теперь казавшийся сказочным сном. Страшная сказка, которую когда-то читала мама, покинула страницы книги и стала кошмарной явью для Тимура и сухумчан.

Полчища кровожадных, бородатых и бритоголовых «крыс» в черной форме, перепоясанных пулеметными лентами, вламывались в дома, сдирали с живых и мертвых серьги, кольца и нательные кресты. А внизу, у «жигулей» и «волг», их ждали родственники. Чужое добро не жгло им руки. Тут же шел циничный торг. По приморскому шоссе в сторону Поти, Кутаиси и Тбилиси хлынул поток грузовиков и автобусов, набитых награбленным. Вчерашние тихие и неприметные конторские служащие, легкомысленные зубоскалы из портовых кафе и пажоны с летних танцплощадок превратились в злобных демонов. Зловонный поток невысказанной мерзости и низости, подлости и вероломства вырвался из самых дальних, черных тайников человеческой души, хлынул на город и горожан.

Ненасытное Зло торжествовало свою победу. Оно свило себе гнездо на бывшей турбазе. Даже днем люди сторонились этого страшного места, а с наступлением ночи жизнь вокруг него и вовсе замирала. Кто попадал туда, живым назад больше не возвращался. В зловещей тишине из-за густой стены деревьев и густо разросшегося кустарника доносился монотонный рокот мотора, в который вкрадывался сухой треск выстрелов. Перед рассветом под охраной автоматчиков крытые тентами грузовики на большой скорости выносились из ворот и затем пропадали в глубоких горных ущельях.

Из этого места, ставшего для сухумчан проклятым, расползались по городу, подобно ядовитому газовому облаку, и поселялись в домах страх, злоба и зависть. Ядом корыстолюбия они отравляли души и наполняли черной ненавистью сердца. Вспоминались старые обиды и позабытые долги. Город захлестнули грабежи и убийства. Уже давно во дворах не стало слышно детского смеха. Опустели бары и дискотеки. Вымерли пляжи санаториев. Последние корабли с беженцами покинули порт и отплыли в Грецию и Израиль.

Война принесла с собой не только смерть и разрушение, она наизнанку вывернула город и людей. С лица дяди Котэ давно исчезла приветливая улыбка. Его жена, тетушка Нона, перестала сушить чурчхелу в их летней беседке, а однажды утром калитка между дворами оказалась наглухо заколоченной до-

сками. В соседнем доме и на улицах звучала теперь только одна речь — грузинская. Тимур и Маришка не находили объяснений всем этим переменам, а их недоуменные вопросы вызывали у родителей только горечь и заставляли озираться по сторонам. И это невероятное перевоплощение произошло не только с соседями Котэ. Закадычный друг Гаррик Кавсадзе прогнал его и Вовика Крамлиди из голубятни, которую они вместе мастерили все лето, и перестал пускать в дом. Чужим стал и любимый двор. После ссоры с Гарриком им вместе с Жориком Паркуяном пришлось перебраться играть на чердак ремонтной мастерской.

Но и там им не было покоя. Гаррик с новой компанией устроил на них налет. Дрались без правил и до крови. Ему досталось меньше всего — только разбили нос и губу. Вовику сломали руку, а Жорику пробили голову. В городской больнице, несмотря на уговоры мамы, их не захотели принять. Новый хирург, месяц назад переехавший из Зугдиди, так прямо и сказал, что им всем место на кладбище. Выручил знакомый доктор-армянин из бывшего санатория ПВО. После этого родители перестали отпускать Тимура и Маришку на улицу.

Теперь они жили как в осажденной крепости. Самый близкий друг, Жорик Паркуян, во дворе больше не появлялся. Потом от тети Анаиды, знакомой мамы, Тимур узнал, что его семья пропала, а в пустой квартире поселились новые жильцы. Родители Вовика Крамлиди, как только он выздоровел, тут же бросили все и с одними чемоданами доплыли на рыбацьем баркасе до Адлера, а оттуда перебрались к родственникам в далекую и мирную Грецию.

Дом друга пустовал недолго, его заняли приезжие из Сванетии. С их детьми, долговязым и угрюмым Зурабом и его сестрой, неразговорчивой Наной, он и Маришка так и не сдружились. Новые соседи быстро сошлись с внуками Котэ, старшим пузаном Резо и младшим Кахой, вертлявым и непоседливым, как шимпанзе из обезьяньего питомника. Теперь уже вместе они не давали ему и Маришке прохода. Больше всего доставалось сестре. Каха не упускал случая, чтобы обидеть ее. У любимой куклы Кати оторвал голову и вместо нее воткнул огрызок моркови. А однажды, когда она зазевалась, подкинул

в детскую коляску мертвого котенка. После этого Маришку трясло весь вечер, к ночи поднялась температура, и маме пришлось отпаивать ее пустырником.

Тимур рвался отомстить обидчику. А тот откровенно издевался и вызывал на драку. Вместе с Резо и Зурабом он забрался на крышу сарая и швырял в него гнилыми грушами и яблоками. В Тимуре все клокотало. В последний момент драку остановила мама, но она уже была не в ее силах погасить огонь ненависти, разгоревшийся в душе сына. Теперь для него Каха, Резо и Зураб, как и грузинские гвардейцы для отца, дяди Адгура, Савелия и партизан, стали смертельными врагами. Тимур решил начать против них свою войну.

На следующий день ему удалось подкараулить Каху. Тот возился с велосипедом, еще недавно принадлежавшим Вовику Крамлиди. Тимур хорошо помнил фигурку стремительного оленя, которую друг прикрутил на руле, и это еще больше распалило ненависть. Он незаметно пролез через дыру в заборе и, прячась за кустами роз, подкрался к Кахе и повалил на землю. Они катались по сырой траве; острые камни и колючки впивались в бока и ранили руки. Тимур не чувствовал боли и ногтей Кахи, впившихся в шею. Подобно двум зверькам, они рычали, кусали друг друга и рвали одежду.

Каха, ошеломленный неожиданным и яростным натиском, оказал слабое сопротивление, быстро сник, разревелся и стал просить о пощаде. Его слезы и кровь не остановили Тимура. Он наносил удары куда попало. Все зло и несчастья, что обрушились на него, Маришу и маму с папой, сейчас сосредоточилось в этом грязном и залитом кровью маленьком жалком тельце.

Первой на шум драки прибежала мама. Ей с трудом удалось разнять их и утащить сына в дом. После этого в соседнем дворе послышались истошные вопли, и в окна дома полетели камни. Мама захлопнула ставни и принялась смывать с сына грязь и кровь. Отец не проронил ни слова, затем достал из тайника в сундуке обручальные кольца и ушел к соседям, чтобы откупиться. Возвратился он мрачнее тучи, ничего не сказал, заперся в своей комнате, и вскоре из-под двери потянуло запахом жженой бумаги.

Не прошло и нескольких часов, как в дом ворвались полицейские, перевернули все вверх дном и увели с собой папу. Из соседнего двора за ними наблюдали, с лица Котэ и его жены не сходили злорадные ухмылки. Всю ночь мама провела в комендатуре и лишь утром возвратилась вместе с отцом. Его трудно было узнать. Лицо вздулось багровыми рубцами, глаза утонули в кровоподтеках, а левая рука обвисла как плеть. Он с трудом поднялся на второй этаж и без сил рухнул на постель. Потом из комнаты еще долго доносился тихий плач мамы.

До конца недели отец так и не поднялся на ноги и только в воскресенье, когда прекратились дожди, а небо очистилось от свинцовых туч и проглянуло неяркое январское солнце, он ненадолго появился на террасу. Там занял кресло-качалку и подставил под слабые солнечные лучи осунувшееся и сильно постаревшее лицо. На его впалых щеках появился слабый румянец, и на короткое время ожили глаза. Из них ушла затаенная боль и предсмертная тоска. Он снова напоминал детям прежнего, доброго и сильного папу. Подчиняясь безотчетному порыву, Тимур вышел на террасу и, смущенно переминаясь с ноги на ногу, робко поглядывал на отца.

Отец смотрел на сына затуманенным взглядом, в котором было столько тепла и любви, что сердце мальчика начало трепетать, как раненная птица, комок слез застрял в горле и не давал вздохнуть. Тимур бросился вперед, приник маленьким, худеньким телом к отцу и, стыдясь своей слабости и слез, прятал лицо в складках просторной куртки. Каждой своей клеточкой сын чувствовал, как внутри тела отца, истерзанного полицейскими, жизнь отчаянно боролась со смертью.

Вина перед ним мучила Тимура и не давала покоя даже во сне. Сегодня ему снилось, как огромный бумажный змей поднял его с крыши дома и, покружив над городом, понес к спасительным горам. Там в партизанском отряде воевал доктор дядя Савелий, и он должен был его найти, чтобы спасти папу. Змей, плавно описывая круг за кругом, приближался к облакам. Вскоре дома слились в сплошную линию, не стало слышно артиллерийской канонады, а черные тюльпаны разрывов вдоль линии фронта у Гумисты превратились в бутоны диковинных цветов.

Бурная и неукротимая река напоминала тонкую серебряную ленту, причудливо извивавшуюся в теснинах глубокого ущелья. Впереди в бирюзовом мареве ослепительным блеском сверкали вечные ледники на вершине Химса. За ним суровой громадой вздымалась каменная стена Главного Кавказского хребта.

Змей распустил хвост, поднырнул под облако, пощекотал ему бок и устремился к земле. Упругие струи ветра стегали Тимура по лицу и выжимали слезы из глаз. Он напрягал зрение и силился разглядеть среди лесов знакомую поляну, на которую перед войной вместе с отцом и дядей Савелием поднимался, чтобы отыскать знаменитый целебный корень. Горы расступились, и под ним разноцветными кубиками возник поселок. Змей расправил бумажные крылья и, описав большой круг, плавно опустился на поляну.

На нее высыпали партизаны, впереди бежал дядя Савелий. Тимур рванулся к ним, но неведомая сила удерживала на месте. Чьи-то руки мертвой хваткой вцепились в плечи, и злорадный хохот раздавался за спиной. Ему удалось извернуться и перед глазами возникли перекошенные косматые головы дяди Котэ и тети Ноны. На месте ушей у них топорщились козлиные рога, а во рту хищно поблескивали острые кабаньи клыки. Отчаянные усилия вырваться из когтистых лап ни к чему не привели, они тащили его к яме, на дне которой полыхал огромный костер. Дикий вой и пронзительный свист неслись со всех сторон. Вдруг сквозь них прорвался слабый голос. Он сразу узнал его — это звала мама. Она возникла из клубов ядовито-зеленого тумана, медленно покачиваясь, плыла над землей и протягивала навстречу руки. Из последних сил Тимур рванулся к ней, но лапы цепко держали за плечи...

Оглушительный хлопок и яркая вспышка оборвали этот кошмарный сон. Тимур с трудом открыл глаза. Разгоравшееся за окнами пламя выхватило из полумрака бледное лицо матери. Рядом тоненько попискивала Маришка. Новый взрыв и яростная пальба заглушили плач сестры и голос мамы.

Тимур никак не мог прийти в себя и растерянно смотрел по сторонам. У окна сгорбилась мужская фигура, в ее руках судорожно трясся автомат. Вспышка разрыва осветило бородатое

лицо. Тимур узнал дядю Адгура. Тот с первых дней войны ушел в ополчение и изредка по ночам появлялся в доме. На этот раз его выследили и окружили. Он стрелял скупыми очередями, экономя патроны и пытаясь выиграть время, чтобы сестра и дети успели спрятаться от наседавших полицейских. Мама растерянно металась между детьми и мужем. Тот залег в своей комнате и отстреливался из пистолета. Его решительный голос подстегнул ее и вывел из оцепенения. Она сдернула со стула куртку, набросила ее на Тимура и вместе с ним и дочерью поползла к люку, ведущему в подвал. Вдвоем они стали поднимать тяжелую крышку. Польшавшее на дворе зарево холодными сполохами отражалось в окне. Черная тень на секунду закрыла его, в следующее мгновение на пол посыпались осколки стекла. Автоматная очередь прошла воздух над головами и швырнула их на пол.

Мать и дети метнулись в подвал. Они замерли в ожидании новых выстрелов, но перестрелка переместилась внутрь дома. Мать, не мешкая, метнулась к деревянному щиту, на котором висели вязанки перца, лука, чеснока, и налегла на него. Щит с трудом поддавался ее хрупким и обессиленным рукам. Тимур пришел на помощь, и щит медленно отошел в сторону. За ним открылась неглубокая ниша, о ней он с Маришей даже не подозревали. Она служила временным укрытием для партизан и складом для оружия. Из нее пахло сыростью и затхлым, застоявшимся воздухом.

Мама подхватила на руки Маришу и усадила на крохотную лавку. Девочка вжалась в уголок и едва слышно всхлипывала. Вслед за ней в нишу втиснулся Тимур. Мама продолжала стоять на месте, ее тело сотрясали рыдания. Пламя пожара выхватило из ночного полумрака ее искаженное горем и страданием лицо. На нем жили только одни глаза, они с болью и тоской смотрели на детей, а с ее губ срывались слова, от которых у Тимура сжималось сердце. Выстрелы зазвучали над их головами. Мама встрепенулась, вскинула руку, перекрестила детей и налегла на щит. Черная полоса поползла по стене и легла на лица Тимура и Маришки. Они рванулись из этого каменного склепа, но пальцы наткнулись на деревянную преграду. Сухо щелкнула щеколда, щит вошел в паз, и густая удушающая тьма поглотила детей.

Две детские фигурки, страшась потерять друг друга, слились вместе. Они не замечали времени, не ощущали промозглого холода каменных стен и запаха догоравших у стены дома окровавленной куртки отца и бушлата дяди Адгура. Они не могли видеть, как разъяренные гвардейцы глумились над уже бездыханными телами родителей, а затем сбросили их в речку Беслетку. Маленькие сердца детей в предчувствии страшной беды разрывались от горя.

Тимур бережно разомкнул руки сестры и приник к щели в щите. В отблесках догоравшего пожара по стенам подвала металась уродливые тени. Он напряг зрение, но никого не заметил и решил выбраться из укрытия. Шершавые доски занозами впивались в ладонь, но Тимур не ощущал боли, нашарил щеколду и всем телом навалился на ручку щита. Тот поддался. Яркий сноп света хлынул в щель и ослепил глаза. Он отпрянул и вжался в стену. Грохот выстрелов оглушил и расплющил его, крошка из кирпича и щепки посыпались на голову. Сестра вскрикнула и прижалась к нему, ее била судорожная дрожь. Тимур зажал ей рот и с ужасом смотрел на дыры, пробитые пулями в щите.

На лестнице загромыхали тяжелые армейские ботинки. Луч мощного фонаря зашарил по стенам подвала и остановился на деревянном щите. Пучки света невидимыми щупальцами проникли через дыры и предательскими отблесками заплясали на лицах детей. Они сжались в комок и застывшими глазами следили за тем, как три громадные тени приближались к ним.

Сквозь звон в ушах донеслась чужая речь. Рядом хрустнуло раздавленное стекло, и щит загудел от удара. По доскам зашуршали стручки сушеного перца и осыпались на пол. Маришка вскрикнула и еще теснее прижалась к Тимуру. Он одеревеневшими губами нашептывал ей на ухо то, что им говорила мама, когда случалась беда, и умолял, чтобы сестра молчала.

В следующее мгновение перед их глазами возникла заросшая безлика голова-маска. Тимуру показалось, что гвардеец услышал их. Дыхание близкой смерти, в котором смешались отвратительный запах чачи и табака, шибанул в лицо. Он отшатнулся и лихорадочно зашарил под собой, пытаясь найти

хоть какую-то защиту, ухватил кусок щепки, чтобы ткнуть ею в этот ненавистный глаз.

Полицейский зашуршал вязанками зелени, валявшимися на полу. И над головами детей раздалось громкое чавканье, которое прервал надсадный кашель. От ядреного перца у гвардейца перехватило дыхание, и он пулей полетел к лестнице. Грохот ботинок потонул в диком хохоте двух других полицейских. Недолго потолкавшись, они выбрались из подвала.

Крышка люка захлопнулась. Дети остались одни. Но они еще долго не могли пошелохнуться. Страх и ужас сковал их, и лишь жалобное повизгивание Дика, заглядывавшего в разбитое окно, вывело из оцепенения. Тимур с трудом разжал непослушные руки и выпустил из них сестру. Она покачнулась и сползла с лавки. Сознание покинуло ее. Тимур метался в этом каменном мешке, тряс за плечи и прижимал к себе словно налившееся свинцом тело сестры.

Мариша не подавала признаков жизни. Пронзительное чувство одиночества сменилось у Тимура вспышкой ярости, ненависть придала ему силы и убила страх. Ноги сами понесли его к лестнице. Тимур ринулся наверх, ботинки заскользили на перекладинах, но он упорно карабкался наверх, пока не уперся головой в крышку люка, но она не поддавалась его отчаянным усилиям.

Слабый стон за спиной заставил мальчика опомниться и возвратиться назад. Мариша медленно приходила в сознание и потухшим безучастным взглядом смотрела на брата. Он крепко обнял сестру и пытался своим дыханием отогреть холодное, как лед, ее лицо, молил и просил произнести хоть одно слово. Но она не разомкнула бескровных губ, короткие и нервные судороги сотрясали тело, в котором едва теплилась жизнь. Жизнь, которая в любой момент могла угаснуть, а вместе с ней оборваться и та единственная ниточка, что связывала его с прошлым.

Пронзительный крик вырвался из груди мальчика, разбился о каменные стены подвала, печальным эхом вырвался на двор и там потонул в реве двигателя грузовика.

Тяжелая машина снесла ворота и, смяв кусты молодого инжира, остановилась у крыльца. Вслед за ней в пролом тупой

бронированной мордой протиснулся танк и втащил за собой зенитное орудие. С бортов соскочили шестеро солдат и, сняв крепление, покатали орудие вглубь двора. Танк взревел двигателем, крутнулся волчком и двинулся на виноградную беседку. Под стальными гусеницами жалобно хрустнули и рассыпались на куски хрупкие доски, скупой слезой засочилась виноградная лоза, сникли искромсанные ветки кустарника чая, и черная уродливая полоса пролегла в конец сада. Проутюжив несколько раз теплицу, танк смахнул пацху в речку и остановился на склоне. С лязгом сдвинулась с места башня и нацелилась стволом в сторону гор. Звякнула крышка люка и из него высунулась чумазая физиономия. Экипаж выбрался из танка и направился в дом.

Спустя несколько минут рокот тяжелых моторов снова потряс замершую в тревожном ожидании улицу. Со стороны турбазы показалась колонна военных грузовиков. На перекрестке от нее отделились две машины и въехали во двор. Из них, как горох, посыпались на землю гвардейцы. Одни принялись выгружать и заносить в дом кровати и тумбочки, а другие, недовольно ворча, с лопатами и кирками побрели в сад. Вскоре земляной вал опоясал танк и зенитное орудие, притаившееся под густой кроной магнолии. К полудню суета улеглась. На дворе остались только часовой, два гвардейца да Котэ.

На месте сгоревшей во время ночного боя летней кухни запылал большой костер. Рядом с ней Котэ вместе с гвардейцами разделявал молодого козленка. Его жена ошалело металась между кухней — там на плите в большом чугунном котле варилась мамалыга, и соседской мансардой, на полу которой валялась куча вещей и сломанная мебель. Она жадными руками рылась в чужом белье, примеряла на себя платья, кофты и все норовила прошмыгнуть в дальнюю комнату. В ней, в углу, поблескивал медной ковкой старинный сундук дедушки Батала. Там, как она полагала, могло храниться золотое кольцо с бриллиантом. Оно не давало ей покоя с того дня, когда эта деревенщина из Члоу появилась в нем на свадьбе у Чипнянов. Это была мастерская работа, и уже никто не обращал внимания на ее брошь с изумрудом, за которую Котэ отвалил жадине Псахису новенькую «волгу».

Улучшив момент, старуха Котэ проскользнула в комнату и принялась, оглядываясь по сторонам, перетряхивать сундук. Часовой бросил на нее снисходительный взгляд, и на его физиономии появилась кривая ухмылка. Искать в нем что-либо ценное было пустым занятием. Солдаты уже успели перетряхнуть весь дом и нашли этот тайник в сундуке, но он оказался пуст. Золото, фамильные драгоценности и доллары, если когда-то и были у старых хозяев, давно ушли на черный рынок. Ни они, ни старуха Котэ не могли знать, что кольцо с бриллиантом, за которым она охотилась, мать Тимура отдала коменданту, чтобы освободить из тюрьмы мужа.

Поживиться в доме было нечем. Мужское кожаное пальто, прострелянное в нескольких местах, не стал брать даже хохломорозок, прибившийся к отряду после того, как абхазы разбили под Джгярдой шайку мародеров-западнцев со Львовщины, залетевших поживиться на войне в Абхазии.

Старуха швырнула в пустой сундук раздавленную детскую туфельку и, бормоча под нос проклятия, возвратилась в мансарду. Здесь к ней присоединился муж. Свяжав в узлы одежду, вещи и то, что еще осталось после грабежа солдат, они принялись перетаскивать их к себе в дом.

Дети, Резо, Каха и Зураб, робко жавшиеся у крыльца дома, понемногу осмелели, перелезли через забор и, с опаской поглядывая на часового, подобрались к зенитному орудью. Тот не обращал на них внимания, его бульдожьей челюсти неспешно перемалывали чурчхелу. Куски лесного ореха и виноградной пастилы прилипли к толстым губам и густо усыпали свалывшуюся бороду.

Зураб первым отважился взяться за блестящие никелированные ручки. Вслед за ним на орудие забрался Каха и уселся на сидение. Мальчишки с азартом крутили рукоятки, нажимали на педали, надували щеки, пыхтели и стреляли в воображаемого противника.

Челюсти часового остановились, он сплюнул на землю красно-коричневую жижу и лениво прикрикнул на мальчишек. Те, как стая испуганных воробьев, бросились врассыпную и затаились в кустах. Но долго не высидели, аппетитный запах шашлыка и мамалыги снова выманил их во двор.

Настороженно посматривая на часового, мальчишки по одному перебрались под навес и примостились на краешке лавки. Котэ сердито зашипел на сыновей, но солдаты снисходительно отнеслись к ним. Тот, что возился с шашлыком у костра, худой, с длинными, обвисшими, словно сосульки, усами запустил руку в таз, вытащил куски румяного мяса и сунул детям. Они успели проголодаться и уминали за обе щеки горячий, пахнущий молодым вином шашлык. Каха и Зураб, осмелев, принялись потихоньку потягивать из тарелок хрустящие дольки жареного баклажана, макали хлебом в ореховую и алычовую приправу и уминали их за обе щеки.

Аппетитный запах и грохот алюминиевых мисок поднял на ноги остальных солдат. Позевывая, они потянулись из дома во двор и, незлобно поругиваясь, занимали места на лавках, стараясь сесть ближе к тазу с ломтями жареного мяса и тарелкам с мамалыгой. Последним вышел командир отряда.

Коренастый крепыш в форме старшего лейтенанта постоял на крыльце, картинно поправил кобуру и затем направился к столу. Его гладко бритый, шишкастый череп сверкал на солнце как надраенный медный котелок. Глаза плотоядно поблескивали, а на одутловатой опухшей физиономии гуляла самодовольная улыбка. Неспешно переваливаясь на коротких и массивных, как тумбы, ногах, он не шел, а словно надутый шар медленно подплывал к столу. Солдаты засуетились, освобождая ему место. Котэ прытью пробежал в дом, притащил стул и угодливо подсунул под старлея. Тот снисходительно потрепал его по плечу и вальяжно расплылся на стуле.

Толпа нетерпеливо загалдела и потянулась к тарелкам. Старлей с недоумением посмотрел на пустой стакан, поднял над столом, повертел и недовольно покосился на Котэ. Тот нервно задергался и визгливо прикрикнул на жену. Та метнулась на кухню, впопыхах опрокинула ведро и, не обращая внимания на мокрое платье и хлюпающую в башмаках воду, подхватила большой глиняный кувшин с вином и, причитая, возвратилась к столу. Котэ зло сверкнул на нее глазами, молча вырвал кувшин и, нервно постукивая горлышком по краю стакана старлея, наполнил его до краев.

Густая, янтарная струя выдержанного виноградного вина запенилась в кружках и стаканах солдат. Одобрительный вопль вырвался из десятков глоток. Они знали толк в хорошем вине. Старлей поднял руку, крики стихли, и во дворе воцарилась тишина. Он высокомерно посмотрел на солдат, расстегнул карман армейского бушлата, вытащил горсть золотых колец и женских сережек, схватил за ворот обалдевшую старуху и высыпал их за пазуху хозяйки. Снова дружный вопль потряс двор. Самые горячие схватились за оружие, и выстрелы заглушили звон стаканов.

Котэ кланялся, как китайский болванчик, и рассыпался в благодарностях. Жена ползала в ногах, разгребала траву и собирала просыпавшиеся на землю золотые украшения. Солдаты уже не обращали на них внимания. Их луженые глотки и ненасытные желудки с невероятной скоростью поглощали запасы из дома Котэ. Сам он скалился вымученной улыбкой и с тоской глядел на снующую с тарелками и кастрюлями жену.

Завтрак затянулся и перешел в обед. Куски хлеба плавали в лужах пролитого на стол вина. Обглоданные кости валялись в тарелках с кетчупом и приправами. Толпа пресытилась и отвалилась на лавках. Невесть откуда появился барабан, и нестройные пьяные голоса затянули песню. Трое едва держащихся на ногах солдат пытались встать в круг и под неровный ритм барабана принялись отплясывать что-то, отдаленно напоминающее лезгинку. Под армейскими ботинками хрустели автоматные гильзы, и серое облако еще не остывшего пепелища поднялось над двором.

Тимур из окна подвала наблюдал за пьяной оргией и не замечал крови, которая тонкой струйкой текла по подбородку и алыми пятнами расплывалась на куртке. От бессилия он кусал губы, до хруста сжимал кулаки и с ненавистью смотрел на убийц. Печка-буржуйка, служившая подставкой, покачнулась, и Тимур, потеряв равновесие, упал на бетонный пол.

Маришка вскрикнула и подбежала к нему, но он не замечал ее слез и не обращал внимания на боль в разбитом колене. В нем все заледенело от жестокости тех, без которых еще совсем недавно не представлял своей жизни. Они, бывшие друзья

Каха и Резо, как ни в чем ни бывало, носились по двору, где недавно шел бой и еще не успела высохнуть кровь отца и дяди Адгура, ели из посуды, которую мама выставляла на стол по праздникам.

Его детский ум не мог понять, что произошло с соседями и его бывшими друзьями, превратившимися в злейших врагов. Он не находил ответа на вопрос: что плохого сделали его папа и мама всем тем, кто сейчас занимал его родной дом? Он не понимал, почему друг папы, дядя Володя, лихой подполковник-десантник из Краснодара, не прилетел со своими солдатами, чтобы остановить войну и прогнать этих бородатых бандитов. В его сознании не укладывалось то, что рядом, в Адлере, за обмелевшей и превратившейся в еле заметный ручеек Псоу продолжал беззаботно жить и веселиться другой мир. Мир, который, казалось, не замечал артиллерийской канонады, сотрясавшей окраины Гагры, Гулрыпша и громким эхом катившейся по сочинским пляжам. Мир, который равнодушно относился к бедам тысяч беженцев, хлынувших в Краснодарский край. Как такое могло произойти, что они с сестрой стали пленниками в родном доме? Как?

В ответ звучали лишь пьяный рев и грохот барабанов. С приближением ночи стихли и они. Из углов подвала потянуло сыростью и холодом. Тонкие куртки уже не спасали детей, а наступивший голод отнимал последние силы. Тимур с трудом дождался, когда на дворе сгустилась темнота, забрался на печку-буржуйку, подтянулся на руках, выбрался на подоконник и залег, прислушиваясь к тому, что творилось во дворе и в доме.

Сморенные вином, сытой едой и усталостью солдаты рано улеглись спать. Один часовой продолжал неторопливо описывать круги вокруг зенитного орудия и танка. И когда он скрылся за углом дома, Тимур крадучись пересек двор и спрятался у навеса. Запах жареного мяса и хлеба кружил голову и придал ему смелости. Он подобрался к столу, зашарил по нему и принялся торопливо запихивать в карманы объедки. Рука наткнулась на миску, она слетела вниз и со звоном покатилась по садовой дорожке. Часовой выскочил из сада, резво пробежался по двору и, ничего не заметив, возвратился на пост.

Тимур решил больше не рисковать и, прячась за навесом, прокрался в подвал. Впервые за последние дни они с Маришей наелись досыта и забылись в тревожном сне. К полуночи усилился мороз и поднялся сильный ветер. Вскоре подвал превратился в настоящий ледник. Дети проснулись, их била непрерывная дрожь, но сильнее холода их изводила жажда.

Горло пересохло и превратилось в наждак. Каждый глоток вызывал спазмы и перехватывал дыхание. Усиливал эту пытку перец, которым было обильно пересыпано мясо. От него нестерпимым огнем жгло губы и язык. Тимур с сестрой обыскали все закутки подвала, заглядывали в банки и кувшины, но так и не нашли ни капли воды. Они собирали в ладошки иней с труб и слизывали его, но это лишь на время облегчало страдания. Жажда все сильнее изводила их.

За окном уже забрезжил хмурый рассвет, но Тимур решил рискнуть и выбраться во двор, чтобы набрать воды из колонки. Он взобрался на подоконник, стремительно пересек открытую площадку и дальше ползком добрался до водопровода. Но на месте колонки из земли торчал кусок трубы, забитый деревянной пробкой. Растекшаяся рядом лужа за ночь успела покрыться толстой коркой льда. Ломая ногти, Тимур принялся откалывать кусочки и складывать в пустую консервную банку. Пальцы быстро онемели от холода и перестали слушаться. Ему приходилось отогревать их своим дыханием и снова крошить лед. В подвал он возвратился, когда банка наполнилась до краев.

Мариша дрожащими пальцами хватала кусочки льда и торопливо совала в рот. Они ранили пересохшие и потрескавшиеся губы, царапали простуженное горло, но она не могла остановиться и глотала кусочек за кусочком. Банка быстро опустела, и жажда ненадолго отступила. Они снова забылись в тяжелом и беспокойном сне.

Очнулся Тимур, когда солнце заглянуло в окно и своими лучами согрело лицо. Но не оно, а стоны сестры разбудили его. Она в бреду металась по лавке и звала маму. Ее лицо пылало горячечным румянцем, пот ручьями тек по лбу и щекам, легкие рвал сухой и мучительный кашель. Мальчик сбросил с

себя куртку и укрыл сестру. Она временами приходила в себя, умоляющим взглядом смотрела на брата и просила пить.

Так продолжалось весь день, и только к вечеру Марише стало легче. Тимур понимал, что это ненадолго. Сестра серьезно заболела, но он ничем не мог ей помочь, и поэтому решил, как только подвернется случай, вместе с ней пробираться к дедушке Баталу. Потянулось время томительного ожидания. Солдаты угомонились и поднялись в дом, когда на дворе сгустились сумерки. Другого такого случая могло и не представиться, и Тимур решил воспользоваться им. Придерживая пошатывающуюся от слабости сестру, он подвел ее к окну и подсадил на печку-буржуйку. Но она, как ни старалась, так и не смогла взобраться на скользкий подоконник. Тогда он сам забрался наверх, сбросил Марише колодезную цепь и, собрав все силы, попытался вытащить ее из подвала. Но и эта попытка ни к чему не привела. Цепь каждый раз под тяжестью сестры выскользывала из его рук, и она падала на пол. Подвал родного дома превратился для них в настоящий склеп, из которого не было выхода. Глотая слезы, Тимур спустился вниз, поднял Маришу, дотащил до ниши, уложил на лавку, и потом долго приходил в себя. Сестре снова стало лучше, и Тимур решил отправиться за помощью к дедушке Баталу.

Поверенным путем он выбрался из дома и, прячась в кустарнике, берегом Беслетки спустился к центру города. Тимур не узнавал его. Темными закопченными глазницами-окнами смотрели на него заброшенные дома. Тут и там дорогу преграждали раздавленные и искореженные танками машины и троллейбусы. Ноги то и дело проваливались в воронки. Он потерял счет времени, когда, наконец, позади остался центральный рынок и начался район многоэтажек. Неподалеку от них, у моря, в своем доме жил дедушка Батал.

Тимур прибодрился и ускорил шаг. Впереди темной стеной возникли заросли разросшейся лаврушки. Продравшись через них, он выбрался на улицу и онемел. На месте дома дедушки темным провалом расплзлась огромная воронка. Война безжалостно расправлялась с его семьей. Он уже не помнил, как добрался до дома и спустился в подвал. В маль-

чике все помертвело от горя. Упав рядом с сестрой, Тимур потерял сознание.

Возвращение к жизни было долгим и мучительным. Его больше не пугали гвардейцы и не вызывала ненависти возня во дворе родного дома Кахи, Резо и Зураба. Он двигался, словно во сне, и только страдания сестры заставляли выбираться из подвала в поисках пищи и воды. С каждым разом добывать их становилось все труднее. Последним местом, где Тимур находил что-то съестное, оставалась миска Дика. Пес признавал его и беззлобно делился своей собачьей едой.

Сегодня им повезло. Старуха Котэ до краев завалила миску объедками. Тимур потянулся к кости, на которой сохранились кусочки мяса и хряща. Дик недовольно зарычал, затем сменил гнев на милость и дружелюбно завилал хвостом. Тимур приободрился и, преодолев страх перед громадным псом, схватил кость, быстро сунул в карман куртки и попятился. От голода и слабости перед глазами плыли разноцветные круги, ноги подкашивались, и он испугался, что вот-вот рухнет. Усилием воли ему удалось сделать несколько шагов, как снова страх, липкий и парализующий, припечатал к земле.

В хрустящей морозной тишине послышались легкие шаги, они приближались. Украденная кость огнем стыда обожгла руку, но у Тимура не хватало сил, чтобы избавиться от нее — там, в подвале, ждала умирающая от голода сестра. Сердце бешено застучало, и тысячи невидимых молоточков комариным писком отозвались в висках. Мальчик сжался в комок и зажмурил глаза, ожидая грозного окрика и удара. Прошла секунда-другая, но ничего не происходило. Шаги стихли, и лишь ветер продолжал шелестеть прошлогодней листвой на орешнике и груше.

Тимур перевел дыхание, медленно обернулся и остолбенел. За густым переплетением виноградской лозы стояла она — мама! Он не мог поверить в это чудо, закрыл глаза и долго не решался открыть их.

Громкий кашель и повизгивание Дика вывели Тимура из оцепенения. Он приоткрыл глаза и задохнулся от внезапно нахлынувшей волны счастья. Нет, это не было голодной гал-

люцинацией. Перед ним вертелся Дик, позади него находилась собачья будка, на своем месте стоял дом Котэ, и росла старая груша. А за ней мелькало мамино платье!

Нет! Он не мог ошибиться. Это было оно, белое с бутоном алой розы на груди. Его трудно было спутать с каким-либо другим. Он хорошо помнил тот день, когда папа отложил все дела в сторону, и они на несколько дней вырвались в Пицунду из того кошмара, что творился в Сухуме.

Было это в тепер уже далеком июле девяносто второго, за месяц до начала войны. Ее ледящее дыхание не мог остудить даже летний зной. В воздухе витал запах пороха и большой крови. Их ощущали не только взрослые, но и дети. Они жили ощущениями того, что вот-вот что-то страшное должно обрушиться на них, на город и уничтожить тот хрупкий мир, который еще чудом сохранялся на крохотной приморской полоске земли.

Но с каждым днем надежды на него становилась все меньше. Крутые сутки на площади перед театром бесновалась озлобленная толпа. Среди бела дня молодчики в черном громили армянские, абхазские, греческие кафе и ларьки. На улицах все чаще появлялись люди в военной форме с автоматами за спиной. А по ночам в разных районах города звучали выстрелы и разрывы гранат. Мама перестала выпускать его и Маришу на улицу, а по вечерам с тревогой ждала возвращения мужа с работы. Тот появлялся поздно и, не поужинав, без сил валялся в постель. Вот потому два дня в Пицунде стали для них настоящим и, как оказалось, последним подарком судьбы.

Там, под густыми кронами гигантских реликтовых сосен, отделивших могучей стеной этот сказочно прекрасный уголок заповедной земли от остального мира, казалось, навсегда поселились Доброта, Красота и Любовь. А где-то за ними и неукротимой Бзыбью остались Зло, Коварство и Предательство. Здесь же яркая россыпь далеких и загадочных южных звезд влекла в бесконечную небесную высь, и рождала светлую надежду на то, что там, среди них, будет найдена та вселенская мудрость, которая очистит души от скверны и спасет мир на этой божественно прекрасной земле.

Ласковая и игривая морская волна тихо шуршала прибрежной галькой, щекотала ноги, звала окунуться в изумрудные воды и заглянуть в подземные замки сурового Посейдона. На центральной набережной под белоснежной, словно парящей в знойном мареве мраморной аркой, в хрустальном сверкании струй фонтана вместе со счастливой и беззаботной ребячней плескались два бронзовых дельфина. Они влекли за собой в переливающуюся серебром безбрежную морскую даль.

Те два незабываемых дня пролетели для Тимура и Маришки как один счастливый миг. Пицунда жила и наслаждалась последними днями мирной жизни. В тот месяц как никогда много приехало отдыхающих, в кафе, столовых и на пляже не было свободного места. Казалось, что вся страна двинулась в Абхазию и собралась на этом краешке земли.

Рынки были завалены фруктами. В магазинах и палатках глаза разбегались от обилия товаров. В одном из них мама купила это платье и вечером, когда они прогуливались по набережной, многие оглядывались на них. В неярком таинственном свете ночных фонарей и загадочном отблеске морской волны, мама походила на сказочную фею...

Тимур, все еще не веря в чудо, подался вперед и смахнул рукой туманную пелену перед глазами. Мамино платье никуда не исчезло. Его рукава потянулись к нему. Она жива! Мама вернулась! Но радостный вскрик, так и не родившись, умер на губах Тимура. Порыв ветра смял платье, и в просвете между ветками показалось злое лицо старухи Котэ. Она пыталась снять его с веревки, но платье вырывалось и не давалось в руки. Махровое полотенце Маришки хлестало старуху по лицу, а рукава папиной рубашки вцепились в ее волосы.

Тимур бросился прочь из этого ненавистного двора. Старуха не узнала его в оборванном и грязном мальчишке, десятки таких, как он, бездомных сирот скитались по городу, но не поленилась швырнуть камнем и натравить пса. Дик понуро смотрел на нее, но так и не сдвинулся с места. Хозяйка обрушилась на него с руганью. Солдаты, поднятые на ноги ее воплями, высыпали из дома. Трое скинули с плеч автоматы и короткими перебежками побежали к забору. Дорога к подвалу

была отрезана, и Тимуру пришлось искать спасение в зарослях на берегу Беслетки.

Он, спотыкаясь и падая, бежал через сад, но силы быстро оставили его. Солдаты не стали стрелять и поленились гнаться. Стена густого кустарника укрыла Тимура. По инерции он сделал еще несколько шагов, в изнеможении рухнул на землю и долго лежал без движения. Во дворе давно уже все угомонились и забыли про мальчишку-нищего. Но у него не было сил, чтобы оторваться от земли и только мысль о больной сестре подняла на ноги.

Как во сне, он продирался сквозь кустарник, прятался за деревья и выжидал, когда орудийный расчет и часовой уйдут со двора. Наконец гвардейцы зашли за дом. Тимур выбрался из укрытия, прокрался к окну и спустился в подвал.

В нем царила звенящая тишина, не было даже слышно возни и писка мышей, которые жили под лестницей. Неясная тревога зародилась в Тимуре. Он поспешил к нише и с облегчением вздохнул, когда увидел в полумраке бледное лицо сестры. Мальчик лихорадочно зашарил по карманам, вытащил кость, оторвал от нее кусочки мяса и протянул сестре. Она не пошевелилась и не открыла глаз. Холод ее губ огнем нестерпимой боли обжег Тимуру пальцы...

И здесь Тимур прервал свой рассказ. Я и Батал, потрясенные услышанным, не нашлись, что сказать. За нас говорили наши глаза. Он, стесняясь своих слез, прыгнул с деревянного настила на берег, и пошел к морю. Вечерний закат теплыми красками согрел развалины морского порта, причудливыми бликами заиграл на бронзовом теле юноши. Он выпрямился и смело пошел навстречу поднимающейся волне.

За прибрежной косой тревожно рокотало море. Коричневые буруны пенились в устье реки. После проливных дождей кроткая Беслетка превратилась в настоящее чудовище. Она крушила на своем пути слабые запруды, грязными языками слизывала дома и сады, с корнями вырывала деревья и, уверовав в собственное всеисие, обрушилась на море. Оно ненадолго отступило, и залив до самого мола залила желтая жижа.

К ночи поднялся шторм. Рассерженное море тревожно гудело и рокотало. Берега сотрясались от ударов могучих валов. К утру шторм стих. Легкая волна морщила зеленоватую гладь залива, а о недавнем сумасшествии и буйстве Беслетки напоминали лишь кучи мусора и стволы деревьев на песчаной косе. Солнце снова мирно плескалось в прозрачной и спокойной воде.

Молох

Об этой встрече мы не договаривались, все получилось как-то спонтанно. Из Ачандары неожиданно подъехал Батал Ахба, с которым я не виделся больше трех лет. У Феликса Цикутании, как всегда, в кармане завалилась лишняя тысяча рублей, а у запасливых братьев Читанава сохранилось прошлогоднее вино. Не долго думая, решили (с подачи Феликса) организовать хлеб-соль по дежурному варианту в «Абхазском дворе», у безотказного Бено.

Не прошло и часа, как все было готово. Я и мои друзья заняли ближайший к морю столик. За ним не хватало только Дениса — младшего из пятерых братьев Читанава, он задержался в избирательном штабе Сергея Багапша. Мы бросали нетерпеливые взгляды на дорожку и с трудом сдерживали аппетит от вида того изобилия, которым ломился «скромный» абхазский стол. Хлебосольный хозяин «Двора», Бено, решил, видимо, проверить финансовые возможности Феликса, и не поскупился.

Пузатый, запотевший, словно негр в русской бане, пятилитровый графин с вином лоснился посередине стола. Его окружала целая гора из нарезанных крупными ломтями очамчирских помидор, щедро усыпанных петрушкой, луком и кинзой. Флотилии из разнокалиберных соусниц с арашихом и асизбалом — острыми приправами из грецкого ореха, алычи, обильно сдобренных острым перцем, окружали нас со всех сторон. Легкий парок поднимался над кусками только что снятой с огня отварной козлятины. Ароматный запах исходил от рассыпчатой мамалыги и сыра сулгуни, янтарными дольками лоснившегося в ней. Все это будило волчий аппетит.

Первым терпение иссякло у Феликса. Он потянулся к графину с вином, и тут-то во «Дворе» появился запыхавшийся Денис.

— Молодец, знаешь, когда явиться! — приветствовал его Бено.

А старший брат Савелий не удержался от шутливой упрёка:

— Денис, на работу можешь не приходить, но опаздывать на хлеб-соль — это уже преступление.

Тот устало плюхнулся на лавку и, бросив на стол измятую листовку, в сердцах произнес:

— «Хаджибисты» совсем совесть потеряли! Вы посмотрите, что они на наших льют.

Мы пропустили эти слова мимо ушей и потянулись к стаканам, а Батал даже не пошелохнулся. На его лицо набежала тень, голубые глаза потемнели, как море перед началом шторма, и он желчно заметил:

— А о твоих, Денис, партократах с комсомольцами и говорить нечего! Профукали Союз, и если им опять дать власть, то они профукают и Абхазию.

— Ребята, вы что?! — в один голос воскликнули Бено с Феликсом.

Но ссору уже невозможно было остановить. Денис вспыхнул как спичка:

— Ты че несешь? Это Багапш с Лакобой профукают Абхазию?

— Я одно знаю точно, что с Раулем будет, как и при Владиславе, — гнул свое Батал.

— Легко сказать. Ты что, забыл, как Василич в Очамчире останавливал отморозков из «Мхедриони». Он, а не Рауль, первым пошел против них! А тогда был не девяносто второй, когда нам деваться было некуда, а восемьдесят девятый.

— Ты это еще через сто лет вспомни. Как оно на самом деле было, теперь кто знает, — отмахнулся Батал.

— Я знаю! — неожиданно поддержал Дениса обычно дипломатичный и осторожный Феликс. — Все на моих глазах происходило. Я в то время в очамчирском курортторге работал и, если память не изменяет, было это в июле. Василич

проводил с нами планерку, тут позвонили из Гага и передали, что четыре «икаруса», битком набитых «мхедрионовцами», едут на Сухум. Сидим, как в воду опущенные, представить такое в восемьдесят девятом, когда еще крепко стоял Союз, никто не мог. Василич начал срочно звонить в Сухум, в обком, там тоже не знают, что делать. А тут с поста ГАИ пришла новая информация — «мхедрионовцы» разоружили милиционеров. Мы смотрим на Василича, а он на телефон. Сухум не отвечает...

Феликс смолк, спустя столько лет те далекие драматические события с новой силой ожили в нем. Справившись с волнением, он продолжил:

— Короче, Василич распорядился раздать охотничьи ружья добровольцам, а милиционерам, тем, кто был из наших, приказал идти к мосту через Галидзгу и заблокировать двумя бензовозами. Дальше что рассказывать, сами слышали, какой кипиш поднялся. Они, сволочи, поперли вперед и начали стрелять. Нам ничего другого не оставалось, как только подорвать бензовозы! Палили, как на войне, были раненые. Василича тоже зацепило, но это пустяк по сравнению с тем, как его потом на парткоммах прессовали. В прокуратуре дело хотели возбудить. Его в конце концов задвинули на хозяйственную работу. Так, что он...

— Я против Багапша лично ничего не имею, — перебил Батал. — Он отличный хозяйственник, а вот какой вояка — не знаю. Зато Рауль с первого и до последнего дня на Восточном фронте воевал и такие разведоперации закручивал, что некоторым вашим бывшим министрам, которые сейчас в президенты рвутся, а тогда сидели в Гудауте, и не снились!

— Что-о? Вояка, говоришь? Сегодня весь Восточный фронт вместе с Мерабом ищут тот самый окоп, где сидел тот самый Рауль! — снова вспыхнул Денис.

— Он сидел там, где надо. А вот твой Анкваб — в Тбилиси, в любимчиках у Шевы ходил, — огрызнулся Батал.

— Во-первых, он не мой. В любимчиках, говоришь?.. Да, если хочешь знать, он отца родного оштрафовал. Что ему какой-то Шева. Нет, Анкваб — голова! Это тебе не «трофейный» генерал! В тридцать два, в советские времена, — лампы, а тем более у ментов, за одни красивые глаза их не давали.

— Денис, я что-то тебя не пойму: то ты за Багапша, то за Анкваба.

— Я за нормальных людей, хоть они и в разных командах.

— Командах? Все они одним миром мазаны! Вокруг твоего Багапша куча бывших партократов и комсомольцев! В девяносто первом такие, как они, прохлопали Союз...

— Что? Ты хочешь сказать, что я и Феликс сидим в той куче, а завтра тебя с твоим Раулем в Грузию поведем? — взорвался Денис и в запале воскликнул: — Мне здесь делать нечего!

Мы опешили. Савелий растерянно хлопал глазами, а когда пришел в себя, извинился и бросился догонять брата. Бено, помывшись, вспомнил о шашлыках и незаметно исчез на кухне. Феликс тоже чувствовал себя не в своей тарелке и, сославшись на забытую в фитобаре «Мушни» спортивную сумку, отправился за ней.

Мы с Баталом остались одни. Он, пряча глаза, потянулся к сигаретам, нервно закурил и ушел в себя. Я зашелестел журналом, исподволь поглядывал на него и не знал, с какого бока подступиться. За эти несколько месяцев с ним, и не только с ним — со многими моими знакомыми и друзьями, произошли странные и труднообъяснимые метаморфозы. До сегодняшнего дня я знал совершенно другого Батала, и мне вспомнился совершенно другой разговор, произошедший на этом же самом месте...

Как и сейчас, шел август, но только девяносто девятого года. Встреча произошла случайно у братьев Читанава, в фитоцентре «Мушни». Мы искренне были рады ей. Последний раз я видел Батала на спортивном празднике в Ачандаре, и было это в девяносто шестом, а потом через общих знакомых мы обменивались приветами. С тех пор он сильно изменился, виски припорошила ранняя седина, и уже не так часто, как прежде, на лице появлялась открытая улыбка. Потемнели бездонные, как горные озера, голубые глаза, а в их глубине затаилась невысказанная боль и тоска. На моем лице отразилось недоумение. Он тяжело вздохнул и с грустью, не по годам мудро, сказал:

— Возраст измеряется не годами, а пережитым.

Возникла неловкая пауза. Батал ушел в себя и затем, стыдясь своей слабости, тихо произнес:

— Ты знаешь, так трудно, как сейчас, мне не было даже на войне.

Я молчал и не знал, что сказать, опасаясь неосторожным словом еще больше ранить его.

— За что? Почему, после стольких лет, она продолжает мучить и мстить? — продолжил Батал этот, скорее с самим собой, разговор. — Чего ей еще надо? Недавно она забрала мать. Слег и не встает отец. А когда приходит ночь, она оживает во мне и начинает истязать. Под сердцем возникает что-то омерзительное и мучительными кошмарами преследует до утра. Спасаясь от этого наваждения, я иду сюда — к солнцу, к морю и людям, которые не поражены отвратительной проказой войны. Но проходит день, наступает вечер, и она снова забирает меня к себе.

— Когда это произошло? — терзался в поисках ответа Батал. — Наверно, той промозглой осенью девяносто второго года. В ту ночь я с тремя одноклассниками перешел тот роковой рубеж, что подвластен одному Господу. Проклятые политики! Ну почему они не захотели договориться и бросили нас друг на друга! Вчерашние друзья и родственники превратились в смертельных врагов, сосед пошел на соседа, а когда прогремели выстрелы, то уже невозможно было найти ни правого, ни виноватого.

И тогда мы решились, — вспоминал он, — выйти на страшную охоту — на охоту на людей. Инал и Юра были совсем пацаны, им бы в школе теорему Пифагора зубрить да про Ломоносова читать, но у войны свой отсчет и свой выбор. В кромешной темноте мы спустились в ущелье, перешли ручей и начали взбираться по склону. Под ногами предательски потрескивали сучья и с грохотом осыпались камни. По узкой, местами размытой дождями и оползнями горной тропе вышли на передний край обороны.

Впереди лежало минное поле, за ним, в сотне метров, начинались вражеские позиции. Проход, проделанный в заграждении минерами и ребятами из разведки, в темноте ночи утратил знакомые очертания, и наши дневные наблюдения,

похоже, оказались напрасными. Как назло, луна ушла за тучи, но возвратиться назад гордость и заевшее самолюбие не позволили, и мы, скрипя зубами от злости, ползли вдоль колючки, пытаясь найти тот чертов проход. За поисками не заметили, как снова очутились на поляне, где недавно встречались со своим дозором, пришлось тащиться обратно.

К тому времени показалась луна и осветила окрестности своим неверным светом. На этот раз мы быстро нашли проход и остановились в начале еле заметной тропки. Долго не решались ступить на землю, из которой в любое мгновение могла отозваться затаившаяся смерть. Первый шаг дался с трудом, сердце замирало, когда нога опускалась на песчаный бугорок, и он разъезжался в сторону. Так, метр за метром, отсиживаясь в воронках и вслушиваясь в хрупкую тишину, мы продвигались вперед. Я не выпускал из руки пистолета, а ребята ножи. На «нейтралке» тот хозяин, кто действует первым.

Пока нам везло; с той стороны к нам в «гости», похоже, не собирались. До поры до времени молчали их пулеметы. После недавних тяжелейших боев грузины тоже сели на «голодный паяк» и лишь время от времени попугивали осветительными ракетами. Со змеиным шипением они взлетали в ночное небо, и мы плашмя шлепались на землю, а когда все снова погружалось во тьму, короткими перебежками продвигались к окопам. За время боев артиллерия сравняла с землей все живое и нежилое. Дома превратились в груды развалин и, оцетинившись обломками кирпича и арматуры, безжалостно терзали наши ноги и руки.

Пока пробирались по «нейтралке», взмокли как мыши, а ей все не было конца, и тут над моей головой что-то громко звякнуло. Я обмер — напоролся на колючку с «колокольчиками» и подумал, что конец. Казалось, что эти чертовы консервные банки никогда не перестанут дребезжать. На грузинском посту то ли не слышали, то ли не обратили внимания. Мы выждали пару минут, потом проделали дырку в колючке и по одному перебрались ближе к окопу.

Метрах в десяти слабо угадывался его бруствер. Грузины, напуганные огнем наших снайперов, вели себя тихо, как мыши,

и строго соблюдали светомаскировку. Только по тлеющим огонькам сигарет и приглушенным разговорам часовых можно было догадаться о расположении постов. Не сговариваясь, решили взять вправо и под прикрытием мелкого кустарника выйти на них. С оружием, пистолетом, я был один, и потому ребята пустили меня вперед. Никто из нас не имел никакого понятия о какой-то там военной тактике, но интуиция подсказывала, что в случае неудачи надо искать спасения в глубокой ложине.

До цели оставалось рукой подать, когда передо мной затрещали кусты. Кожа на грузинской заднице светилась, как белое пятно под хвостом оленя. Грузин сделал свое грязное дело, подтянул штаны и стал застегивать их. Всего один короткий бросок, и с ним было бы покончено, но я не мог оторваться от земли, тело словно приросло к ней. То же самое творилось и с ребятами.

Нет, это не было страхом. Он остался там, на минном поле. Здесь было нечто иное. Перед нами стояла не злобный и кровожадный враг, а обыкновенный человек. Все, что он делал, было до того буднично, что ощущение войны и его враждебности утрачивало всякий смысл. Накинуться на него и убить оказалось выше моих сил. Не смогли сделать этого и ребята. Мы сползли в воронку и подавленно молчали. Никто не решался первым заговорить. Слабость, стыд и горечь владели нами.

Порывы ветра тихо шелестели листьями кустарника и слабым посвистом отзывались в разрушенных отопительных трубах. Где-то в глубине позиции грузин монотонно гудела дизельная станция и рокотал мотор бэтээра. Со стороны окопа долетали обрывки разговора, затем послышалась неясная возня, и потом кто-то заржал. Хриплый бас прервал залиvistый, переходящий в визг смех. И смех взорвал нас. Вспышка необузданной ярости сорвала нас с земли. Выхватив ножи, мы выбрались из воронки и, обдирая локти о камни, поползли к окопу.

Они возникли неожиданно, их было двое. Старые АКМ небрежно болтались за спинами. Слабый свет зажигалки выхватил из темноты заросшие лица. На месте глаз зияли темные провалы. Крепкие зубы обнажились в белозубой улыбке. Они

беззаботно смеялись и не подозревали, что всего в нескольких шагах затаилась их смерть.

Мы застыли перед последним броском. Броском, после которого ни я, ни мои друзья уже не смогли возвратиться к самим себе. Там, на кромке бруствера вражеского окопа, я стал другим. Сердце бешено молотило и готово было вот-вот выскочить из груди. Тошнотворный ком подкатил к горлу. Рукоять штык-ножа раскаленным куском металла нестерпимо жгла руку и, потом когда с ними было покончено, еще неделю багровые рубцы не сходили с ладоней.

Наши глаза встретились. Противник оказался моим ровесником. Я до сих пор помню, как от испуга у него дрожали губы с тлеющим окурком и слабый пушок над ними. От страха он оцепенел. Не знаю, сколько длилось это мгновение, но тогда оно показалось мне бесконечным. В моем сердце была абсолютная пустота, руки стали чужими; видимо, сработал инстинкт самосохранения, и я бросился вперед. За мной ринулись ребята. Ножи и руки рвали, кололи и терзали обмякшие тела. Чужая и своя кровь хлестала по нашим лицам, ломались ногти, а мы не могли остановиться и продолжали их терзать.

Вспышка осветительной ракеты и пулеметная очередь отрезвили нас. Содрогнувшись от содеянного, мы неслись назад, не замечая ни разрывов мин, ни свиста пуль. Не помню, как проскочил минное поле, как оказался в своем окопе. Нас рвало и выворачивало наизнанку. Впервые выпитая кружка спирта и новая одежда не могли унять дрожь, сотрясавшую наши тела. Незримые пятна пролитой чужой крови жгли кожу и терзали душу. Мы не могли смотреть друг на друга, слишком велико было потрясение.

Убить, человека, пусть даже врага... — каждое слово с трудом давалось Баталу, — это что-то убить в самом себе. Не верь тому, кто говорит, что война все спишет. Вранье! От самого себя не убежишь. После той вылазки были еще бои, много боев, я снова убивал, и меня больше не мучили кошмары, а нож не жег руку. Говорят, человек ко всему привыкает, в том числе и к такой омерзительной работе, как война. Но разве от этого легче? Я отнимал чужие жизни, и каждый раз что-то терял в

себе. Терял... — и, не закончив мысли, он повернулся в сторону столовой и прислушался к голосу диктора, доносившемуся из динамика.

Передавали последние новости. Они больше напоминали фронтовые сводки: отряды исламских боевиков вторглись в Новолакский район Дагестана. На карамахинском направлении федеральные силы и местное ополчение после ожесточенных боев вышли на окраины села и полностью блокировали боевиков. В Буйнакске после террористического акта под развалинами дома оказались погребенными свыше ста человек. В городе Черкесске между митингующими произошли столкновения, есть раненые, — скороговоркой сообщал диктор.

— Сумасшедшие! Безумцы! Ради чего? — воскликнул Батал. — Неужели им мало наших трагических уроков? Мерзавцы! Подлецы! В ненасытной жажде власти они швыряют к подножию ее трона целые народы и государства! А наивные слепцы, поддавшись дурману их речей, с остервенением набрасываются на соседа, видя в нем источник всех своих бед. Как и почему такое могло случиться?.. Кто и когда бросил то проклятое слово в народы, которое калечит их сознание и души? Откуда в нем, этом слове, взялась такая темная дьявольская сила, что смогла разрушить то, перед чем оказались бессильны фашисты? — терзался Батал.

— Неужели история ничему не учит? — с болью в голосе произнес Батал и продолжил: — Десять лет назад в Черкесске, так же, как сейчас, оно замутило души многих и обезумевшими толпами выплеснулось на площади. Каждый кричал о своей беде и боли, но был глух к чужим бедам. А когда первая кровь обагрила камни, то началось это всеобщее безумие. Зерна национализма и фашизма дали свои страшные всходы.

Затем пришли мерзавцы Китовани с Иоселиани «восстанавливать конституционный порядок и охранять железную дорогу» — так это тогда называлось, — с презрением бросил Батал и, поиграв желваками на скулах, продолжил: — Сволочи! Ничего хорошего от вора в законе с отморожками из зоны нам ждать не приходилось. Они, как волчья стая, набросились на город, принялись грабить и насиловать. Эти негодяии знали

только один закон — закон уголовной зоны. Потом, когда драпали из Сухума, все дороги в Грузию были забиты автобусами, даже троллейбусы ухитрились утащить. И чего в них только не было! Оборудование с винзавода и чайной фабрики, детские коляски и нижнее женское белье... Вот так наводился «конституционный порядок».

Но это было в сентябре девяносто третьего, а тогда, в девяносто втором, когда у них были танки и вертолеты, а у нас дедовские ружья и сотня автоматов, в Тбилиси полагали, что их ждет легкая прогулка. По себе мерили... Думали, мы сразу лапки кверху поднимем и место в их «грузинском рае» станем вымалывать. Не дождутся! Но говорить, что все наши, как один, бросились танки останавливать, тоже не честно. По-всякому было. Одни, таких оказалось немного, трусливо бежали за Псоу. Другие, растерявшись, искали защиты у Господа, и лишь сотня молодых ребят пыталась остановить эту банду.

Первыми, как всегда, гибли самые беззащитные. Истерзанные тела женщин, детей и стариков сутками лежали на улицах. Невыносимый смрад и едкий запах гари висел в воздухе. И чтобы остановить бойню, Владислав Григорьевич пошел на перемирие. По его указанию Сергей Багапш, Александр Анкваб и Заур Лобахия отправились в захваченный гвардейцами и бандитами из «Мхедриони» Сухум. Три дня шли переговоры с Китовани. Чего это им стоило в окружении «отморозков» — знают только они сами. Вроде как договорились вывести все войска из Сухума.

Наивные! Кому поверили? Бывшим каламам и кидаламам! — негодовал Батал. — Пока шли переговоры, эти мерзавцы втихаря укрепили позиции и подтянули свежие силы. Наши за это время не сделали ни одного выстрела. Шева, похоже, посчитал, что нам каюк, и не стал церемониться. Под дудку американцев «запел» и пообещал, что за двадцать четыре часа наведет в «Западной Грузии конституционный порядок».

Козел безмозглый! Жалкими пигмеями нас назвал и грозился всех в кандалы заковать. Лучше бы их для себя приберег! Таких, как он, надо сажать в клетки, возить и показывать по миру, чтобы другим неповадно было. Негодяи, они все одним

миром мазаны! Для них грузины такое же «пушечное мясо», что мы или русские. Грозилась сто тысяч своих положить, но только чтобы ни одного абхаза в живых не осталось, — вспомнил Батал про угрозы Каркарашвили, командующего грузинскими войсками, и снова вернулся к рассказу:

— Три дня, пока шли переговоры, их пушки молчали, а потом, как только наши отошли за Гумисту, эти кидалы тут же похерили договоренности и обрушились на нас всей мощью артиллерии и авиации. Морской десант с Каркарашвили высадился у Гагры и захватил город, чтобы отсечь помощь братьев из Адыгеи, Кабарды и Кубани. Их бронированные клещи вгрызались и рвали на куски нашу оборону. Десять танков по нижней дороге у Эшер прорвали фронт и двинулись к Новому Афону. Ребята, ополченцы из университета, затаскивали на скалы копны сена, поджигали и сбрасывали их на танки. В ход шло все: «зажигалки» — бутылки с зажигательной смесью, канистры и автомобильные камеры с бензином, но враг не останавливался и продолжал упорно лезть вперед.

Обращения за помощью к Родине, которая была матерью для наших отцов, не нашли ответа. Москва Ельцина была глуха к нашей мольбе. Алчные властолюбцы, им наплевать было на то, что происходило здесь, в Абхазии, Карабахе или Приднестровье. Людские жизни, Союз для них стали пустым звуком. В безумной жажде власти они торопились поделить великую страну. Говорят, прежде чем Шеварднадзе решился бросить банды Китовани и Иоселиани на нас, он разговаривал с Ельциным, и тот дал два дня, чтобы усмирить «бунтовщиков», а потом они договорились встретиться на Красной Поляне, чтобы отметить победу. Может, тех слов и не было сказано, но за них говорят мерзкие дела.

14 августа, когда на улицах Сухума всю грохотала артиллерийская канонада, бушевали пожары, появились убитые и раненые, произошло знаковое событие. Можно как угодно к этому относиться, но факт остается фактом — первыми жертвами стали не наши ребята, а русские офицеры.

Три грузинских вертолета зашли на город с моря и нанесли удар не по ополченцам, остановившим колонну Китовани

на походах к Красном мосту, или расположению абхазского батальона милиции, а по санаторию ПВО России. Уж его-то перепутать с любой другой целью просто невозможно. Других таких высоток в Сухуме просто нет. Погибли майор с женой из Питера, и еще один офицер с ребенком. В Тбилиси знали, что делали. Я думаю, уже тогда Шева и американцы, метя в Абхазию, на самом деле били по России. Сильная Россия им не нужна, не для того они столько лет разваливали Союз. Им нужны только слабые и покорные.

Скажешь, я не прав? Посмотри, что сейчас происходит в Закавказье. Американцы и турки уже вовсю хозяйничают в Тбилиси и Баку, а теперь в Москве пытаются рулить, как у себя дома. Правда, тогда, в девяносто втором, мы, я имею в виду нормальных людей, у которых не доллар в глазах и совесть чиста, наивно полагали, что для этих ельциных, кравчуков и шеварднадзе русские, украинцы, грузины и абхазы были их народом.

Слепцы! Как же мы жестоко ошибались! Они, эти — «Ум, честь и совесть эпохи», давно смотрели на нас, как на быдло! Для меня все стало ясно во время боя за Красный мост, — нервно затянувшись дымом сигареты, Батал продолжил рассказ: — Это было что-то запредельное. В Новом Афоне, Пицунде и Гаграх люди еще наслаждались жизнью: купались, загорали, любили, пили и ели, а у Красного моста уже лилась кровь и гибли невинные. Чтобы остановить эту бойню, Владимир Григорьевич попытался связаться с Ельциным. Тот брюхо грел тут, под боком, в «Бочаровом Ручье».

Трубку взял Коржаков. Был такой цепной пес при кремлевском Хозяине. Знаешь, что он ответил? «Не беспокойте, Борис Николаевич в море...»

Нет!.. Ты только представь?!.. — даже спустя годы Батал не находил слов от душившего его гнева. — Они, сволочи, купались, грели животы на солнце и преспокойно жрали водку, а всего в сотне километров танки гусеницами утюжили народ, его народ!

Наши от такого ответа потеряли дар речи, а когда пришли в себя, попытались еще раз выйти на Ельцина, но опять напоролась на Коржакова. Тот как ножом отрезал: «Чего вы лезете?»

Вам русским языком сказано: Борис Николаевич ловит...» и бросил трубку.

Теперь видишь, чего наловили эти негодяи! Ну, да бес им друг, а свинья товарищ.

К счастью, не все они решали — провидение хранило нас. Кубанские и донские казаки, крепкие парни с Приднестровья и Донбасса, братья по крови адыги и черкесы, чеченские добровольцы с Шамилем Басаевым, кто вплавь, а кто по заснеженным перевалам, пробивались к нам на помощь. Их не могли остановить ни запреты, ни пограничные кордоны! Они шли сюда по зову совести, чтобы сражаться за ту нашу общую Родину, которую предали и продали такие политиканы, как ельцины, кравчуки и шеварднадзе.

Журналист Саша Горшков, поэт Саша Бардодым, положившие здесь свои жизни, и сотни других парней со всего Союза в тот трудный час для нашей маленькой родины встали рядом. Многие не служили в армии и не держали в руках оружия. Они пришли сражаться за правду и за ту Великую Родину, от которой никогда не отделяли Абхазию.

— Деньги! Богатство! — Батал презрительно усмехнулся. — Это наглая и бессовестная ложь, которой хотели прикрыться те, кто развязал войну. Идиоты! Им не дано понять, что кроме презренного золота есть неизмеримо большие ценности — совесть и честь! И пусть нам на помощь пришли не тысячи, а сотни, но уже одно то, что мы не одни, подняло наш дух и дало сил выстоять и не сломаться. А положение было критическое. В первую неделю грузины захватили Сухум, с моря взяли Гагру и вышли на границу с Россией, но мы, зажатые между горами и морем, не теряли надежды. Помнишь, как в той песне Владимира Высоцкого: «Вперед и вверх, а там... Ведь это наши горы, они помогут нам!»

И горы помогли, другой земли у нас не было и нет. Победа пришла позже. А тогда, в августе, эти мерзкие шакалы, опьяненные нашей кровью, упивались победой. Каждый день с высот над Гумистой и Бзыбью, сцепив зубы, мы наблюдали, как эти нелюди разрушали наши города и села, мучили и истязали наших матерей и сестер. За завесой наглай клеветы и

дезинформации они пытались скрыть правду. Но ни минные поля, ни заградительные отряды, ни свирепствовавшая полиция сатрапа Ахалая, опутавшая каждый квартал, каждый дом паутиной страха и доноительства, не могли заглушить голос правды.

Разведчики, узники, чудом вырвавшиеся из застенков Ахалая, рассказывали о зверствах и истязаниях, творимых гвардейцами и полицейскими. Об этом трудно говорить, но это надо знать.

Батал смолк, достал из пачки новую сигарету, нервно помял ее в пальцах, но так и не закурил. Его слова, тяжелые как камни, обрушились на меня:

— Мирю Цецхладзе убили лишь за то, что его сыновья, грузины, ушли в наше ополчение, чтобы защитить свой дом и свою землю. Нелюди... Искололи ему грудь штыками, а затем отрубили руки.

В этот же день до смерти замучили Адлейбу Сирбию, ветерана еще той войны, Великой Отечественной. Вся его вина состояла в том, что он, абхаз, осмелился сказать своим мучителям правду. Бедного старика забили до смерти прикладами и в приступе звериной злобы не пощадили жену-грузинку. Пули изрешетили хрупкое тело женщины, а она на глазах остолбеневших палачей шла к тому, с кем делила радости и горе. Великая любовь дала ей силы, чтобы и после смерти они остались вместе. Еще долго над осиротевшим двором гремели выстрелы, терзая бездыханные тела, слившиеся навеки в последнем объятии.

Эти чудовища не останавливались ни перед чем! В них не сохранилось ничего человеческого. Варвары! Зверье! Они вымещали злобу на безвинных стариках, женщинах и детях. Под Келасуром загнали людей в трубы на газораспределительной станции и замуrowали. Среди бела дня застрелили в квартире сухумскую художницу Равилю Мухаметгалиеву, и таких...

Батал осекся, от нервного спазма у него перехватило дыхание. Я подлил сока в его стакан, но он не притронулся к нему, провел ладонью по лицу, словно пытался избавиться от прошлых жутких воспоминаний. Ветер трепал его густые волосы, тронутые ранней сединой, смахнул с пепельницы давно

потухшую сигарету. А Батал, казалось, ничего не видел и не слышал — он находился в прошлом. Я, не меньше его потрясенный услышанным, не знал, что сказать. Батал сделал это за меня. Он, очнувшись, с ожесточением произнес:

— Терпеть такое было выше человеческих сил. Наши сердца переполняла лютая ненависть к палачам, и командиры уже не могли удержать нас. 16 марта мы без колебаний пошли в бой, чтобы расквитаться с этой мразью. В предрассветном полумраке цепи разведчиков, взвода абхазской и армянской рот, кубанские и донские казаки поднялись в отчаянную атаку. Это был первый и самый трагический штурм Сухума.

Как на зло, выпал снег; такого на моей памяти еще не было. Ноги тонули в сугробах. Ледяная мартовская вода Гумисты обжигала тело, острые камни рвали одежду и до крови рассекали руки, но никто не проронил ни слова, ни подал стона. В стремительном броске мы форсировали реку и залегли в прибрежных скалах. Разведчики с минерами ушли вперед проделывать проходы в минных полях и снимать неприятельские дозоры. Пулеметчики и минометчики занимали позиции, чтобы поддержать наступающих и первым залпом накрыть огневые точки противника. Родная ночь хранила нас, но предательский свет ракеты выдал разведчиков.

Тишину вспороли пулеметные и автоматные очереди, заухали тяжелые минометы, и надрывный вой смерти обрушился с небес. Земля содрогнулась, и стена артиллерийского огня отрезала нас от основных сил. Пулеметные очереди прижимали к земле и не давали поднять головы, оставался единственный выход — вперед на врага. В стремительном броске мы ворвались в передовые окопы...

Батал прервал рассказ. Груз тяжелых воспоминаний мрачной тенью лег на его открытое лицо. Он долго молчал... А когда снова заговорил, то каждое слово давалось ему с трудом:

— Рукопашная?.. Это самое суровое испытание войны... В ней нет выбора — или ты его, или он тебя. В такие мгновения, когда смерть смотрит в лицо, в тебе умирает человек... Изнутри, нет — не из сердца, а откуда-то из глубин души, вырываются самые темные силы... И ты превращаешься в дьявола. Ты живешь

только одним... Растерзать, разорвать и уничтожить подобное тебе существо.

Сначала грянули разрывы гранат, а через мгновение, заглушая их и шум боя, над цепью окопов зазвучал яростный рев и мат. Первые лучи восходящего солнца багровыми всполохами засверкали на кончиках штыков и булатной стали ножей и кинжалов. Мы сошлись в рукопашной... Клубки окровавленных тел извивались на земле, кусали, терзали и кромсали друг друга в слепой ярости. Стоны раненых и мольба умирающих неслись из-под ног... Но на них никто не обращал внимания. По телам своих и чужих мы рвались наверх, к злобно твякающему пулемету. Смерть вырывала одного бойца за другим... Атака захлебнулась. И пришедший в себя враг обрушил на нас шквал огня. В воздухе зависли «вертушки», свинцовый дождь пролился новыми смертями по нашим обескровленным цепям.

Эта мясорубка продолжалась до глубокой ночи... И только под ее покровом немногие сумели возвратиться назад. Потом небо над Сухумом еще долго польхало от «трассеров» и сигнальных ракет. Это торжествующие гвардейцы праздновали победу. Мы же переживали настоящий шок. Потери казались невосполнимыми. Души были опустошены, а сердца переполняли горе и отчаяние. С провалом наступления, в которое было вложено все, таяла надежда на победу. Последнее, что у нас еще оставалось, так это вера. Ее символом стал наш президент.

— Да, да! Президент! — с вызовом воскликнул Батал. — А сегодняшние кривые ухмылки и злословие пусть останутся на совести тех, кто во время войны отсиживался за Псоу. Сейчас, когда он болен, легко вешать на него всех собак, а тогда, в те невыносимо тяжкие дни, именно Владислав Григорьевич сумел нас объединить, и мы смогли выстоять и победить.

Мне нечего лебезить и заискивать. Я был простым бойцом и остаюсь рядовым гражданином. Я единственный в семье, и по указу президента не подлежал призыву. Можно было остаться в Харькове, спокойно окончить институт, и сесть на «теплое» местечко. Декан, когда отдавал документы, так и сказал: «Батал — это не твое дело. Те, кто эту кашу заварил, пусть сами ее и расхлебывают».

Отец тоже писал, звонил и просил не приезжать. Его можно понять. Он долго ждал ребенка, целых пятьдесят три года. А когда я увидел свет, отец был на седьмом небе от счастья и гордился тем, что род Ахба будет продолжен.

Губы Батала дрогнули, и, нервно теребя сигарету, он тихо произнес:

— А мне что было делать?.. Что?.. Оставаться в стороне и смотреть, как враг терзает мою землю, убивает родных и друзей?.. Но кому тогда нужен род Ахба, если у него не будет родины. Кому? — здесь голос Батала окреп, в нем звучали горделивые нотки за свой народ и президента Ардзинбу: — Слава богу, так думало большинство. Нам было невыносимо тяжело, и президент сумел найти те самые слова, которые возродили надежду в наших сердцах. Он смог выразить то, что было в душе каждого из нас, и слить любовь к Родине и ненависть к врагу в такой невиданный сплав, который оказался не под силу ни танкам, ни самолетам, ни бешеным деньгам, которые отмывали нашей кровью мерзавцы в Тбилиси и Москве.

Я и сейчас помню каждый жест и каждую фразу той великой речи президента. Они и сегодня, спустя шесть лет, живут во мне и дают надежду на то, что когда-нибудь и у нас все будет нормально. Они заслуживают того, чтобы их повторять снова и снова: «У народа, потерявшего землю отцов, нет будущего. И пока жив ее последний гражданин, никто и ничто не сможет покорить ее. Я останусь со своим народом и разделю его судьбу, какой бы трудной и трагической она ни была. Но я верю, что победа будет за нами! На нашей стороне правда и справедливость! С нами наши братья с Кавказа! С нами русский народ! С нами дух наших великих предков, сумевших во все века отстоять от врагов и сохранить нашу любимую Абхазию!»

Эти слова президента вмиг облетели всю республику. Люди воспрянули духом и повторяли как молитву: «Владислав с нами до конца! Он верит в победу!»

Батал перевел дыхание и продолжил:

— Он был с нами не только словом, но и всем сердцем, душой и делом! Его вера и стойкость, несмотря на тяжелейшее положение на фронтах, оставались непоколебимыми. У меня и

других бойцов не возникало и тени сомнения в том, что Владислав Григорьевич может дрогнуть, отступить, а тем более сдаться. Поверь, это не просто красивые слова. Он доказал это на деле.

Шли тяжелейшие бои за Цугуровку, Шрому и Ахбюк, ставшие кульминацией войны. Ахбюк по несколько раз переходил из рук в руки. Как мы, так и гвардейцы хорошо понимали, что эта высота — ключ к Сухуму. В очередной раз нам удалось овладеть ею, и не успели мы еще закрепиться, как они подтянули резервы и пошли в контратаку. Грузины — вояки так себе, но тут они озверели и, не считаясь с потерями, поперли на нас. С воздуха их постоянно прикрывала авиация, а артиллерия без перерыва била по нашим позициям и не давала поднять головы.

Мы упорно цеплялись за каждый бугорок, за каждую ложбинку, но их тяжелые батальонные минометы выкашивали наши ряды. Все, кто еще мог держать оружие в руках, даже тяжелораненые, ушли на передовую. Это ненадолго остановило врага, но не спасло положения. Из города к ним подошли свежие силы, и они возобновили атаки. Мы отступали, сдавая одну позицию за другой, к полудню положение стало критическим. Казалось, еще одно их усилие — и фронт будет прорван.

В те роковые часы вся Абхазия замерла в напряжении. Вести из-под Ахбюка приходили одна горестнее другой. Люди готовились к самому худшему. И тогда президент объявил всеобщую мобилизацию. В Гудауте собрались старики и мальчишки из восьмых и девярых классов, остальные уже воевали. Матери прощались с сыновьями, старики сурово молчали и примерялись к оружию. Владислав Григорьевич отказался принять такие жертвы. Он собрал всех, кто еще оставался в штабе, их оказалось совсем немного, и отправился на фронт.

Его появление на передовой для бойцов и командиров явилось полной неожиданностью. Он не кричал и не командовал, он просто занял место в строю и делал то, что делает рядовой на любой войне. Одно только это вернуло нам уверенность и заставило забыть о смерти. Можно привести самые возвышенные слова, но и они не передадут то состояние духа, что овладело каждым из нас.

Наступил момент истины!

Цепи ополченцев поднялись из окопов и ринулись в атаку. Рядом с нами шел Владислав Григорьевич. В те минуты мы стали одним целым, и, казалось, ничто не могло остановить наш порыв. Но гвардейцы вцепились намертво в позиции, а когда узнали, что он среди нас, принялись яростно контратаковать. В какой-то момент мы дрогнули и попятились назад.

Перед нами затрещали кусты, и на поляну, прямо на Владислава Григорьевича, выскочил растрепанный боец; за его спиной мялись еще двое. Паника на войне — это самое страшное, и ее остановить можно, пожалуй, только пулей. Они узнали президента и обречено уронили головы. Минуту, может, больше длилась пауза. Владислав Григорьевич смотрел на новенький гранатомет в руках бойца, на потухшее лицо. В его взгляде не было ни злобы, ни ненависти, а плескалась такая досада и боль, что нам всем стало невыносимо стыдно за свою слабость.

— Ну, какое тебе еще надо оружие, чтобы отстоять свою землю?! — с горечью сказал он.

Эти простые слова стали для нас сильнее самого пламенного призыва. Мы снова поднялись в атаку и, несмотря на ожесточенное сопротивление гвардейцев, отбили позиции. Потом были бесконечно долгие и невыносимо трудные дни и ночи на пути к победе. Но именно там, под Ахбюком, мы окончательно поверили, что рано или поздно она придет к нам, потому что ради нее каждый из нас, начиная от президента и заканчивая простым бойцом, готовы были сражаться до конца.

Тридцатого сентября девяносто третьего наступил, наконец, этот долгожданный и хрупкий мир, — просто и буднично сказал Батал. — Мы были необыкновенно счастливы и в своем стремлении хотели сделать его лучше, добрее, чтобы уберечь от той беды, которая постигла нас. Но он не пожелал понять нас и надменно отвернулся. Нас загнали блокадой в большую «зону» за те преступления, которые мы не совершали, и лишили права на элементарную человеческую жизнь. В России многие на второй день забыли про нашу войну, а где-нибудь в забытом богом Тикси, я думаю, даже не знают, что есть такая страна, как Абхазия! — грустно закончил он, и чтобы меня не обижать,

деликатно заметил: — Пойми меня правильно, я никого не упрекаю. Многие тогда посчитали, что Горбачев с Ельциным не поделили власть и один сожрал другого. Для них Москва как стояла, так и осталась стоять. Местные начальнички как сидели на своих местах, так и остались сидеть, с той лишь разницей, что партийные билеты поменяли на депутатские «корочки», а ближе к сердцу вместо значка с «вечно живым Ильичем» положили заветную банковскую карточку.

Собственно, чего о них говорить! Бог им судья за то, что они сотворили с нами и страной. Прошлого не вернуть. Но что будет с нами и вами завтра? Сейчас американцы учат вас, как жить, но, слава богу, говорите вы пока по-русски. Мерзко и отвратительно от того, что в девяносто шестом в Чечне продажные политики сделали с армией. Презрение к простому человеку вызывает бесстыдство новых нуворишей, ободравших собственный народ, как липку. Сегодня вас не пинает разве что ленивый, но я не сомневаюсь — рано или поздно, как уже не раз бывало в истории, Россия пройдет через эти беды и поднимется с колен.

Другое дело мы, — продолжал размышлять он, — те, кто, как говорят политиканы, жил на национальных окраинах «империи зла». Для нас тот роковой август обернулся таким моральным и нравственным ударом, от которого многие не оправились до сих пор.

Нет!.. Как они могли? — и голос Батала задрожал от негодования. — Подлые твари, посчитав нас безгласной скотиной, поделили страну, народ, а затем катком пещерного национализма прокатились по нашим судьбам и жизням. До сих пор мы напоминаем части разрубленного тела, которые, содрогаясь в конвульсиях, продолжают тянуться к живительным артериям, питавшим некогда единый организм. Но они, эти нелюди, додравшись до власти, рвут последние нити, что еще связывают нас, торопятся выжечь и вырвать из сознания даже само упоминание от той, нашей общей Родине.

Абхазия испытала все это сполна. С первого дня оккупации малоизвестный художник, зато известный вор в законе, Джаба Иоселиани со своими ублюдками запретили абхазский

и русский языки. Они толпами гнали евреев, греков и армян к судам, стоявшим в портах, лишь бы те поскорее освободили для них дома и земли.

Великая Грузия — для грузин?.. Это тебе о чем-то говорит?.. Нет?.. Эти слова принадлежат не сумасшедшему ефрейтору, а «просвещенным эстетам» из Тбилиси. Утверждают, что СПИД — это чума двадцатого века. Глубочайшее заблуждение! Национализм — вот настоящий бич человечества! — Батал был категоричен. — Он пробуждает в людях такие черные и демонические силы, перед которыми меркнут даже злодеяния Ирода. Посмотри, что творится в сытой и благополучной Англии, просвещенной Франции и игривой Испании. Тысячелетняя культура и незыблемая мораль летят ко всем чертям перед этим неистребимым вирусом. Он поражает больных и здоровых, умных и дураков. Я испытал его на собственной шкуре.

Как-то после войны поехал в Харьков, хотел восстановиться в институте. Чем, думаешь, кончилось? Правильно, — горькая усмешка появилась на лице Батала. — Как вспомню, так сразу начинает трясти. Сажу на лавку в парке Шевченко, рядышком парочка негров, болтаем ни о чем. Подходят менты, на них, негров, — ноль внимания, а меня за шкуру и в участок.

Я спрашиваю: «За что?» — А они: « За то, что морда черная». Я им: «У них чернее». — «Заткнись! Это наши гости!» — рывкнул сержант. «А я кто тогда? — и тычу в его наглуую рожу паспорт. — Вот, смотри! Он такой же, как у тебя, и говорим мы с тобой на одном языке!» Думаешь, слушать стали? Нет! У них кроме резинового дубья других аргументов для меня не нашлось. Ладно, этих можно понять. Им дали команду молотить демократов — молотили, потом коммунистов, а сейчас всех подряд, кто рожей не вышел. Что окончательно убило, — сокрушался Батал, — так это когда на меня накинулись тетки и пацаны.

«Бандит! Чечен! Морда черножопая!» — надрывалась одна, а другая все норовила лицо поцарапать. В общем, кинули меня в «обезьянник». Там, как водится, отобрали часы, деньги

и размазали по стенке. Через пару дней вернули паспорт и сказали, что бы моего духа ни в Харькове, ни на Украине не было.

Добирался домой, как какой-то шпион, прятался на третьих полках и в тамбурах. Перед глазами мелькали города и станции, знакомые по прошлым поездкам в институт, рядом звучала привычная речь. Но это уже была другая жизнь и другая страна, в которой для таких, как я, не нашлось места. Мы стали чужими в этом новом мире. Я имею в виду не только себя, но и тех русских, армян, греков, кто после девяносто первого остался в Абхазии.

Тяжело вздохнув, Батал уже без прежней ожесточенности заметил:

— В мире много несправедливости, тем не менее, я верю, что как бы там не упирались в Тбилиси, но договор когда-то будет подписан. Рано или поздно все войны заканчиваются миром. Но кто и когда сможет остановить войну, что поселилась в наших сердцах, залечить страшные рубцы в памяти народов, порожденные взаимной ненавистью и горечью утрат. Говорят, время лечит все, даже самое тяжелое горе. Возможно... Я думаю о другом: сумеем ли мы пронести через годы светлую любовь павших к Родине? Устоит ли наша бескорыстная военная дружба, когда мирная жизнь рассадит нас по разным креслам?.. Не знаю, не знаю...

Спустя пять лет тот наш разговор с поразительной точностью всплыл в моей памяти. Помнил ли о нем Батал, я пытался прочесть ответ на его отрешенном лице. И он словно услышал меня. Отшвырнул давно погасшую сигарету, виновато посмотрел на возвратившихся к столу Феликса с Бено и, потупившись, глухо произнес:

— Извините ребята, что хлеб-соль испортил.

— Ладно, забудь. С этими выборами мы все стали ненормальными, — примирительно сказал Феликс и потянулся к графину с вином.

Батал положил руку на стакан, его лицо исказила болезненная гримаса, и он с ожесточением произнес:

— Вот ты, Феликс, пожил немало, так скажи, почему на войне мы были вместе, а теперь стали чуть ли не врагами? Что

происходит с нами? Одиннадцать лет назад мы с Денисом сидели в одном окопе, а сейчас из-за Рауля и Багапша готовы друг другу грызть глотки! Сердцем понимаю, что Багапш с Денисом не меньше меня и Рауля любят Абхазию, а вот умом... Нет, не знаю! С Владиславом и Раулем, я уверен, — грузины никогда не войдут в Сухум, а вот с Багапшем и Анквабом...

— Опять ерунду порешь! — перебил Феликс.

Назревала очередная ссора, и Бено поторопился разлить вино по стаканам.

— Не надо. Не буду портить вам настроение, посидим в другой раз, — отказался Батал и поднялся из-за стола.

Мы не стали его уговаривать. Вечер оказался окончательно испорчен. Я с грустью смотрел ему в след, и у меня перед глазами возник совершенно другой Батал — из уже ставшего таким далеким прошлого...

Тот вихрастый юноша из послевоенной Ачандары чем-то неувлимо выделялся среди ребят из местной волейбольной команды, с которой мы, первые отдыхающие из военного санатория «Сухумский», сошлись в финале. Из-под длинных смоляных ресниц бездонными голубыми озерами смотрели не по-юношески серьезные глаза. В них смешались любопытство с неподдельным интересом, и плескалась неумная жажда жизни. Мы были первыми в этом высокогорном селе пришельцами из другого мира и из другой жизни, нетронутой и не опаленной пожаром войны. Затем мой взгляд невольно искал его на волейбольной площадке, у реки, где вместе плескались, смывая после игры пот и соль, за праздничным столом и среди танцоров.

Он постоянно был в движении. На волейбольной площадке азартно и яростно сражался за каждый мяч. Во дворе Назима Ахбы вместе с Масиком и Левиком сновал, подобно челноку, между гостями и столом. А когда грянули первые аккорды, расправив, словно крылья, широченные рукава рубахи, закружил в завораживающем танце вместе с юной Асидой. Каждое их движение было исполнено глубоким чувством.

Ритм нарастал. Руки Зурика порхали над барабаном с невероятной быстротой. Не отставал и Батал. Его ноги едва касались земли, и порой казалось, что он парит над нею. Зри-

тели восторженными возгласами поддерживали музыканта и танцоров в этом соревновании ритма и движения.

Не усидел на месте невозмутимый Гена Квициния, капитан команды сухумчан. Его статная, могучая фигура величаво выплыла на середину круга. Вслед за ним взлетел и заплясал в искрометной и зажигательной лезгинке Юра Марухба. Хрупкая фигурка девушки то нежной белой лилией припадала к мощному плечу Гены, то грациозным лебедем плыла вокруг Юры, то русалочкой лукаво манила Батала и ловко ускользала от него. В круг вступали все новые и новые танцоры. Вихрастая голова юноши вскоре затерялась в толпе.

Поздно ночью закончился этот вечер в Ачандарах, оставшийся навсегда в нашей памяти. Здесь, у нетронутых альпийских лугов, на берегу стремительной горной реки, берущей начало у вечных снегов, вопреки времени произошло невозможное. Я возвратился в свое не столь отдаленное прошлое. Прошлое, которое не было замутнено духом стяжательства и алчности, отравлено ядом эгоизма. Где слова «друг» и «Родина» были неизмеримо дороже роскошного 600-го «мерседеса» или пятизначного счета в «Бэнк оф Америка». Прошлое, когда в пик курортного сезона ты был счастлив больше в скромной каморке у стен Пантелеймоновского монастыря, чем в помпезных апартаментах московского «Президент-отеля», и бесконечно был рад встрече со старыми друзьями....

С того памятного вечера прошло восемь лет, которые так и не приблизили нас к нашей мечте, а, кажется, только больше отдалили. И эта сегодняшняя встреча с Баталом, закончившаяся ссорой с Денисом, до глубины души потрясла меня.

Спина Батала давно пропала за пальмами, а я все смотрел ему вслед и с грустью думал: «Неужели то прекрасное и полное надежд время, которое нас всех связывало в прошлом, больше никогда не вернется?.. Что будет сегодня, и что ждет завтра моих друзей?.. Друзей, каждый из которых по-своему был мне дорог. Кто и что сможет погасить вспыхнувший в их душах безжалостный огонь вражды и смягчить взаимное ожесточение?

Господь?

Божественная красота этой неповторимой земли?

Так все-таки — что?!

Великое Слово? — И слабая надежда согрела меня. — Может, как и тогда, во время ожесточенных боев за Ахбюк, Цугуровку и Шрому, когда решалась судьба Абхазии и ее народа, кто-то мудрый и справедливый снова найдет то самое заветное слово, которое примирит моих друзей, и на лице Батала опять появится открытая, добрая и обезоруживающая улыбка.

Абхазские мадонны

Сухум лениво и неспешно просыпался после сладостной и расслабляющей утренней неги, которую испытываешь только здесь. В пацхах, над трубами печей курились сиреневые дымы. Ближе к рынку открылись двери кафе. Несмотря на ранний час, на приморской набережной, на пяточке у знаменитой «брехаловки», появились заядлые шахматисты и «козлятники». Те же, кто пришел узнать самые горячие новости и почесать языки, выстроились в оживленную очередь к «Кофейне Акопа».

Жизнь на улицах города только начала набирать обороты, а перед входом в Русский драматический театр уже возбужденно гудела толпа. До начала спектакля «Много шума из ничего» оставалось целых девять часов, но главный зал был заполнен до отказа и гудел, словно растревоженный пчелиный улей. За все послевоенные годы он еще не видел столько молодых лиц. Изредка среди них попадались уже примелькавшиеся физиономии искушенных политических бойцов. Они скромно держались в тени и предпочитали занимать места где-нибудь в средних рядах.

На сцене, как во времена их бурной комсомольской юности, группа ребят из молодежного движения «Ахъца» с энтузиазмом расставляла столы и стулья для президиума, а над трибуной колдовали два юноши, устанавливая и проверяя микрофон. Между рядов сновали опоздавшие и искали свободные места. Во всем, даже в унылом фойе и поблекших от безвременья фото-портретах артистов, ощущалась приподнятая, почти праздничная атмосфера школьного утренника, на котором строгий директор и зануды учителя разрешили ученикам поиграть во

взрослых. И они, искренне веря им, всей душой отдавались коварной политической игре старших.

Вскоре сутолока в проходах и на сцене улеглась, президиум занял места, и из старых, осипших динамиков зазвучал гимн. Грохот стульев и шарканье ног на время заглушили его, но вскоре молодые и сильные голоса, подпевавшие певцу, вернули залу строгость и торжественность. Затем наступила многозначительная тишина. В президиуме умело держали паузу, еще больше подчеркивавшую важность всего действия. Наконец председатель с легким волнением в голосе объявил об открытии собрания.

В первых рядах громыхнуло кресло, в воздухе прошелестел легкий шепоток и по ступенькам к трибуне взлетел молодой человек. Он и еще несколько ораторов-застрельщиков, волнуясь, произнесли речи, как плохо заученный урок, но постепенно дух грядущей революции, витавший в воздухе, поднял пафос выступлений. В зал полетели гневные тирады, обличавшие «погрязших в вызывающей роскоши и рвущихся к власти коррупционеров и бывших партократов».

На перерыв ребята выходили уже готовыми со знаменами в руках и верхом на броневике брать приступом штабы «Амцхагра» и «Возрождения» с засевшими там «коррупционерами» и примкнувшими к ним «партократами». Оживленная толпа выплеснула меня в фойе, и там я столкнулся с Тали Джопуа, одной из героинь прошлого моего очерка «Абхазские мадонны».

За время, прошедшее с последней нашей встречи, она мало изменилась. Та же стройная спортивная фигура, уверенная и решительная походка, те же милые ямочки, появлявшиеся при улыбке на щеках, напомнили мне прежнюю Тали. И в то же время, как мне показалось, это была другая Тали. В ее взгляде появилось больше жесткости, а жесты и движения стали более резки. Видимо, должность министра наложила свой отпечаток.

Мы узнали друг друга и с нескрываемой радостью пожали руки, но, к сожалению, спокойно поговорить не смогли. Тали, ставшая давно живой легендой, всегда находилась в центре внимания, и на этот раз ребята обрушились на нее с вопросами. Перерыв подошел к концу, и все дружно повалили в зал, а у меня пропало всякое желание снова окуна́ться в наэлектризованную

нетерпимостью атмосферу. Я вышел на улицу, с облегчением вздохнул и отправился в офис общественно-политического движения «Возрождение», чтобы встретиться с Бесланом Кубравой и потом, вместе с его сыновьями, средним Иналом и младшим Асланом, отправиться искупаться на море.

Но, похоже, в тот день неудачи преследовали меня. Политическая горячка захлестнула всех, в том числе уравновешенного и спокойного, как удав, Беслана. Нашел я его в кабинете Леонида Лакербаи, одного из лидеров «Возрождения». Они о чем-то оживленно говорили; к ним внимательно прислушивалась группа молодых активистов. Беслан заметил меня и только развел руками. Я с сочувствием покачал головой, вышел в коридор и там нос к носу столкнулся с Майей, еще одной героине, которая дала жизнь очерку «Абхазские мадонны».

Она тоже была искренне рада неожиданной встрече. Мой удрученный вид тронул ее и, несмотря на занятость, Майя нашла время и пригласила в свободный кабинет. Пока готовился кофе, я делился впечатлениями от встречи с Тали. Шесть лет назад именно Майя познакомила нас. Странно, но она не проявила к этому интереса, рассеяно слушала и перебирала бумаги на столе. Я так увлекся рассказом, что не заметил, как на ее лицо набежала тень, а в глазах появился обжигающий холодок. В какой-то момент она не сдержалась и сказала так, словно отрезала:

— Николай, Тали меня не интересуется. Мы с ней слишком далеко разошлись.

— Как же так? Вы же вместе воевали! И потом... — изумился я.

— Мне бы не хотелось говорить об этом, — остановила меня Майя.

— Но почему?

Телефонный звонок прервал этот, вдруг ставший трудным для нас обоим, разговор. Майя подняла трубку. Из нее донесся гневный голос одного из руководителей отделения «Возрождения». Он с возмущением сообщил о том, что местная администрация пытается закрыть офис и вставляет палки в колеса в работу активистов. Она внимательно слушала, изредка

задавала вопросы, что-то помечала в тетради, и когда разговор закончился, у меня почему-то не нашлось слов вернуться к беседе. Неловкую паузу разрядила шумная группа ребят. Грядущая предвыборная лихорадка и бескомпромиссная политическая борьба безжалостно диктовали свои правила и не оставляли места для житейских мелочей. Майе стало не до меня. И я, почувствовав себя лишним, незаметно покинул кабинет и вышел на улицу.

Погода, даже по сухумским меркам, стояла просто на загляденье. На небе не было ни облачка, и солнце, ставшее необыкновенно ласковым, растворилось в бирюзовой дымке, висевшей над морем. В хрустально-чистом воздухе витал нежный аромат поздних роз. К нему примешивался сладковатый запах созревшей «изабеллы», иссиня-черные гроздья которой обильно усыпали узловатые ветви лозы, плотным ковром покрывавшей фасады домов и беседки. Сквозь пышную зелень садов мириадами маленьких солнц проглядывала хурма. Желтоватый цвет уже окрасил плоды и напоминал о приближении сбора урожая.

Под ногами шуршал красно-желтый ковер из опавших листьев, и я, как когда-то в детстве, широко загребая ногами, погнал «волну» перед собой. По пути попадались гостеприимно распахнутые двери уютных забегаловок. Маняще звала музыка из «Кафе-студии Батала», но я не стал останавливаться и брел туда, куда меня несли ноги.

Впереди белоснежным миражом возникла знаменитая сухумская колоннада, за которой серебрилась морская гладь. За кустами олеандра, полыхавшими нежно-розовым огнем, проглянула главная достопримечательность «брехаловки» — «Кофейня Акопа». Прошло три года, как он умер, но его имя, похоже, навечно прикипело к этому неповторимому уголку Сухума, ставшему своеобразным абхазским Гайд-парком.

Я прошел к свободному столику, спрятавшемуся под раскидистыми ветвями олеандра и, подчиняясь безотчетному чувству, присел на лавку. Рука невольно потянулась к простенькой металлической пепельнице, а взгляд искал незамысловатую, прочерченную гвоздем на доске надпись. Она была на месте и лишь слегка потускнела от времени и непогоды. Казалось,

здесь ничего не изменилось после той нашей первой беседы с Ириной, натолкнувшей меня на мысль об очерке о трех замечательных женщинах, с двумя из которых я только что встретился.

Нахлынувшие воспоминания снова возвратили меня к тем прекрасным дням, подарившим незабываемую радость встреч с ними. Я повернулся к центральной аллее, и мои глаза невольно остановились на арке...

Ирина? Когда, в какой момент появилась она?.. Она возникла из этого пьянящего воздуха, бесконечного неба, теплого моря и ярких солнечных лучей. Легкой, уверенной походкой пересекла улицу и вышла на нас — меня и Виталия Чамагуа, главного редактора газеты «Республика Абхазия».

Светло-синий брючный костюм, темный с искоркой жакет подчеркивал достоинства ее статной фигуры. Перехваченные кокетливым бантом пышные каштановые волосы задорно развивались на ветру, а волнистая прядь озорно ниспадала на высокий лоб. Большие серые глаза, смоляные крылья бровей, тонкий овал лица с чувственными губами и маленькой родинкой над верхней губой завораживали и, как магнит, притягивали взгляды мужчин.

Занимавшие соседний столик «новые абхазы» перестали обращать внимания на попискивание сотовых телефонов и откровенно пожирали ее глазами. Два усача, долбившие вопросами журналиста Сергея Арутюнова о том, что станет с Грузией, если Абхазия нанесет упреждающий удар по ее хозяину — Америке, от которого, знай об этом в Вашингтоне и Тбилиси, наверняка бы содрогнулись, резко поумерили пыл и переключили свое внимание на нее. На что уж шахматисты и заядлые «козлятники» степенны, и те забыли про игру и приняли охотничью стойку. Мы с Виталием их всех «обломали».

— Ирина — красивая женщина! — с восхищением произнес он и приветливо помахал ей рукой.

Она заметила нас и подошла к столику. Мы не без гордости, с превосходством посмотрели в сторону «новых абхазов», а Виталий не удержался и сказал:

— Если такие женщины не проходят мимо, значит, мы еще чего-то стоим.

Ирина властным взглядом прошла по нему и по мне, как по больному на операционном столе, и скептически заметила:

— Не стоит обольщаться.

— Это же почему? — в один голос возмутились мы.

А она продолжала безжалостно разрушать возникшие у нас иллюзии.

— Тем более с такими золотыми цепями.

— Какие цепи! Так, одно название, — скромничали мы.

— По нынешним временам с подобным снаряжением долго не протянешь, — вынесла Ирина суровый вердикт.

— Совершенно верно. Киллеры их давно заждались, — тут же поддержал ее подсевший к нам Сережа.

— Тебе, с твоим навороченным сотовым, конечно, виднее, — подозрительно быстро согласился Виталий и потом не преминул подпустить яду: — Хитрый ты мой, а зачем цепь снял?

— Жить хочется, вот и пришлось сдать в ломбард. Кстати, там такая давка, что вы вряд ли успеете, — нанес ответный укол Сергей.

И пока старые приятели обменивались взаимными колкостями, Ира маленькими глотками пила кофе и с живым интересом наблюдала за ними. Ее строгое и кажущееся холодным лицо время от времени согревала мягкая улыбка, глаза лучились лукавыми морщинками, и в этот миг в ней появлялось что-то от озорного мальчишки и коварной, обольстительной цыганки. Необыкновенной женственностью и притягательностью были исполнены ее жесты и движения.

Виталий и Сергей, продемонстрировав во всем своем блеске ораторский арсенал, затем деликатно перевели разговор на тему войны. Мрачная тень ее воспоминаний легкой тучкой прошла по лицу Ирины, но она не замкнулась и, к моей радости, согласилась на встречу с Тали и Майей, о мужестве и героизме которых во время войны я уже был наслышан. После короткого обмена мнениями мы сошлись на том, что более подходящего места, чем фотостудия Володи Попова, нам не найти. Вопрос был решен, и Виталий предложил выпить еще по чашке кофе, но все дружно отказались.

К этому времени солнце поднялось над кронами могучих эвкалиптов и стало припекать спины. Ожил и запищал сотовый телефон у Сергея — звонили из корпункта; он извинился и отправился к себе. Виталий еще какое-то время оставался с нами, но подошел час сдачи газеты в набор, и я с Ириной проводил его до редакции, а затем, не сговариваясь, мы решили прогуляться по тенистым улицам города.

Дорога, описав замысловатую петлю среди полыхающих осенним пожаром цветочных клумб, круто пошла в гору. Начались старые, конца девятнадцатого века, кварталы аристократического Сухума. Время и война не пощадили их, но даже они не смогли уничтожить тот особенный дух, которым дышали каждый камень мостовой и стены так не похожих друг на друга двух- и трехэтажных особняков.

Это был особенный мир. И мне уже почудилась в густых зарослях одичавшего инжира и виноградника хорошо знакомая по фильмам и фотографиям коренастая фигура, затянута в серый френч. Из-за спины Вождя зловеще поблескивал стекляншками пенсне «всесоюзный палач» Лаврентий Берия. Из венецианской беседки, чудом уцелевшей после взрыва авиабомбы, доносился бархатистый голос Антона Чехова. Его заглушал заразительно звонкий смех артиста Геннадия Хазанова. Главный герой известной кинокомедии «Маленький гигант большого секса» нашел в этом чарующем уголке земли не только самых замечательных красавиц, но и лучшее на всем побережье от Анапы до Батума вино.

Веселый перестук молотков возвратил нас к действительности. У недавно отремонтированной больницы вокруг медицинского оборудования и груды ящиков оживленно сновали врачи, медсестры и рабочие. Грузчики, незло подзуживая друг друга, осторожно спускали по доскам импортную аппаратуру и заносили ее в здание.

Ирина приостановилась посмотреть на это заграничное медицинское чудо, ее лицо помрачнело и с горечью произнесла:

— Эх, тогда бы все это! Скольких бы ребят могли спасти! Нам не хватало элементарного и от безысходности порой не хотелось жить. Даже не знаю, откуда только брались силы.

— Испытания мобилизуют, — обронил я.

— Наверно, — согласилась Ирина. — И если бы не мужество ребят... Я не знаю... Нет, они не упрекали нас, а когда подступала смерть... — она осеклась, ее глаза затуманились, и я услышал тронувшую меня до глубины души исповедь-рассказ.

— Его привезли на рассвете. Старенькая «нива», на которой, казалось, не осталось живого места, каким-то чудом добралась до полевого госпиталя, затерявшегося в горах. Два усталых, запыленных бойца бережно вынесли и положили на траву завернутое в одеяло тело. В слабом свете керосиновой лампы бледным, бескровным пятном отсвечивало лицо, и лишь по слабому трепету ресниц можно было понять, что жизнь еще не оставила его.

На шум голосов из палатки вышел Даур, воспаленными от бессонницы глазами посмотрел на бойцов, раненого и устало сказал:

— Немедленно в операционную!

Ребята подняли его, внесли под навес и положили на обрызганный кровью кухонный стол, отошли в угол и без сил рухнули на лавку. Борясь со сном, они не спускали с нас глаз. Даур нахмурился, но ничего не сказал. Сколько этих молящих, наполненных болью и живущих робкой надеждой взглядов пришлось вынести ему и нам. Они заставляли забывать об усталости, о крови, текущей по твоим рукам, не слышать пилы, вгрызающейся в плоть и кость. Мы жили только одним — вырвать у смерти еще одну человеческую жизнь.

Началась операция. Фитилек в лампе задрожал и стал гаснуть, в керосине оказалась вода. Анетта тут же зажгла другую и подвесила на крюк под потолком. Вторая операционная сестра пододвинула табурет с кухонным подносом, на котором лежал скудный инструмент. Сейчас это может показаться невероятным, но тогда мы были рады альпинистскому ледорубу, принесенному ребятами с турбазы на Ауадхаре, ножовке по металлу, отлитой Шабаром, и бинтам из нижнего белья, — с болью произнесла Ирина и продолжила рассказ. — Мы лихорадочно спешили в этой гонке со смертью, кромсая ножницами и ножом заскорузлые, пропитанные кровью и гноем

повязки. Даур заскрипел зубами от горечи, и было от чего: раны оказались ужасны, обе голени превратились в сплошное кровавое месиво, а таз и позвоночник раздробили осколки. Гангрена синюшными пятнами расплозлась по ногам, надежды на спасение уже не оставалось, но мы продолжали бороться за его жизнь.

Санитары телами прижали руки и ноги раненого к столу, Даур разжал ножом его зубы, и чача обожгла ему гортань. Раненый судорожно закашлял и открыл глаза. Губы силились что-то произнести, но с них слетал еле слышный шелест. Его взгляд остановился на мне, пальцы тронули и затем сжали мою руку. И потом, когда Даур извлекал из истерзанного тела осколок за осколком, а острые зубцы пилы кромсали кость, мы были вместе, и это давало ему силы вынести нечеловеческие страдания и невыносимую боль.

Давно был потерян счет времени в этой схватке со смертью. Солнце выглянуло из-за гор, потухли фитили в керосинке. Вместе с ними угасала и надежда на спасение, гангрена довершала свое страшное дело. Он умирал, гримаса боли покинула лицо. В глазах, ставших огромными, плескалась неземная тоска. Его слабеющая рука продолжала бережно удерживать мою. Собрав остатки сил, он прошептал:

— Как холодно. Не отпускай меня туда...

И потом еще долго трепетное тепло его ладони жило во мне. Оно согревало и поддерживало в самые трудные и роковые минуты, спасало и очищало от мерзости и грязи войны...

Дружный, заразительный смех прервал рассказ Ирины. У подъезда больницы шла веселая возня. Женщины, подхватив смущенного и робко сопротивлявшегося водителя, усадили в стоматологическое кресло. Над его головой со зверским выражением лица воинственно крутил рычагом бормашины здоровенный детина, а юркий юноша энергично щелкал фотоаппаратом. Оттуда, из кучи-малы, нам что-то кричали и махали руками. Улыбка тронула губы Ирины, и облачко грусти сошло с ее лица. Она озорно подмигнула, в ней снова проснулся задорный мальчишка-сорванец, и, бросив на ходу «до встречи у Володи!», присоединилась к ним.

На следующий день в фотостудии Попова я с волнением ждал ее в надежде на скорую встречу с Майей и Тали. Людской круговорот ни на минуту не замирал в небольшом и по-домашнему уютном зале. На помосте, в свете ярких ламп, две актрисы из филармонии, весело пикируясь между собой, не забывали кокетливо поглядывать на мужчин. Володя, молча поигрывая желваками на скулах, в который раз вынужден был перетаскивать треногу с фотоаппаратом. В углу, дожидаясь своей очереди, три долговязых школьника, смущаясь, примеряли отцовские пиджаки. За журнальным столиком пили чай и листали фотоальбом журналисты из редакции газеты «Нужная».

В очередной раз хлопнула входная дверь, и в студию вошли те, кого я с таким нетерпением ожидал. За спиной Ирины скромно держалась худощавая, стройная девушка. Она не бросалась в глаза яркой красотой, которой с такой щедростью природа юга одаривает здесь женщин.

— Майя, — представила спутницу Ирина.

В свете бра трепетное лицо девушки невольно приковало к себе внимание. В огромных распахнутых навстречу глазам отражалась вся ее душа, искренняя и открытая. Быстрым взглядом она прошла по мне, остановилась на фотографии, которую я держал в руке, и беспокойный огонек погас в ее глазах.

— Одна из лучших работ Володи, — оценила она мой выбор.

На фоне изуродованного пожаром здания Совмина пробуждалась новая жизнь. Радостные и счастливые улыбки озаряли лица юных танцоров и певцов. Их простенькие костюмы нежными красками альпийских цветов украшали скромную сцену. Польщенный такой оценкой Майи, я достал из альбома еще несколько фотографий и положил на стол. Ира предложила присесть, мы заняли свободные стулья и продолжили обсуждение достоинств этих работ.

Здесь уже Майя, словно опасаясь потревожить трагическое прошлое, робко открыла свою папку и на стол легли фотографии, снятые ею во время войны.

Среди них находились разные снимки: простые черно-белые и сочные цветные, четкие и размытые. При всей разно-

сти цветовой гаммы и содержания снимки объединяло одно общее — они не оставляли равнодушным. Жестокий лик войны был схвачен и передан Майей с поразительной точностью и правдивостью...

Безмерное горе овладело бойцом. Еще не остывший после боя автомат выпал из рук, плечи бессильно обвисли, а глаза потухли. Тонкая струйка крови сочится из раны на голове, заливает щеку и темным пятном расплывается на куртке, но он не чувствует этого, душевная боль опустошила его.

— Несколько минут назад погиб родной брат бойца, — пояснила Майя.

Черные клубы дыма поднимаются над крышей. Пышущие нестерпимым жаром языки пламени вырываются из окон здания. В воздухе, подобно подраненным птицам, кружат обгоревшие листы бумаги. Перед подъездом фигуры в камуфляжной форме, перепоясанные пулеметными лентами, швыряют в костер древние рукописи и книги.

...Что это? Фашистская Германия тридцатых годов? Увы, нет — это Абхазия в конце двадцатого столетия.

— Варвары! Уничтожают государственный архив Абхазии, — с презрением произнесла Майя.

Грудами искореженного бетона и металла, скорбными могилами проходили перед глазами эти успевшие пожелтеть и выцвести от времени бесстрастные свидетели минувшего лихолетья. Иногда среди них попадались фотографии, запечатлевшие редкие на войне минуты радости и торжества.

— Война — это тоже жизнь. Даже в ней есть место для любви, и это чувство согрето особым теплом и имеет необыкновенную чистоту. Жестокое горнило войны очищает ее от всякой накипи и фальши, — просто и буднично сказала Майя.

— Ты там как на ладони, — согласилась Ирина.

— И все-таки война — это, прежде всего, боль и страдания, — заключила Майя и положила передо мной очередную фотографию.

Исхудавшие восковые лица детей и подростков, на которых, казалось, остались одни только глаза, печально смотрели с нее.

Где? Когда я мог видеть их? Память подсказала страшные картины из далекого прошлого: Саласпилс, минское и фаршавское гетто — фашистские лагеря для детей!

— Блокадный Ткуарчал — это наш Ленинград, — скорбно обронила Майя.

— Там люди такого натерпелись... — больше у Ирины не нашлось слов.

— Об этом надо всегда помнить и говорить, — сурово заметила Майя, и я услышал еще один рассказ о том трагическом времени...

— Прошло больше двух месяцев, как кольцо блокады замкнулось вокруг Ткуарчала — этого города шахтеров. В нем жили в основном русские и украинцы. Так что пусть Шеварднадзе не врет, будто воевал против «абхазских сепаратистов», — напомнила Майя и вернулась к своим воспоминаниям: — Стылый декабрьский ветер по-волчьи завывал в развалинах разбомбленного еще во время первого авианалета железнодорожного вокзала, по-разбойничьи посвистывал в простреленных трубах обогатительной фабрики, шершавым и колючим языком поземки хлестал по лицам редких прохожих, сквозь щели и трещины забирался в дома. Город, а вместе с ним и люди, медленно умирали от холода и голода. Первыми жертвами становились дети и старики, с каждым днем росло их число, а единственная дорога из этого ада пролегла через небо.

Двенадцатого декабря девяносто второго года российский вертолет из Гудауты прорвался сквозь плотный огонь зенитных батарей и взял на борт шестьдесят два блокадника Ткуарчала: стариков, женщин и детей. Старенький МИ тяжело оторвался от земли, совершил разворот и, прячась за скалами, обошел первые огневые точки. Казалось, на этот раз экипажу и блокадникам удастся добраться до своих. Впереди показались позиции ополченцев, и в этом миг яркие вспышки озарили склон горы. Две ракеты устремились к цели. Пилот заметил опасность, но что он мог сделать на перегруженной машине? Ничего!

Двигатель ревел и захлебывался от перегрузки. Экипажу с трудом удалось совершить маневр, и первая ракета прошла в десятке метров, но вторая попала в топливный бак. Чудовищный

взрыв сотряс горы и унес с собой шестьдесят пять человеческих жизней. Страшная весть пришла в семьи, убитые горем родственники собрались на взлетном поле. Проходил час за часом, гнетущее безмолвие нарушали рыдания и всхлипы. Поздно вечером доставили погибших, а точнее — то, что осталось от тел. Людское море на миг застыло в оцепенении, потрясенное увиденным, а затем, сметая все на своем пути, хлынуло на поле. Голоса слились в одном безумном стоне, леденящий душу плач заглушал все остальные звуки.

— А я... — Майя осеклась и побледнела. Груз прошлых воспоминаний, спустя столько лет, вновь напомнил о себе. — А я... я снимала этот страшный лик войны...

Потрясенные горем женщины набросились на меня, и охроне с трудом удалось сдержать их. Я сердцем понимала глубину постигшего несчастья, но, сцепив зубы, сквозь слезы, продолжала снимать и снимать! Ради живых и ради мертвых. Ради нашего будущего, чтобы потом, когда придет мир и наступит другая жизнь, эти фотографии и киноплёнки не дали угаснуть памяти, а время не окрасило только в один ореол героизма трагедию, разыгравшуюся на нашей земле, — закончила рассказ Майя, и, смутившись, посмотрела на часы.

— Вот-вот должна подойти Тали. Может, пройдем на улицу и там встретим ее? — предложила Ирина.

Мы вышли из студии, не успели сделать нескольких шагов, как Майя приостановилась и с теплотой в голосе произнесла:

— А вот и Тали! Как всегда, точна.

Навстречу по противоположной стороне улицы шла невысокая, изящная, с тонкими чертами волевого лица девушка. Темный цвет делового костюма и белоснежный воротничок подчеркивал горделивую посадку головы и строгую осанку.

После короткого знакомства, Тали пригласила нас в кафе на набережной и пояснила:

— Там, у моря, легче говорить на такие тяжелые и сложные темы.

Я охотно принял предложение, меня поддержали Майя с Ириной, и все вместе мы спустились к набережной. На этот раз решили не останавливаться в «Нарте», а поднялись по крутым

ступенькам на верхнюю площадку причала в «Апру» и заняли свободный столик.

Из бара приглушенно звучала музыка, с кухни доносились запахи жареной барабульки и акуд. Молоденькие официантки неспешно двигались между столиками. Здесь, как и в любом другом месте Сухума, есть то, чего не найдешь ни в московском, ни питерском, ни в каком другом кафе. Здесь никто и никуда не спешит, и находит истинное наслаждение в неторопливой беседе. Здесь умеют радоваться простым и незатейливым вещам. Здесь чувствуешь себя счастливым от того, что можешь дышать воздухом особой сухумской свободы и любоваться завораживающим простором такого разного и неповторимого Черного моря.

Внизу о гранитный парапет ленивой волной тихо плескал слабый прибой. Легкий бриз ласкал наши лица, забирался в волосы девушек и шалил с ними. Взгляд Тали смягчился, и в голосе все чаще стали звучать веселые и ироничные нотки. На мою шутивную фразу о том, что герои, оказывается, живут рядом, она в тон ответила:

— А вы думали, как Карлсон под крышей?

— Упаси бог! В России нет такой «крыши», под которой даже герой может чувствовать себя в безопасности, — не остался в долгу я.

Тали рассмеялась. Герой Абхазии, член парламента, кандидат наук — за этим иконостасом официальности открылась обаятельная женщина. От нее повеяло необыкновенной теплотой. И я уже не замечал уродливых развалин гостиницы «Абхазия», поросших бурьяном пустырей и развороченных снарядами причалов морского порта. Но тут улыбка исчезла с лица Тали — привычную атмосферу кафе нарушил рокот моторов. Мои спутницы тревожно встрепенулись и повернулись к морю. Над ним, со стороны Кяласура, заходила на город пара военных вертолетов.

— Возвращаются из Гала, — предположила Майя.

— Вот так же, семь лет назад, с воем вертолетов война пришла на нашу землю, — с болью в голос произнесла Тали и задумалась.

Я деликатно молчал, не торопил с рассказом, и мое терпение было вознаграждено. Проводив взглядом машины, скрывшиеся за высотками Нового района, Тали вернулась к тем, уже далеким, событиям августа 1992 года.

— Тот день, четырнадцатое августа, мало чем отличался от других дней, — вспоминала она. — Но ощущение надвигающейся опасности витало над всем: над городом, горами, морем и поселилось в наших душах. И все-таки в худшее не хотелось верить.

Время подошло к обеду. Многие из института уже разошлись по домам, а я задержалась. И тут на площади раздались крики, потом послышался топот ног. Я выглянула в окно — это были ребята из охраны Владислава Григорьевича. Они на ходу заряжали автоматы и бежали к Красному мосту, на повороте к ним присоединился Мушни Хварцкия со своей группой. Внутри меня все похолодело, разум отказывался поверить в то, что случилось самое худшее. Не помня себя, пронеслась по коридору к лестнице, выскочила на улицу и по лицам ребят поняла. Они пришли! Они уже в городе! Они стреляют! Зачем? Почему?..

Красный мост! Это слово жгло мое сознание и гнало вперед. Как тогда, так и сейчас не могу найти объяснения тому, что заставило меня броситься туда, а не прятаться дома или искать спасения в горах, — размышляла Тали. — Да, был страх, но не страх перед тем, что тебя убьют. Это было нечто иное. В тот миг я стремилась к ребятам, чтобы вместе остановить то чудовищное, что надвигалось на всех нас. Навстречу бежали растеренные, до смерти напуганные люди. Чем меньше оставалось до Красного моста, тем пустынное становились улицы, и все отчетливее была слышна яростная стрельба.

Прячась за стенами домов, я обогнула Круглую площадь и выскочила к кинотеатру «Апсны». В его окнах и на крыше мелькали фигуры бойцов. Воспользовавшись затишьем, незаметно проскользнула в фойе и там столкнулась с Мушни. Несмотря на пыль и клубы дыма, он узнал меня, схватил за плечи и попытался вытолкнуть на улицу. Я цеплялась за него, совала в руки бинты и лекарства, которые успела прихватить

в детской поликлинике, и доказывала, что без медсестры им не обойтись...

Грустно улыбнувшись, Тали призналась:

— Никакой медсестрой я не была и до того часа ничего другого, кроме пальца, не перевязывала.

— В тот день каждый из нас все делал впервые, — тихо обронила Майя.

— Все так, — согласилась Тали и вернулась к рассказу: — Мушни смирился, а ребята, как мне показалось, обрадовались. Их было немного. Чуть позже к нам присоединились Батал Табагуа, Асик Атба и Ренат Корчава. С собой они принесли автоматы, а с таким оружием уже можно было отбиваться. Но не столько оружие, а сколько каждое новое пополнение придавали нам силы. Мы были не одиноки и с удвоенной энергией продолжали отстреливаться. Несмотря на то что наш огонь был слаб, он остановил колонну гвардейцев.

Как когда-то в Фермопилах триста спартанцев с царем Леонидом встали на пути полчищ персидского царя Дария и спасли Грецию, так и наши Мушни, Володя Аршба, Артур Читанава, Володя Анцупов и другие ребята навсегда останутся в памяти народа и истории Абхазии. Перед ними, горсткой отчаянных смельчаков, растерялись уверенные в своей безнаказанности бандиты Китовани.

Их замешательство продолжалось недолго; в бой вмешались военные спецы. Головной танк и три бээмпэ взревели моторами, попятились назад и рассредоточились вдоль реки. Жерла орудий и стволы пулеметов рыскали по этажам, выбирая цели. Гранатометчики, скрываясь за перевернутыми машинами и развороченными торговыми киосками, занимали передовые позиции. В центре колонны, возле штабной машины, оцетинившейся штырями антенн, в плотном кольце охраны мелькала бегемотообразная туша Китовани. Он размахивал руками и что-то кричал своим головорезам.

Судя по всему, они готовились к решительному штурму. Как его грозные предвестники, над морем появились вертолеты и закружили над нами, танки выдвинулись на прямую наводку. Гвардейцы попросту решили сравнять нас с землей. Наступил

момент истины... Лица ребят побледнели. Но на них не было ни тени страха, ни тени сомнения. Они озарились каким-то особенным внутренним светом, который в час испытаний возносит тебя к самым вершинам человеческого духа — любви к Родине! Да, да — Родине!

— Сейчас это, может, звучит напыщенно, но именно любви, а не ненависти к врагу, — тихо, но от этого не менее убедительно звучал голос Таги. — В те роковые минуты в тебе остаются и живут только самые светлые и добрые чувства к родным и близким, а все остальное — деньги и вещи — становится мелким и ничтожным. Впервые там, у Красного моста, и потом не раз перед атакой я наблюдала это удивительное состояние души.

Время отсчитывало последние секунды наших жизней. И тогда, — лицо Таги согрелось особенным светом, — Мушни с трогательной заботой поправил на молоденьком студенте неумело надетую каску, затем отошел в угол, привалился к стене, достал из кармана фотографии и нежно погладил рукой. О чем он думал в те мгновения? Наверно то же, что и все те, кто когда-либо стоял перед выбором между жизнью и смертью.

Арзамет Тарба приподнялся над подоконником и пристально вглядывался в знакомые улицы, пытаясь за пеленой дыма разглядеть родной дом. Его губы что-то беззвучно шептали. Там оставались отец, мать и младший брат Дмитрий.

Батал Табагуа и Асик Атба, последний раз державшие автомат в руках во время срочной службы в армии, заново примерялись к нему.

Артур Читанава в который уже раз пересчитывал скудный запас патронов и, отсыпав горсть, передал Иналу. В это время снизу, где сосредотачивались для атаки гвардейцы, донеслись отрывистые команды. Мушни востроенный, быстрым взглядом окинул бойцов и охрипшим голосом заговорил. Это были те самые слова, которые потом не раз повторяли командиры ребятам перед решающим штурмом. Он говорил: «Сегодня на их стороне сила, но на нашей — вера и правда. Пока нас мало, а врагов намного больше. Этот бой может стать последним, но мы не страшимся смерти, потому что пришли сюда не по приказу, а по зову сердца. Мы сделали свой выбор — свободная

Родина или смерть! Этот бой и жертвы станут той искрой, что разожжет пламя народной войны. За нами встанут сотни, тысячи бойцов...»

Разрыв снаряда вздыбил металлическую крышу над кино-театром и, словно листок бумаги, скрутил в трубу. В злобном лае зашлись пулеметы. Залпы гранатометов и танкового орудия сотрясли здание. Рухнуло перекрытие над залом, клубы пыли и дыма заволокли помещения. Из-под развалин послышались стоны раненых, появились первые убитые....

Здесь Тали прервала рассказ, и ее взгляд обратился к городу. За деревьями виднелись изуродованная крыша кинотеатра «Апсны» и мрачные развалины Совмина. Спустя столько лет ее разум отказывался понимать чудовищность того, что происходило в Сухуме четырнадцатого августа девяносто второго года. Она тяжело вздохнула и вернулась к рассказу.

— В тот миг мир для меня раскололся надвое. Там, за спиной, на Маяке и в Гаграх, все так же ярко светило солнце и весело шуршал галькой морской прибой. На пляжах негде было яблоку упасть. От восторженного писка и визга детворы, барахтавшейся в море, шум стоял, как на птичьем базаре. В Новом Афоне, в Пантелеймоновском монастыре, после многих лет забвения возобновилась служба. Первые прихожане возносили молитву во имя добра, справедливости и мира. А здесь, у Красного моста, в крошечной мгле витал запах крови и смерти. Ад в раю! Точнее и правдивее, чем это выразил Алексей Аргун, не скажешь.

Тот день для нас превратился в ночь, а время будто остановилось. Давно смолк наш единственный пулемет — снайперы выбили расчет. Не стало слышно выстрелов на крыше. Ребята, вооруженные ружьями и автоматами, не могли долго сопротивляться убийственному огню вражеских вертолетов. Пламя охватило крышу и верхний этаж. Танк и бээмпэ методично били по окнам первого и второго этажа. Садисты! Они рассчитывали загнать нас в подвал и сделать из него братскую могилу.

Мушни с Артуром окинули взглядом ребят, их лица были суровы и сосредоточены. Они, вчерашние школьники и студенты, понимали, что наступил решающий момент боя, и приготовились стоять насмерть.

Гвардейцы тем временем перегруппировались и мелкими перебежками стали подтягиваться к зданию кинотеатра. Некоторые, осмелев, выбрались из укрытий, просочилась к парапету набережной и взяли под прицел наши позиции и пути отхода. Головной танк нахально выдвинулся на прямую наводку, а вслед за ним заворочалась и залязгала гусеницами остальная колонна.

Мушни от бессилия и злости заскрипел зубами и в сердцах воскликнул:

— Один бы гранатомет, и я бы захлопнул ему пасть!

— Сволочь! Ближе не подходит, боится, что бутылкой достанем, — сокрушался Артур.

— Еще пара минут — и они развернут на позиции второй танк, и тогда нам крышка, — подвел печальный итог Мушни.

Артур продолжал наблюдать за маневрами гвардейцев в надежде найти выход из положения. Мушни, к сожалению, оказался прав: танк торчал, как кость в горле. Артур нервно сглотнул слюну и чужим, деревянным голосом произнес:

— Мушни, я остаюсь с ребятами Беслана и прикрою, а ты забирай молодых и отходи.

— Нет! Мы не уйдем! — с ходу отмел это предложение Мушни. — Мои парни уже понюхали порох, и этим гадам так просто нас не взять. Они еще умоются своей поганой кровью!

— Ты должен уйти! Я военный... — настаивал Артур.

— Мы сейчас все военные! И если...

Очередь крупнокалиберного пулемета прошла над их головами и прервала спор. Они залегли под подоконником и через пробоины в стенах принялись высматривать пулеметчика.

— Вон он, сволочь, где засел! — первым заметил Артур.

С последнего этажа высотки санатория ПВО, изрыгая огненные струи, рокотал ПКТ — танковый пулемет Калашникова.

— Теперь уже поздно думать об отходе. С такой позиции этот гад половину из нас положит, — с ожесточением произнес Мушни.

В это время внизу раздался топот ног, ребята схватились за оружие, а через минуту опасения рассеялись. Из дыма и пыли,

как ангелы-спасители, появились ребята Астамура Бганбы и принесли с собой целый арсенал — автоматы и пистолеты. В нас снова ожила надежда, — здесь голос Тали дрогнул. — Прав был Мушни, когда говорил, что на место каждого павшего встанут десятки, сотни новых бойцов. Арзамет, Беслан Джелиа, остальные ребята набросились на пришедших с вопросами: «Что происходит в городе?», «Когда подойдет подкрепление?», «Где русские десантники?», «Почему они не остановят эту бойню?». Почему?.. Почему?..

Мушни и Артур с грустью смотрели на них и не оставляли без внимания перемещения гвардейцев. Второй танк заканчивал разворот для выхода на огневую позицию, а бээмпэ попятилась назад, освобождая ему место.

— Надо немедленно атаковать, пока они не развернулись, — предложил Артур.

Его поддержал Беслан. Мушни мучительно размышлял. То, что предлагали Артур с Бесланом, с точки зрения военной тактики, возможно, было оправданно и правильно, но именно с точки зрения военной, когда под рукой обученные и хорошо вооруженные солдаты. «Именно солдаты», — с тоской подумал он и посмотрел на ребят.

Большинство из них только сегодня взяли в руки оружие, впервые нажали на курок и метнули гранату. Они, еще не успевшие пожить, подчиняясь его воле, через несколько минут могли полечь в отчаянной и рискованной контратаке. Имел ли он право на их жизнь?

«А может, пока не поздно, собрать все силы в один кулак и вырваться из капкана, который гвардейцы готовились захлопнуть? Но тогда ополченцы из Гудауты и Эшер не успеют подтянуться и занять позиции, а редкие заслоны из батальона милиции вряд ли смогут задержать набравшую обороты бронированную армаду. Разрозненные очаги сопротивления будут смяты, и город останется без защиты, — терзался перед выбором Мушни. — Артур с Бесланом правы — надо атаковать. И пусть простят меня отцы с матерями за те жертвы, что будут принесены сейчас», — принял он решение и отдал команду:

— Приготовиться к атаке!

Ребята подтянулись, и их решительность придала ему уверенности.

— Я с моими, группой Беслана и Абзагу выбиваем пехоту и гранатометчиков, а затем выходим на танк и бээмпэ. Любой ценой их надо подорвать и заблокировать дорогу! Артур, остаешься здесь, чтобы прикрыть! — распорядился Мушни.

Тот попытался возразить, но Мушни был непреклонен:

— Не будем спорить. Действуем быстро. Только вперед! — и осекшись, коротко обронил: — Раненых и убитых забираем на обратном пути. Вопросы есть?

Их не последовало, каждый сделал свой выбор. Мушни махнул рукой и первым шагнул вперед.

Стремительная атака ополченцев обескуражила и посеяла панику среди гвардейцев. Они дрогнули и, ища спасения, бросились под защиту стен домов и ограду военного санатория. Танк и бээмпэ, оставшись без прикрытия пехоты, попятились назад. В них полетели бутылки с зажигательной смесью. Зеленое пламя растеклось по броне танка, ствол поник, башня замерла, из нижнего люка выскочили трое в черных комбинезонах. Автоматные очереди настигли их у реки. Арзамет, Беслан и Абзагу, не раздумывая, ринулись к брошенному танку, чтобы завладеть трофеем, и принялись сбивать пламя. Их засек пулеметчик, засевший на высотке санатория ПВО, и перенес огонь с кинотеатра на площадь.

Пули просвистели над головой Абзагу, рядом кто-то пронзительно вскрикнул. Пулеметная очередь осеклась, и он в несколько гигантских прыжков проскочил пустырь и спрятался под аркой моста. Мушни что-то прокричал вслед, но Абзагу ничего не слышал и жил только одной мыслью: «Уничтожить проклятого пулеметчика».

Прячась под берегом, в зарослях кустарника, он проскользнул мимо вражеских автоматчиков и затаился у ограды санатория. За ней тоже бушевала война. Пожар охватил здание приемного корпуса. Языки ядовито-желтого пламени пожарили верхушки пальм у центрального входа, густой дым заволок дорожки парка, по которым металась потерявшие голову от страха люди.

Абзагу выбрался из кустарника и, пользуясь завесой дыма, катившегося густыми клубами со стороны пожара, незаметно добрался до боковой аллеи, подобрал брошенное кем-то полотенце, завернул в него автомат и влился в людской поток, устремившийся к четырнадцатизэтажной высотке. Перед ее входом дежурили четверо гвардейцев. Секундное раздумье, и, подхватив под руку женщину, Абзагу смешался с толпой и протиснулся в фойе. Там у лифта наткнулся еще на один пост, но удача снова улыбнулась ему — проход на лестницу оказался свободен. На одном дыхании он пролетел все тринадцать этажей и остановился на лестничной клетке.

Над головой отчетливо барабанил пулемет; всего десяток метров отделял Абзагу от цели, и тут за спиной хлопнула дверь. Он метнулся к простенку и повел стволом автомата. Из дверного проема на него смотрела остановившимся взглядом парализованная страхом девушка. Ему было не до нее — там, на площади, гибли ребята, и, набрав полные легкие воздуха, он безоглядно бросился вперед, ногой вышиб дверь и выскочил на крышу.

Перед ним бугрилась темными потными пятнами необъятная спина гвардейца. Бычья шея от напряжения налилась кровью, плечи ходили ходуном, а тело сотрясала судорожная дрожь. Гвардеец слился с пулеметом и посылал очередь за очередью на цепи ополченцев.

Абзагу вскинул автомат, нажал на пусковой крючок и выпустил весь магазин в ненавистную спину. Сухо лязгнул затвор и выбросил последнюю гильзу, а побелевший от напряжения палец продолжал давить на спуск. Теперь его не страшила встреча с гвардейцами, он сделал свое дело — помог ребятам и, сменив магазин в автомате, юноша ринулся вниз.

В фойе почувствовали неладное и бросились на помощь пулеметчику. Абзагу стремительно спускался; на площадке третьего этажа столкнулся с гвардейцами, но успел их опередить. Автоматная очередь припечатала одного к стенке, а второй успел откатиться за кабину лифта. Ниже, на лестничном пролете, мелькнули головы других гвардейцев. Путь к выходу был отрезан. Абзагу, не целясь, выстрелил, выбил ногой окно и спрыгнул на газон.

Удар о землю отозвался острой болью в правом колене, и первый шаг дался с трудом. Припадая на поврежденную ногу, Абзагу бросился к гаражам, и, пока среди гвардейцев царила паника, успел скрыться в кустах у реки. К этому времени ополченцы отбили у гвардейцев танк, ставший первым военным трофеем будущей армии Абхазии.

Здесь Тали перевела дыхание и с гордостью произнесла:

— Там, у Красного моста, мы поняли и поверили, что несмотря ни на что, устоим и погоним эту нечисть обратно! Сколько продолжался тот бой у Красного моста, сейчас трудно сказать, но для меня, Мушни, Артура, Володи и остальных ребят он останется вечным. Вечным в том смысле, что там, в разрушенном кинотеатре с символическим названием «Апсны» — «Страна души», мы боролись не за будущую сытую и беззаботную жизнь, а за право думать и говорить на родном языке, за душу будущей Родины.

Возможно, в конце прагматичного и циничного двадцатого века подобное звучит наивно. Но это действительно так, — страстно и убежденно говорила Тали. — Мушни, Арзамет, Артур, Володя и остальные, три с половиной тысячи человек, сложившие головы в той страшной войне, были лучшими из лучших, цветом нашей нации. Талантливые и энергичные, они без труда могли устроить богатую и безбедную жизнь в России, Турции, Америке и бог знает где еще, не только себе, но и своим близким. Но они избрали другой путь — остались с Родиной в ее самый трудный час, чтобы отстоять свободу и независимость.

И сейчас, — на лицо Тали набежала тень, — когда развалины поросли травой, а время смягчило горе, я с горечью слышу: а зачем нужна была эта свобода и такие жертвы, если мы стали жить хуже. Понятно, когда это говорят те, кто спит и видит себя на куче денег. У них родина там, где платят больше. Вдвойне обидно за тех, кто во время войны не щадил себя, а сегодня, столкнувшись с нуждой и несправедливостью, растерялся и утратил веру.

Государство, как и человек, рождается в муках, — продолжала размышлять Тали. — Моя многострадальная Абхазия родилась в страшных мучениях, и пусть пока ее не признают,

но я не сомневаюсь, что пройдет время, и оно все расставит по своим местам. Моя маленькая страна никогда не затеряется и не исчезнет, как канули когда-то в Лету могучие империи монголов и османов, потому что мы отстаивали самое главное и самое важное — свою землю, свой язык и свою культуру. Я надеюсь, я верю, что через пять, десять, пусть двадцать лет, но мы будем жить в свободной и процветающей Абхазии! — закончила рассказ Тали и, смутившись своего порыва, отошла к краю причала.

На фоне изумрудной морской волны и лазурного неба ее тонкая, изящная и будто устремленная в будущее фигурка напоминала изображение богини на древнем корабле «Арго», бесстрашный экипаж которого, презрев все опасности, отправился в далекое странствие на поиски золотого руна, счастья в неведомую Колхиду — Апсны, Страну души.

Я любовался Тали, прекрасными и одухотворенными лицами моих собеседниц и невольно задавал себе один и тот же вопрос: почему именно они смогли запечатлеть в фотографиях, киноплёнках и памяти, а затем пронести через время столь глубокие и выразительные по силе и правдивости судьбы людей и страны в прошедшей войне?

Талант и смелость — несомненно! Но среди профессионалов, работавших тогда в Абхазии, было немало отважных и одаренных. Почему все-таки они? Может, в силу того, что беда коснулась и опалила огнем потерь каждую из них? Но горе и утраты не обошли стороной многих журналистов и фотокорреспондентов. А может, потому, что самому естеству женщины война противна? Только она, женщина, наделенная природой великим даром продолжения жизни, способна так глубоко ощутить и передать ту боль и то страдание, которые несет с собой война. И они — Тали, Майя, Ирина, Марина, Катя и Леля — делали то, что из века в век совершала Женщина — хранила вечную любовь и возрождала из пепла новую жизнь...

Прошли годы после окончания войны и тех наших встреч. И эта новая, мирная жизнь с массой житейских проблем стала непростым испытанием даже для моих героинь. Она странным и непостижимым образом так далеко развела их, что мне каза-

лись сном те прошлые наши встречи и беседы, а яркие и цельные образы девушек — плодом моего воображения.

— Тали! Майя! Ирина!.. Ну почему? Как такое могло произойти? — невольно вырвалось у меня.

За соседними столиками стихли разговоры. Я, почувствовав на себе любопытные взгляды и неловко помявшись, поспешил ретироваться. До обеда еще было много времени, и мне ничего другого не оставалось, как просто убивать его в приморском парке. В этот час там было немногочленно. Несколько пожилых супружеских пар сонно сидели на лавочках в тени гигантских эвкалиптов. Шумная стайка ребятни, высыпавшая из школы, гомонила на песчаной отмели. Неподалеку от них, по тенистой аллее, гуляла высокая и статная женщина с мальчуганом лет пяти. Ее походка, посадка головы показались мне знакомы, и я невольно ускорил шаг.

«Ирина?» — не поверил я собственным глазам, а когда подошел ближе, понял, что не ошибся. Она, привлеченная шумом шагов, подняла голову, и наши взгляды встретились. Ее огромные серые глаза от удивления стали еще больше, и в них вспыхнул радостный огонек. От неожиданности и внезапно нахлынувших теплых чувств, мы какое-то время не могли произнести ни слова и с любопытством разглядывали друг друга.

За прошедшие шесть лет Ирина почти не изменилась, разве что слегка пополнела, но это нисколько не портило ее, наоборот, она стала еще миловиднее и женственнее. В выражении лица и во взгляде прибавилось теплоты и спокойствия, волосы стали еще гуще и пышными волнами растекались по плечам. На прежнем месте, над верхней губой, оставалась и пикантная родинка. В очередной раз я убедился в том, что дети и счастливая семейная жизнь любую женщину, а тем более такую, как Ирина, делают еще прекраснее.

Мы заговорили наперебой, прошлые воспоминания путались с нынешними впечатлениями, но это нас нисколько не смущало. Ирина с увлечением рассказывала о своей работе (она по-прежнему трудилась в той же самой поликлинике), о новой квартире в районе Синопа, куда переехала на днях и, конечно, о Гаррике. Он стал тем центром «вселенной», вокруг которого

крутилось все в семье, и здесь мне пришлось выслушать такую массу интереснейших подробностей, что этому вполне мог позавидовать знаменитый врач Рошаль.

И когда разговор зашел о наших общих знакомых, в нем, вольно или невольно, мы коснулись последних событий, сотрясавших Абхазию. Не обошли они стороной и семью Ирины: она симпатизировала Раулю Хаджимба, а муж, Алхаз, был горячим сторонником Сергея Багапша. Ирина с большой неохотой заговорила об этом, но в ее голосе не было того ожесточения и нетерпимости, с которыми я так часто сталкивался в последние дни у моих собеседников. Она по-житейски относилась ко всему происходящему, а ее слова больше напоминали медицинский диагноз: новой Абхазии всего одиннадцать, это возраст младенца. Младенца, у которого нет прививки ни от кори, ни от золотухи, вид которых ужасен, но не смертелен. Наши выборы — то же самое. В конце концов, перебесимся, и здравый смысл возобладает. Нас слишком мало, и мы слишком много отдали в прошлом, чтобы сейчас пусть даже ради самого важного президентского кресла пойти стенка на стенку. Это понимаю я, это понимает Алхаз, рано или поздно поймут и самые отмороженные...

В это время с дороги просигналила машина. Ирина встрепенулась и, подхватив Гарика, поспешила к ней. Я проводил их, и когда мы расставались, она с прежней теплотой, пожав мне руку, сказала:

— Заходи в гости, только сразу предупреждаю, ни слова о политике! Я не хочу, чтобы наша квартира превратилась в сумасшедший дом.

— Непременно! — заверил я, а сам подумал: «Возможно, она глубоко права в том, что место политики — в кабинетах, а порой, и в самом деле, — в сумасшедшем доме, но никак не в семье».

Храм души

Новый Афон — эти два коротких слова для многих не только в самой Абхазии, но и за ее пределами обладают какой-то особенной магической силой. В крохотный поселок, зате-

рявшийся среди живописных гор черноморского побережья, неудержимо влечет из бурлящей страстями Москвы, холодного и аристократичного Петербурга, тихих и уютных провинциальных городков российской глубинки та божественная красота, которой так щедро одарена здешняя земля и та вековая мудрость, что хранится за древними стенами Анакопийской цитадели и под парящими над этим земным раем куполами величественного храма.

Неподалеку от храма, в горной пещере, давшей приют апостолу Христа — Симону Кананиту, людские души, уставшие от убогого бытия и потоков беспардонной лжи политиков, находят умиротворение и очищение. А в сказочно дивных лесах — совесть, давно истосковавшуюся по добру и правде, бередают древние легенды и мифы, рожденные здесь две тысячи лет назад человеческим гением.

Каждый год, приезжая в Абхазию, я неизменно посещал Новый Афон и за восемь лет, кажется, успел изучить все его заповедные уголки, но, несмотря на это, снова стремился сюда, и всякий раз судьба одаривала новыми яркими открытиями. Последняя поездка не стала исключением. Я с нетерпением ожидал встречи с Тимуром Палбой, с которым познакомился в сентябре 2000 года.

В тот раз вместе с дочерьми Лидой и Олесей и моими добрыми друзьями Станиславом Лакобой и Олегом Бгажбой, по уже заведенной традиции, заехал в Новый Афон. Мы решили прогуляться по прекрасному парку госдачи. На одной из аллей повстречали Тимура. Он охотно взял на себя роль гида, долго водил по самым заповедным уголкам парка. Когда же наши ноги загудели от усталости, а в горле пересохло от жажды, пригласил на бывшую дачу Сталина. Замечательное вино, а еще больше забавные рассказы Тимура не оставили никого равнодушным. Он удивил нас разносторонними познаниями и покориł своим теплым и тонким юмором. Его острому языку и образным сравнениям, буйству и богатству фантазии мог позавидовать любой историк и писатель.

Олег безуспешно напрягал память, но так и не вспомнил Тимура среди студентов исторического факультета универси-

тета. Его имя ничего не говорило и Станиславу. Конец нашим предположениям и догадкам положил он сам, признавшись, что никакой он не историк или ждущий своего звездного часа Геннадий Хазанов, а всего-навсего бывший майор-пожарник. Это уже война заставила вникнуть в историю страны и сделала из него комиссара батальона. Послевоенная разруха вынудила переквалифицироваться в строителя, гида и одновременно завхоза громадного хозяйства — комплекса правительственных дач и парков Нового Афона.

В этот мой приезд в Абхазию встреча с Тимуром откладывалась по разным причинам, и состоялась она лишь в самом конце отпуска. В одном случае помешала непогода — на Сухум обрушился настоящий смерч. Тропический ливень в считанные минуты превратил городские улицы в бурные горные реки, и машина Станислава безнадежно застряла в громадной луже перед школой имени Нади Курченко. В другой раз на месте не оказалось самого Тимура, он срочно выехал на границу получать какой-то груз. Третья попытка была более удачной. «Волга» Феликса Цикутании, моего хорошего друга и постоянного партнера по волейболу, работала как часы. Даже такому педанту и остряку, как Гена Квинцинция, не к чему было придрачиться. Он вальяжно развалился рядом с Феликсом, а мы с дочерьми и Александром Колонтаевским, нашим неизменным спутником в поездках по Абхазии, втиснулись на заднее сиденье.

От резкого рывка нас крепко потрянуло, и «Волга» словно ракета рванулась вперед. Сливаясь в сплошную зеленую линию, по сторонам замелькали придорожные кусты. На поворотах, не снижая скорости, Феликс плавными движениями руля удерживал машину на шоссе, ехать меньше восьмидесяти было ниже его достоинства.

Через тридцать минут мы были у Нового Афона и, благополучно соскользнув с «тещиного языка», оказались в поселке. Дорогу стиснули сады. Сквозь густую зелень золотистой россыпью проглядывали созревшие плоды хурмы и мандарин. Бронзовые шатры из снопов кукурузы покрывали пригорки, а во дворах на лужайках высились аккуратные горки из початков.

Тяжелые ядовито-красные вязанки горького перца сушились под крышами пацх. На склоне одного из холмов наше внимание привлекло исполинское дерево. Под его раскидистой кроной стадо овец мирно щипало траву. Размеры дерева вызвали у Александра изумление.

— Похоже на грецкий орех, — высказал он предположение.

— Молодец! Ты, видимо, разбираешься в лесоводстве, — подтвердил Гена и, переглянувшись с Феликсом, многозначительно сказал: — Между прочим, знаменитое дерево.

— Это чем? — поинтересовался Саша.

— Вон, видишь под ним парня? — Гена махнул рукой в сторону дерева.

— Какого еще парня? Там одни бараны, — Саша недоуменно пожал плечами.

— Э-э... какой ты хитрый! О шашыке будешь говорить с Тимуром. Смотри ниже, где бревна валяются, — подсказал Феликс.

На краю поляны, сбившись в кружок, сидела компания молодых парней, среди них выделялся рослый красавец с густой бородой.

— «Борода», что ли? — допытывался Саша.

— Нет, тот, что лежит на траве, — ответил Гена.

— Этот, рыжий?

Парень ничем особенным не выделялся, разве что в глаза бросалась его огненно-красная шевелюра.

— Так вот, этот рыжий и орех, можно сказать, спасли Абхазию.

— Как? — в один голос воскликнули мы с Александром.

— История эта давняя и случилась вскоре после войны, — решил больше не мучить нас Гена. — Как-то приехал сюда Сорос...

— Неужели тот самый? — поразился я неутомимости вездесущего филантропа.

— Тот самый, можешь не сомневаться, — заверил Гена. — Как раз по этой дороге ехал, тоже увидел орех и обалдел. Переводчик попался толковый, расписал в красках как первейшее средство для мужика. Сорос чуть из штанов не выпрыгнул, тут

же сунул переводчику пятьдесят баксов и попросил нарвать. Тот вылез из машины и к дереву, а под ним, как сейчас, Зурик дремал.

— Классную работу нашел рыжий. Я бы за такие «бабки» на дереве ночевал, — не преминул съязвить Саша.

— Как говорится, «каждому свое», — философски заметил Гена и продолжил рассказ. — Так вот подходит переводчик к Зурику и спрашивает: «Ты Сороса знаешь?» И пятьдесят долларов сует. А он и ухом не ведет. Сорос завелся — сотню баксов выложил. Зурик ни в какую. Тот тысячу достал, долго в ее руках вертел, но, видно, жалко стало, сунул в карман и прошипел: «За тысячу я сам на какое хочешь дерево залезу». Наш Зурик в долгу не остался и вдогонку крикнул: «Тоже мне, дурака нашел, сегодня орех, а завтра им Абхазию подай». В общем, ни с чем укатил Сорос от нас.

— После него немало таких «благотетелей» наезжало, — с презрением обронил Феликс. — Березовский золотые горы сулил за Пицунду, но у абхаза совесть и земля не продаются.

За этой забавной историей мы не заметили, как подъехали к воротам правительственной дачи. Створки ворот были широко распахнуты. Феликс смело свернул во двор, и через сотню метров нам повстречался сам Тимур. В окружении рабочих он с механиком-водителем возился над двигателем старенького трактора. Тепло поздоровавшись, мы уже вместе направились к даче Сталина по знакомому маршруту. Там, в большом зале, нас ждал настоящий абхазский стол, и как мы ни отнекивались, Тимур нас усадил за него. На этот раз он был непривычно сдержан и немногословен. Несколько дней назад умер его боевой товарищ. После стольких лет война все еще продолжала забирать свои жертвы. Мы подняли бокалы и молча почтили память бойца.

— Замечательный был человек, — коротко заметил Тимур. — Воевал с первого и до последнего дня. Первым, вместе с добровольцами из отряда Мушни Хварцкии, встретил огнем на Красном мосту уголовное отребье из Тбилиси.

— Если бы не они, то неизвестно, как бы все повернулось, — с тяжелым вздохом заметил Феликс.

— Рано или поздно, но башку мы бы им свернули! — категорично заявил Гена.

— Все это так. Но тогда, когда их были тысячи, а нас всего несколько десятков... — лицо Тимура исказила горестная гримаса, и после долгой паузы он продолжил: — Тяжелейший был бой, но слишком не равны оказались силы, и нашим пришлось отступить. Беззащитный Сухум оказался в руках этих новых фашистов, и они уже торжествовали победу. Рано обрадовались, сволочи! В том ожесточенном бою на Красном мосту Мушни Хварцкия, Артур Читанава, Арзамет Тарба, Абзагу Гургулиа и другие ребята сделали самое главное — на несколько часов задержали гадов.

— Победоносного блицкрига по абхазской земле у них не получилось, — присоединился к рассказу Гена. — Им пришлось развернуть танки и бэтээры на дороге перед мостом у Гумисты, подтянуть тяжелую артиллерию и минометные батареи. Снарядов и мин у них хватало, чтобы всех нас не один раз уничтожить, но мы устояли. Эти идиоты из Тбилиси за тысячу лет так и не поняли, что абхазы если что-то и умеют хорошо делать, так это воевать. Пока гвардейцы топтались у моста, из Нового Афона, Гудауты и горных сел к ополченцам подтянулось подкрепление. Кто-то пришел с дедовским ружьем, а кто-то с одним кинжалом. Наши намертво вцепились в скалы, и тогда гвардейцы бросили в бой авиацию; на некоторых самолетах не успели закрасить красные звезды. Это было что-то запредельное, не поддающееся здравому рассудку! Звезды, омытые кровью наших отцов в прошлой войне! Звезды, которые мы сами недавно носили на пилотках и погонах, в одночасье превратились в символ смерти и разрушения!

Вражеская авиация и артиллерия день и ночь утюжили наши позиции. В Верхних Эшерах не осталось ни одного целого дома, ни одной пацхи. За время войны на многострадальное село сбросили столько бомб, мин и снарядов, что в нем, как на Мамаевом кургане в Сталинграде, спустя десять лет даже бурьян не растет. Будь их воля, они и от гор камня на камне не оставили бы. Но это наши горы, и, как когда-то пел Владимир Высоцкий, они помогли нам! За тринадцать месяцев войны эта грузинская саранча здесь, у реки, не продвинулась ни на шаг. Но тогда, в августе девяносто второго, когда наступление у моста

над Гумистой безнадежно захлебнулось, они перегруппировали силы и ударили в направлении Нижних Эшер и Нового Афона. Их штабисты рассчитывали смять нашу оборону, вырваться в долину перед Гудаутой, развернуть танки с бронетехникой и решить исход войны в свою пользу.

— Положение сложилось критическое, — вспоминал Тимур. — наших сил едва хватало, чтобы перекрыть подходы к мосту. Их танки прорвались к Нижним Эшерам и двинулись на Новый Афон. И тогда кто на чем — на лошадях, «жигулях» и даже «запорожцах» (скромные абхазцы тоже бывают), прихватив ружья и бутылки с бензином, двинулись им на перехват. На ходу формировались взводы и роты, командирами ставили тех, кто служил в Советской армии. Оружия не хватало. Об артиллерии приходилось только мечтать. Поэтому, можно сказать, танки и бэтэеры останавливали голыми руками. Здорово выручали «зажигалки»; они оказались грозным оружием против бронетехники. Хорошо сработали и «колеса». Ребята забирались на скалы, деревья и швыряли на вражескую колонну автомобильные камеры с зажигательной смесью. В общем, исхищрялись как могли, студенты из университета пустили в ход даже сено, горящими снопами забрасывали танки.

— В той атаке грузины потеряли не меньше пяти машин и вынуждены были отступить, а наш военный арсенал пополнился боевыми трофеями, — с гордостью заявил Гена. — Одному взводу достался тяжелый батальонный миномет. Собрались вокруг него бойцы и не знают, что делать. Большинство до боя кроме ручки и стакана с вином ничего другого в руках не держало.

— Война быстро учит и второгодников в ее классах не бывает, — печально заметил Тимур.

— Это точно, — согласился Гена и, улыбнувшись, продолжил рассказ: — Хватало и курьезов. Не долго радовались ребята своему трофею. Полдня провозились всем взводом — и никакого толку, чего-то в нем не хватало. Дело сдвинулось с мертвой точки только после того, как в соседней роте нашелся боец, кажется, Ахриком звали; тот в Советской армии в минометном расчете служил. Часа два он прокопался с тем

минометом, в конце концов, с грехом пополам собрал. Ребята оживились, поднесли мины. Им не терпелось поскорее грузин подарками «порадовать». И тут снова заминка вышла. Ахрик вдруг в сторону отвалил. Командир взвода наел, а он ни в какую, и только глазами хлопает.

Тут уже весь взвод завелся. И тогда бедный Ахрик взмолился: «Ребята, хоть убейте, но что делать дальше, не знаю. Все остальное во взводе делал лейтенант». Лейтенанта среди нас не нашлось. Выручил доцент из университета. Поколдовал он над расчетами, выставил «трубу» и сделал выстрел. До грузин мина не долетела, шлепнулась на нашей стороне и разнесла в щепки пацху. Доцент от расстройства зарекся после войны на кафедру возвращаться, а командир ничего, даже шею не намылил, наоборот — благодарность объявил. Позже выяснилось, тем выстрелом его «любимую» тещу хорошо пуганули. Потом наши умельцы приспособили миномет на «ниву» и получилась отличная подвижная батарея. Гвардейцы никак не могли ее накрыть, и среди них пошел гулять слух о нашем «сверхсекретном оружии».

— Чего-чего, а «сверхсекретного оружия» у нас действительно хватало, — усмехнулся Тимур. И мы приготовились выслушать еще одну военную историю.

Это был тот редкий случай, когда наши собеседники, скупые в своих военных воспоминаниях, наконец, разговорились, и мы не обманулись в ожиданиях.

Тимур поднялся из-за стола, вышел в соседнюю комнату и возвратился с большущим альбомом. Мы склонились над ним и с любопытством принялись перелистывать страницы. Известные политики, популярные артисты и пока еще не многочисленные туристы, кто в стихах, кто в рисунках, а кто просто добрым словом, объяснялись в любви к этой прекрасной земле и ее людям. На одной из страниц бросилась в глаза изящная вязь нотных знаков и знакомый автограф талантливого музыканта и замечательного белорусского певца Игоря Корнелюка. Я с удивлением посмотрел на Тимура.

— Игорь здесь был, и не один, вместе с женой, когда приезжал в Сухум с концертом, — окончательно развеял мои

сомнения Тимур, и в его голосе зазвучали теплые нотки. — Обаятельный человек. Он запал нам в душу, и не потому, что пел бесплатно, абхазец отдаст последнее, но достойно встретит гостя. Игорь первым после войны, не побоявшись слухов о боевиках и разрухе, приехал в Абхазию. В тот холодный и дождливый ноябрьский вечер его прекрасные песни «Билет на балет», «Лунная дорога», «Дожди», подобно живительному теплу, отогрели наши заледеневшие от горя и утрат сердца.

И в этих словах Тимура не было преувеличения. В моей памяти навсегда остались тот незабываемый концерт и замечательный вечер, проведенный вместе с Игорем в Сухуме. За стенами филармонии хлестал холодный осенний дождь, но когда под сводами, потрескавшимися от артобстрелов и бомбежек, зазвучал проникновенный голос певца, зал всколыхнулся разноцветным морем зонтиков. «Дожди» Корнелюка, подобно первому весеннему ливню, пробуждающему к жизни землю после долгой и холодной зимы, теплыми улыбками озарили лица сухумчан.

Концерт закончился, но публика долго не отпускала Игоря. Он снова и снова выходил на сцену, а они все не хотели расставаться с теми счастливыми довоенными воспоминаниями, которые в своих песнях подарил им певец. Ему, которому рукоплескали пятидесятитысячные стадионы. Ему, познавшему сладость и горечь всесоюзной славы, этот душевный порыв сухумчан был необыкновенно дорог. Игорь был счастлив. И, может быть, там, в послевоенном Сухуме, он снова почерпнул то гениальное вдохновение, что подарило нам новые замечательные мелодии и песни. Из нашей памяти, рано или поздно, исчезнут колоритные паханы и отчаянные одиночки, сражающиеся со злом, из нашумевшего фильма «Бандитский Петербург». Но навсегда в глубине сердца сохранится та прекрасная музыка и те замечательные слова о светлом городе, который каждый из нас надеется найти в своей жизни.

Потом, после концерта и торжественного ужина, устроенного гостеприимными хозяевами в культурном центре Виктора Абаза, вместе с Игорем мы возвращались в военный санаторий. Дождь прекратился. Тучи рассеялись, и яркие южные звезды усыпали небо. Редкие фонари, чудом уцелевшие после жесто-

ченных уличных боев, неровным светом освещали наш путь. Мы шли и не ощущали холода и сырости, не замечали пугающих развалин, а продолжали купаться в море людской доброты и тепла, что в тот вечер так щедро выплеснулось на нас.

«Ребята, ради одного этого стоит жить!» — выразил наше состояние Игорь...

Я с грустью очнулся от приятных воспоминаний и присоединился к ребятам. Они закончили листать альбом и возвратили Тимуру. Он снова зашелестел страницами, нашел несколько записей на иностранном языке, и его губы беззвучно зашевелились. Мы терпеливо ждали. Недолго помучившись, он захлопнул альбом и шутливо сказал:

— Русский знаю, абхазский тоже, грузинским владею, командирский еще не забыл, а вот французский выучить не успел.

— А что, ты и во Франции успел повоевать? — с ехидцей поддел его Гена.

— Нет, мне и здесь на сто лет вперед хватило. Это французы ко мне приезжали, — сохраняя невозмутимый вид, ответил Тимур.

— Ну-ка, ну-ка, расскажи поподробнее, — заинтересовался Феликс.

— Тебе-то французы зачем? Все равно дальше Псоу не выпустят, — с недоумением произнес Гена.

— Мне их Париж и даром не нужен, лучше Сухума ничего нет, а вот общий бизнес наладить...

— Ты когда на себя последний раз в зеркало смотрел? — перебил Гена.

— А что? — насторожился Феликс, и его хитрющие глаза беспокойно забегали.

— А ничего. Просто на твоей физиономии все написано, последний хитрован и тот связываться с тобой не станет.

— Пол-Сухума ко мне ходит и не жалуется. Все говорят, что лучше товара, чем у Феликса Цикутани, ни у кого купишь! — возмутился Феликс.

— Ребята, о чем вы спорите? Мои французы были не бизнесменами, они — журналисты, — остановил спор старых друзей Тимур.

— Ну, с ними лучше не связываться, — сразу потерял интерес к этой теме Феликс.

— Не скажи. Во время войны они здорово помогли. Первыми на Западе прорвали информационную блокаду вокруг Абхазии.

— А можно поподробнее, — здесь уже заинтересовались мы с Александром Колонтаевским. Тимура не пришлось долго уговаривать.

— Случилась эта история весной девяносто третьего, — начал он свой новый рассказ. — После зимнего затишья, когда рассеялись туманы, гвардейцы подняли в воздух авиацию и принялись ровнять нас с землей. Эти «гуманисты» из Тбилиси не щадили даже святых. Сами видели, что сотворили с Новым Афоном, одна неразорвавшаяся бомба до сих пор лежит у стен монастыря.

— Поливали они нас не только свинцом, но и ложью, — с ожесточением произнес Гена. — У Шевы других слов не находилось, как «абхазские бандиты и убийцы». А его бывший министр обороны Каркарашвили до того докаркался, что готов был положить сто тысяч грузин, но только чтобы ни одного абхазца в живых не осталось.

— Будь их воля, они и само название «Абхазия» из истории вычеркнули бы! — согласился Тимур и с горечью сказал: — Ну почему так получается, что каждый раз, когда сильные мира сего затевают очередной передел Кавказа, Абхазия и ее народ оказываются между Востоком и Западом, между землей и небом, между молотом и наковальней? Мы как бы существуем между адом, в который нас снова и снова ввергают завоеватели, и раем, что даровал Господь. За более чем тысячелетнюю историю Абхазии не найдется ни одного столетия, когда бы ее народу не приходилось с оружием в руках отстаивать свое право на существование. Но силы нации не беспредельны, и сегодня, после бесконечных войн и махаджирства абхазов в Турцию, нас осталось меньше ста тысяч. Так неужели эти сто мешают жить остальному «цивилизованному человечеству»? Почему оно, это «цивилизованное человечество», молчало, когда грузинский фашизм развязал настоящий геноцид против

абхазского народа, а затем после нашей победы обвинило нас во всех смертных грехах? Да, мы сражались. Сражались жестоко и беспощадно, потому что другого пути не оставалось. Нам оставалось либо победить, либо умереть.

— У этого «цивилизованного» и сытого «человечества» до сих пор не находится иного слова, как «абхазские сепаратисты»! Но какие мы, к черту, сепаратисты! — в сердцах воскликнул Гена. — Разве абхазы четырнадцатого августа бомбили Сухум и пулеметным огнем косили отдыхающих на пляжах в Агудзере и в российском санатории ПВО? Как мы могли стать ими, не отделясь ни от кого и не нападая ни на кого? Это потом, когда пол-Абхазии лежало в руинах, а живые не успевали хоронить мертвых, парламент принял решение о выходе из состава Грузии, в которую нас загнали в феврале тридцать первого сталинской удавкой.

— Может быть, наша вина состоит в том, что наперекор всему и вся мы продолжаем жить и упрямо твердим: «Мы — абхазы!» — с иронией произнес Тимур. — Но тут ничего не поделаешь, пока жив последний абхазец, так и будет! — закончил он свой эмоциональный монолог и захлопнул альбом.

Гена мягко опустил руку на его плечо и с сочувствием заметил:

— Тимур, давай не будем наших гостей загружать проблемами. Ты лучше про свой французский расскажи.

— Простите, ребята, накипело! — извинился он и с лукавой улыбкой заметил: — Действительно, лучше поговорить о французах. Было это весной девяносто третьего, тогда к нам впервые приехала группа французских журналистов. На Западе, похоже, перестали верить в наглую брехню Шевы «об абхазских бандитах и сепаратистах». И все чаще в наших войсках стали появляться иностранные корреспонденты. Слова их правды разорвали петлю информационной лжи, которой нас пытались задушить из Тбилиси. Как и положено, сначала французов провезли по штабам в Гудауте и Новом Афоне. Несмотря на тяжелое положение, там в грязь лицом не ударили, и такие хлеб-соль организовали, что они стали подтрунивать, будто мы специально войну затягиваем, чтобы врага измором

взять. Потом их направили в наш батальон понюхать пороху, и поручили мне войну им показать, но предупредили, что за жизнь журналистов, и особенно оператора, головой отвечаю. Я не Змей Горыныч — голова одна. И поэтому решил французов на передовую не тащить, чтобы под снайпера не подставлять; договорился с ребятами организовать «боевое крещение» в тылах роты.

Пока продвигались к линии фронта, я заставил журналистов поползать по скалам и кустарнику. На войне, как на войне. А когда добрались до последнего укрытия, я подал знак, и ребята, те, что сидели в засаде, поверх голов дали автоматные очереди. Я с разведчиками в ответ пальнул и трехэтажным матом заорал. Французы без перевода все поняли: стрелянные оказались, грамотно попрятались. Но за оператора пришлось поволноваться, отчаянный оказался парень — камерой, как пулеметом, строчил по «огневым точкам». Мои «артисты», что за грузин работали, в раж вошли и старый трюк использовали. Засунули автомат в дырявое ведро и дали длинную очередь, впечатление такое, словно ПКТ заработал. Танкисты хорошо знают, какая это машина — стальной рельс как бритвой срезает.

Тут уже грузины очухались и подняли сумасшедшую стрельбу. Разгорелся такой бой, что мы еле ноги унесли. Потом собрались в блиндаже, как положено — по сто граммов за боевое крещение выпили и разговорились. О Франции и Абхазии, о войне и мире и, конечно, о людях. Они ведь как раньше считали: здесь «одни папуасы» — «хорошие» грузины дерутся с «плохими» абхазами. Но после того, как увидели среди нас русских, грузин, армян, казаков, то другими глазами на все посмотрели. И совсем обалдели, когда заговорили с «нашим французом» — Гарриком. Тот пару лет перед войной пожил во Франции и говорил не хуже любого парижанина. Ну, я чуть прибавил: что он, мол, доброволец из Франции. А по большому счету не соврал. Так получилось, что нашему батальону на иностранцев «не повезло», в соседнем служили два китайца, три турка и настоящий негр из Африки.

После этих слов Тимура Гена, обычно суровый и невозмутимый, отодвинул в сторону чашку с кофе, суровые складки на его лице разгладились, и в голосе зазвучали теплые нотки.

— Сегодня эта история Тимура об «абхазском французе», китайцах и неграх может вам показаться забавной экзотикой. А на самом деле во время войны, когда привычный для нас мир рухнул, а зло торжествовало победу, добровольцы из России, Турции, Ближнего Востока стали не просто боевой единицей, они превратились в символ справедливости нашей борьбы против грузинского фашизма.

— Подобное происходило только в Испании, — согласился с ним Тимур и вернулся к своим воспоминаниям. — У нас еще не было ни батальонов, ни бригад, а первые добровольцы — кубанские и донские казаки, кабардинцы Гены Карданова и чеченцы Шамиля Басаева — кто морем, кто через горные перевалы спешили на помощь. Сначала пришло немного — человек семьдесят, большинство не имело оружия; и они были измотаны тяжелым переходом по горам. Добровольцы не просили денег, да и откуда им у нас взяться, не требовали мест возле кухни; они желали только одного — оружия и рвались в бой.

— Не будет преувеличением, если скажу, что эта первая горстка храбрецов всколыхнула народ, — продолжил Гена. — «Русские и наши братья с Кавказа вместе с нами!», — так говорили люди и заряжались верой и надеждой, что рано или поздно враг будет разбит. Потом уже появились казачий, армянский и чеченский батальоны. А в Тбилиси от этого заходились в истерике. Идиоты! Там не могли понять, почему «непогрешимому Шеварднадзе» одни «отмороженные» украинские националисты помогали. Ну, с ними понятно, эти готовы где угодно и с кем угодно воевать, только бы России насолить. Платил им Шева щедро и целыми самолетами завозил их в Сухум, в таком деле «пушечное мясо» не жалеют.

— Последний расчет с ними все-таки пришлось производить нам, — с иронией заметил Тимур. — Во время штурма Сухума, когда запахло жареным, Шева драпанул из города, а хохлов-наемников, как и положено «кидале», кинул в бывшем здании Совмина. Долго они не продержались. Вместе с казаками из первой кубанской роты и бойцами армянского батальона мы выкурили их из подвалов. Те, кто уцелел, готовы

были живьем растерзать Шеву, но тут, как говорится, за что боролись, на то и напоролись.

— С ними все понятно. Хоть и говорили мы на одном языке, наемник — он и есть наемник. Свое они получили сполна, — сурово отрезал Гена и, внезапно помрачнев, с горечью произнес: — Самым же чудовищным стало то омерзительное предательство, которое, подобно грязи во время потопа, поперло из всех щелей человеческой души. Предавали, вешали, сжигали и грабили не какие-нибудь инопланетяне, а те, с кем рос, дружил и делил хлеб-соль! В тот день, когда грузины захватили Сухум, я был в Новом Афоне, а жена с сыном Дамиром, ему не исполнилось и двенадцати, остались в городе. Я оборвал все телефоны: просил, умолял бывших друзей-одноклассников (так получилось, что все они были грузинами), но четырнадцатого августа у них не нашлось для меня ни одного доброго слова. Чего мне стоило спасти жену с сыном, знают только те, кто прошел через эти девять кругов предательства и унижений.

В тот день я недосчитался многих друзей; что же говорить о тех, кто потерял родных и близких, на глазах которых бывшие соседи насильовали жену, дочь, истязали сына, тащили из дома все, что попадалось под руку. Прошло уже девять лет, как закончилась война, но и сегодня при одном только слове, произнесенном по-грузински, этих несчастных бросает в дрожь. Умом понимаешь, что с бывшим соседом-врагом рано или поздно придется жить в согласии, но сердцу не прикажешь!

— Проклятая война вывернула всех нас наизнанку! — с болью в голосе воскликнул Тимур, а затем тихо обронил: — Только дела и поступки имеют цену на ее безжалостных весах. Она раскрывает человека с самой неожиданной стороны. Да, было подлое предательство тех, кому доверял как самому себе. Но было и другое: тихое мужество и несгибаемая стойкость, казалось бы, обыкновенных ребят. И таких удивительных открытий за время войны случалось немало, но один случай запомнился мне особо.

Перед батальоном поставили задачу провести диверсию в тылу врага и уничтожить важный объект. Охраняли его серьезно, и шансов возвратиться было мало. Построил я бойцов

и вызвал добровольцев. Молодцы ребята — шагнули вперед все восемьдесят. И вот тут командиру мозгами раскинуть надо как следует: восемьдесят жизней на врага не спишешь и совесть свою потом ничем не отмоешь. Иду вдоль строя и читаю по лицам состояние бойцов — в такие минуты на них все написано. Первый десяток никаких сомнений не вызывал, отчаянные храбрецы, им не привыкать со смертью в кошки-мышки играть. Правда, троих пришлось отвести. Хотите — верьте, хотите — нет, но тот, кто воевал, подтвердит: по глазам увидел, что не жильцы они, а лишний раз смерть за собой водить ни к чему. Еще шестерых отобрал из молчунов: такие, как они, никогда не подведут, без шума и лишних слов любое дело до конца доведут. Из оставшихся, кто просто в ногу шагнул, взял двоих, и то только потому, что местность хорошо знали.

С рассветом, когда сон и усталость самого здорового с ног валят, перешли линию фронта. Обошлось без перестрелки и потерь; минеры и разведчики перед этим поработали как следует. А дальше началось хождение по мукам. На каждом шагу попадались патрули и посты, приходилось часами лежать, не шевелясь, на солнцепеке. Пока ползали по скалам, в кровь истерли локти и колени, а когда подобрались к объекту, неожиданно напоролись на засаду. Завязалась перестрелка. Слава богу, никого не потеряли, еле ноги унесли. Потом сутки в ущелье отсиживались, и вот тут кое-кто из лихачей зароптал. Поддержка пришла, откуда и не ждал. Заговорил молчун, обыкновенный сельский парень из горного села, кажется Псху, мимо такого в мирное время пройдешь и не заметишь. Вроде, ничего особенного и не сказал, но в его словах и взгляде была такая непреклонная решимость, что самые борзые быстро языки прикусили.

Сутки отсиживались в глухом ущелье, ждали, когда суматоха уляжется, а потом снова подобрались к объекту. Бой был короткий и жестокий, себя и патронов не жалели. Никому не требовалось объяснять, что грузины нас живыми отсюда не выпустят, и поэтому ребята старались в этой кровавой арифметике как можно больше вражеских душ записать на свой счет. Молчун дрался свирепо, а когда отходили, отстреливался до последнего

патрона, получил контузию, но помощи не просил, до самой передовой нес на себе раненого и пулемет, а когда пробились к своим, снова ушел в себя, как рак-отшельник.

— Вот на таких ребятах, как этот молчун, наша Абхазия и держится! — согласился Гена и затем, улыбнувшись, предложил: — Тимур, может, хватит о войне, расскажи что-нибудь жизнеутверждающее.

Тот призадумался, почему-то пристально посмотрел на Феликса и, сделав многозначительное лицо, таинственно произнес:

— Можно и жизнеутверждающее. Например, одну малоизвестную историю о Лаврентии Павловиче, которая произошла как раз на этой даче.

— О том товарище Берия, что у Никиты Сергеевича Хрущева вышел из доверия? — с некоторой опаской спросил Феликс.

— О нем самом, близком друге Жорика Габелии.

— Какого еще Жорика? — тут оживился уже дотошный Гена.

— Давайте не будем спешить, все по порядку — сначала выпьем по стаканчику «афонского», — продолжал разжигать наше любопытство Тимур.

Мы быстро опоржнили очередной кувшин прохладного вина, и все свое внимание сосредоточили на Тимуре. Зловещий Лаврентий Берия и его загадочный друг Жорик распалили нашу фантазию. Лида достала из сумочки диктофон и включила запись. Тимур резко вскинул руки и строго предупредил:

— Это не под запись, если хотите жить!

Она торопливо щелкнула переключателем, а мы, окончательно обескураженные, стали с тоской поглядывать на дверь.

— Я вас надолго не задержу, — успокоил Тимур. — Это короткая история. Произошла она вскоре после войны. Перед очередным заездом Хозяина на отдых, как водится, проверить объект приехали Берия и начальник личной охраны Сталина Николай Власик. Ужинали они в этом самом зале, за этим самым столом. Берия сидел на стуле, что сейчас занимает Феликс.

Все, как по команде, повернули головы в сторону Феликса, и, видимо, в наших глазах было что-то такое, отчего тот нервно заелозил на стуле и с вызовом произнес:

— Что, испугались?.. Я еще пока Феликс Цикутания, а не Лаврентий Берия.

— Слушай, ты только пять минут на месте Берия посидел и уже кем себя воображаешь! — возмутился Гена и предложил: — Тимур, отсюда надо уходить пока не поздно.

— Ну, хорошо, давайте пройдем в бильярдную, — не стал возражать тот.

Без большого сожаления мы оставили этот огромный и уютный зал, обошли дачу, поднялись на летний балкон и через боковую дверь вошли в бильярдную. После смерти Хозяина в ней мало что изменилось. Окна закрывали плотные шторы, мягкий свет светильников матовыми бликами отражался от поверхности великолепного бильярдного стола — настоящего произведения искусства. Прямо перед нами, на небольшом белом экране домашнего кинотеатра, сжавшись в кучку, поживались наши тени. У стен стояли столики. На одном лежала кем-то забытая книга, и сквозняк шаловливо поигрывал ее страницами. На другом в огромной хрустальной вазе высилась горка румяных яблок и золотистых апельсинов. Дверь во внутренние покои дачи поскрипывала от порывов ветра, и этот унылый звук невольно навевал тоску.

Пока мы осторожно прикасались к подлокотникам кресел, в которых когда-то сиживал Сталин и другие партийные вожди, с любопытством поглядывали на таинственную нишу в стене, затянутую темной шторой. Тимур собрал с полки шары, выстроил на столе классическую пирамиду, со знанием дела выбрал кий, склонился над бортом и легким, изящным движением закрутил «рыжего». Шар чуть коснулся середины пирамиды, стремительно скользнул по столу и нырнул в левую лузу.

— Мастерский удар! — не удержался от похвалы Феликс.

— Ну, какой я мастер, — отмахнулся Тимур, — даже Берии, а не то что Жорику Сухумскому, в подметки не гожусь. Вот он действительно был настоящим королем бильярда! — и, отложив кий в сторону, продолжил рассказ о визите Берии и Власика на дачу.

— После ужина они перебрались в бильярдную. Оба любили шары покатать, но после того, как Власик пару раз продул

всухую, Берия потерял интерес к игре. И тут вспомнил про Жору. Тот в это время в «Абхазии» очередного клиента «раздевал», и, вне всякого сомнения, пустил бы голым по набережной. Помешали этому волкодавы Берии: ворвавшись в зал, они скрутили руки ошалевшему от страха Жорику, запихнули его в машину и повезли в Новый Афон; остальных из бильярдной как метлой вымело. Потом в народе еще долго гулял слух, что Берия пересажал всех политических и взялся за бильярдистов.

Пока ехали в Афон, бедняга Жорик страху натерпелся на сто лет вперед и не раз успел с жизнью попрощаться, а когда живого Берия увидел, то вообще дар речи потерял. В себя пришел и начал соображать только тогда, когда в него графин вина влили и кий в руки сунули. В первых двух партиях Берия поймал кураж и разделал его под орех. Жорик, наивный, ослабился и стал подумывать, что одним испугом отделался. Но не тут-то было. Берия взорвался, выхватил пистолет, стал тыкать в нос и орать, что не позволит какому-то сухумскому «катале» «валять с собой ваньку». Жорик устал бояться и решил: раз помирать, так помирать с музыкой, и показал настоящий класс. Шесть шаров разложил по разным лузам, а два последних одним ударом развел по средним.

Берия долго пялился то на стол, то на Жорика. Затем опустил пистолет, налил полный стакан вина и приказал выпить. Жорик перекрестился, хоть безбожник был отъявленный, одним махом опрокинул стакан, закрыл глаза и отвернулся к стенке, чтобы гнусные рожи энкавэдэшников не видеть. Но выстрела не последовало, Берия спрятал пистолет в кобуру. Хотя и мерзавец он конченный, но уважал талант, и разрешил Жорику просить все, чего тот захочет. Бедняга то ли на радостях, что жив остался, то ли с пьяну, попросил найти того парня, с которым гонял шары в «Абхазии», чтобы доиграть партию до конца.

Отвезли Жорика обратно, но партия так и не состоялась. Парень зарекся брать кий в руки, и сам Жорик после игры с Берией тоже больше не подходил к бильярдному столу. Уже после смерти Сталина он как-то проговорился, что только на шар посмотрит, так ему рожа Берия мерещится, а кий, словно стопудовый лом, из рук валится.

— Хорошо, что один кий, могло отвалиться что-нибудь и посущественней, — хмыкнул Гена.

— Хреновое это место, дача Сталина. От теней прошлого даже сегодня мурашки по коже бегают, — произнес Феликс, нервно повел плечами и предложил пройти в парк.

— Действительно, есть здесь что-то от дьявола. Бывало, день потолкаешься, а к вечеру всякая чертовщина уже мерещится, — согласился Тимур, положил кий на полку и двинулся к выходу. Вслед за ним мы вышли во двор, миновали бассейн с фонтаном, обогнули самую первую, деревянную, дачу Сталина и остановились перед каменной лестницей.

— У дьявола, как сказал Феликс, побывали, теперь осталось заглянуть в рай, — пошутил Гена.

— Рай не рай, но место замечательное. Правда, придется слегка попотеть, но зато потом не пожалете, — ответил Тимур и шагнул вперед.

Дорожка круто пошла в гору. По истертым временем и непогодой ступеням, вырубленным в скале, мы начали взбираться вверх. С каждым шагом повороты становились все круче, а проход уже. Лестница, подобно гигантской змее, начала скручиваться в тугую спираль. Над головой навис и гнулся к земле плотный шатер из орешника и одичавшего винограда. Мрачные каменные теснины подступали все ближе и сжимали в невидимых тисках. Дыхание сбилось, а сердце начало стучать, словно кузнечный молот. Ноги налились свинцовой тяжестью и стали цепляться за ветки терновника. Мы с тоской смотрели в спину Тимур, продолжавшему вести нас к вершине, и кляли себя в душе за то, что так легкомысленно расстались с уютными диванами и восхитительным афонским вином. Кажется, что этой лестнице в поднебесье не будет конца. Но постепенно липкий полумрак рассеялся, и в конце зеленого тоннеля нежно-голубым пятном забрезжило небо. Тимур прибавил шаг. И мы, напрягая последние силы, устремились наверх, к солнцу и теплу. Через несколько минут выбрались на крохотную, всего в несколько метров, смотровую площадку и потеряли дар речи.

В Абхазии великое множество изумительных по своей красоте мест, которые поражают самое буйное воображение,

заставляют трепетать самое холодное сердце и восхищают взор самого закоренелого скептика. Господь, создавая мир, по-видимому, нигде не был так щедр, как у стен Новоафонского монастыря, и сотворил здесь воистину земной рай.

Мы несмело шагнули к венецианской беседке, которая чудом держалась на выступе скалы. Ее изящные белые колонны и бирюзовый купол, казалось, были созданы из этого хрустально-чистого горного воздуха и бесконечного неба. Она парила в дрожащем знойном мареве и походила на волшебное облачко. Тимур решительно ступил на потрескавшийся мраморный пол беседки. Мы присоединились к нему и невольно ухватились за хрупкие перила.

Охватившее нас в первое мгновение оцепенение сменилось бешеным восторгом. В разверзнувшейся под ногами заораживающей бездне алмазной тетивой от Нижних Эшер до подножия знаменитой Анакопийской горы сверкала и искрилась кромка морского прибора. По концам этого гигантского лука тугими узлами вспучилась гряда прибрежных скал. Отсюда, с высоты орлиного полета, диковинными малахитовыми пряжками выглядели кроны величественных гималайских кедров и средиземноморской сосны, разросшихся между каменных разломов. За западным мысом, в туманной морской дали, диковинными айсбергами-многоэтажками угадывалась красавица Гудаута.

Под нами, на склонах гор, широко и привольно раскинулись оливковые и мандариновые сады. Ниже, у морской кромки, начиналось настоящее царство субтропиков и буйство красок. Серебром отливали на солнце столетние эвкалиптовые рощи. Напоминали громадные зонтики тропические пальмы, густо разросшиеся по берегам озера и вдоль приморского шоссе. Зелеными свечками взметнулись к небу строгие кипарисы. Они, словно часовые вечности, выстроились в почетном карауле к могиле Симона Кананита. Огненно-красными кострами пылали кусты олеандра в парках и скверах. Но самым драгоценным брильянтом в этой природной короне Абхазии являлся Новоафонский монастырь.

Он устоял перед натиском времени и людским беспамятством. В его стенах, как и сто лет назад, вновь возрождается дух

веры, правды и любви. Под величественными сводами собора звучат голоса пока еще одиннадцати подвижников: русских, абхазцев, украинцев и грузина. Они снова несут миру вечные слова, которые тысячу лет назад на этом месте произнесли великие ученики Христа: Андрей Первозванный, Иоанн Златоуст и Симон Кананит. На вершине этой скалы, вознесенной к самому поднебесью, кажется, что даже само время, никому не подвластное, смиряет свой бег перед его величеством Великим Словом. Словом, перед которым выглядят такими жалкими тщеславие и властолюбие тиранов, возомнивших себя повелителями и вершителями судеб целых народов. Все они превратились во вселенскую пыль, по которой сегодня без трепета ступают бывший телохранитель Нестора Лакобы — Давлет Чантович Кандалия и лихой разведчик Батал Ахба, медсестра Тали Джопуа и историк Олег Бгажба, славный юноша Тимурчик и его тезка, отважный комиссар, строитель, пожарный и просто замечательный рассказчик Тимур Папба.

Сухой металлический щелчок заставил нас вернуться с небес на грешную землю. Тимур вытащил из кармана куртки садовый секатор и угрожающе поигрывал им. Мы с недоумением переглянулись. На его лице появилась знакомая лукаво-добродушная улыбка.

Первым нашелся Гена и шутливо заметил:

— Стоп! Обрезать ничего не надо — тут все христиане.

— Это не моей части. Я только крылья подрежу, а то некоторые вот-вот в ангелов превратятся, — в тон ему ответил Тимур.

Гена хмыкнул и с иронией сказал:

— Тогда начинай с Феликса: если такой ангел, как он, в раю появится, то через день от него одно название останется. Под каждым кустом будут стоять ларьки, вино польется рекой, а тебе, Тимур, снова придется в пожарники податься.

Феликс наморщил лоб, почесал редкие седины, оценивающим взглядом окинул окрестности и, обняв Тимура за плечи, проникновенно заговорил:

— А знаешь, может даже неплохо получится. Вот что значит святое место — даже в милицейские головы приходит просветление. — И, не обращая внимания на сердитое бурчание

Гены, принялся развивать свой план. — Дачу Сталина отведем под винный склад, и без сторожей обойдемся — Усатый одной своей тенью ворье отпугивать будет. Разливочный цех соорудим в пещере, холод там собачий, и даже такому бугаю, как Гена, больше пол-литра за раз не выпить.

Тот возмутился, но Феликса это не смутило, и он вдохновенно продолжал:

— С несунами вообще никакой проблемы не вижу. Выход из пещеры знаешь только ты, Тимур, и, насколько мне известно, в последнее время крепче воды ничего другого не пьешь. Ну, а с торговыми рядами голову вовсе ломать не надо, поставим на месте заправок, в них и так наполовину бензин с менгрельским вином. А вот когда это все закрутится и начнет капать копейка... — здесь Феликс сделал многозначительную паузу, затем подмигнул Тимур и сказал: — И вот тут появишься ты, Тимур, весь в брезенте, с каской на голове и огнетушителем в руках. Огнетушитель цепляешь на каждый ларек, а их тут от «Поплавка» до пещеры будет тьма-тьмушая, но главное, не забудь пломбы сделать из воска. К вечеру деньги сами потекут в карман, даже самый скользкий клиент с ними окажется у нас в руках. Пройдет неделя, мы озолотимся и тогда...

У Гены иссякло терпение, и он решительно перебил этот полет буйной фантазии:

— Феликс, ты про мою вневедомственную охрану не забывай! Кто вас с таким богатством охранять будет?!

Все это время Тимур хранил глубокомысленное молчание, затем с грустью посмотрел на Гену, перевел взгляд на Феликса, тяжело вздохнул и с сожалением сказал:

— Слов нет, план хорош, чертовски хорош, но имеется одна досадная мелочь, которая сводит все на нет.

— Ерунда! Что не решим, то купим, в раю не все святые! — самоуверенно заявил Феликс.

— Не знаю как в раю, но на весь Афон всего один огнетушитель остался, да и тот сто лет назад монахи использовали, — с усмешкой сказал Тимур.

Наш дружный смех вспугнул стаю птиц, гнездившихся в кроне раскидистого платана, и раскатистым эхом пошел гулять

среди скал. Тимур ободряюще похлопал по плечу приунывшего Феликса, спрятал секатор в карман куртки и направился к лестнице. Мы в последний раз полюбовались восхитительной панорамой и присоединились к нему.

Я шагал за Тимуром и невольно задавался вопросом: что держит его, энергичного, деятельного и, вне всякого сомнения, талантливого человека на этой чахнувшей в забвении даче Сталина, вырождающихся из-за отсутствия рабочих рук оливковых и мандариновых садах, среди обломков прошлых цивилизаций, интересных только специалистам и энтузиастам? Что дает ему силы при грошовой зарплате приезжать сюда из Сухума и вместе с малочисленной бригадой отвоевывать у дикой природы парк с редчайшими породами деревьев и цветов, сохранять наперекор безжалостному времени и равнодушию чиновников реликвии прошлого?

И, не в силах сдержать свое любопытство, я задал Тимурю эти вопросы. Он приостановился и после паузы потеплевшим голосом заметил:

— Не сочти за банальность, но, действительно, не все измеряется деньгами и должностями. Я это понял на войне раз и навсегда. Ты возразишь, и, наверно, будешь прав. Да, сейчас пришло другое время, и каждый выкручивается, как может: один делает копейку на кукурузе, другой, у кого есть связи за Псоу, рубль — на мандаринах, а третий ворочает миллионами, загоняя лес в Турцию. Как говорится, каждому — свое. Я тоже кручусь, чтобы в доме было не хуже, чем у других, и для гостя всегда нашлись хлеб-соль. Но если для этого потребуются переступить через друга или на время забыть про совесть, то такое не по мне. Конечно, можно вернуться обратно в пожарку, и, как сказал Феликс, со своим огнетушителем быстро подняться. Но не могу! Потому что душой прикипел к Новому Афону. Здесь я живу в согласии с самим собой. Здесь мой Храм Души — эти горы, море, небо и мои ребята.

Йошкар-Ола — Сухум. 2010 г.

Содержание

События, потрясшие Кавказ.....	5
ОЧЕРКИ.....	9
От картлийских царей до меньшевистских вождей.....	11
Маленький прожорливый хищник.....	27
Расцветай под солнцем, Грузия моя.....	33
«Белый лис» на тропе войны.....	40
«Белый лис» уже не тот.	
В бой идут «розовые» бойскауты.....	51
Капкан для президентов.....	60
«Гуляй-поле».....	71
Прощай, «малая империя».....	78
Без совести и чести.....	84
От кнута к прянику.....	100
РАССКАЗЫ.....	115
Между молотом и наковальней.....	117
Исход.....	146
Хождение по мукам.....	164
Горький хлеб чужбины.....	183
Махаджирь. Возвращение домой.....	203
Посланник из прошлого.....	230
Оборотни.....	254
Молох.....	278
Абхазские мадонны.....	302
Храм души.....	327

Лузан Николай Николаевич

ГРУЗИЯ: УТРАЧЕННЫЕ ИЛЛЮЗИИ

Редактор *А. П. Аристов*
Выпускающий редактор *Е. И. Рычкова*
Художественное оформление *А. П. Зарубин, Е. И. Виноградова*
Компьютерная верстка *И. В. Белоусенко*
Корректор *С. Мозалева*

Издательство «Кучково поле»
123022, г. Москва, ул. Красная Пресня, 28, оф. 554.
Тел./факс: (499) 255 93 49; (499) 255 96 22.
E-mail: kuchkovopole@mail.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 15.07.11. Формат 84×108/32.
Усл. печ. л. 18,48. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ № .

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.
Факс: (8332) 53 53 80, 62 10 36
www.gipp.kirov.ru
E-mail: pto@gipp.kirov.ru

